

ЛАПУШКА ТЫ НЕСТЫДІСА: ЮПКУ ПОВЫШЕ ПОДНАТЬ ПОДЩИСА
КОЛІ НЕКУДЫ ОТСТУЖІ ДЕТЦА І ТОІ ТАМЪ МОЖНО ПОГРЕТЦА:
НЕБУДЕТЪ НЕКАКОІ СКУКІ: ВОЗМИ ВАРЕШКИ ВРУКИ:
ІСТИННО МОИ ПРИРОДНЫЕ: ТАКЪ СКАЗАТЬ ЧТО САМА РОДНЫ
ТАКТА ТЫ МЕНА ПОКИДАШЪ: А ДУЖЕ ДРУГУЮ ПРИНИМАЕШЪ
А КАЖЕЦ А ТЕБА ЛЮБІЛА: НЕХУЖЕ ТОІ ВОВСЕМЪ СЛУЖИЛА:
ПЕРЕСТАНЬ БАТКА ДАВАТИ СКУКУ: ВЫНЬ ІС ПОДЪ ЮПКИ РУКУ:
КОГДА ХОЧЕШЪ ВЕСЕЛИТЦА: ІЗВОЛЬ ХОТЬ ПОДЪ ЮПКУ ПОДБІТЦА
НЕТЪ НЕЧЕВО ЧТО МОКРЕНКО: А ДУЖЪ ОЧЕНЬ ТЕПЛЕНКО.
ЗНАЮ ВАШУ ОСОБУЮ ЧЕСТЬ. ЕСТЬ ТАМЪ ТЕПЛА ШЕРСТЬ:
МОЛЧИ ДРУЖЕКЪ НЕ ОТБУДЕШЪ: И ТЫ ВСКОРЕ ПРІ МНЕ БУДЕШЪ:
МНЕ ВЫ ВМЕСТО ДАРУ: ЧТО СЫСКАЛЪ СЕБЕ ПАРУ: ИНОЧЪ Ю ПО
БУДУ ВАМИ ЗАБАВЛАТ ЦА:
ВСЮДУ КАТАТЦА

134.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ

СОБРАЛЪ И ОПИСАЛЪ

Д. РОВИНСКІЙ.

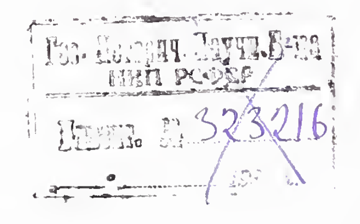
Книга V.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ И АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ. Іюнь 1881 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

I.

Народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ. Начало этого способа гравированія въ Европѣ; дешевыя картинки для народа: апокалипсисы, библіи для бѣдныхъ, космографіи. Начало гравированія на деревѣ въ Россіи въ 1564 году; первыя летучія картинки: «темница святыхъ осужденныхъ 1627 года и преподобная Акилина; гравированныя изданія: библія монаха Ильи (1646—1662 гг.), апокалипсисъ іерея Прокопія, картинки изъ Печерскаго патерика; библія и апокалипсисъ Кореня 1696 года; картинки большаго размѣра. **Гравированіе на мѣди**—въ Европѣ и у насъ. Граверы-серебреники: Трухменскій, Андреевъ и Л. Бунинъ. Иконописецъ Симонъ Ушаковъ (1663 г.). Букварь Каріона Истомина. Кіевскіе граверы. Гравюра при Петрѣ I; Голандскіе мастера: Адріанъ Шхонебекъ и Петръ Пикаръ; ученики ихъ: Алексѣй и Иванъ Зубовы, Матвѣевъ, Мякишевъ, Любецкій, Ростовцевъ; библіотекарь Василій Кипріяновъ. Уничтоженіе Петербургской типографіи; русскіе граверы обращаются къ производству народныхъ картинокъ, ради хлѣба. Мартынъ Нехорошевскій, Скобелкинъ, Тихоміровъ и Пастуховъ, работавшіе въ половинѣ XVIII вѣка; мастеръ Чуваевъ. Ахметьевская фабрика народныхъ картинокъ; фабрики Логинова и другихъ мелкихъ торговцевъ; фабрика Голышева. Картинки, печатавшіяся въ Почаевѣ, Кіевѣ и Соловецкомъ монастырѣ.

Народныя картинки наши производились двумя способами: или рѣзались обронно на липовыхъ и оловянныхъ доскахъ, для печатанія на простомъ типографскомъ

станкѣ, или же гравировались на мѣдныхъ доскахъ вглубь, посредствомъ грабштихеля (рѣзца) и крѣпкой водки.

Печатаніе картинокъ деревянными досками было извѣстно въ Европѣ съ давняго времени; есть ученые, которые возводятъ попытки этаго гравированія до XII вѣка; затѣмъ старѣйшая гравюра на деревѣ, изображающая св. Христофора, несущаго младенца Спасителя черезъ рѣку, помѣчена 1423-мъ годомъ. Въ первые вѣка своего существованія гравюра оставалась на степени простаго ремесла; все вниманіе граверовъ было обращено не на художественное исполненіе картинокъ, а на ихъ содержаніе: гравюра служила прежде всего общественнымъ нуждамъ и потребностямъ. Слѣдя за религіозными требованіями народа, она доставляла ему дешевыя изображенія почитаемыхъ имъ святыхъ: цѣлыя изданія Апокалипсиса (шесть изданій, отъ 48 до 50 листовъ въ каждомъ) и Библіи (Кельнская 1470 и Библія бѣдныхъ 1475 г.), разныя легенды о крестѣ, страшномъ судѣ, антихристѣ, лицевыя изображенія молитвъ, страстей Спасителя и Апостоловъ. Отзываясь на нравственныя потребности народа, и преимущественно неученыхъ людей, — гравированіе сочиняло пляски смерти, десять заповѣдей для неученыхъ людей, зеркало человѣческаго спасенія, ars moriendi... Для удовлетворенія житейскимъ потребностямъ народа — гравированіе на деревѣ произвело дешевыя игральныя карты, дешевыя сатирическія сочиненія, каковы: книга о восьми плутовствахъ, басня о больномъ львѣ, жалоба противъ смерти, тяжба человѣка со смертію. Наконецъ для удовлетворенія научнымъ потребностямъ народа, гравированіе произвело для него виды городовъ, описаніе столицы католическаго міра Рима, хиромантію и первую космографію Птоломея. Словомъ, гравюра на деревѣ старалась замѣнить для народа, и въ особенности для бѣдныхъ (Biblia pauperum)

и неученыхъ (10 заповѣдей для неученыхъ людей), тѣ дорогіе манускрипты и миніатюры, которые, по своей дороговизнѣ, были доступны для однихъ богатыхъ, и дѣлали изъ науки и знанія достояніе немногихъ избранныхъ.

Удовлетворивъ первымъ нуждамъ народа, гравированіе на деревѣ уступило мѣсто свое имъ же созданному книгопечатанію, которое вполнѣ замѣнило его на этомъ поприщѣ, и послужило къ распространенію въ народѣ знанія и грамотности еще съ большею легкостію и дешевизною. Въ концѣ XV-го вѣка гравюра на деревѣ переходитъ мало-помалу въ область художества. Рисунки на деревянныхъ доскахъ дѣлаются знаменитыми живописцами того времени — Дюреромъ, Гольбейномъ и др.; прежніе же граверы ремесленники, употребляются только для самаго процеса гравированія, т. е. для вырѣзки сдѣланныхъ на доскахъ рисунковъ.

Въ Россіи гравированіе на деревѣ появилось въ одно время съ книгопечатаніемъ—во второй половинѣ XVI-го вѣка, т. е. въ то время, когда оно уже находилось въ Европѣ на высокой степени своего развитія; но здѣсь гравированіе явилось въ видѣ чисто прикладнаго искуства, и получило совершенно другой ходъ, чѣмъ на Западѣ.

На Западѣ оно началось, какъ уже было сказано, въ видѣ отдѣльныхъ листовъ съ разными изображеніями духовнаго содержанія и вслѣдъ за тѣмъ въ видѣ цѣлыхъ книгъ, отпечатанныхъ деревянными досками и назначенныхъ преимущественно для народнаго употребленія. Въ Россіи первая гравюра на деревѣ, изображающая евангелиста Луку, появилась въ видѣ приложенія къ первой, напечатанной по царскому повелѣнію въ Москвѣ, книгѣ (Апостолъ 1564 года); отдѣльные же гравированные листки появляются гораздо позже, во второй четверти XVII-го столѣтія, и то въ самомъ незначительномъ ко-

личествѣ [1]) — они описаны въ III книгѣ подъ нумерами: 772, Темница святыхъ осужденныхъ — большая гравюра въ листъ, въ ширину, вырѣзанная на оловянной доскѣ и помѣченная 1629 годомъ, и 1346, Преподобная Акилина, такой же работы, помѣченная 1627 годомъ — обѣ Кіевскаго мастерства [2]); за этими картинками идутъ уже цѣлыя книги: Апокалипсисъ іерея Прокопія (№ 818), большая Библія Кіевскаго гравера монаха Ильи (1646—1662 гг.) (№ 809), тетрадка съ отдѣльными картинками изъ Кіево-Печерскаго Патерика изданія 1663 года (№ 1519); но всѣ вышепоименованныя картинки гравированы такъ называемымъ книжнымъ maнepoмъ, т. е. тѣми самыми пріемами, которые употреблялись граверами при исполненіи картинокъ для книгъ. За тѣмъ къ самымъ раннимъ, чисто народнымъ картинкамъ, какъ по большому формату своему, такъ и по топорной работѣ, весьма схожей съ старыми народными картинками, гравированными на деревѣ въ XVIII вѣкѣ, должны быть отнесены лицевыя изображенія изъ Библіи и Апокалипсиса, рѣзанныя въ 1696 году граверомъ Коренемъ по рисункамъ мастера Григорія (№ 810). Съ этого времени, въ продолженіе всего XVIII вѣка, тянется непрерывный рядъ народныхъ картинокъ на деревѣ тойже топорной работы [3]). Въ позд-

---

[1]) Ровинскій, Русскіе граверы и ихъ произведенія. Москва 1870, стр. 3, 4 и 9. О разныхъ способахъ гравированія см. приложеніе 1-е въ концѣ этого заключенія.

[2]) По свидѣтельству Кильбургера (1674 года), въ типографіяхъ Московской и Кіевской, кромѣ церковныхъ книгъ, печаталось много образовъ и эстамповъ на деревѣ (Краткое извѣстіе о Русской торговлѣ.... въ 1674 году. Спб. 1820, стр. 183); однакоже въ дѣлахъ Московской типографіи о печатаніи какихъ либо отдѣльныхъ картинокъ, кромѣ антиминсовъ, до начала прошедшаго вѣка не упоминается (Румянцевъ, въ моей книгѣ—Русскіе граверы, стр. 361).

[3]) Преимущественно свѣтскаго содержанія, такъ какъ продажа духовныхъ листовъ, рѣзанныхъ на деревѣ, была запрещена указомъ 6 ноября

нѣйшее время народныя картинки рѣдко гравировались на деревѣ, такъ какъ при длинныхъ текстахъ, которые требовались современными покупателями, несравненно удобнѣе было производить ихъ на мѣдныхъ доскахъ при посредствѣ рѣзца и крѣпкой водки.

Гравированіе на мѣди, въ противуположность гравированію на деревѣ, съ самаго начала своего сдѣлалось достояніемъ художества, какъ на Западѣ, такъ и у насъ; уже въ первой половинѣ XVI вѣка оно стало и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Нидерландахъ на высокую степень совершенства, такъ какъ въ то время не только граверы по ремеслу, но и почти всѣ знаменитые живописцы занимались гравированіемъ на мѣди,—одни крѣпкой водкой, а другіе и рѣзцемъ. Первый памятникъ этого искуства у насъ,—доска для красиваго заглавнаго листа къ ученію о ратномъ строѣ, сдѣлана по царскому заказу въ Голландіи, въ 1647 году; нѣсколько лѣтъ спустя появляются образцы и русскаго художества по этой части.

Первыми русскими граверами были знаменщики или рисовальщики Серебряной Палаты, составлявшей отдѣленіе Оружейной Палаты. Эти знаменщики дѣлали рисунки для травъ (украшеній), фигуръ и подписей, которыя вырѣзывались на всѣхъ предметахъ тогдашняго царскаго обихода; нѣкоторые изъ нихъ были и сами граверами. Въ то время для управленія работами, а равно и для обученія русскихъ учениковъ разнымъ искуствамъ, — въ томъ числѣ вѣроятно и граверному, — постоянно вызывались иностранные мастера. Въ числѣ первыхъ русскихъ, Московскихъ граверовъ встрѣчаются имена: Аѳа-

---

1760 года. Въ 1766 году академикъ Штелинъ купилъ у Спасскихъ воротъ цѣлую коллекцію лубочныхъ картинокъ, въ числѣ которыхъ находились: житіе Іосифа, притча о Лазарѣ, трапеза благочестивыхъ и нечестивыхъ и нѣк. др. картинки духовнаго содержанія. Изображеній Спасителя, Богоматери и святыхъ въ этомъ собраніи небыло.

насія Трухменскаго и ученика его Василія Андреева, работавшихъ въ тонкой манерѣ Садлеровъ; знаменьщика Серебряной Палаты Леонтія Бунина, и наконецъ знаменитаго царскаго изографа, живописца-гравера Симона Ушакова, награвировавшаго собственноручно двѣ доски крѣпкой водкой (См. въ III кн. №№ 1056 и 778). Въ III-й книгѣ помѣщенъ почти полный перечень всѣхъ произведеній Аѳанасія Трухменскаго и Василія Андреева; а во II-й кромѣ того описана гравюра сего послѣдняго. необыкновенно мелкой работы: „листъ сошнаго письма“ (№ 655). Плодовитый граверъ Леонтій Бунинъ, кромѣ множества отдѣльныхъ листковъ, награвировалъ цѣлыя книги: букварь Каріона Истомина (№ 679) и Синодикъ (№ 799).

Изъ числа Черниговскихъ и Кіевскихъ граверовъ въ наше описаніе попали: Леонтій Тарасевичъ, извѣстный по гравированному имъ портрету Царевны Софьи съ Царскимъ титуломъ, надѣлавшимъ столько шуму въ Петровское время (Русск. грав., стр. 27), Инокентій Щирскій, и плохіе мастера: Галаховскій, Стржлбицкій, Самуйловичъ и двое Гошемскихъ; награвированныя ими картинки легко прослѣдить по алфавитному указателю (подъ ихъ именами).

При вступленіи на царство Петра Великаго гравированіе на мѣди находилось въ Москвѣ въ совершенномъ упадкѣ: хорошій граверъ Аѳанасій Трухменскій состарѣлся, ученикъ его Василій Андреевъ гравировалъ въ небольшихъ размѣрахъ, да съ 1690 года имени его мы вовсе и не встрѣчаемъ.

Между тѣмъ Петръ былъ страстный любитель праздниковъ и тріумфовъ всякаго рода: выигрывалась ли баталія, — онъ дѣлалъ торжественные въѣзды, выбивалъ медали; заключался ли миръ,—спускались фейерверки, и строились тріумфальныя ворота: въ мирное время онъ придумывалъ освященіе крѣпостей и шутовскія свадьбы,

и т. д. Очень естественно, что Петру хотѣлось, чтобы и въ Европѣ знали о его славныхъ подвигахъ, а также и о его забавахъ. Для этого ему необходимы были граверы [4]). Вотъ почему Петръ, еще во время перваго путешествія своего за границу, пригласилъ въ Россію находившихся въ то время въ Амстердамѣ граверовъ Адріана Шхонебека и Петра Пикара.

Шхонебекъ зналъ много языковъ, былъ довольно образованный, но очень хвастливый человѣкъ; въ просьбѣ, поданной имъ въ Амстердамѣ русскому послу Головину (въ декабрѣ 1697 года), онъ описываетъ познанія свои въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „азъ отъ юности своея обученіе имѣлъ ознаменительному художеству и рѣзанію на мѣди научитися, и въ томъ до того пришелъ, что мнѣ все что азъ вижу или въ мысль беру безъ образца назнаменовать и на мѣди рѣзать возможно; азъ искусенъ болши нежели другой кто рѣзатель на мѣди когда былъ“, и т. д.— все въ томъ же тонѣ. Описавъ такими красками свою „доброту“, Шхонебекъ соглашался ѣхать въ Москву „грыдоровать для Царя гисторіи, персоны, ланшафпы, городы, строенія, земныя и морскія карты, знаменить улицы, крѣпости и домы, печатать указы, сочинять рисунки для огнестрѣльныхъ потѣхъ, огородныхъ рядовъ, украшенія караблей, каретъ и саней, и что еще къ назнаменительному художеству принадлежитъ и къ украшенію надлежитъ и иные дѣла, которые по власти случая приключиться могутъ“. За все за это Шхонебекъ просилъ, по примѣру недавно умершаго въ Стокгольмѣ его товарища,

---

[4]) Онъ самъ писалъ объ этомъ Сенату въ указѣ объ учрежденіи Университета и Академіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «безъ живописца и градировальнаго мастера обойтися невозможно будетъ, понеже изданія, которыя въ наукахъ чиниться будутъ (ежели оныя сохранять и публиковать), имѣютъ рисованы и градированы быть. «Полное собраніе законовъ, VII. № 4443).

пожаловать его жалованьемъ, 1000 эфимками въ годъ, и по обѣщанію „нарочитымъ домомъ, въ которомъ бы съ женою своею возмогъ жить, купно съ хлѣбомъ и иными прибытками“, выговаривая при этомъ, чтобы ему въ свободное время отъ царскихъ дѣлъ „книги печатать и доски гравировать на себя, и къ прибыли своей продавать“. Въ заключеніе Шхонебекъ просилъ дать ему „честная титла, которая ни во что не станетъ, сирѣчь библіотекаріусъ и надворый рѣзчикъ Его Царскаго Величества“.

13 Мая 1698 г. Шхонебекъ принятъ на царскую службу, а 10 октября явился въ Оружейную Палату съ указомъ боярина Головина, по которому велѣно давать ему въ годъ жалованья по 600 эфимковъ, да хлѣба по 20 четвертей, да постоялый дворъ, и отдать ему для обученія трехъ или четырехъ учениковъ.

Вслѣдствіе чего отданы ему въ 1699 г.: Петръ Бунинъ, иконописецъ, состоявшій у печатанія гербовой бумаги, и Алексѣй Зубовъ; а въ 1701 году иконописецъ Василій Ильинъ Томиловъ.

Другой голандскій граверъ Петръ Пикаръ работалъ въ Россіи уже съ 1697 года; Штелинъ увѣряетъ, что Петръ Великій обращался съ нимъ какъ съ товарищемъ, и ѣздилъ съ нимъ въ однихъ саняхъ во время прогулокъ. До 1708 года Пикаръ находился въ вѣдѣніи Оружейной Палаты въ Москвѣ, въ которой въ то же время состоялъ „первымъ въ мѣди изографомъ“ Адріанъ Шхонебекъ. Съ 1708 г. Пикару велѣно быть, съ учениками его Томиловымъ и Ив. Зубовымъ (прежде учениками Шхонебека), „грыдорованнаго дѣла мастеромъ“ на печатномъ дворѣ въ Московской типографіи. При немъ же состоялъ и бывшій ученикъ Шхонебека — Петръ Бунинъ. Здѣсь Пикаръ заваленъ былъ гравированіемъ мелочныхъ чертежей къ разнымъ книгамъ. Въ 1714 году Пикаръ высланъ во вновь учрежденную типографію въ Петер-

бургъ, гдѣ при немъ работали: Алексѣй Зубовъ (называвшійся тоже мастеромъ) и А. Ростовцевъ, съ которыми Пикаръ награвировалъ въ 1718 г. книги: кунсты садовъ на 26 листахъ и кунсты корабельные на 10 листахъ, а также и менѣе извѣстные ученики: Мякишевъ, Матвѣевъ и Любецкій. Въ 1727 году Петербургская типографія закрыта, Пикаръ отъ должности мастера грыдорованнаго дѣла уволенъ и кончилъ жизнь въ крайней бѣдности, около 1732 года.

Оба эти мастера были плохіе рисовальщики и плохіе граверы; Шхонебекъ учился своему мастерству у голандца Ромейна де Хогхе (Romyn de Hooghe) и вполнѣ усвоилъ его манерность въ сочиненіи; Пикаръ подражалъ Шхонебеку и изготовлялъ свои гравюры съ чрезвычайною неряшливостью. При такихъ учителяхъ недалеко ушли и русскіе ученики ихъ. Изъ учениковъ Шхонебека заслуженную извѣстность пріобрѣли одни Зубовы.

Алексѣй Зубовъ, котораго Шхонебекъ брался съ самаго начала выучить въ три года всему, что̀ самъ зналъ, сдѣлался въ скоромъ времени замѣчательнымъ (относительно) граверомъ, помогалъ Шхонебеку во всѣхъ его работахъ, и самъ награвировалъ множество большихъ листовъ, въ которыхъ, въ техническомъ отношеніи, почти сравнялся съ своимъ учителемъ. Лучшія изъ его произведеній, это: огромный видъ Петербурга, гравированный имъ въ 1727 г. на восьми доскахъ, въ пару огромному виду Москвы, награвированному около 1714 года Петромъ Пикаромъ (IV. 480). Видъ этотъ гравированъ съ большою силою и свободою; вода, воздухъ и строе́нія выполнены въ немъ весьма удовлетворительно, но въ рисункѣ фигуръ А. Зубовъ далеко ниже Шхонебека и даже самаго Пикара.

Другой Зубовъ, Иванъ, начавшій свое обученіе то же въ мастерской Шхонебека и продолжавшій оное подъ надзоромъ Пикара, награвировалъ множество довольно

хорошихъ досокъ, портретовъ: видовъ и тезисовъ; въ томъ числѣ чрезвычайно рѣдкіе листы: видъ села Измайлова и портреты Петра I и Екатерины I, съ К. Моора.

Граверы, состоявшіе при Пикарѣ: Матвѣевъ, Мякишевъ и Любецкій, не произвели ничего замѣчательнаго. Монограмы ихъ находятся на отвратительно вырѣзанныхъ картинкахъ къ Овидіевымъ Превращеніямъ, изданнымъ въ Петербургѣ въ 1722 году. Именъ Томилова и П. Бунина на гравюрахъ начала XVIII вѣка мы не встрѣчаемъ вовсе. Несравненно замѣчательнѣе сихъ послѣднихъ, по огромному числу выполненныхъ имъ чертежей и картъ, былъ Алексѣй Ростовцевъ, учившійся гравировкѣ въ Москвѣ, у библіотекаря Василія Кипріанова, и гравировавшій вмѣстѣ съ нимъ доски стѣннаго Брюсова календаря. Ростовцевъ въ 1726 г. прекрасно скопировалъ двѣ баталіи съ гравюръ Лармесена, и участвовалъ почти во всѣхъ изданіяхъ, вышедшихъ подъ надзоромъ Пикара.

Кромѣ того при Пикарѣ гравировали: въ бытность его въ Москвѣ—Михайло Карновскій, а въ бытность его въ Петербургской типографіи—Григорій Павловичъ Тепчегорскій. Оба они извѣстны гравированіемъ богословскихъ тезисовъ въ огромныхъ размѣрахъ. Карновскій гравировалъ довольно бойко, подражая Шхонебеку; Тепчегорскій держался ближе манеры Пикара; кромѣ тезисовъ, перечисленныхъ въ Словарѣ, выгравированы имъ: Святцы (12 листовъ) и житіе Алексѣя человѣка Божія; послѣднее по работѣ имѣетъ большое сходство съ вещами Пикара.—Въ одно время съ ними работалъ Иванъ Стекловскій, бывшій живописецъ ландшафтнаго дѣла при Оружейной Палатѣ. Его тезисъ и другіе листы гравированы и рисованы весьма плохо, непривычнымъ и нечистымъ рѣзцомъ.

Ни одинъ изъ этихъ мастеровъ, принадлежавшихъ къ одной и той же Шхонебековой школѣ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Стасовъ (разб. 30), не проявилъ качествъ самостоятельныхъ: они всѣ принадлежали какъ бы къ одной большой фабрикѣ, гдѣ стерлась личность, гдѣ всѣ копируютъ одинъ съ другаго, или съ учителя, или съ западныхъ образцовъ, и отличаются одинъ отъ другаго лишь степенью отрицательныхъ качествъ.

Съ уничтоженіемъ Петербургской типографіи въ 1727 году и съ прекращеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ казенныхъ работъ и казеннаго содержанія, лучшіе граверы тогдашніе, старикъ Пикаръ и Алексѣй Зубовъ, уволены. Въ томъ же году уволенъ изъ Московской типографіи и Иванъ Зубовъ, съ тѣмъ, что если въ немъ и въ другихъ граверахъ будетъ надобность, то нанимать ихъ временно, а не держать на постоянномъ жалованьи (Пекарскій, Наука и Лит., II. 652). Съ этихъ поръ Зубовы, не имѣя возможности производить за свой счетъ, безъ вѣрной надежды на сбытъ, большія и цѣнныя доски, принялись работать для дневнаго пропитанія. Въ 1732 году Алексѣй Зубовъ работаетъ уже въ Москвѣ, и копируетъ картинки изъ Голандской Библіи 1674 года, изъ которой копировалъ первый листъ, сошествіе Св. Духа, принесенный имъ въ 1701 году въ Оружейную Палату, въ доказательство успѣховъ своихъ въ гравированіи у Шхонебека (см. № 1000). Послѣднія произведенія его (1732—41 г.), а равно и Ивана Зубова, ниже всякой посредственности (Русскіе граверы, 29—35).

Собственно изъ трудовъ Пикара и Шхонебека въ число народныхъ картинокъ включено немного, и то случайно, вслѣдствіе того, что нѣкоторыя изъ выгравированныхъ ими досокъ попали на фабрики, издававшія лубочныя картинки; за то произведенія учениковъ ихъ, въ особенности двухъ Зубовыхъ, составляютъ въ этихъ

картинкахъ цѣлый особый отдѣлъ плохихъ копій съ голландскихъ образцевъ и преимущественно изъ привезенной Шхонебекомъ во многихъ экземплярахъ Библіи Пискатора. Такимъ образомъ первыя народныя картинки на мѣди вышли изъ рукъ типографскихъ учениковъ, и печатались на тѣхъ-же типографскихъ станкахъ, которые перешли въ ихъ собственность послѣ упраздненія типографій [5]); причемъ самый переходъ типографскихъ учениковъ отъ большихъ досокъ, гравированныхъ по заказу правительства, къ мелкимъ доскамъ, съ изображеніями народныхъ картинокъ, не представляется особенно рѣзкимъ: и тамъ и тутъ происходитъ копировка съ иностранныхъ образцевъ, и тамъ и тутъ плохой рисунокъ, и грязное, неряшливое травленіе крѣпкой водкой.

Достойными подражателями типографскихъ учениковъ являются граверы второй половины XVIII вѣка: Мартинъ Нехорошевскій, представляющій одинъ цѣлую фабрику граверовъ, и менѣе плодовитые граверы: Пастуховъ, Скобелкинъ, Тихоміровъ и наконецъ Чуваевъ—граверъ, работавшій преимущественно для Ахметьевской фабрики. Всѣ эти граверы сильно травили свои доски крѣпкой водкой,

---

[5]) Первыя произведенія граверовъ серебренниковъ печатались въ Оружейной Палатѣ. Въ концѣ XVII в. фряжскій станъ, для печатанія гравюръ на мѣди, заведенъ былъ на царскомъ дворѣ при Верхней, т. е. Придворной, типографіи. Въ 1677 г. органистъ Гутовскій сдѣлалъ къ государю въ хоромы деревянные станки, печатать фряжскіе листы, гдѣ уже въ 1680 году рѣзчикъ Аѳанасій Звѣревъ рѣзалъ для государя на мѣдныхъ доскахъ «всякіе фряжскіе рѣзи» (Забѣлинъ, Бытъ царей, 169). Изъ числа граверовъ серебренниковъ у мастера Леонтія Бунина былъ свой печатный станъ, на которомъ по всей вѣроятности производилось печатаніе его Страстей и Синодика. Произведенія мастеровъ времени Петра I-го печатались въ казенной типографіи у библіотекаря Купріянова, который и самъ гравировалъ доски вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Никитинымъ, и издавалъ ихъ въ свѣтъ за свой счетъ. Въ дѣлахъ Московскаго Печатнаго двора фигурный цилиндрическій станокъ упоминается въ первый разъ въ 1708 году (Ровинскій, въ моей книгѣ: Русскіе граверы, стр. 378).

не изъ художественной цѣли конечно, но съ тѣмъ, чтобы получить съ нихъ какъ можно больше отпечатковъ. Позднѣе доски для народныхъ картинокъ рѣзались прямо грабштихелемъ и очень глубоко, для долговѣчности въ печати.

Во второй половинѣ XVIII вѣка доски для народныхъ картинокъ по большей части рѣзали серебряники, жившіе въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ, а печатали съ нихъ на фигурныхъ станкахъ въ Москвѣ, у Спаса во Спасской, на большой фигурной фабрикѣ купца Ахметьева, которая славилась своими произведеніями болѣе 50-ти лѣтъ; на этой фабрикѣ, кромѣ новыхъ картинокъ, печаталось много старыхъ досокъ, въ томъ числѣ четыре доски изъ шестилистоваго Брюсова календаря, глобусы и другія доски Петровскаго времени, а равнымъ образомъ и доски Зубовыхъ и Нехорошевскаго; печатаніе производилось у Ахметьева на 20-ти станкахъ [6]). Кромѣ Ахметьевской фабрики, печатавшей съ мѣдныхъ досокъ, въ Москвѣ существовала съ XVIII вѣка другая фабрика, спеціально печатавшая народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ; имя владѣльца этой фабрики неизвѣстно.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія производство народныхъ картинокъ перешло въ руки мелкихъ фабричныхъ торговцевъ, имѣвшихъ свои типографіи: въ Москвѣ славился печатаніемъ простонародныхъ изданій и картинокъ купецъ Ив. Логиновъ, наслѣдникъ Ахметьева; устроились печатни даже въ нѣкоторыхъ селахъ Владимірской губерніи, такъ въ деревнѣ Богдановкѣ, Ковровскаго уѣзда, завелъ свою металографію офеня Игнатій Акимовъ Сорокинъ, а въ селѣ Мстерѣ — извѣстный

---

[6]) Замѣчу здѣсь, что печатаніе картинокъ цѣлыми тетрадками (сказокъ и пр.) всегда производилось въ первую голову, т. е. картинка отпечатывалась только на одной, правой, сторонѣ листа; лѣвая же или задняя сторона его оставлялась чистою.

своими археологическими трудами и дешевизною народныхъ картинокъ И. А. Голышевъ [7]).

Монастыри: Кіевскій, Печерскій, Почаевскій и Соловецкій, печатали находившіяся у нихъ доски въ своихъ типографіяхъ; въ настоящее время во всѣхъ этихъ мѣстахъ съ мѣдныхъ досокъ отпечатковъ не дѣлается, такъ какъ ни въ одномъ изъ нихъ для этого дѣла нѣтъ ни гравернаго станка, ни знающаго какъ дѣлать такіе отпечатки мастера; затѣмъ виды монастырей и образа угодниковъ дѣлаются и печатаются по заказу монастырей въ Москвѣ и Петербургѣ, литографическимъ способомъ.

II.

Откуда наши граверы заимствовали переводы (сочиненія) для своихъ картинокъ. Церковныя иконы и стѣнопись; церковныя паперти. Голландская Библія Пискатора. Картинки нѣмецкія, французскія, голландскія, передѣланныя на русскіе нравы. **Пошибъ или стиль рисунка и сочиненія въ народныхъ картинкахъ**: сперва фряжскій — у граверовъ серебрениковъ, потомъ голландскій—живописный, и наконецъ иконный—въ нынѣшнемъ вѣкѣ. **Раскраска старинныхъ народныхъ картинокъ была весьма тщательная**; Библія Кореня, Штеллиновскія картинки. Новѣйшая раскраска по-носамъ, по описанію Голышева. Раскраска карикатуръ 1812 года. **Замѣтки о народныхъ картинкахъ на западѣ и у народовъ восточныхъ, въ Индіи, Японіи, Китаѣ и на Явѣ.—Народныя картинки. гравированныя черной манерой**; фабрика Михайлы Артемьева; граверы Штенглинъ, Тихановъ, Дружининъ и Лебедевъ.

Рисунки или переводы для своихъ картинокъ мастера заимствовали изъ разныхъ источниковъ; духовные листы

---

[7]) И. А. Голышевъ, трудолюбивый изслѣдователь русской старины, извѣстенъ археологическими статьями своими о древностяхъ, въ томъ числѣ и о лубочныхъ картинкахъ; онъ живетъ въ слободѣ Мстерахъ гдѣ съ 1858 года имѣетъ свою литографію, въ которой печатается до 530.000 народныхъ картинокъ въ годъ, цѣною отъ 55 копѣекъ до 5 руб. за сто; раскрашиваніемъ (цвѣченіемъ) ихъ занимается болѣе 200 женщинъ.

иконнаго разряда, замѣнявшіе образа: изображенія Спасителя, разныхъ явленій Богородицы, святыхъ съ житіями, праздниковъ и святцевъ,—копировались съ миніатюръ при книгахъ или же прямо съ церковныхъ иконъ;—по части лицевыхъ легендъ и притчей богатый матеріалъ для народной картинки представляли церковныя паперти, по стѣнамъ которыхъ расписывались разныя исторіи и апокрифическія повѣсти. Съ паперти Симонова монастыря перешла въ картинки наши исторія о нѣкоемъ немилостивомъ человѣкѣ, любителѣ міра сего, въ которой представлено, какъ онъ умеръ, и какъ сатана приказалъ чертямъ парить его въ банѣ огненными вѣниками за то, что онъ любилъ при жизни „часто въ банѣ мыться“; ему же черти трубятъ въ уши „въ трубы огненныя“ за то, что онъ „любилъ въ мірѣ различныя игры и потѣхи“, и т. д. (III. 79); оттуда же заимствовано видѣніе нѣкоего святаго, какъ изъ тридцати тысячъ умершихъ только двѣ души въ рай вошли, три на мытарствахъ удержаны, остальныя-же всѣ въ адъ отправлены (III. 71), и видѣніе нѣкоего монаха о казни лихоимцамъ, гдѣ главный лихоимецъ (должно быть Іуда) лежитъ внизу, а изъ чрева его выросло древо, на которомъ развѣшены за ноги мужескій и женскій полъ „въ пламени непрестанно горящемъ“ (III. 80). Съ паперти Чудова монастыря взята картинка, изображающая архангела Михаила и молящагося ему человѣка (III. 644) [8]. Множество картинокъ

---

[8]) На паперти Соловецкаго монастырскаго собора помѣщены похожденія св. Ѳеодоры по мытарствамъ (III. 80) и монашеская чистота (III. 156), въ которой представленъ монахъ, распятый на крестѣ; губы его замкнуты большимъ висячимъ замкомъ; по сторонамъ соблазняютъ его міръ, въ видѣ всадника, и два чертенка, изъ которыхъ одинъ тормошитъ его крючкомъ, а другой пускаетъ въ него стрѣлу; впрочемъ это послѣднее изображеніе монашеской чистоты, — новѣйшаго производства, и наша картинка № 777 по всей вѣроятности служила для него оригиналомъ.

заимствовано изъ стѣнописи Московскаго Успенскаго собора, собора въ городѣ Суздалѣ, и другихъ соборовъ и церквей, а также и съ разныхъ металлическихъ клеймъ или дробницъ, нашитыхъ на древнихъ ризахъ или вдѣланныхъ въ иконные оклады, и наконецъ съ мѣдныхъ гравированныхъ досокъ, изготовлявшихся для наколачиванія ихъ на церковныя двери [9]). Изъ рукописныхъ славянскихъ книгъ народная картинка заимствовала немного [10]).

Появленіе большой Библіи Пискатора въ половинѣ XVII вѣка, составляетъ эпоху въ нашемъ гравированіи на деревѣ (IV. 590). Изъ нея копировали: Кіевскій монахъ Илья — картинки для своей Библіи, Іерей Прокопій — картинки своего Апокалипсиса и лицеваго Отче нашъ (1646—1662), и мастеръ Григорій — рисунки для Апокалипсиса, вырѣзаннаго Коренемъ (1696). Изъ этихъ граверовъ Прокопій копировалъ картинки Пискатора почти въ ту-же мѣру; Илья,—уменьшилъ ихъ вчетверо, а Григорій вчетверо увеличилъ, причемъ придалъ своимъ фигурамъ совершенно польскій характеръ, одѣлъ ихъ въ польскіе кафтаны и сдѣлалъ въ сочиненіи Пискатора столько измѣненій, что трудъ его можно назвать почти оригинальнымъ. Подъ наблюденіемъ этого-же Григорія выгравирована, въ первой половинѣ XVIII вѣка, маленькая библія, тоже съ нѣмецкаго оригинала, и съ виршами подъ каждой картинкой, въ которыхъ зачастую попадаются польскія выраженія; вирши эти сочинены тѣмъ-же Григоріемъ, который былъ въ одно и то-же время, гридеромъ, куперштыхаторомъ, знаменьщикомъ

---

[9]) О такихъ дверяхъ, находящихся въ мужскомъ монастырѣ въ Устюгѣ Великомъ и въ Псковской единоверческой церкви св. Николая, см. IV. 608.

[10]) Самое серьезное заимствованіе этого рода представляютъ 20 картинокъ изъ книги Бытія гравера Кореня, рисунки которыхъ заимствованы изъ Палеи (см. IV. 592).

(рисовальщикомъ), живописцемъ (маляромъ) и стихотворцемъ (IV. 592). Въ концѣ прошедшаго столѣтія ввезено было въ Россію множество экземпляровъ втораго изданія той-же Библіи Пискатора (1674) вызваннымъ тогда въ Москву Амстердамскимъ граверомъ Адріаномъ Шхонебекомъ; Шхонебекъ заставлялъ копировать изъ нея своихъ учениковъ Зубовыхъ, Бунина и Томилова,—не уменьшая и не измѣняя переводовъ, а точь въ точь и въ туже мѣру; вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этой же Библіи заимствовали сюжеты для своихъ духовныхъ картинъ во все продолженіе XVIII вѣка и наши иконописцы и живописцы [11]). Народныя картинки заимствовали свои переводы и съ живописныхъ картинъ, украшавшихъ царскія палаты; чрезвычайно замѣчательна въ этомъ отношеніи огромная картина „Солнце съ зодіаками", описанная подъ № 590 А и заимствованная съ плафона царской столовой деревяннаго Коломенскаго дворца (IV. 672). Наши народныя картинки, изображающія Александра Македонскаго и Пора царя Персидскаго, заимствованы, по всей вѣроятности, изъ того-же источника.

Въ XVIII вѣкѣ переводы народныхъ картинокъ забавнаго содержанія копировались, въ большинствѣ слу-

---

[11]) Въ 1676 году такая Библія была куплена для Оружейной Палаты у живописца Ивана Безмина за пять рублей; въ Троицкой лаврѣ до сихъ поръ расписываются стѣны по экземпляру этой Библіи, принадлежавшему патріарху Адріану. Употреблялись для копированія и другія лицевыя книги: въ 1679 году, напримѣръ, живописецъ Петръ Энгельсъ писалъ въ новыхъ хоромахъ царицы разныя притчи царей Давида и Соломона изъ Библіи и изъ разныхъ книгъ славянскихъ и латинскихъ; живописецъ Салтановъ училъ по такой Библіи своихъ учениковъ. Какъ на образецъ живописи этого рода можно указать картину, изображающую мученія Апостоловъ и находящуюся на паперти Чудова монастыря (Забѣлинъ, Бытъ царей, 143).

чаевъ, прямо съ иностранныхъ образцовъ; въ примѣчаніяхъ поименовано множество такихъ образцовъ, которые скалькированы въ русскія картинки безъ всякихъ измѣненій. Изъ числа Вѣнскихъ изданій попали къ намъ напримѣръ: цѣлое описаніе Іерусалима (№ 645), рука св. Анны (№ 771), судъ Іудеевъ надъ Христомъ (№ 883) и образъ Нерукотвореннаго Спаса (№ 1062). Изъ Голландіи получили мы Тессингово Зерцало (№ 742), огромное количество разныхъ копій изъ Библіи Пискатора и нѣсколько календарей. Изъ Франціи попали въ народныя картинки: Лудовикъ XVI въ видѣ „славнаго объѣдалы и веселаго подпивалы" (№ 99), денежный дьяволъ (243) и дивная птица, прилетавшая въ 1776 году въ Парижъ (348). Отъ Нѣмцевъ перешли къ намъ: рейтаръ на пѣтухѣ и рейтарша на курицѣ (№№ 162 и 163), точильщикъ носовъ (№ 212), воръ пришелъ на дворъ (№ 204) и мн. др. Въ нашихъ картинкахъ встрѣчаются и такіе случаи, что скопированъ иностранный оригиналъ, напримѣръ Лиза и Коленъ (№ 130) или извѣстная французская картинка bon homme misère (№ 203), а русскій текстъ придѣланъ совершенно другаго содержанія, и нисколько не относящійся къ изображенію. Въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка, граверъ Чуваевъ скопировалъ довольно удачно множество картинокъ съ французскихъ оригиналовъ (въ числѣ ихъ многія весьма скоромнаго содержанія), при чемъ всѣ онѣ снабжены виршами, тоже передѣланными на русскіе нравы.

Что же касается до пошиба или характера рисунка народныхъ картинокъ, то въ этомъ отношеніи онѣ представляютъ шесть отдѣловъ, довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Къ первому отдѣлу относятся гравюры на деревѣ Кіевскихъ мастеровъ,—монаха Ильи, Прокопія и другихъ,—которые хотя и заимствовали свои сочиненія съ голландскихъ образцовъ, но въ тоже время прида-

вали имъ своеобразный иконный характеръ [12]); ими же произведены первыя летучія картинки: темница святыхъ осужденикъ (№ 772) и препод. Акилина (№ 1346). Ко второму отдѣлу принадлежатъ Библія съ Апокалипсисомъ Кореня. 1698 года, рѣзко отличающіеся по рисунку и грубой работѣ, а также по большому размѣру картинокъ, отъ всего, что было издано до того времени; къ этимъ работамъ Кореня должно быть присоединено и большинство картинокъ, гравированныхъ на деревѣ въ XVIII вѣкѣ такимъ же грубымъ и топорнымъ способомъ, и совершенно сходныхъ, по рисунку и по манерѣ располагать тѣни съ работами Кореня (см. прим. къ № 166; т. IV. стр. 256). Многія изъ этихъ послѣднихъ картинокъ весьма оригинальны и сдѣланы по рисункамъ доморощенныхъ мастеровъ; есть изъ нихъ и такія, которыя представляютъ даже нѣкоторое художественное достоинство; такъ напримѣръ въ картинкѣ „баба яга дерется съ крокодиломъ" (№ 38)—въ фигурахъ видно много движенія и юмора, и рисунокъ для нея несомнѣнно сдѣланъ хорошимъ иконописцемъ. Къ третьему отдѣлу я отношу небольшое число картинокъ, тоже гравированныхъ на деревѣ и скалькированныхъ съ большихъ французскихъ гравюръ (съ картинъ Буше и Ланкре); работа этихъ картинокъ отличается бóльшею умѣлостью, рисунокъ изобилуетъ закругленными очертаніями, которыя въ картинкахъ предыдущаго разряда почти невстрѣчаются (это №№ 80, 82, 100, 101, 124, 128, 130, 138, 158, 159, 161, 231). Къ четвертому разряду принадлежатъ работы на мѣди граверовъ-серебрениковъ Московской Ѳружейной Палаты, которыя по своей художественности выходятъ изъ ряда прочихъ народныхъ картинокъ. Пятый отдѣлъ со-

---

[12]) Подъ иконнымъ стилемъ я разумѣю здѣсь иконное письмо, называвшееся въ XVII вѣкѣ греческимъ, съ длинными фигурами и бумажными драпировками, въ отличіе отъ фряжскаго, подходившаго подъ живопись.

ставляютъ фабричныя и неряшливыя работы Матвѣева, Зубовыхъ, Любецкаго, Ростовцева, Никитина и др. учениковъ голландскихъ граверовъ Шхонебека и Пикара [13]); къ этому же отдѣлу должны быть отнесены и работы ихъ продолжателей—плодовитыхъ граверовъ: Пастухова, Тихомірова, родоначальника ихъ Мартина Нехорошевскаго, и наконецъ мастера Ахметьевской фабрики Николая Чуваева, копировавшаго соблазнительныя французскія картинки.—Въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія производство народныхъ картинокъ попало въ руки мастеровъ, придерживавшихся старой вѣры; эти господа передѣлали всѣ переводы прежнихъ картинокъ нà ново и въ чисто иконномъ стилѣ, въ томъ числѣ даже листы самые забавные и скоромные. Передѣланныя такимъ образомъ картинки представляютъ шестой и послѣдній разрядъ.

Произведенія граверовъ серебрениковъ выпускались въ народъ безъ раскраски, черными; въ такомъ же видѣ выпускались гравюры и подносные листы мастеровъ Шхонебековой школы, а также календари и букварн. За тѣмъ всѣ прочіе листы выпускались въ народъ неиначе какъ раскрашенными; исключеніе изъ этихъ общихъ правилъ составляютъ рѣдкіе экземпляры, которые были куплены любителями прямо съ фабрикъ, а также громадное и замѣчательное собраніе народныхъ картинокъ А. В. Олсуфьева, которыя, по его заказу, были отпечатаны на фабрикахъ, на особой (лучшей противъ лубочной) бумагѣ и доставлены ему въ чистыхъ нераскрашенныхъ экземплярахъ. Что касается до раскраски народныхъ картинокъ, то надобно замѣтить что въ старину она производилась съ бóльшимъ стараніемъ и не пред-

---

[13]) Гридеръ Тепчегорскій составляетъ какъ бы переходъ отъ граверовъ-серебрениковъ къ Шхонебековскимъ ученикамъ.

ставляетъ ничего общаго съ нынѣшней раскраской по носамъ. Лицевая Библія и Апокалипсисъ Кореня (1698 г.) иллюминованы съ большою тщательностію; краски употреблены здѣсь тѣ-же, что и шестьдесятъ лѣтъ спустя при раскрашиваніи Штелиновскихъ картинокъ (1766 г.): вохра, сандалъ, празелень, сурикъ и сажа; но здѣсь изъ красокъ этихъ составлены многочисленные тоны: по рамкамъ раздѣланы кистью узоры; облака синеватаго колера, обведены по краямъ тою же краскою потемнѣе; крылья ангеловъ, сіяніе около Бога и около солнца раздѣланы по вохрѣ сурикомъ,—словомъ, на раскраску Библіи Кореня положено несравненно болѣе труда и художества, чѣмъ на Штелиновскія картинки, въ которыхъ тѣ-же краски, съ прибавленіемъ мѣдянки, наложены сплошными яркими и густыми колерами, безъ всякихъ оттѣнковъ. Позднѣйшій способъ раскраски XIX вѣка, чисто фабричнаго производства, настолько-же ниже Штелиновскихъ картинокъ, насколько эти послѣднія ниже картинокъ Кореня. Вотъ какъ описываетъ это производство извѣстный археологъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и производитель народныхъ картинокъ И. А. Голышевъ: „послѣ отпечатанія картинки просушиваются и отдаются въ цвѣтку, раскраску или иллюминовку; подъ Москвою, въ 12 верстахъ, цѣлое село Никольское и окрестныя деревни, въ числѣ около 1000 душъ самоучекъ, занимаются раскрашиваніемъ простовика, или лубочныхъ картинъ. До сего времени раскраска эта очень немногосложна, она употребляетъ всего четыре краски: малиновую, зеленую, желтую и красную; въ малиновый цвѣтъ употребляется сандалъ, вареный въ водѣ съ примѣсью малаго количества квасцовъ; въ зеленый—ярь мѣдянка, которая употребляется для окраски крышъ, разведенная на водѣ съ медомъ; въ желтый—крукомея, вареная съ молокомъ; въ красный — сурикъ, разведенный на яичномъ желткѣ съ

квасомъ; изъ этихъ 4 красокъ состоитъ вся иллюминовка простовика; гдѣ перешло за контуръ рисунка, гдѣ не дошло или краска легла на лицо—не взыскивалось, да иначе и быть не могло, потому что такія картинки раскрашивались скоро и притомъ щетинными кистями. Въ 1840 годахъ раскраска картинокъ въ большомъ количествѣ развилась въ селѣ Мстерѣ Вязниковскаго уѣзда и сдѣлалась господствующею промышленностію бѣдныхъ дѣвицъ и женщинъ, съ малолѣтняго возраста; теперь болѣе 300 чел. занимаются этой работой; нѣкоторыя изъ женщинъ занимаются раскраскою не только въ мѣстѣ своего жительства на разныхъ оптовыхъ картино-торговцевъ, но и въ Москвѣ" (Голышевъ, Лубочн. карт., стр. 14). Относительно раскраски карикатуръ 1812 года слѣдуетъ замѣтить, что изъ числа ихъ плохія картинки, которыя издавались разными лубочными мастерами, раскрашены обыкновенными плохими красками, на манеръ простонародныхъ картинокъ того времени; въ раскраскѣ же картинокъ, издававшихся Ив. Теребеневымъ и нѣкоторыми другими художниками, встрѣчается большая разница: однѣ изъ нихъ, раскрашены хорошими красками и съ бо́льшою тщательностію — онѣ назначались для богатыхъ покупателей и продавались по 1-му и по 2 р. за листъ; въ моемъ собраніи есть полная коллекція Теребеневскихъ карикатуръ такой раскраски, а въ собраніи П. А. Ефремова есть такая же азбука 1812 года, за раскраску которой въ настоящее время мастеръ не возьметъ менѣе 5 рублей. Затѣмъ картинки, назначавшіяся для менѣе зажиточныхъ классовъ, раскрашивались проще и болѣе дешевыми красками; на этотъ послѣдній манеръ раскрашены карикатуры 1812 года, помѣщенныя въ моемъ атласѣ народныхъ картинокъ.

По формату и стилю — русскія народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ, ближе всего подходятъ къ старин-

нымъ нѣмецкимъ картинкамъ (изданія Ганса Сакса и др. см. IV. 198); по мастерству и по раскраскѣ—онѣ имѣютъ нѣкоторое сходство съ индѣйскими народными картинками, изображающими разныхъ боговъ, и продающимися до настоящаго времени въ Калькутѣ, Танджорѣ и Трихинаполи, а также со старинными картинками на деревѣ, китайскими и японскими [14]). Наши картинки 6-го отдѣла, рѣзанныя на мѣди въ нынѣшнемъ столѣтіи, ничѣмъ не отличаются отъ старыхъ плохихъ картинокъ французскихъ, нѣмецкихъ и голландскихъ. Въ настоящее время, въ Европѣ, простонародныхъ картинокъ въ нашемъ смыслѣ нѣтъ; картинки для народа дѣлаютъ хорошіе мастера (въ Германіи они дѣлали ихъ и въ древнее время) и отличаются онѣ отъ барскихъ художественныхъ произведеній только упрощеніемъ способа ихъ выдѣлки, печатаніемъ на бумагѣ невысокаго разбора и крайней дешевизной своей, которая, не смотря на ихъ художественное достоинство, дѣлаетъ ихъ общедоступ-

---

[14]) Въ 1874 году я купилъ колекцію такихъ картинокъ (листоваго размѣра) въ Калькуттѣ и Бомбеѣ. Въ Танджорѣ и Трихинаполи я нашелъ такія же картинки, но гораздо бо́льшаго формата и литографированныя въ однихъ контурахъ, для раскраски, а не рѣзанныя на деревѣ; въ Китаѣ и Японіи я не могъ отыскать новыхъ картинокъ, рѣзанныхъ на деревѣ, кромѣ тѣхъ, которыя печатались для чайныхъ ящиковъ. За тѣмъ въ Калькуттѣ, такъ же какъ и на Явѣ и въ Китаѣ (въ Кантонѣ), въ настоящее время въ большомъ ходу изображенія боговъ, сдѣланныя отъ руки, чрезвычайно яркими красками, съ золотомъ и серебромъ; цѣна такихъ картинокъ листоваго размѣра, въ Калькуттѣ, по 6 руб. за сотню листовъ; въ Китаѣ же большія картины цѣнятся отъ 1 до 3-хъ руб. за штуку. Въ Бенаресѣ Англичане печатаютъ красками обои, на которыхъ изображены всѣ Индѣйскіе боги; бѣдный человѣкъ можетъ купить себѣ кусокъ этихъ обоевъ аршина въ полтора длиною и получить за бездѣлицу цѣлую коллекцію боговъ для своего обихода. Въ Японіи новѣйшія народныя картинки печатаются красками, однѣ посредствомъ хромолитографіи, а другія посредствомъ деревянныхъ дощечекъ, замѣняющихъ хромолитографическіе камни (какъ въ старинныхъ итальянскихъ гравюрахъ на деревѣ въ двѣ тѣни); это лучшія народныя картинки въ цѣломъ мірѣ.

ными. Только въ католическихъ земляхъ (Франціи и Италіи) еще можно найти на рынкахъ и ярмаркахъ отвратительно плохія картинки духовнаго содержанія, которыми снабжается до сихъ поръ ихъ религіозное простонародье.

Въ концѣ третьей книги, въ особомъ отдѣлѣ, описаны 75 картинокъ, гравированныхъ черной манерой, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, на подмосковной фабрикѣ Михаила Артемьева [15]) .На этой фабрикѣ работами заправлялъ академическій граверъ Иванъ Штенглинъ (ученикъ Аугсбургскаго гравера Боденеера), вызванный въ Петербургскую Академію Наукъ въ 1741 году; граверъ этотъ не сошелся съ тогдашнимъ директоромъ Академіи Шумахеромъ, оставилъ Академію и, около 1750 года, переселился въ Москву, гдѣ и принужденъ былъ работать изъ за куска хлѣба на Артемьевской фабрикѣ. Картинки, дѣланныя имъ и подъ его руководствомъ мастерами: Тихоновымъ, Дружининымъ и Лебедевымъ, копированы по большей части съ иностранныхъ оригиналовъ; нѣкоторыя изъ нихъ очень порядочнаго мастерства и представляютъ въ общей массѣ народныхъ картинокъ такой же особенный отдѣлъ, какъ и художественныя произведенія граверовъ-серебрениковъ.

---

[15]) Кромѣ работъ Артемьевской фабрики, для полноты описанія, включены въ этотъ отдѣлъ еще два листка, гравированные черной манерой въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія: № 907, распятіе, гравюра Аверкія Козачковскаго, работавшаго въ Кіевѣ въ 1726—1737 годахъ и № 1122, плачущая Богоматерь — листокъ по всей вѣроятности его же работы; въ такомъ видѣ эти гравюры составляютъ какъ бы прибавочный 7-й отдѣлъ въ числѣ народныхъ картинокъ, хотя въ тѣсномъ значеніи этого слова ихъ нельзя назвать народными, точно также какъ и произведенія граверовъ-серебрениковъ. Гравюра черной манерой, какъ извѣстно, занесена къ намъ еще въ концѣ XVII вѣка, голландскимъ граверомъ Адріаномъ Шхонебекомъ, который славился своими работами по этой части еще до пріѣзда въ Россію и обучилъ своему мастерству живописца Адольскаго и гравера Алексѣя Зубова (Русскіе граверы, стр. 47).

III.

Продажа народныхъ картинокъ у Спасскихъ воротъ, въ Овощномъ ряду и въ другихъ мѣстахъ; офени; цѣна картинокъ.— **Назначеніе и употребленіе ихъ:** картинки, вклеиваемыя въ рукописи вмѣсто рисунковъ; бумажные образа и святцы въ церквахъ; картинки какъ украшеніе во дворцахъ и у бояръ;—въ простыхъ избахъ.—**Надзоръ за производствомъ народныхъ картинокъ и цензура ихъ:** запретительный указъ патріарха Іоакима 1674 г.; запрещеніе Синода (1766 г.) продавать картинки духовнаго содержанія, гравированныя на деревѣ; учрежденіе Изуграфской Палаты при Петрѣ I; представленіе картинокъ на разрѣшеніе архіереевъ; секвестрованіе «неопробованныхъ» чудесъ св. Димитрія Ростовскаго въ 1760 году; Полицейская цензура для народныхъ картинокъ въ концѣ прошедшаго столѣтія; назначеніе особаго цензора при Управѣ Благочинія въ 1790 году; учрежденіе духовныхъ цензоровъ въ 1799 году; Шишковскій цензурный уставъ 1826 года. Народныя картинки продолжаютъ выходить безъ просмотра цензуры. Бутурлинъ и 1311 статья Уложенія о наказаніяхъ. Истребленіе старыхъ мѣдныхъ досокъ въ Москвѣ по приказу гр. Закревскаго въ 1851 году и окончательное уничтоженіе оригинальнаго народнаго буффа.—**Цензура царскихъ портретовъ** при Петрѣ I; указъ Суперъ-Интенданту Зарудневу 1721 года. Безобразные портреты императрицы Елисаветы Петровны и вел. кн. Петра Ѳедоровича; указы, вышедшіе по этому случаю въ 1742 и 1745 годахъ. Позднѣйшія распоряженія.

Продажа лубочныхъ картинокъ производилась въ городѣ въ Овощномъ ряду, откуда онѣ покупались неоднократно и для царскаго обихода, а главное—у Спасскихъ воротъ, въ этомъ народномъ толкучемъ клубѣ подъ чистымъ небомъ, гдѣ съ утра до ночи толкался всякій людъ, кто съ товарами, кто съ вѣстями [16]). Продавались онѣ кромѣ того у воротъ Новгородскаго подворья, что въ Барашевской слободѣ (II. 453), въ двухъ

---

[16]) Тутъ же стояли и попы безъ мѣстъ, нанимавшіеся служить обѣдню; они расхаживали съ калачемъ въ рукѣ, торговались съ нанимателями и для бо́льшаго убѣжденія ихъ выкрикивали свое: «смотри закушу», т. е. давай что прошу, не то отвѣдаю калача и тогда обѣдни служить будетъ нѣкому.

проломахъ—у Никольской улицы и у церкви Гребневской Божіей Матери—и (по удостовѣренію Снегирева) у Троицы на Листахъ.

Продажа картинокъ гуртомъ производилась на самыхъ фабрикахъ; здѣсь закупали ихъ Владимірскіе офени тысячами, и затѣмъ развозили и разносили ихъ въ лубочныхъ коробахъ, по всей Россіи. Впослѣдствіи Московскіе заводчики стали привозить свой товаръ сами на знаменитыя ярмарки въ село Холуй, которыхъ тамъ въ году бываетъ пять (однихъ гуртовыхъ). Въ 1840-хъ годахъ картинки листоваго размѣра, раскрашенныя, въ розницу продавались по 1—1½ копѣйки за штуку, сотнями по 1 рублю; двухлистовыя противъ того вдвое, и т. д.; гуртомъ за тысячу и болѣе цѣны понижались еще на 25 и 50 со ста; въ новѣйшее время, съ приспособленіемъ къ этому дѣлу литографіи, картинки стали еще дешевле.

Относительно назначенія народныхъ летучихъ картинокъ въ древнемъ обиходѣ замѣчу, что картинки эти обращены были прежде всего на удовлетвореніе любознательности читавшаго люда. Хотя печать и замѣнила рукопись, но такъ какъ въ первое время печатались однѣ духовныя книги, а въ обществѣ все болѣе и болѣе развивалась охота къ чтенію сочиненій свѣтскихъ, то сочиненія эти, оставаясь по прежнему въ рукописи, переписывались несчетное число разъ въ видѣ сборниковъ, причемъ въ рукописи съ рисунками, вмѣсто копированія сихъ послѣднихъ, стали вклеивать нарочно изготовленныя на этотъ случай летучія гравюры [17]). Кромѣ того

[17]) Такими гравюрами наполнены: рукопись Буслаева «Звѣзда пресвѣтлая», его же рукопись съ разными явленіями Богородицы, лицевыя Страсти Господни и житія святыхъ, поименованныя въ III книгѣ этого описанія; большинство старинныхъ мелкихъ гравюръ только потому и сохранились до нашего времени, что были вклеены въ переплетенныя рукописи.

печатныя картинки долгое время замѣняли собою дорого стоющіе живописные образа, даже и въ церквахъ, такъ что и въ XVII вѣкѣ во многихъ церквахъ, вмѣсто такихъ образовъ, были образа бумажные, а печатные святцы находятся въ каждой почти церкви и до настоящаго времени.

Гравюры на мѣди и на деревѣ въ XVII вѣкѣ носили названіе фряжскихъ листовъ или потѣшныхъ нѣмецкихъ печатныхъ листовъ [18]); ими украшались постельныя палаты, въ которыхъ не вѣшали картинъ; малолѣтніе царевичи и царевны, забавляясь этими листами, вмѣстѣ съ тѣмъ получали изъ нихъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ естественной исторіи, географіи, всеобщей исторіи и другихъ наукъ. Такъ напримѣръ въ комнатахъ царевича Алексѣя Алексѣевича, умершаго въ 1670 году, висѣло пятьдесятъ рамокъ съ листами фряжскими (Забѣлинъ, Бытъ царей, 169). Въ хоромахъ царевны Софьи Алексѣевны, въ 1686 году, висѣли на стѣнахъ, въ рамкахъ: образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, нѣмецкой печати на бумагѣ,—ризы и поля наклеены байберекомъ [19]); образъ распятія,—въ подножіи наклеенъ градъ Іерусалимъ; образъ Богородицы Ченстоховской, — печатанъ на желтой тафтѣ (Забѣлинъ, Бытъ царей, 170). Такими же листами были увѣшаны стѣны въ палатахъ царевича Петра Алексѣевича; по нимъ наставникъ царевича Зо-

---

[18]) Эти листы были извѣстны у насъ несомнѣнно и ранѣе: еще въ 1565 году Венеціанскій посолъ Барберини предлагалъ въ Москвѣ тетрадь рисунковъ съ арабесками, листьями и тому подобнымъ (Забѣлинъ, Бытъ царей 169); Англійскій же посолъ Коллинсъ, бывшій въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, видѣлъ въ Москвѣ голландскія карикатуры, въ которыхъ Англія была изображена въ видѣ безхвостаго льва съ тремя опрокинутыми коронами, а вокругъ множество большихъ собакъ съ обрѣзанными ушами и хвостами (Снегиревъ, Лубочн. карт., 10).

[19]) Въ моемъ собраніи есть нѣсколько картинокъ, въ которыхъ костюмы, зданія и другія околичности выклеены разными матеріями.

товъ [20]) преподавалъ ему первоначальныя свѣдѣнія о наукахъ. Немалое число фряжскихъ листовъ находилось и въ домахъ частныхъ лицъ: изъ описей XVII вѣка извѣстно, что въ домовой казнѣ патріарха Никона находилось 270 листовъ фряжскихъ и въ числѣ ихъ два большіе листа съ изображеніемъ космографіи (Временникъ Истор. Общ. XV. 114); въ описи имущества кн. В. В. Голицына упоминаются 12 персонъ нѣмецкихъ печатныхъ и четырнадцать листовъ землемѣрныхъ; а въ домѣ Артамона Матвѣева найдены гравюры: одна личина нѣмецкая, портретъ голландскаго князя Вилима, садовые чертежи, чертежъ Свейской и Датской земель, да три чертежа печатныхъ: Московской, Польской и Азіатской (Забѣлинъ, Бытъ царей, 171). Кромѣ царскихъ палатъ и боярскихъ хоромъ, летучія картинки составляли необходимую принадлежность почти каждой деревенской избы [21]).

Картинки духовнаго содержанія наклеивались преимущественно въ избахъ по стѣнамъ, вслѣдъ за образами, и дополняли, въ нѣкоторой степени, обиходный крестьянскій иконостасъ; для этой потребности онѣ издавна заготовлялись въ монастыряхъ и на фабрикахъ; онѣ и до сихъ поръ разносятся офенями по селамъ и деревнямъ въ громадномъ количествѣ, причемъ преимущественно расхо-

---

[20]) Впослѣдствіи «князь папа и Презбургскій патріархъ Заяузья и всего Кукуя».

[21]) Картинки эти горѣли вмѣстѣ съ избою, уничтожались при перестройкахъ и пропадали отъ сырости и гнили, такъ что, несмотря на громадное число экземпляровъ, въ которомъ онѣ выходили, почти каждый старинный листъ лубочнаго производства составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единственный, дошедшій до нашего времени, экземпляръ извѣстнаго изданія картинки и только благодаря нѣсколькимъ любителямъ, обратившимъ вниманіе на эту отрасль народнаго обихода, мы имѣемъ богатыя и полныя собранія народныхъ картинокъ, по которымъ можемъ судить о прежнемъ производствѣ ихъ въ Россіи.

дятся изображенія тѣхъ святыхъ, которые „избавляютъ отъ разныхъ бѣдъ и болѣзней“ (см. ниже въ главѣ IV).

Въ XVIII вѣкѣ гравированныя картинки употреблялись еще въ видѣ поздравительныхъ листовъ, которые граверы подносили своимъ патронамъ въ дни ихъ тезоименитства, снабжая при этомъ картинку приличными къ данному случаю виршами [22]), — точно такъ, какъ простые смертные, въ извѣстные дни, дарили другъ друга чашками, ложками и яицами съ выписанными на нихъ вензелями, эмблемами и надписями,—парни дарили дѣвокъ леденцами съ билетиками, а тѣ отдаривали ихъ печатными пряниками съ разными пожеланіями [23]).

Многіе изъ этихъ подносныхъ листовъ гравированы довольно художественно и включены въ число народныхъ картинокъ потому только, что доски, на которыхъ они были награвированы, попали впослѣдствіи на Ахметьевскую и другія лубочныя фабрики, гдѣ посвятительныя подписи были затерты и за тѣмъ отпечатки съ досокъ въ этомъ измѣненномъ видѣ (а иногда и съ оставленіемъ прежнихъ подписей) пускались въ продажу на ряду съ лубочными картинками.

Обычай подносить поздравительныя картинки идетъ изъ Кіева, гдѣ архидіаконъ (а потомъ игуменъ) Иларіонъ Мигура, уже съ 1705 года, посвящалъ листы свои, въ дни

---

[22]) Изъ числа народныхъ картинокъ къ этому разряду относятся: № 157, поздравленіе тятеньки съ днемъ рожденія и № 742, Тессингово Зерцало, назначенное, какъ видно изъ находящейся на немъ надписи, для подарка прекрасному полу.

[23]) Ложки для подарковъ и до сихъ поръ въ ходу въ Сибирскомъ обиходѣ, съ такими, напримѣръ, надписями: «Сядишь за миня не зевай, ложку языкомъ до суха обтирай», или: «налемъши вминя густо не будетъ въ брюхе пусто», или еще: «паефши изменя до сыта помой и меня до чиста». Надписи на печатныхъ пряникахъ можно прочесть въ превосходномъ изданіи по этой части Голышева.

ангела и въ дни новаго года, гетману Мазепѣ, генеральному судьѣ Василію Кочубею, генеральному писарю Симеону Скаргѣ, генеральному есаулу Ломиковскому, архимандриту Жураховскому и отцу Корниловичу. Около того же времени граверъ Тепчегорскій поднесъ царевичу Алексѣю Петровичу большую гравюру свою съ изображеніемъ Алексѣя человѣка Божія, гдѣ между прочимъ были представлены кн. Меньшиковъ, Лефортъ и другіе царедворцы (см. Русскіе граверы, стр. 303).

Поздравительные листы подносились не только граверами, но и отъ имени цѣлыхъ учрежденій. Такимъ образомъ гетману Мазепѣ поднесена большая аллегорическая гравюра работы Галаховскаго „отъ Кіевской духовной академіи“; въ 1717 году Петру I поднесенъ портретный листъ служителями Санктъ-Петербургской типографіи; а въ 1725 году Екатеринѣ I-й поднесенъ ея собственный портретъ работы А. Зубова, съ подписью: „сіе приносится отъ Сvнода“ (см. Словарь портретовъ, стр. 47). Въ первой половинѣ XVIII вѣка граверы Карновскій и Зубовы подносили поздравительные листы своей гравировки, съ виршами, какъ знаменитымъ особамъ, такъ и ихъ управителямъ, причемъ однѣ и тѣже вирши перепечатывались иногда подъ разными картинками (см. №№ 1686 и 1687). Послѣдній поздравительный листъ, описанный подъ № 1685, относится къ 1740-му году.

Надзоръ за производствомъ народныхъ картинокъ велся издавна какъ со стороны духовнаго, такъ и со стороны свѣтскаго начальства; особенное-же вниманіе сего послѣдняго обращали на себя портреты царской фамиліи. До Петра I-го цензуры для народныхъ картинокъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, не существовало. Мастера серебреники и монастырскіе граверы рѣзали свои доски, печатали ихъ и продавали въ народъ

оттиски, никого не спрашиваясь. Ввозились массами и произведенія иностранныхъ фабрикацій.

Со стороны духовнаго начальства въ первый разъ обращено вниманіе на этотъ промыселъ патріархомъ Іоакимомъ, который нашелъ неприличнымъ, что „всякіе невѣжды рѣжутъ на доскахъ и печатаютъ на бумагѣ развращенно иконы Спасителя, Богородицы и Святыхъ; другіе-же покупаютъ такіе печатные листы, дѣланные Лютерами и Кальвинами, на подобіе лицъ своея стороны". Находя, что все это нарушаетъ чистоту народной нравственности и ведетъ къ небреженію иконъ, писанныхъ на доскахъ, патріархъ указалъ (около 1674 года) печатаніе и продажу такихъ листовъ воспретить, подъ страхомъ жестокаго наказанія, самые-же листы отобрать и истребить. Указъ этотъ не имѣлъ однакоже надлежащаго дѣйствія, и въ 1721 году Синоду пришлось подтвердить прежнее запрещеніе, чтобы никто не имѣлъ права продавать въ Москвѣ на Спасскомъ мосту и въ другихъ мѣстахъ листы разныхъ изображеній, каноны и молитвы, сочиненные людьми разныхъ чиновъ самовольно и безъ свидѣтельства; листы эти приказано обобрать и отослать въ Приказъ церковныхъ дѣлъ, „запретивъ впредь таковые, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія". Для разсмотрѣнія такихъ изданій учреждена Петромъ І-мъ въ Москвѣ Изуграфская Палата, безъ одобренія которой они не могли выходить (Снегиревъ, Лубочныя картинки, 25); но грозный указъ его былъ вскорѣ забытъ, и въ Москвѣ по прежнему самовольно печатались и продавались изображенія Спаса и святыхъ, такъ что указомъ 18-го октября 1744 года пришлось снова запретить рѣзать такія изображенія и—приказать, чтобы всѣ рисунки были представляемы предварительно на апробацію епархіальныхъ архіереевъ и чтобы послѣ апробаціи, до выпуска въ

свѣтъ изданія, первый оттискъ съ доски былъ представляемъ снова архіерею на утвержденіе (Странникъ 1876, 177) [24]. Такимъ образомъ до изданія цензурнаго устава всѣ картинки духовнаго содержанія разрѣшались въ печать, по порученію Синода, мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ.

Именнымъ указомъ 13 января 1783 года (Полн. Собр. Зак., № 15.654) дозволено въ городахъ и станицахъ заводить типографіи и печатать книги, съ тѣмъ, чтобы въ нихъ „ничего противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или же къ явнымъ соблазнамъ клонящагося издаваемо не было; чего ради отъ Управы Благочинія отдаваемыя въ печать книги свидѣтельствовать“. Это правило примѣнялось всецѣло и къ народнымъ картинкамъ; въ моемъ собраніи находится цѣлая книга съ картинками, печатавшимися на Ахметьевской фабрикѣ, вся скрѣпленная по листамъ полицеймейстеромъ Московской Управы Благочинія; послѣдняя помѣта его сдѣлана около 1770 года [25]. Именнымъ указомъ 15 мая 1790 года (Полн. Собр. Зак., 16. 868) назначенъ особый цензоръ для разсмотрѣнія книгъ при Управѣ Благочинія, съ тѣмъ однако-же, чтобы Управа отвѣчала за все сама. Привозимыя изъ за границы картинки проходили черезъ ту-же цензуру; но 18-го апрѣля 1800 года (Полн. Собр. Зак. 19. 387) нежданно вышелъ указъ, въ которомъ было

---

[24]) Указомъ 1760 года запрещено было продавать изображенія новоявленнаго святителя Дмитрія Ростовскаго, печатанныя своевольно деревянными досками, съ его чудесами, которыя св. Синодомъ еще не апробованы; въ силу указовъ 1744 и 1745 годовъ всѣ оттиски этихъ изображеній и самыя доски у продавцевъ отобраны, причемъ объявлено, что ежели кто впредь пожелаетъ что̀ подобное печатать, то неиначе какъ съ апробаціей св. Синода.

[25]) У меня есть тоже оригинальные рисунки разныхъ событій 1814 и 1815 годовъ, съ цензурнымъ пропускомъ тогдашняго полицеймейстера Шульгина.

объявлено, что „...такъ какъ чрезъ ввозимыя изъ заграницы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ заграницы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ Государство Наше, равномѣрно и музыку" [26]). Не долго впрочемъ существовало такое огульное запрещеніе; оно уничтожено указомъ 31 марта 1801 года. Около того-же времени (указомъ 1799 года) учреждены духовные цензоры при Московскомъ Донскомъ монастырѣ и при Лаврахъ: Александро-Невской въ Петербургѣ и Печерской въ Кіевѣ, къ которымъ стали обращаться за пропускомъ картинокъ духовнаго содержанія.

Затѣмъ началось дѣйствіе знаменитаго Шишковскаго цензурнаго устава 1826 года, которымъ дозволялось печатаніе однѣхъ „нравственныхъ и полезныхъ или по крайней мѣрѣ безвредныхъ картинокъ, а равно и карикатурныхъ изображеній, представляющихъ въ смѣшномъ видѣ пороки людей, если они только не касаются личности". На введеніе этого устава потребовался громадный, по тогдашнему времени, расходъ въ 84,800 рублей. „Сколь ни значительна", замѣчаетъ сочинитель устава, „сама по себѣ таковая издержка, но какъ она послужитъ въ огражденіе вѣры отцевъ нашихъ, преданности къ Престолу, любви къ отечеству и чистоты нравовъ народныхъ, сего священнаго наслѣдія предковъ нашихъ,

---

[26]) Цѣль запрещенія музыкальныхъ произведеній объясняется слѣдующимъ опредѣленіемъ, составленнымъ въ Главномъ Управленіи Цензуры, пятьдесятъ лѣтъ спустя (15 марта 1851 г.): «имѣя въ виду опасеніе, что подъ знаками нотными могутъ быть скрыты злонамѣренныя сочиненія, написанныя по извѣстному ключу.... и т. д.». Въ моемъ собраніи есть достойный замѣчанія куншть по этой части: простой, линованный, безсловесный транспарантъ того времени, съ помѣтою цензора: «печатать позволяется».

то я... не колеблюсь... и прочее". — Вслѣдъ затѣмъ утвержденъ и уставъ духовной цензуры (22 апрѣля 1828 года). Не смотря на то, что Шишковскій уставъ говорилъ положительно, что прописи, рисунки, чертежи, картины, портреты.... подлежатъ вѣдѣнію цензуры (§ 2-ой), — народныя картинки свѣтскаго содержанія незамѣтно выключили себя изъ этого вѣдѣнія, и стали по прежнему распродаваться въ народѣ безъ участія новой цензуры, и только, въ 1839 году, вслѣдствіе частныхъ цензурныхъ распоряженій, были вытребованы въ комитеты и процензурованы всѣ народныя изданія сказокъ, а также портреты особъ Императорской фамиліи и разныхъ героевъ, начиная съ героевъ 1812 года.

Въ 1850 году предсѣдателемъ комитета учрежденнаго для провѣрки „нѣтъ-ли чего вреднаго въ сочиненіяхъ, пропущенныхъ цензурными комитетами", дѣйст. тайн. совѣтникомъ Бутурлинымъ, былъ поднятъ вопросъ о лубочныхъ картинкахъ и произведеніяхъ печати, назначенныхъ для обращенія въ народѣ. Вопросъ этотъ разсматривался разными вѣдомствами, которыя пришли къ тому убѣжденію, что новаго по этому предмету издавать ничего не слѣдуетъ, а просто надо де предписать, чтобы впредь приготовляемыя къ изданію народныя картинки представлялись въ цензуру на общемъ основаніи; что-же касается до старыхъ картинокъ, издававшихся безъ цензуры, то обязать полицію представить о тѣхъ изъ нихъ, которыя предусмотрѣны 1311 статьей Уложенія о наказаніяхъ, чрезъ начальниковъ губерній, министерству внутреннихъ дѣлъ, для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ разсказываетъ И. И. Голышевъ, Московскій генералъ-губернаторъ графъ Закревскій приказалъ заводчикамъ народныхъ картинокъ уничтожить всѣ доски, неимѣвшія цензурнаго дозволенія и впредь не печатать таковыхъ безъ онаго; въ исполненіе этого

приказанія заводчики собрали всѣ старыя мѣдныя доски, изрубили ихъ, при участіи полиціи, въ куски и продали въ ломъ, въ колокольный рядъ. Такимъ образомъ прекратило свое существованіе наше безцензурное народное балагурство (Голышевъ, О лубочн. картин., 16).

Относительно царскихъ портретовъ, цензура была учреждена съ 1723 года; въ этомъ году было предписано суперъ-интенданту Зарудневу наблюдать, чтобы персоны Государя и Государыни писались искусными мастерами, и затѣмъ продаваемые въ Москвѣ, по разнымъ мѣстамъ, безобразные царскіе портреты отбирать и отсылать въ Синодъ. По смерти Заруднева объ этомъ указѣ позабыли; но осенью 1742 года императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, во время прогулки, были представлены два портрета, ея и в. кн. Петра Өеодоровича, необыкновенно безобразной гравировки (№ 538); тутъ вспомнили указъ 1723 года: безобразные портреты предписано отобрать и сдать въ Сенатъ, а магистрату указано было выбрать для наблюденія за этимъ дѣломъ на будущее время искуснаго мастера, вмѣсто умершаго Заруднева, а впредь до выбора наблюденіе это поручить живописцу Вешнякову. Не ранѣе какъ черезъ три года послѣ этого переполоха изданъ портретъ Елизаветы, гравированный мастеромъ Ив. Соколовымъ съ оригинала Каравакки, при Высочайшемъ указѣ, чтобы прочіе мастера „дѣлали и писали портреты Ея Величества на подобіе онаго Высочайше апробованнаго“, который впрочемъ вышелъ немногимъ лучше прежней лубочной персоны [27]). Восемьдесятъ лѣтъ спустя (въ 1826 году) цензура уже требовала, чтобы портреты особъ Августѣйшей фамиліи „имѣли художественное достоинство, приличествующее изображенію

[27]) Это одно изъ неудачныхъ произведеній искуснаго гравера Ив. Соколова (См. примѣч. къ № 538: IV. 452).

особъ Высочайшаго Дома, и желательное въ сихъ случаяхъ сходство". Это желательное сходство и художественное достоинство относились впрочемъ къ однимъ доморощеннымъ произведеніямъ; заграничныя-же произведенія этого разряда дозволено было пропускать, хотя бы они и не имѣли „совершеннаго сходства и изящества въ отдѣлкѣ" (указъ 1856 года).

Въ слѣдующихъ главахъ заключаются замѣтки о содержаніи и текстѣ народныхъ картинокъ; замѣтки эти раздѣлены по предметамъ: гл: IV, притчи о женщинѣ и женскихъ злобахъ,—женитьба; V, ученье и учебныя пособія; VI, календари и альманахи; VII, книги и листки для легкаго чтенія; VIII, легенды; IX, народныя увеселенія; X, театральныя представленія. Музыка и пляска; XI, шутовство и сатиры; XII, карикатуры 1812 года; XIII народное богомолье—и наконецъ XIV, картинки, дѣланныя для народнаго назиданія, по заказу правительства.

IV.

Женщина по взглядамъ Пчелы и духовныхъ бесѣдъ. Женскія злобы. Виргилій и Аристотель. Запава Путятична и Апраксѣвна. Пьяная баба всякому жена. Картинки, представляющія любовное волокитство за женщинами и ихъ невѣрность. Повѣсть о купцовой женѣ и о прикащикѣ. Дамскія персоны легкаго поведенія: Херсоня, пастушки, продажныя нѣмки; помѣха въ любви. **Женитьба.** Разговоръ дѣвицы съ похотливымъ старикомъ. Женихъ и сваха. Разсужденіе о женитьбѣ и о невѣстахъ. Роспись приданому. Невѣста въ банѣ. Доброе и худое домоправительство. Мужъ жену бьетъ, зачѣмъ негодная дома не живетъ. Разженитьбы нѣтъ.

Картинки, изображающія любовное волокитство, женскую хитрость и злобу, невѣрность и увертки женщины

въ любовныхъ дѣлахъ, составляютъ въ ряду народныхъ картинокъ особый, довольно крупный отдѣлъ. Содержаніе ихъ заимствовано изъ двухъ совершенно несходныхъ источниковъ: духовнаго—изъ книги Пчелы и словъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста,—и свѣтскаго—изъ повѣстей и забавныхъ разсказовъ, почерпнутыхъ почти всегда изъ западной литературы.

Подъ №№ 784 и 786 описаны картинки перваго рода, составленныя по взглядамъ духовныхъ отцовъ, сочинителей Пчелы. Надобно отдать справедливость, что отцы эти преслѣдовали женщину съ особеннымъ упорствомъ и относились къ ней съ какою то аскетическою злобою; во всемъ и вездѣ она виновата: если, напримѣръ, старецъ или мнихъ увидитъ дѣвицу, то непремѣнно бѣсъ вложитъ въ него „злый помыселъ“, причемъ мнихъ всегда всю вину и собственное свое „окаянство“ сваливаетъ на жену—„орудіе дьявола“—и, въ видѣ особеннаго подвига, предаетъ смерти жертву своего сластолюбія [28]). „Что такое злая жена?“ спрашиваетъ самъ себя авторъ Пчелы, — и самъ себѣ отвѣчаетъ: „око дьявола, торгъ адовъ, подобна есть перечесу, всюду болитъ и всюду свербитъ; воевода неправеднымъ, стрѣла сатанина, уязвляетъ сердца юныхъ и старыхъ въ несытное блужденіе“. Въ бесѣдѣ отца съ сыномъ, передѣланной изъ той-же Пчелы, описывается, напримѣръ, какъ кокетка XVII вѣка отправляется „устрѣлять“ человѣческія сердца. Сперва она „прехитро себя украшаетъ, пріятныя сандаліи обуваетъ, и вѣжды свои ощиплетъ, и духами учинитъ, и лице и выю вапами (бѣлилами) повапитъ, и черности въ очесѣхъ себѣ украситъ [29]); когда идетъ — ступаетъ тихо, и шею

---

[28]) Въ церкви Саввы освященнаго, въ Москвѣ, подобный эпизодъ написанъ на одной изъ алтарныхъ дверей.

[29]) Это нынѣшнее велюте.

слегка обращаетъ, а зрѣніемъ умильно взираетъ, уста съ улыбкой отверзаетъ и всѣ составы къ прелести ухищряетъ, и многія души огнепальными стрѣлами устрѣляетъ, яко ядомъ зловоннымъ видѣніемъ своимъ юныхъ убиваетъ". Не лучше того описывается жена льстивая, которая обманываетъ мужа своими ласками, а только мужъ за дверь, она принимается за молодыхъ любовниковъ, „въ оконце часто призираетъ, скачетъ, пляшетъ, бедрами трясетъ, хрептомъ вихляетъ, головою киваетъ". Поученія Пчелы заканчиваются наборомъ всякой брани противъ женщины: она-то и ехидна, и скорпія, и левъ, и медвѣдь [30]), и аспидъ, и василискъ, и похоть несытая, и неправдамъ кузнецъ, и грѣхамъ пастухъ и вапыкательница [31]), — и, въ заключеніе „б...словія гостинница" (III. 168). Въ той же бесѣдѣ разсказываются и разныя исторіи по этой части: „Нѣкоему умре жена зла; онъ-же по многихъ днехъ нача дѣти своя продавати; люди-же его кленяху, онъ-же рече имъ: боюся егда како въ матерь будутъ, аще возростутъ, то они меня продадутъ".— Другая исторія: „Нѣкто плачася по женѣ и глаголя: не сего ради плачу зане умре ми жена; но сего плачу аще будетъ и другая ей подобная".—Третья исторія: Нѣкоего звали на дворъ посмотрѣть на представленіе съ обезьянами, „а онъ отвѣтилъ, нейду братъ, дома имамъ обезьяну, жену злообразну" (III. 167) [32]).

---

[30]) Въ одной рукописи, принадлежащей И. Е. Забѣлину, противъ этихъ названій рукою одного озлобленнаго супруга отмѣчено: «подобное оной заповѣди моя жена Пелагія, во всемъ сходство имѣетъ»; а противъ слова «скорпія» — такая-же отмѣтка: «и сія подобна во всемъ».

[31]) Т. е. покрывающая себя красками.

[32]) О типахъ женской красоты по писаніямъ разнаго времени см. прим. къ № 139, гдѣ между прочимъ помѣщено и курьезное описаніе нравственной красоты въ образѣ нѣкоей Юліаніи Лазаревской (XVII в. IV. 241—243).

Въ одномъ словѣ Іоанна Златоуста, „о злыхъ женахъ“, ехидство женскаго пола доказывается разными примѣрами изъ Священнаго Писанія и древней исторіи: въ Ветхомъ Завѣтѣ—„жены ради Адамъ былъ изгнанъ изъ рая; царей Давида и Соломона жены погубили; Ной праведный отъ жены напоенъ виннымъ квасомъ; жена хотѣла погубить Іосифа; китъ Іону во чревѣ сохрани, Далила же мужа своего Самсона остригши иноплеменникомъ предаде“; въ Новомъ Завѣтѣ:—Иродіада усѣкла Іоанна крестителя, а Евдокія заточила Іоанна Златоуста въ Армены (III. 170) [33]).

Въ средніе вѣка подобныя обвиненія женщины были въ общемъ ходу, какъ у писателей, такъ и у художниковъ. Въ французскомъ монастырѣ въ Перигё, напримѣръ, на одной изъ колонокъ внутренней галереи художникъ представилъ, рядомъ съ грѣхопаденіемъ первыхъ человѣковъ, извѣстныя любовныя продѣлки съ поэтомъ Виргиліемъ и мудрецомъ Аристотелемъ. Виргилій влюбился безъ памяти въ одну принцесу; она назначила ему свиданіе; но красавица жила въ высокой башнѣ, добраться до нея надобно было воздушнымъ путемъ въ корзинкѣ; корзинка была спущена изъ верхняго окна на веревкѣ; Виргилій усѣлся въ неё, былъ поднятъ до половины и, по приказанію красавицы, оставленъ въ такомъ положеніи между небомъ и землей, на общее посмѣяніе. Мудрецъ Аристотель попался еще хуже: пожаловался онъ однажды царю Филиппу, что сынъ его Александръ, вмѣсто науки, занимается волокитствомъ за фрейлиною Филидою; любовныя похожденія были конечно пріостановлены; но Филида задумала, какъ-бы отомстить разлучнику. Разъ какъ-то утромъ пошла она за

---

[33]) Въ бесѣдѣ чадолюбиваго отца съ сыномъ къ этимъ обвиненіямъ прибавлено еще одно: «храбрый Александръ отъ жены скончался».

водой; идетъ мимо окна Аристотелева, да и подняла юбочку повыше колѣна; залюбовался сѣдой лиходѣй красавицей; Филида бросила ему горсть цвѣтовъ да нѣсколько любовныхъ взглядовъ, — потерялъ голову Аристотель, побѣжалъ вслѣдъ за соблазнительницей и началъ уговаривать её на любовь, предлагая деньги, алмазы, все, чего только пожелаетъ. Чтобы помучить сѣдаго умника, Филида заставила его стать на карачки, сѣла на него верхомъ и погнала на четвереынкахъ по садовымъ дорожкамъ, къ немалому удовольствію зрителей, сбѣжавшихся посмотрѣть на такое потѣшное зрѣлище. Этотъ забавный эпизодъ съ Аристотелемъ представленъ и на одной изъ нашихъ народныхъ картинокъ (№ 220), въ передѣлкѣ на русскіе нравы Петровскаго времени; онъ озаглавленъ такъ: „Нѣмка ѣдитъ на старикѣ, на старомъ д.....е, на большой бородѣ, посулила ему сткляницу вина, да кунганъ пива, да съ ногъ его сшибла", при чемъ нѣмка представлена въ чухонскомъ платьѣ, съ чалмой на головѣ; она сидитъ верхомъ на бородатомъ старикѣ, который плетется, опираясь на клюку, а сзади посыпаетъ опекишами; въ рукахъ у нѣмки штофъ съ виномъ и кувшинъ съ пивомъ.

Конечно проповѣдное озлобленіе Пчелы и бесѣдъ противъ женщины не имѣло никакого значенія въ народномъ быту; народъ глядитъ на женщину и на ея мѣсто въ домѣ гораздо проще и трезвѣе; по его глупому разуму: родился человѣкъ мужикомъ на свѣтъ, — значитъ и слѣдуетъ ему бабу достать, да семью завести, и не умерщвленіемъ плоти заниматься, а просто работать да подати платить, пока смерть не приберетъ; складена у него въ домѣ печь, по двору ходитъ корова, а въ полѣ ленъ поспѣлъ, — значитъ нужна хозяйка печь топить, корову доить и ленъ брать; да ктомуже онъ хорошо знаетъ, что и самое озлобленіе у составителя Пчелы не настоящее, а напускное, и

что на дѣлѣ злобный отшельникъ далеко не прочь залучить въ свою келію „повапленаго аспида въ пріятныхъ сандаліяхъ".

Что касается до женскаго ехидства и увертокъ, то нельзя сказать чтобы и встарину женскій полъ отличался особенною нравственностью; на любовныя продѣлки его однакоже народъ смотрѣлъ не глазами Пчелы, а почти такъ же снисходительно, какъ и на продѣлки мужской братіи. Всѣ знаютъ, напримѣръ, что Чурило Пленковичъ ходитъ по ночамъ къ прекрасной Катеринѣ, женѣ стараго Бермяты; знаютъ „да только посмѣиваются" (IV. 97). А какова знаменитая Апраксѣевна, которую Алеша Поповичъ въ сердцахъ „чуть не назвалъ сукой волочайкой"! Татарскій рыцарь „идолище" безъ зазору при всѣхъ у ней въ пазухѣ руки грѣетъ (IV. 103. 104). Раззадорившись на молодаго Касьяна, она подсылаетъ Алешу Поповича звать его къ себѣ „на долгіе вечера посидѣть" и, когда Касьянъ, какъ новый Іосифъ, отъ такой чести отказывается, ненасытная княгиня приказываетъ подложить ему въ сумку серебряную чарку и обвиняетъ его въ воровствѣ; затѣмъ сама отъ неудовлетворенной похоти заболѣваетъ проказою и, когда Касьянъ излечиваетъ её отъ недуга, она „безъ стыда и безъ сорому", будто ни въ чемъ не бывало, выходитъ къ князю и къ гостямъ на поклонъ, при чемъ терпѣливый Владиміръ даже никакого ей наставленія на этотъ конецъ не дѣлаетъ (IV. 106—108). На Чурилу Пленковича похотливая Апраксѣевна зарится еще безстыднѣе (IV. 97) [34]. Былины эти

---

[34]) Въ то время и дѣвицы были не трусливѣе замужнихъ: пришла напримѣръ княжеская племянница Запава Путятична къ Соловью Будиміровичу въ палаты,—сама за него свататься; тотчасъ Соловей ее за бѣлыя ручки да и на перины пуховыя: «чего-де ты Запава испужалася? мы-де оба на возрастѣ».—«А и я, отвѣчаетъ Запава, дѣвица на выданьѣ, пришла сама за тебя свататься». Тутъ они и помолвили (IV. 88. 89).

сложились конечно не ранѣе XVII вѣка, когда, по словамъ Олеарія, между женскимъ поломъ развилось сильное пьянство и разгулъ: пили и боярскія жены, и купчихи, и мѣщанки, всѣ напивались до пьяна, — а баба пьяна, говоритъ пословица, вся чужа, т. е. всякому жена. Въ этомъ отношеніи просвѣщеніе двигалось у насъ впередъ гигантскими шагами: съ легкой руки Петра женщина выведена была разомъ изъ всякой опеки; асамблеи, постоянныя попойки и своеобразные придворные обычаи привели дѣло къ тому, что въ XVIII столѣтіи пословицу о пьяныхъ женахъ можно было примѣнить безъ особой натяжки и къ большинству трезвыхъ женщинъ. Въ народныхъ картинкахъ того времени представлены въ лицахъ любовныя продѣлки персонъ всѣхъ сословій и состояній и при разныхъ условіяхъ. Впереди идутъ обиходныя любезничанья, по большей части промежъ барской дворни: душа Танюшка, проситъ (лакей) Ванюшка, люби меня, будь во вѣкъ моя, ну и Таня „рученьку дала, Ваню милымъ назвала" (I. 346); „Яковъ кучеръ кухарку обнимаетъ, а она его отъ себя пихаетъ,—пожалуй поди прочь, я вѣдь не кобылья дочь" (346); „отдай мнѣ ведра", кричитъ дворнику судомойка (348); „черный глазъ поцѣлуй хоть разъ",—шепчетъ франтъ барышнѣ,—„тебя не убудетъ, а мнѣ радости прибудетъ" (347). Другой франтъ неотступно пристаетъ къ блинщицѣ, которая показалась ему „очень миленька за тѣмъ, что сзади ужъ больно крутенька"; блинная печка стоитъ на трехъ ножкахъ, вверху сидитъ преуморительный котъ съ растопыренными ушами, дымъ валитъ коромысломъ; въ текстѣ картинки подробно объяснено, чего добивается этотъ франтъ отъ блинщицы (344). На другой картинкѣ прикащикъ угощаетъ сосѣдку яблоками, которая, соглашаясь ихъ кушать, замѣчаетъ своему ферлакуру: „вижу всѣ ваши догадки и давно о томъ мушу (смѣкаю), что хочешь повалить меня подъ грушу" (349).

На ряду съ этими картинками, представляющими обиходныя, случайныя любовныя приключенія и приставанія, встрѣчаются приключенія и такихъ госпожъ, которыя любовь обратили въ ремесло. Еще Олеарій замѣтилъ, что по гостиному двору взадъ и впередъ шныряли съ разными печеньями и овощами женщины, которыя вмѣстѣ съ печеньями предлагали и секретный сырой товаръ. Въ комедіи о блудномъ сынѣ находимъ двѣ картинки, изъ которыхъ въ одной—подлѣ кровати блуднаго стоитъ наемная блудница, а въ другой представленъ цѣлый домъ прелюбодѣицъ: одна блудница гонится за блуднымъ съ кочергою, а другая выливаетъ на него горшокъ съ уливой (III. 21 и 25). При бо́льшемъ знакомствѣ съ Европою, и съ наплывомъ къ намъ нѣмокъ, полекъ и француженокъ, торговля этимъ товаромъ сдѣлалась еще открытѣе, и смѣлыя авантюристки часто заднимъ крыльцомъ добирались до высшихъ почестей. На картинкѣ № 222 представлены по этой части: панъ Трыкъ (полна пазуха лыкъ, три дня не ѣлъ, а въ зубахъ ковыряетъ) и дамская персона Херсоня, которая „по ночамъ неусыпаетъ" (I. 451); на №№ 217, 218 и 219 молодыя нѣмки кормятъ стариковъ кашей и со́сками; на № 220 нѣмка ѣдетъ верхомъ на старомъ старикѣ (I. 450; объ этой картинкѣ говорено выше). На № 124 представлены охотникъ и пастушка во французскихъ костюмахъ, — послѣдняя говоритъ:

„Я съ малыхъ лѣтъ привычки сей держуся:
Безъ денегъ ни съ какимъ красавцемъ не люблюся,
А для прибытка я со всѣми не дика,
За деньги я любить готова хоть быка" (I. 348);

тѣже самыя вирши помѣщены и на другой картинкѣ (№ 234), на которой провинціальный франтъ изъ Шуи (гдѣ онъ носилъ козлиную шубу), съ высокимъ тупеемъ,

любезничаетъ съ продажной франтихой (462). Наконецъ, на одной картинкѣ съ французскаго образца, представлена цѣлая компанія франтовъ, пирующихъ съ кокотками, съ преглупыми виршами, въ стилѣ второй половины XVIII вѣка (№ 128). Затѣмъ слѣдуютъ болѣе или менѣе доморощенныя измышленія: № 131. „хоть и стареиекъ да съ деньгами миленекъ", — говоритъ красавица, усадивъ на свои колѣни сѣдаго старика; „а ты", замѣчаетъ она молодому человѣку, „хоть и въ хорошемъ кафтанѣ, да ничего нѣтъ въ карманѣ, что и сидѣть тебѣ болѣ, отойди когда голи". — На другой картинкѣ (№ 132) сѣдой пострѣлъ проситъ красавицу полюбить его „хоть изъ милости". „Не дури старый песъ", грозитъ ему прелестница.—Такого-же рода картинки: № 134. двѣ молодки на одного молодца, № 208. ералашъ съ молодицей, № 127. любовное предложеніе, и еще двѣ картинки, скопированныя съ французскихъ образцовъ: горюетъ дѣвушка (№ 156) и помѣха въ любви (№ 135); послѣдняя очень забавна: она представляетъ господина, которому любопытный прохожій помѣшалъ въ любовной забавѣ „съ нѣкоей госпожей".

Что касается до картинокъ, въ которыхъ описаны увертки и любовныя приключенія замужнихъ женщинъ, то почти всѣ онѣ заимствованы или скопированы съ иностранныхъ образцовъ. Разговоръ мужа съ женою, которая наивно отвѣчаетъ ему: „что я люблю другихъ, вѣдь ты не убываешь" (№ 158); невѣрная жена, которая „перемѣнки пожелала, волокита къ ней присталъ" (159); еще жена, которой мужъ „другихъ любить не возбраняетъ: онъ отъ того доходъ великій получаетъ" (№ 233); и женская разсѣянность (№ 73), — скопированы съ французскихъ гравюръ въ ту-же мѣру.—Принужденное терпѣніе нѣкоего терпѣливаго отца, которому жена родитъ ребятъ безъ его вѣдома (№№ 164 и 165), скопировано въ ту-же мѣру съ нѣмецкой картинки, а рейтаръ рогоносецъ на пѣтухѣ и рей-

тарша жена его на курицѣ (№№ 162 и 163) печатаны прямо съ нѣмецкихъ досокъ, причемъ русскія надписи сдѣланы вмѣсто соскобленныхъ нѣмецкихъ. Остальныя картинки заимствованы изъ книжной литературы XVIII вѣка, а именно: № 69. повѣсть о старомъ мужѣ и молодой женѣ переведена, съ сокращеніями, изъ Декамерона Бокачіо; № 67—о женатомъ волокитѣ перепечатана изъ сочиненій Аблесимова. Съ западныхъ оригиналовъ заимствованы: № 70. о шутѣ и трактирщикѣ и № 72. лукавая жена, „которая замужемъ двадцать недѣль была и въ то время ребенка родила; мужъ пришелъ отъ того въ великое сумлѣніе“, но жена нашлась въ отвѣтѣ: „вѣдь я, мужъ, двадцать недѣль за тобою, да двадцать недѣль, какъ ты живешь со мною, и того будетъ сорокъ!“—простакъ такъ и не спохватился, а еще себя обвинилъ въ недогадкѣ; наконецъ № 62. повѣсть о купцовой женѣ и о прикащикѣ, которая очевидно переведена съ французскаго языка, такъ какъ и самое дѣйствіе происходитъ во Франціи. Эта послѣдняя повѣсть, какъ сказано объ этомъ въ примѣчаніяхъ (IV. 182), заключаетъ въ себѣ подражаніе весьма древнимъ разсказамъ о женскихъ уверткахъ. У стараго богатаго купца была молодая жена; понравился ей сильно хозяйскій прикащикъ; вотъ и спрашиваетъ она его разъ, что онъ такое пишетъ. Прикащику въ то время было недосужно, да и не предполагалъ онъ за ней любовнаго дѣла, потому и отвѣтилъ грубо: „пишу, сударыня, о бабьихъ увёрткахъ“. — „Хорошо-же, покажу я тебѣ бабьи увертки“, подумала купчиха. Черезъ нѣсколько времени, когда уѣхалъ ея мужъ, приказала она позвать прикащика къ себѣ въ спальню. Тары — бары, смотритъ, мужъ на дворъ; только успѣла спрятать прикащика за картину, мужъ входитъ въ комнату. „Попадешь-ли ты въ эту картину, старый“, спрашиваетъ его жена;—„отчего не по-

пасть". Беретъ старикъ ружье, цѣлится; прикащикъ со страху за картиной обмираетъ; раздается выстрѣлъ,—купецъ промахнулся: жена отшибла у него ружье въ сторону. „А каковы, прикащикъ, кажутся тебѣ бабьи увертки?", спрашиваетъ его купчиха, когда мужъ ушелъ изъ спальни. Затѣмъ изобрѣтаются двѣ новыя увертки: купчиха, чтобы мужъ не засталъ прикащика у нея въ спальнѣ, въ первый разъ запираетъ прикащика въ шкапъ, а въ другой ведетъ его съ собою париться въ баню; оба раза она смѣло выручаетъ прикащика изъ бѣды своими увертками, и наконецъ объявляетъ ему, что теперь можетъ онъ любиться съ нею безъ опаски, и что отъ мужа она можетъ всячески отговориться. Въ послѣдствіи старикъ померъ; купчиха вышла за прикащика, который: „сколько не обращался, а какъ присмотрѣлъ увертокъ боялся; мнилъ: аще и его не будетъ любить, не можно ее ни въ чемъ уловить" (I. 225).

Пришедши въ совершенныя лѣта, добрый молодецъ (я говорю о городскомъ сословіи, ибо наши картинки преимущественно до него относятся) задумываетъ завести свой уголъ, — свою жену, надъ которой бы можно свой ндравъ показать; свою семью, въ которой одному хозяиномъ быть. Начинаетъ онъ разсуждать о женитьбѣ. Встарину дѣвокъ выдавали на Руси, не спрашивая на это ихъ согласія. „Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого обманства на дѣвки, яко въ Московскомъ государствѣ", говоритъ Котошихинъ: „здѣсь нѣтъ обычая видѣться жениху съ невѣстой и уговариваться съ нею самому". Конечно это велось больше въ боярскомъ и зажиточномъ класѣ, гдѣ дѣвицъ держали до свадьбы взаперти, да и потомъ съ женщинами обращались по восточному. Въ нижнемъ и среднемъ класахъ народа дѣвушка всегда могла видѣться съ парнемъ и на работѣ, и во время гулянья, и очень коротко познакомиться съ нимъ до свадьбы и безъ

свадьбы. Но и здѣсь свадьба всего чаще игралась безъ согласія молодыхъ, по одному произволу родителей. Уже въ 1675 году архіепископъ Муромскій и Рязанскій обращалъ вниманіе своей паствы на это зло, и указывалъ, чтобы ранѣе 15 лѣтъ жениха и 12-ти лѣтъ невѣсту не вѣнчать, и чтобъ при этомъ было обоихъ изволеніе не нужное (согласіе не насильственное) на сожительство (Пискаревъ, Древн. Грам. Спб. 1854, 131). Указомъ Петра I повелѣвалось жениху и невѣстѣ прежде вѣнца нѣсколько разъ видѣться, и безъ согласія ихъ на бракъ не вѣнчать. Распоряженія эти имѣли свое дѣйствіе: по крайней мѣрѣ до насъ дошли пѣсни и на выборъ невѣстою жениха, и на согласіе невѣсты на замужество. Въ „Памятникахъ старинной русской литературы" графа Кушелева (II. 453) встрѣчаемъ очень куріозный разсказъ о томъ, какъ молодая дѣвица давала отвѣтъ старому мужу, хотѣвшему взять её замужъ, — разсказъ, который прямо наводитъ на мысль, что дѣвицы наши не всегда безропотно выходили замужъ за кого прикажутъ родители. Сватается къ молодой дѣвицѣ мужъ „весьма старъ, но еще костью храбръ и плотію встанливъ"; обѣщаетъ онъ ей всякія блага; но ничто не дѣйствуетъ. „Не хочу идти за тебя стараго смерда, понурую свинью", говоритъ дѣвица, „если-же ты возмешь меня неволей, и скоро уды твои ослабнутъ, и волосъ пожелтѣетъ, и плотскому моему естеству не утѣха будеши. Тогда азъ дѣвица отъ распаленія вниду въ преступленіе съ младымъ отрокомъ; и ему будетъ во всемъ почетъ, любовъ и обиліе: здобные пироги, сахаръ на блюдѣ, да мягкія перины; а тебѣ кислой проскващѣ спать на голыхъ доскахъ, подъ соломенной рогожей, съ собаками, пить тебѣ болотную воду, ѣсть тебѣ черствый хлѣбъ". Такъ и не вышла молодица за стараго, а вышла за молодца хорошаго; а старина бѣгалъ, бѣгалъ со своимъ сватовствомъ, да и

удавился. „Молодой дѣвицѣ честь и слава“, прибавлено въ концѣ разсказа; „а старому мужу — коровай сала!“

Съ согласія-ли, безъ согласія-ли молодыхъ играется свадьба, а главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ ней являлась сваха, безсовѣстная привираха. Она расписывала передъ женихомъ красоту невѣсты, присутствовала при рукобитіи, справляла переговоры о приданомъ, и заправляла свадебными приготовленіями. На одной изъ нашихъ картинокъ (№ 138) представленъ разговоръ по этой части молодаго жениха со свахою,—оба они въ шутовскихъ костюмахъ; сваха предлагаетъ жениху разныхъ невѣстъ: богатую, разумную, красивую; „хочу имѣть покой“, говоритъ женихъ, — „такъ не бери никакой“, кончаетъ сваха. На другой картинкѣ (№ 137) приведенъ смѣхотворный разговоръ глупаго жениха съ дурою свахою: „Уже пришли мои совершенные лѣта“, говоритъ женихъ, „хочется мнѣ жениться и съ любезной повеселиться; а я, какъ видишь, чѣмъ не молодецъ, и носъ у себя имѣю съ немалый огурецъ, копѣечка водится у меня, такъ надѣюсь, что и въ кокошничкѣ полюбитъ меня. Изрѣдко напиваюсь, щегольски наряжаюсь; трость, штаны и шляпа—дана не малая плата, а объ чулкахъ и башмакахъ, что ужъ калякать; постарайся поскорѣе свадебку сляпать; а то еще вчерашняго числа гулялъ по улицѣ, и усмотрѣлъ, что пѣтухъ топталъ курицу“. На эти просьбы сваха отвѣчаетъ ему: „надѣйся на меня—будешь доволенъ, я имѣю приворотный корень; видя твою дурацкую рожу, приведу съ рогами тебѣ козу“. За этимъ разговоромъ слѣдуетъ разсужденіе самаго жениха о женитьбѣ и невѣстахъ, очень напоминающее разсужденія Панюржа у Рабле. На какой изъ нихъ жениться, разговариваетъ онъ самъ съ собою: богатую взять, — будутъ попрекать; убогую взять, — нечѣмъ содержать; умную взять,—не дастъ слова сказать; хорошую взять,—много

будутъ люди знать; худую взять, — стыдно въ люди показать; старую взять, — часто съ нею хлопотать. Изъ крестьянства взять, — отъ компаніи отстать; изъ холопства взять, — станутъ пересмѣхать; солдатку взять, — много станутъ люди знать; съ фабричной, — дома не собрать; изъ посадскихъ взять, — много надобно вина содержать; церковнаго чину взять, — кутейникомъ станутъ звать; изъ дворянства взять, — много убору содержать; иноземку взять, — не умѣетъ крестьянскихъ работъ работать. Въ концѣ приложено наставленіе разсуждающему: „аще кто хочетъ по нраву выбирать, то вѣкъ ему женатому не бывать; надобно спроситься у добрыхъ людей, какъ будутъ выбирать, и что разсуждать; и намъ о томъ пожаловать сказать".

Въ другой картинкѣ, „реэстръ о дамахъ и прекрасныхъ дѣвицахъ", предлагаются жениху имена невѣстъ съ краткимъ обозначеніемъ однихъ личныхъ ихъ качествъ: толста да проста Афросинья; ни туда ни сюда Ѳитинья; взглянетъ утѣшитъ Арина; промолвитъ—накормитъ Марина; красныя румяны Маланья; бѣлыя бѣлилы Авдотья; пріятна въ любви Наталья; хвостъ поднять Марья; винца испить Аѳимья; съ молодцами погулять Матрена, и т. д. Наконецъ женихъ выбираетъ себѣ, изъ всего этого товара, невѣсту (конечно только не старую даму Соломониду, по своимъ привычкамъ похожую на кота Алабрыса; I. 366). Для свахи опять настаетъ горячая пора; не мало приходится ей бѣгать отъ невѣстиныхъ родныхъ къ жениховымъ, повѣрять и добавлять „роспись приданому", объяснять, перевирать и расхваливать, какія тамъ вещи переписаны. Росписи приданому ведутся у насъ и въ настоящее время въ мѣщанскомъ, купеческомъ и духовномъ сословіи; въ нихъ, самымъ подробнымъ манеромъ, расписываются: платья, салопы, бѣлье, башмаки, сапоги, шапочки, всякая дрянь

и мелочь, иногда не стоющая ни гроша; переговоры по росписи идутъ жаркіе; случается часто, что изъ за какого нибудь дряннаго капота или шапочки, разстраивается свадьба, — сваху взашеи, и реестръ возвращается роднымъ невѣсты. Встарину такіе реестры, тоже весьма подробные, включались въ рядныя записи. Двѣ такія записи, одна 1712, другая 1730 г., напечатаны П. И. Савваитовымъ, въ Запискахъ Русскаго Отдѣленія Археологическаго Общества (XI. 596); текстъ нашихъ картинокъ (№№ 143 и 144) представляетъ забавную пародію на этѣ записи. Въ нашихъ росписяхъ, также какъ и въ настоящихъ рядныхъ записяхъ, подробно перечислены платья, бѣлье, посуда, серьги, ароматики, и другія туалетныя принадлежности; даже названія тамъ и тутъ встрѣчаются одни и тѣже: серьги двойчатки, ожерелье, фантажъ, нахца, колпакъ къ постелѣ и туфлейка, чепчикъ съ брыжжами, бастрокъ, самара, лабронъ, шлафрокъ, корнетъ, корсетъ; ларчикъ съ ароматическими коробочками, ножечки и всякая мелочь; тазы, кувшины, котлы, лахани и пр. рухлядь.

Конечно описаніе вещей въ народныхъ картинкахъ сдѣлано въ дурацкомъ пошибѣ; напримѣръ: изъ платья,— „ежова шуба Петербургскаго манеру, и та сдѣлана не въ мѣру; бастрокъ печальный, изъ матеріи мочальной; парусинный лабронъ, да танцелеровой балахонъ, и тотъ въ торговой банѣ унесенъ; праздничный уборъ, въ которомъ лазятъ красть куръ черезъ заборъ; шлафоръ гулевой изъ рогожи соленóй; жениху дюжина рубахъ моржовыхъ, да для танцевъ двѣ пары портковъ ежовыхъ; маленькій ларчикъ, а въ ларчикѣ ароматикъ съ клопами, да табакерка съ блохами, рогъ съ чеснокомъ, да пузырь съ табакомъ.... да мертвая мушка, да еще мушечки, да коклюшечки, иголочки, да ножечки, булавочки, да бородавочки, да куриныя нагавочки“. Въ концѣ росписи, точно такъ какъ и въ рядной записи 1712 года, помѣщено

перечисленіе недвижимаго имущества, поступающаго въ приданое за невѣстой: „два лукошка земли въ Ломовѣ, да гнилое болото въ Уколовѣ; деревня межъ Кашина и Ростова позади Козьмы Толстова; въ той же деревнѣ запасу скотины и дичины: у старосты Елизара ржавыхъ куликовъ пара, да Порамошка казначей содержитъ полдюжины грачей; заяцъ косой, да ежъ борзой; корова бура да и та дура; кобыла безъ копыта, да и та вся (задомъ) разбита; конь гнѣдъ, а шерсти на немъ нѣтъ, передомъ сѣчетъ, а задъ волочетъ.—И всего приданаго на столько, да жениху табаку напойка; и оное все на лице, какъ выѣдено яйце“. Въ заключеніе прибавлено дурацкое описаніе о красотѣ невѣсты, которая „пригожа и румяна какъ обезьяна, во рту ростетъ калина, а въ носу рябина, свиной лобъ, а взоръ какъ рыжій котъ, разновидные глаза, будто дикая коза; ходитъ по нѣмецки, а говоритъ по шведски; да при томъ всѣмъ досужа, что никогда не просыхаетъ подъ ней лужа“. Картинка эта, какъ видно, была въ большомъ ходу въ свое время; издавалась въ двухъ переводахъ, полномъ и сокращенномъ, и печаталась съ девяти разныхъ досокъ. Текстъ ея представляетъ не мало интереса для излѣдователей женской моды XVIII вѣка, вмѣстѣ съ другими картинками по этой части, относящимися ко времени Екатерины II-й и представляющими необычайно высокія прически и громадные роброны и фижмы того времени (№№ 228—238) [35].

---

[35]) Моды эти въ XVIII вѣкѣ, вмѣстѣ съ модою лѣпиться мушками и махаться вѣерами, распространились изъ высшихъ слоевъ общества на семьи купеческія и мѣщанскія; а мушками лѣпились даже раскольницы. Эти мушки представляли прекрасному полу возможность вести безмолвные разговоры съ своими обожателями; въ прошедшемъ столѣтіи существовала цѣлая наука, на какомъ мѣстѣ слѣдовало наклеивать мушку въ такихъ переговорахъ: мушка подъ лѣвой щекой, напримѣръ, означала горячество; промежъ бровей — соединеніе любви; на концѣ носа— одному отказъ; среди лба—знакъ любви и т. д. (I. 457). Для той-же

Когда рядная подписана и стороны ударили по рукамъ, дѣло считается слаженымъ, — невѣсту ведутъ въ баню. На этотъ случай встарину пѣлись особыя пѣсни, — въ банѣ-же невѣстѣ дарился деревянный гребень, на которомъ были вырѣзаны, въ лицахъ, ожидавшія ее супружескія ласки [36]). Обыкновенно сватьбы игрались сотнями, передъ масляной; въ эти послѣдніе дни, въ торговыхъ баняхъ Московскихъ, ради невѣстъ, въ женскія бани мущинъ не пускали [37]). Подъ №№ 214 и 215 описаны двѣ народныя картинки, съ изображеніемъ бани, въ которой, согласно съ запретительными указами, моются однѣ женщины; на одной изъ нихъ три бабушки моютъ трехъ дѣвушекъ, двухъ на скамейкѣ, а третью „бабушка за ноги такъ встрехнула, что та насилу отдохнула". Это три невѣсты. Тутъ-же рядомъ бабушка Арина „правитъ животъ" беременной дамѣ; впереди моются три молодицы „чтобъ бѣлыми къ другу появиться". Въ банѣ, должно быть, стоитъ сильный паръ: двѣ парильщицы уже свалились съ полка—„насилу отдохнули", но третья, позадорнѣе, все еще кричитъ: „подай пару, животу моему отраду".

цѣли употреблялись и различные цвѣта въ одеждѣ и лентахъ: черный—означалъ печаль, темно зеленый — вѣрность, свѣтло зеленый — надежду, алый—любовь, рудо желтый—свиданіе и цѣлованіе (I. 456). Искусныя кокетки умѣли переговариваться съ своими ферлакурами еще и посредствомъ маханія вѣеромъ въ разныя стороны и на разные темпы (въ наше время этимъ славились испанки); отъ этого маханія произошло и слово махаться, часто употреблявшееся самою Екатериною II-ю, какъ синонимъ слова: амуриться или любиться (См. также табатерки).

[36]) Такой гребень подаренъ въ 1873 году, Московскимъ старожиломъ В. Ѳ. Щербаковымъ, въ Московскій Музей.

[37]) Въ прочее же время мущины мылись съ женщинами въ общихъ баняхъ; обычай этотъ, не смотря на неоднократныя запрещенія, велся и

Народныхъ картинокъ, въ которыхъ были-бы изображены свадебные обряды и обычаи,—нѣтъ; и слѣдующіе затѣмъ, по принятому нами порядку, забавные листы переводятъ насъ прямо въ домашній обиходъ или „домосодержаніе" супруговъ. „Доброе домосодержаніе" представлено только на одной картинкѣ, и то съ иностраннаго образца: на плечахъ своихъ супруги держатъ большое коромысло, къ которому привѣшена тяжелая гиря; вверху вирши:

„Несу сіе бремя и тягость охотно,
зря мужне со мною союзство угодно
и понеже онъ во мнѣ свое довольство имѣетъ...и. т. д."

(I. 378). Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ картинокъ, представляющихъ худое домоправительство (I. 379): драка жены съ мужемъ, невѣрность жены и разныя ея продѣлки; „терпѣливый отецъ" подбираетъ своихъ-чужихъ дѣтей (№№ 164 и 165), „поспѣваетъ скорѣе домой, не родился-ли еще какой". Дѣтей своихъ, цѣлыхъ пятнадцать, онъ таскаетъ съ собой, которыхъ въ корзинѣ, которыхъ за поясомъ, которыхъ за пазухой; онъ давно ужъ примирился съ тѣмъ, что „съ рогами родился, что-бъ всякъ тому дивился". Представлена и другая порода мужей: нагулявшись до сыта съ разными херсонями, пастушками и чужими женами, и пришедши въ тотъ возрастъ, когда храбрость ихъ уже достаточно укротилась и стали они „женскому полу не въ утѣху" (IV. 237), они берутъ себѣ молодыхъ, здоровыхъ женъ и силятся поставить „домосодержаніе" свое по правиламъ Пчелы и Домостроя. Провинится жена, надо её поучить; да если и не виновата, поучить тоже не худо: „жену злую учить жезломъ, чтобъ

въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, а въ крестьянствѣ, гдѣ православные моются въ печкѣ, одинъ за другимъ по очереди, цѣлыми семьями, такую патріархальность можно встрѣтить и теперь въ любой деревнѣ.

исправилась, а добрую, чтобъ не испортилась [38])". И вотъ глава дома, всесильный мужъ, слѣдуя наставленію Домостроя, задумываетъ, какъ бы, „снявъ рубашку да за руки державъ, жену вежливенько плеткою побить". Хорошо если жена попадется смирная, да станетъ молиться Гурію, Самону и Авиву, чтобы укротили гнѣвъ его (III. 419), или такая, съ веселымъ нравомъ, которой какъ говорится въ пословицѣ все трынь трава: была подъ вѣнцемъ, да и дѣло съ концемъ,—или если еще она и въ самомъ дѣлѣ виновата, какъ, напримѣръ, на картинкѣ „мужъ жену бьетъ, зачѣмъ она негодная дома не живетъ [39])"; такія, говорятъ, въ старину даже въ потасовкѣ мужнюю любовь къ себѣ видѣли („не бьетъ мужъ, значитъ не любитъ", говорила тогдашняя женская поговорка). Но случалось и то, что коса находила на камень: „покуда мужъ не перечитъ, жена еще терпитъ; но если погрозитъ, побьетъ жезломъ, или пиханіемъ, или за власы рваніемъ, — то познима бѣсится", и еще пуще прежняго на зло мужу дѣлаетъ; проходитъ день за днемъ, побои не дѣйствуютъ, а жить всетаки приходится вмѣстѣ; врозь идти некуда, — „женитьба есть, а разженитьбы нѣтъ", — по византійскимъ правиламъ; накипаетъ взаимное раздраженіе и злоба, и, если только мужъ не успѣетъ загнать нелюбую въ гробъ „кроткими исправительными мѣрами", дѣло кончается тѣмъ, что безсильная половина усѣкнетъ мужа своего въ сердце (Забѣлинъ, Опыты, I. 168).

---

[38]) Или, какъ говоритъ старинная французская поговорка: qu'il n'y a cheval mauvais ne bon auquel ne faille l'esperon, et qu'il n'y a femme mauvaise ne bonne qui ne merite qu'on la bastonne (Marconville, De la bonté et mauvaistie des femmes. Lyon 1571).

[39]) Да и тамъ полюбовникъ въ окошко глядитъ и мужу грозитъ (I. 386).

V.

Ученье въ старые годы. Строгость учителя, всегда вооруженнаго розгой Похвала розгѣ. Боевое свойство русскаго языка. Чему учились наши прадѣды. Букварп и Арпѳметпка 1703 года. — Отреченныя книги. Библія Кореня. — Лицевая космографія. Космографическія извѣстія о разныхъ народахъ; о Россіи и Русскихъ. Александръ Македонскій и люди дивіи. Битва его съ Поромъ. — Картинки изъ Русской исторіи: Осада Бѣлгорода и Мамаево побоище.—Лицевыя объявленія изъ газетъ о разныхъ чудахъ; о прибытіи слона. — Военныя извѣстія. Наши побѣды въ Пруссіи въ 1759—60 гг. Русскіе казаки. Войны съ Турками. Побѣды гр. Румянцева. Ходынскій праздникъ. Взятіе Очакова. Война съ Финляндіей.—Портреты царей и историческихъ людей. Дмитріевъ-Мамоновъ. Студентъ холодныхъ водъ Иванъ Яковлевичъ Курейша. Портреты иностранныхъ личностей. — Астрономическія свѣдѣнія нашихъ предковъ.

Въ примѣчаніи подъ № 157-мъ помѣщены выписки изъ Домостроя, въ которыхъ преподаются совѣты, какъ жить домомъ и вести хозяйство и какъ учить жену, дѣтей и домочадцевъ. Народятся дѣти, надо подумать, что съ ними дѣлать; съ дѣвками еще не такъ трудно: смотри одно, „чтобы непрокудили своего дѣвства“, да учи „вѣжливенько“, чтобы были „покорливы, да домовиты“. Съ парнишками выходило помудренѣе; положимъ покуда ростутъ, не велика еще забота: тоже достаточно было ихъ учить вѣжливости и покорливости, ну а выростутъ, надо наукѣ учить. Въ доброе старое время ученье это давалось не такъ легко: „старинная грамота являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она суровымъ и сухимъ дидаскаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ, и розгою въ другой (Забѣлинъ, Опыты, I. 54). Наказаніе въ старинной педа-

гогикѣ у насъ признавалось неразлучнымъ спутникомъ науки. Въ одномъ изъ первыхъ букварей нашихъ (Бурцева, Москва 1634) впереди помѣщена картинка, изображающая школу [40]); одинъ изъ учениковъ стоитъ на колѣнахъ передъ учителемъ, который держитъ надъ нимъ розгу [41]). Въ другомъ букварѣ (Москва, 1679 г.) помѣщено цѣлое увѣщаніе о пользѣ розги; это увѣщаніе повторено у насъ на картинкѣ № 240: „Духъ святой лозою дѣти бить велитъ", говорится въ немъ, „лоза здорова, невредитъ имъ, а еще привлекаетъ разумъ въ главу; она не ломитъ имъ кости, не допускаетъ ихъ до злости и правымъ путемъ ведетъ до неба"; прославленіе заканчивается умилительнымъ воззваніемъ: „о вразуми Боже учителемъ и родителемъ дабы малыхъ дѣтей лозою били, благослови Боже оные лѣса и на долгіе времена, гдѣ родится лоза! Лоза малымъ дѣтямъ ко вразумленію, а старымъ мужемъ подкрѣпленіе (I. 468) [42]). И не однихъ только ребятъ въ школахъ били въ то время: господа подчивали свою крѣпостную прислугу „березевой лапшей съ ременнымъ масломъ", мужья били своихъ женъ для дѣтей, а дѣтей били „для людей", мастера били учениковъ, хозяева — рабочихъ, сѣкли дворянъ, сѣкли фрейлинъ, били придворныхъ, и все это по тому правилу, что за битаго двухъ

---

[40]) Такая же картинка находится въ Виленскомъ букварѣ 1621 г.

[41]) Подобное изображеніе находимъ въ одной западной рукописи XIII вѣка; только здѣсь представлена школа, состоящая изъ обезьянъ, въ которой обезьяна-учитель сѣчетъ своихъ учениковъ розгой (Champfleury, Caricat. au moyen âge., 185).

[42]) Въ регламентѣ Его Цесарскаго Всероссійскаго Величества, како содержать себя чинно и послушно всегда въ Академіи (Спб. 1716), предписывается (п. 8) быть по одному гвардейскому солдату во всякой каморѣ во время ученія «и имѣть хлыстъ въ рукахъ; и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря какой-бы онъ фамиліи небылъ», и какъ сказано въ концѣ регламента «безъ всякаго похлебства» (Пекарск. II. 362); см. разныя свѣдѣнія по этой части — въ кн. IV, стр. 335—338.

небитыхъ даютъ, такъ что при этомъ повальномъ битьѣ, въ родномъ языкѣ нашемъ, выработалось особое свойство, по которому изъ каждаго существительнаго имени — боевой глаголъ можно выдѣлать:

„Ты что тамъ уронилъ?“ спрашиваетъ буфетчикъ. „Стаканъ“, отвѣчаетъ половой мальчикъ.

„Ужъ я–те отстаканю“, грозитъ буфетчикъ.

„Наегорьте-ка Антошкѣ спину, мошеннику“, приказываетъ артельный староста [43]).

„Нутка, припонтійстимъ-ка его братцы“ [44]),—кричитъ артель, и всѣмъ этотъ краткій, но энергическій языкъ совершенно понятенъ [45]).

Давно уже отмѣнено тѣлесное наказаніе, а боевой глаголъ все еще остался, и не скоро должно быть выведется: „насъ тоже били, потому мы и въ люди вышли; какое безъ битья ученье, безъ него ни отъ малаго, ни отъ стараго настоящаго толку не добьешся“ [46]).

Что касается до ученья, то учить и бить встарину значило одно и тоже, не только у насъ, но и на западѣ (castigatio). Въ народныхъ картинкахъ (въ эмблематѣ духовномъ, 43 карт.; III. 218.) отецъ, давая наставленіе маленькому сыну, грозитъ ему розгой; а на томъ свѣтѣ, въ раю, сынъ благодаритъ отца за то, что „тотъ всегда казнилъ его“, въ чемъ провинился, почему-де онъ и въ

---

[43]) Эти глаголы мнѣ доводилось самому слышать, во время неоднократныхъ странствованій по Волгѣ.

[44]) Кому бы это вздумалось: изъ Понтійскаго Пилата и изъ Егорья храбраго глаголы выдѣлать!

[45]) Даже покойный Пушкинъ кошачій глаголъ цапцарапствовать въ этомъ же стилѣ придумалъ (Полн. собр. сочинен. его, 1869 г. IV. 419).

[46]) Ну а какъ не проучить разсѣяннаго ученика, не задать ему хорошей встрёпки, головомойки или подзатыльника; не вспрыснуть лѣниваго, не отхлестать или не отстегать его за испорченную вещь; воришкѣ надо выколотить охоту воровать уже болѣе дѣйствительными мѣрами, высѣчь, отпороть, отодрать, — въ военномъ быту и въ крѣпостномъ за

рай попалъ (№ 699,—III. 40). Въ „Бытѣ Русскихъ Царей“ и въ „Очеркахъ“ Забѣлина (Опыты, I. 51) подробно изложено, въ чемъ состояло ученье въ старинные годы и чему и какъ учились наши прадѣды. Въ тогдашнее время „ежели священникъ умѣлъ кстати прочесть одну главу изъ Библіи или отрывокъ изъ проповѣди, то считался уже за ученаго человѣка, а кто умѣлъ читать и писать, отъ того не требовали дальнѣйшаго ученія“ (Пекарскій, Наука и Литература, I. 135); женщинъ даже и грамотѣ не учили. Такъ велось и въ продолженіе всего XVIII вѣка; книги даже для самаго первоначальнаго обученія раскупались туго [47]; понятно, что и число народныхъ картинокъ научнаго содержанія было весьма ограничено: нѣсколько букварей, ариѳметика и баснословная средневѣковая космографія, вотъ и все, что было издано въ пользу народнаго образованія; съ небольшой натяжкой къ этому-же разряду можно отнести и календари, заключавшіе въ себѣ нѣкоторыя научныя свѣдѣнія.

Изъ лицевыхъ букварей, самый замѣчательный букварь составленъ іеромонахомъ Каріономъ Истоминымъ для царевича Алексѣя Петровича (въ 1692 году) и выгравированъ Леонтіемъ Бунинымъ, по его собственнымъ

такую провинность «шкуру съ ногъ до головы сдирали». Въ домашнемъ обиходѣ тоже долго разговаривать нѣчего, за дѣло такъ и поучить надо: за святые волосы, да за бороду, за виски, да въ ухо, въ усъ да въ рыло, да бока пощупать. Ну а незванаго гостя — какъ тычкомъ не выпроводить, — какъ не накласть ему киселя, да не накостылять шеи, — и на западѣ такого человѣка въ шею выгонять, а по нашему, по русски, если ужь гнать, такъ гони его въ три шеи. Въ духовномъ вѣдомствѣ, кромѣ сихъ обще употребительныхъ боевыхъ терминовъ, есть еще свои спеціальные: благословить, вздрючить, пришпандорить и взъефантулить (Лѣсковъ: Истор. Вѣстникъ, Іюнь 1880, 261).

[47]) О плохомъ сбытѣ въ Россіи русско-амстердамскихъ изданій писалъ царю и Вутерсъ въ 1703 году; читателей на Руси на книги серьезныя было въ то время такъ мало, что залежавшіяся книги обращались на уничтоженіе.

рисункамъ въ 1694 г. (II. 483); букварь этотъ состоитъ изъ 43-хъ страницъ въ листъ, на которыхъ награвированы греческія, славянскія и латинскія буквы уставнаго и скорописнаго почерка; въ нижней части помѣщены изображенія различныхъ предметовъ, названія которыхъ начинаются изображенною на страницѣ буквою, и вирши, въ такомъ, напримѣръ, стилѣ:

„Человѣкомъ есть брода совершенство,
Младымъ слушати старыхъ людей денство,
Ткати поставъ добръ, юныхъ наказати,
Бичемъ не умрутъ, имутъ успѣвати“ (II. 486).

Или: „Въ колесницу сядь, копіемъ борися,
Конемъ поѣзжай, ключемъ отоприся,
Корабль на водѣ, а въ дому корова,
И кокошь въ трябу и людемъ здорово“ и т. д.

Въ этомъ же букварѣ на первой страницѣ представленъ Спаситель съ отверстой книгой въ рукѣ, а въ ней читается: „азъ премудрость вселихъ и совѣт...“, а по бокамъ его стоятъ по три ученика со свитками, въ которыхъ написаны имена наукъ: „астрономія, ѳеологія, риторика, философія, граматика и геометрія (II. 483). Въ концѣ помѣщено посвященіе букваря: „господину пречестнѣйшему“ Симеону Полоцкому. Картинки вырѣзаны весьма тщательно и красиво; въ этомъ отношеніи буквари позднѣйшаго времени далеко не представляютъ такого изящества; за то въ этихъ послѣднихъ включенъ особый отдѣлъ: наставленіе какъ писать разнымъ лицамъ письма; игумену, напримѣръ, рекомендуется надписывать: „молитвою своею, аки копіемъ дьявола побѣдивши“; игуменьѣ: „Божественная Богомъ снабдивая равноангельская небеса (?)“; старцу: „горняго Іерусалима и пустыннаго житія подражателю ангельскихъ силъ ревнителю“, и т. д. Жена мужу, въ концѣ письма, пишетъ: „желаю я тебѣ...

всякаго благополучія и щастія навѣки твоя нерушима"; мужъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же: „навѣки твой нерушимъ" и т. д.

Огромный листъ „Ариѳметики", сочиненный и выгравированный библіотекаремъ Василіемъ Кипріяновымъ съ ученикомъ его Маркомъ Петровымъ въ 1703 году и посвященный Петру I и царевичу Алексѣю Петровичу, описанъ подробно подъ № 684 (II. 50) и составляетъ большую библіографическую рѣдкость. Извѣстно, что Петръ очень хлопоталъ относительно обученія средняго класса ариѳметикѣ, и, съ этою цѣлью, учредилъ въ маѣ 1714 г. ариѳметическія и геометрическія школы для дворянскихъ и приказныхъ дѣтей отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ; школы эти приказано было открывать въ архіерейскихъ домахъ и въ знатныхъ монастыряхъ, а обучающимся въ оныхъ давать, по окончаніи обученія, свидѣтельства, безъ чего крутой Петръ запрещалъ имъ даже вступать въ бракъ (Полное Собраніе Зак. 1714 г., 2762.—Голиковъ, Дѣян. IV. 316).

Главными сборниками свѣдѣній по части библейской и общей исторіи и космографіи были Косма Индикопловъ, хронографы разныхъ редакцій, въ началѣ которыхъ всегда почти помѣщались Палея или Толковое бытіе, съ лицевыми изображеніями, и разныя отрывочныя статьи, такъ называемыя отреченныя, апокрифическаго содержанія; бо́льшая часть изъ нихъ, сохранившаяся въ нашихъ старыхъ рукописяхъ, перешла къ намъ изъ Болгаріи и Сербіи; въ XVI вѣкѣ они уже были извѣстны у насъ подъ именемъ болгарскихъ басней; паденіе Болгаріи и Сербіи было причиною тому, что апокрифы эти сохранились главнымъ образомъ не въ этихъ странахъ, а въ Россіи, куда они были занесены вмѣстѣ съ другими памятниками. Еще въ XIV вѣкѣ прибылъ въ Москву съ огромнымъ запасомъ рукописей ученый Сербянинъ

св. Кипріянъ, впослѣдствіи митрополитъ всея Руссіи [48]), который имѣлъ такое огромное вліяніе на обученіе русскаго юношества, что еще въ XVIII и даже XIX вѣкѣ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ находятся его мощи, ставили ему свѣчи—„о успѣхѣ въ наученіи дѣтей грамотѣ". Такимъ образомъ апокрифическое слово Меѳодія Патарскаго (Памятники отреч. литературы, II. 30. 39) взято изъ Болгарской рукописи 1345 г.; хожденіе Богородицы по мукамъ, Ипатьево мученіе и сказаніе о 12-ти пятницахъ (II. 30. 121. 213. 335)—взяты изъ Сербскихъ рукописей; въ послѣднее время Ягичъ отыскалъ и напечаталъ, по глаголической рукописи 1468 г. и по Кириловской 1520 г., сказаніе о смерти Адамовой, откровеніе Авраама, бесѣду трехъ святителей, хожденіе Богородицы по мукамъ, сказаніе о 12-ти пятницахъ, повѣсть о главѣ Адамовой и о древѣ крестномъ; сказанія о томъ, какъ Провъ Іисуса Христа братомъ назвалъ, какъ Іисусъ плугомъ оралъ и какъ Іисуса въ попы ставили [49]). Любопытно отмѣтить здѣсь и то обстоятельство, что вскорѣ послѣ

---

[48]) Кипріянъ Сербянинъ поставленъ Кіевскимъ митрополитомъ въ Константинополѣ въ 1376 г. (по патерику Сильвестра Косова въ 1378 г.), и въ томъ же году прибылъ въ Кіевъ, причемъ привезъ съ собою большое собраніе духовныхъ книгъ, греческихъ и славянскихъ. Въ 1380 году онъ былъ вызванъ въ Москву; черезъ пять лѣтъ, по неудовольствіямъ, вернулся въ Кіевъ, а въ 1390 снова уѣхалъ въ Москву, гдѣ и померъ въ 1406 г. сент. 16. Сочиненія его перечислены въ Словарѣ митрополита Евгенія (изд. 1827 г., I. 323).

[49]) Изъ числа ихъ, по показанію Индексовъ апокрифическихъ книгъ, сочиненіе послѣднихъ четырехъ апокрифовъ, а также и сказаніе о св. Троицѣ, вопросы Іереміи къ Богородицѣ, вопросы и отвѣты о томъ, отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ, и лживыя молитвы о трясавицахъ и нежитахъ—приписываются Болгарскому попу Іереміи изъ секты Богумиловъ. Князь Курбскій, разсказывая о томъ, какъ одинъ старецъ принесъ ему для прочтенія Никодимово Евангеліе, прибавляетъ, что онъ это лжеплетеніе и прежде видѣлъ, нольскимъ языкомъ написанное. (Порфирьевъ, 131. 133).

Сербскаго погрома Россія сама стала поставлять для нея изводы или русскіе оригиналы, которые переводились сербскими монахами на сербскій языкъ [50]). Г. Порфирьевъ замѣчаетъ, что кромѣ того Апокрифы переносились къ намъ изъ Византіи греческими митрополитами и аѳонскими монахами, часто приходившими въ Россію, и самими русскими, которые за частую странствовали на Аѳонъ и занимались тамъ безразборчивою перепискою и переводомъ рукописей (133). Переводились такія книги съ греческаго языка на славянскій по свидѣтельству лѣтописи еще по приказанію в. к. Ярослава (1019—1054; Лѣтоп. I. 65); нашъ Святославовъ сборникъ тоже переписанъ съ греческаго сборника, переведеннаго въ Болгаріи для царя Симеона 1073 г. (Порфирьевъ, 156) [51]). Въ византійской письменности апокрифическія сказанія помѣщались преимущественно въ историческихъ хроникахъ, которыя всегда начинались съ сотворенія міра; они то и перешли въ безконечные списки нашихъ хронографовъ и Палеи. Въ наши народныя картинки попали изъ этой Палеи 20 изображеній изъ бытія, рѣзанныя на деревѣ въ концѣ XVII вѣка мастеромъ Коренемъ, по рисункамъ знаменщика Григорія; въ числѣ ихъ на картинкѣ № 4-й изображено, какъ въ четвертый день помысли сатана: „сотворю себѣ престолъ и буду равенъ Богу, и обрется въ безднѣ", — на № 16 представленъ Адамъ, сидящій въ вѣнкѣ изъ райскаго дерева, которое принесъ ему сынъ его Сиѳъ для излѣченія Адама отъ болѣзни.

---

[50]) Г. Дмитріевъ-Петковичь упоминаетъ объ одномъ сербскомъ спискѣ Іосифа Флафія «отъ роускаго извода», о которомъ говоритъ переписчикъ: «незнаю есть ли въ Болгарской землѣ»,—а принесенъ «ѿ роускыя земли (Обзоръ Аѳонск. древн.: Зап. Акад. Наукъ VI. кн. II).

[51]) Не малое число такихъ книгъ привезено къ намъ, по всей вѣроятности, и греками, сопровождавшими греческую царевну Софью Палеологъ, впослѣдствіи супругу Царя Ивана III.

По апокрифическому сказанію Адамъ былъ погребенъ въ этомъ вѣнкѣ и изъ него произросло то дерево, на которомъ впослѣдствіи былъ распятъ Спаситель [52]). Убіеніе Авеля на картинкѣ 18-й изображено тоже согласно съ сказаніями Палеи; а на 19-й картинкѣ представлено, какъ Адамъ и Ева плакали надъ тѣломъ Авеля и не знали какъ скрыть его; и явилъ Богъ чудо: „уби птица птицу" и закопала ее въ песокъ; и сдѣлали Адамъ и Ева тоже съ Авелемъ,—сказаніе это заимствовано тоже изъ Палеи; оно занесено было оттуда и въ наши древнія лѣтописи (IV. 598) [53]). Съ XVI вѣка появляются первые слѣды перенесенія въ наши рукописи западныхъ апокрифовъ; въ это время переведенъ съ нѣмецкаго языка на славянскій такъ называемый Луцидаріусъ, сборникъ богословскаго характера, но заимствованный изъ средневѣковыхъ

---

[52]) О различныхъ сказаніяхъ объ этомъ деревѣ (см. примѣч. къ № 892—938. Порфирьевъ замѣчаетъ, что на апокрифы, ни въ древности, ни у насъ, вовсе не налагалось какого либо отлученія; Оригенъ въ апокрифахъ видитъ слѣды древнихъ преданій; этого мнѣнія держались и другіе церковные писатели; по замѣчанію Оригена апокрифами пользовались даже сами апостолы, а Тертуліанъ и даже блажен. Августинъ оправдывали подлинность книги Еноха. У г. Порфирьева подробно изложено, какъ еврейскіе апокрифы переходили въ христіанскія легенды и въ труды христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ, получая при этомъ совершенно новый, христіанскій оттѣнокъ. Изъ византійской литературы апокрифы скоро перешли и въ западную литературу; въ средніе вѣка они помѣщались въ богословскихъ экзегетическихъ и историческихъ книгахъ, входили въ мистеріи или духовныя драмы и присоединялись даже къ тексту священныхъ библейскихъ книгъ (Порфирьевъ, 125).

[53]) Русскихъ лицевыхъ библій XVII и первой половины XVIII вѣка извѣстно всего четыре; изъ нихъ три: Ильи, мастера IД и Нехорошевскаго скопированы съ западныхъ образцовъ, а библія Кореня рѣзана по оригинальнымъ иконнымъ переводамъ изъ Палеи; затѣмъ слѣдуютъ 5 апокалипсисовъ, изъ которыхъ два, Прокопія и Кореня, тоже заимствованы изъ голландской библіи Пискатора (1650 г.); два дѣланы съ неизвѣстныхъ западныхъ оригиналовъ, а одинъ (№ 821)—раскольничьяго перевода нынѣшняго столѣтія.

повѣстей, бестіаріевъ, рафлей и т. п. (Тихонравовъ, Лѣтоп. рук. литерат., I. 37).

При заимствованіи апокрифовъ Болгарскихъ, Сербскихъ, Византійскихъ, а также и западныхъ, наши книжники не просто переводили ихъ, а по бо́льшей части передѣлывали по своему, иногда сокращали, иногда дополняли подробностями изъ другихъ источниковъ; такимъ образомъ получилось въ нашихъ рукописяхъ множество разныхъ редакцій слова Меѳодія Патарскаго, бесѣды трехъ святителей и хожденія Богородицы по мукамъ. Множество другихъ легендъ, извлеченныхъ изъ католическихъ источниковъ, представляютъ въ русской обработкѣ тоже значительную разницу противъ оригиналовъ, изъ которыхъ онѣ позаимствованы.

Изъ тѣхъ-же источниковъ, а также изъ греческихъ хронографовъ и твореній Амартола и Малалы, переведенныхъ на славянскій языкъ въ X вѣкѣ, съ присоединеніемъ выписокъ изъ западныхъ космографій, почерпались свѣдѣнія по части космографіи; знаніе хронографовъ дало возможность первому нашему лѣтописцу представить въ началѣ своего труда короткій, но точный, космографическій очеркъ (Пыпинъ, 23). До насъ дошло множество списковъ XVI вѣка Космы Индикоплова съ такими свѣдѣніями по части космографіи и физической географіи, съ присоединеніемъ къ нимъ лицевыхъ изображеній разныхъ баснословныхъ народовъ. Въ 1584 году у насъ уже былъ переводъ хроники Мартина Бѣльскаго, въ которой находился особый отдѣлъ подъ названіемъ: „космографія сирѣчь размѣрная всей земли", а въ 1630 году сдѣланъ переводъ космографіи Меркатора въ 76 главахъ и нѣсколькихъ другихъ космографій, вошедшихъ въ составъ разныхъ рукописныхъ хронографовъ XVII вѣка. Г. Поповъ, въ подробномъ изслѣдованіи своемъ о хронографахъ, приводитъ три различныя ре-

дакціи такихъ космографій; всѣ онѣ заимствованы изъ Меркаторовой, съ добавленіемъ разныхъ извѣстій о баснословныхъ народахъ (Объ этомъ подробно говорится въ книгѣ IV, стр. 373—379).

Составленіе нашей лицевой космографіи, описанной подъ № 590, должно быть отнесено къ этому-же времени; оно представляетъ значительное, а во многихъ мѣстахъ и дословное, сходство съ текстами 1-й и 3-й редакцій, напечатанныхъ г. Поповымъ. Относительно европейскихъ народовъ въ нашей космографіи помѣщены слѣдующія свѣдѣнія:

„Королевство французское; прежде крещены были отъ св. апостола Павла, нынѣ-же заблудились; люди въ немъ воинскіе храбрые“ (IV. 466); „храбрѣе ихъ силою не обрѣтается“, прибавлено въ космографіи первой редакціи, „и биться нанимаются по многимъ королевствамъ“; а въ 3-й редакціи добавлено, что они „пьютъ много и зѣло невѣрны и въ обѣтѣхъ своихъ некрѣпки“ (Поповъ, изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы. М. 1869).

„Земля прусская; пространствомъ не велика но богата; нѣмцы купеческіе и воинскіе; родима хлѣбомъ и овощемъ. „Прежде того Пруссаки жили на Дону“, прибавляетъ 2-я редакція, но оттуда „ищуще плодовитой земли и прошли до прусской земли, и тамо засѣли“.

„Королевство агленское; нѣмцы купеческіе и богатые, ѣздятъ отъ нихъ корабли въ многія земли, много обрѣтается олова“. Во второй редакціи разсказывается, будтобы „старый нѣкій мудрецъ“ написалъ, что прежде сего въ томъ государствѣ „былъ сицевой нравъ: егда кто изъ друговъ въ домъ своего друга пріидетъ званый и онъ бы прежде всего съ женою друга своего, къ которому въ домъ придетъ, прироженное совокупленіе сотворилъ,

чтобы былъ любовно въ дому принятый; тако-же въ дорогѣ сообща требуютъ жену друговъ своихъ и не бывало то у нихъ безчестно, егда жены и дочери ихъ отъ того обременѣютъ" [54]). Въ третьей редакціи повторено тоже самое, но съ оговоркой: „нынѣ же зѣло стыдятся прежнихъ обычаевъ, обаче и до нынѣ обладаеми мужи отъ женъ и востязати ихъ не могутъ. Пьютъ-же много".

„Королевство польское; пространное многолюдно; были крещены и благочестіемъ сіяли, нынѣ обрѣтается вѣра папѣ; родимо хлѣбомъ и скотомъ и овощемъ; люди величавы и обманчивы". Въ третьей редакціи прибавлено: „пьютъ зѣло много и всякимъ слабостямъ покорни; вольность имѣютъ велику, паче всѣхъ земель, и вся творятъ по своей волѣ, кралей-же имѣютъ особно избранныхъ и сихъ мало слушаютъ" (IV. 466).

Изъ русскихъ городовъ означены: „царствующій градъ Москва, благочестіемъ сіяетъ"; Новгородъ, Нижній Новгородъ, Санктпетербургъ въ видѣ пяти елочекъ, и нѣкоторые изъ уѣздныхъ [55]). Въ первой редакціи сказано, что „россіяне подобіемъ сановиты и брадаты, а нравомъ не постоятельны". Во второй редакціи сдѣланы вы-

---

[54]) Тоже самое разсказывается и въ другомъ источникѣ: въ Вретаніи мнози мужи съ единою женою спятъ, и многы жены съ единымъ мужемъ похотьствуютъ (Сухомлиновъ, о русск. лѣтоп. СПБ. 1856. 90).

[55]) Географическія извѣстія о русскихъ городахъ даже и на картинкахъ позднѣйшаго времени (какъ напримѣръ на № 305 Б) отличаются такою же краткостію: «бг҃охранимый славный градъ Киевъ наместнїчество, первопрестолная россїиская столїца, внемже множество честныхъ монастырей и ст҃ыхъ цр҃квей от негоже бл҃годать бж҃їя воссїяла вроссїскую землю чрез ст҃аго ап҃стла андрея и ст҃аго равноапостолнаго князя владимера иже россїскии народъ ст҃ымъ кр҃щениемъ просветившихъ и от тмы їдолослуженїя к христианской вере обратившихъ». При другихъ городахъ и намѣстничествахъ замѣтки еще короче, а при многихъ онѣ ограничиваются такими Щедринскими примѣтами: «градъ Каргополь,— преблагополучный; Симбирское намѣстничество,— похвальное; Брянское,— похвальное и благополучное, и т. д.».

писки изъ Герберштейна, что народъ русскій „хитеръ и обманчивъ, который любитъ больше неволю, чѣмъ волю, всѣ сказываются невольниками и холопями великаго князя [56]); они-же николи въ покоѣ не живутъ, потому что князь великій либо противъ Литвы, либо противъ татаръ воюетъ“ (IV. 468). Третья редакція говоритъ, что они „по чужимъ государствамъ не ѣздятъ точію въ посольствахъ, боясь перенять въ нихъ и впасть въ ересь. На бранѣхъ-же Россійскіе люди терпѣливіи и мужественніи, и нужду великую терпятъ, многи дни пребывающе безъ пищи. Цари-же ихъ зѣло самовластни и вся творятъ по воли ихъ“ (Поповъ, III. 519) [57]).

Относительно государствъ другихъ частей свѣта свѣдѣнія несравненно короче; въ числѣ ихъ помѣщены и чисто баснословныя, напримѣръ: „Мазическое царство дѣвичье,—а совокупляются они съ Еѳіопами съ году на годъ; мужской полъ отдаютъ Еѳіопамъ въ ихъ землю, а женскій полъ оставляютъ“. Далѣе поминаются три острова, на одномъ изъ нихъ живутъ люди-великаны, главы у нихъ песьи; на другомъ—„людіе, власы у нихъ видомъ львовы, велицы и страшны зѣло, въ удивленіе“; а на третьемъ живутъ змѣи, „лице у нихъ дѣвическое; до пупа человѣкъ, а отъ пупа у нихъ хоботъ зміевъ, крылати, а зовомы василиски“ (II. 268). Затѣмъ упоминаются стеклянныя горы, гдѣ живутъ „корбаты и зміи“, до которыхъ доходилъ царь Александръ Македонскій.

Подъ № 298-мъ описана особая картинка, на которой изображены эти самые люди дивіи, найденные ца-

[56]) Король Сигизмундъ около того же времени, въ 1568 году, въ письмѣ королевѣ Елизаветѣ называлъ русскаго царя врагомъ не только Польши, но и наслѣдственнымъ врагомъ всѣхъ свободныхъ народовъ (Брикнеръ въ Историч. Вѣстникѣ 1880 г. Іюль, 104).

[57]) Своего рода космографическія свѣдѣнія находимъ мы въ знаменитомъ письмовникѣ Курганова; напримѣръ: «Голландцы народъ глупый,

ремъ Александромъ Македонскимъ. Свѣдѣнія о нихъ заимствованы изъ слова Меѳодія Патарскаго, который разсказываетъ, какъ Александръ Македонскій загналъ эти нечистые роды, а съ ними и двадцать четыре царя ихъ, за горы, затворилъ ихъ мѣдными вратами, и замазалъ асигнитомъ, котораго не беретъ ни огонь, ни желѣзо. Выходъ имъ будетъ въ 7920 году, тогда они опустошатъ землю; имена-же тѣмъ родамъ: Гогъ, Магогъ, Инаѳаазъ, Дафафолъ, Динъ, Аристолъ, Наѳаръ, Деѳькомъ, Хартинъ, Хохомъ, Арзомій, Годѣядъ, Ѳарѳолія и Сатиррій. Гогъ крылатъ, его держатъ 29 человѣкъ, на четырехъ цѣпяхъ. У иныхъ изъ тѣхъ родовъ скотскія ноги, у иныхъ песьи головы и по семи рукъ (Тихонравовъ, Памятн. отреч. литературы, II. 233). Въ Нюренбергской хроникѣ помѣщены изображенія этихъ народовъ; о нихъ говорятъ и Марко Поло, и Монтевилла, и хроника Бѣльскаго, и всѣ почти западныя сочиненія XV и XVI вѣка; въ одномъ изъ сихъ послѣднихъ разсказано, что въ числѣ ихъ: „Alexandre trouva femmes, qui tant font gesir les hommes avec elles, que l'ame leuer part du corps" (Dunlop, 184).

Въ примѣчаніи къ № 298-му приведены довольно подробныя свѣдѣнія о людяхъ дивіихъ по нашимъ рукописнымъ источникамъ XVII вѣка; что касается до самагó Александра Македонскаго, нашедшаго людей дивіихъ, то не смотря на все уваженіе, которое питали къ нему славянскіе писатели, какъ къ царю, давшему Славянамъ грамоту на свободу (IV. 370), въ народной галлереѣ мы находимъ только одну картинку (№ 294), посвященную его памяти,—это битва его съ Поромъ, царемъ Индѣйскимъ, гдѣ Александръ побѣждаетъ Пора посредствомъ

жены у нихъ госпожи; Голландія есть такая страна, гдѣ четыре стихіи ни къ чему годны, и тамъ золотой демонъ сидитъ на сырномъ тронѣ въ табачной коронѣ и т. д.» (I. 353).

очень неблаговидной хитрости: уговоръ у нихъ былъ биться одинъ на одинъ; когда они съѣхались, то Александръ закричалъ своему противнику: „О Поре, царю. такова-ли есть вѣра индѣйская и правда, войско твое идетъ на помощь тебѣ“.—„Поръ-же озрѣвся назадъ, хотя войску запретить“; Александръ въ это время подлетѣлъ къ нему на конѣ и ударилъ копьемъ въ правую пазуху [58]). (II. 9—12). Въ заключеніе замѣчу что это одна изъ самыхъ большихъ и самыхъ эффектныхъ народныхъ картинокъ.

Болѣе научныя свѣдѣнія по части всеобщей исторіи, заключающіяся впрочемъ въ одномъ перечисленіи именъ древнихъ монархій и царей и годовъ ихъ царствованія, заключаются въ такъ называемомъ Монархическомъ колоссѣ, гравированномъ въ 1761 году ландкартнымъ мастеромъ Михаиломъ Махаевымъ и переведенномъ цѣликомъ съ латинскаго оригинала надворнымъ совѣтникомъ Волковымъ. Колоссъ этотъ расходился въ значительномъ количествѣ, судя по тому, что съ оригинала Махаева была сдѣлана копія и что съ обѣихъ досокъ печаталось по нѣскольку изданій.

Русская исторія представлена въ народныхъ картинкахъ также бѣдно; не считая Осиповской книжки (№ 302), изданной въ новѣйшее время, объ этомъ предметѣ находимъ только нѣкоторыя незначительныя свѣдѣнія на картѣ съ описаніемъ городовъ Россійской имперіи [59]), и

---

[58]) Смотри по поводу этой хитрости IV. стр. 104, 127, 128.

[59]) Напримѣръ: «градъ переяславль рязанской, наместнічество построенімъ велікаго кн҃зя владімера; егда услыша владімеръ яко печенезї мнози собрашася прї реце трубеше и прошаше у кн҃зя борца, неки мужъ о҄т села резанї рече кн҃зю: «гд҃рь сынъ у меня есть братїся противъ печенега»; кня҄з же возвеселїся и прїзва борца; борецъ же нача братися спеченегомъ и победї и зубы о҄т него скровїю їскоренї ї душу о҄т него їстрясе ї того радї кн҃зь владїмеръ нарече градъ переславль резанскїй їдеже преславїса победа содеяшася».

два отдѣльныя сказанія: объ осадѣ Бѣлграда и о Мамаевомъ побоищѣ.

Текстъ этихъ двухъ картинокъ заимствованъ изъ Синопсиса Гизеля, напечатаннаго въ Кіевѣ, въ 1674 году и передѣланнаго изъ хроники Софоновича. Этотъ Синопсисъ, по словамъ митрополита Евгенія, до изданія лѣтописца Ломоносова, былъ у насъ единственнымъ учебникомъ по русской исторіи. Освобожденіе Бѣлграда отъ осады Печенѣговъ по Синопсису совершилось очень просто: въ отсутствіе в. кн. Владиміра, Печенѣги обложили Кіевскій городокъ Бѣлгородъ, гдѣ проживали Владиміровы наложницы. Голодные жители уже рѣшились сдать городъ; тогда выискался человѣкъ, по совѣту котораго придумали такую хитростъ: развели двѣ кади киселя и одну кадь медовой сыты, и уставили ихъ въ три колодца; потомъ пригласили Печенѣжскихъ начальниковъ, при нихъ стали черпать кисель изъ колодцевъ и сытить его сытою, угостили Печенеговъ до сыта и даже наклали имъ еще киселя на дорогу. Печенѣги, удивленные такимъ изобиліемъ киселя въ Бѣлгородѣ, гово-

---

«Градъ казань наместничество; страна татарская построеннемъ цр҃я татарскаго саіна; егда пріиде на место сіе и возлюби его понеже хлебородно и леснсто внемже велікій зміи жівяще; пріскорбенъ бысть и обрете некоего волхва ї возвестї ему о зьміи; тотже волхвъ хітростію своею уморї змія ї тако саінъ поставї юртъ ї часто їскараковъ пріе³жаше ї зело любляше ї нарече градъ казань идеже показашася место ему река казань совокупляется сволгою»; «.....первый собиратель московской кн҃зь иоанъ васільевичь велякій и поїстинне велікіи не словомъ но деломъ ибо рассыпанное отечество вразделеніе детеи владімеровыхъ воедино собралъ и паки утверділъ честь имени своему и славу россиской имперіи».

«Градъ Угличъ, въ немъ же убіенъ святый благовѣрный Димитрій Царевичъ отъ боярина Бориса Годунова, мужа великаго коварства и дальныхъ замысловъ и безмѣрной анбиціи, который, видя слабость своего государя Царя Өеодора Іоанновича, восхотѣлъ самъ похитить россійскій престолъ и тако коварнымъ своимъ умысломъ Царя Өеодора Іоанновича отравою уморилъ и Московской престолъ силою и властолюбіемъ самъ восиріялъ».

ритъ Синопсисъ, сняли осаду, а находчиваго изобрѣтателя кисельной хитрости благодарные жители прозвали Киселемъ.

Другое событіе, покончившееся для насъ не такъ легко, — это знаменитое Мамаево побоище, которое, на ряду съ погромомъ 1812 года, глубоко врѣзалось въ народную память, было описано множество разъ и въ разныхъ редакціяхъ и никогда не потеряетъ своего кровнаго интереса. Народъ хорошо понимаетъ что это была не заурядная удѣльная рѣзня,—изъ за добычи или оскорбленнаго самолюбія, а битва народная, на смерть, — за родную землю, за русскую свободу (отъ Татаръ конечно), за женъ и дѣтей, за все, что было русскому человѣку и свято и дорого; вотъ почему слово о Мамаевомъ побоищѣ имѣетъ для него такой глубокій интересъ и почему на это событіе сдѣлана и самая громадная изъ всѣхъ народныхъ картинокъ (почти трехъ-аршиннаго размѣра), въ четырехъ разныхъ переводахъ, съ большимъ, пространнымъ текстомъ (№№ 303, 303 А. и 304). Наши ученые обвиняютъ составителя слова о Мамаевомъ побоищѣ въ томъ, что онъ подражалъ въ описаніяхъ своихъ слову о полку Игоревѣ и притомъ не всегда удачно; отчасти это и правда: нѣтъ сомнѣнія, что автору Мамаева сказанія было хорошо извѣстно слово о полку Игоревѣ, и что это послѣднее въ литературномъ отношеніи несравненно выше сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, — но для народа оно не представляетъ особаго интереса, ни по описанному въ немъ событію, ни по обилію поэтическихъ хитросплетеній, не всегда понятныхъ для неграмотнаго люда. Мамаево побоище, напротивъ того, написано языкомъ простымъ и понятнымъ для народа; разсказъ о событіи въ немъ безхитростный и полный кровнаго интереса и Верещагинской правды. Сколько разъ случалось мнѣ въ былое время слышать чтеніе этого побоища въ простонародьи; чи-

таетъ полуграмотный парень чуть не по складамъ: братцы пос-то-имъ за зем-лю рус-скую..— ря-домъ ле-жатъ кня-зья Бѣ-ло-зерскіе..—у-битъ...у-битъ..,—кажется что̀ тутъ за интересъ въ разсказѣ, а всѣ какъ одинъ, и старый и малый, навзрыдь плачутъ. Основа повѣсти не сложная: безбожный Мамай идетъ разорять русскую землю; великій князь хочетъ умилостивить его дарами, — онъ и даровъ не принимаетъ. Что дѣлать? И вотъ съѣзжаются къ Дмитрію Ивановичу князья русскіе, одинъ за другимъ; собирается войско,— рѣшаютъ идти Мамаю на встрѣчу. По совѣту Ольгердовичей, переходятъ Донъ: лучше де будутъ драться войска, когда обратный путь имъ отрѣзать. Но силы Мамая несчетны; надежда на побѣду сомнительная. Ужъ и несмѣтное число волковъ и вороновъ сбирается кругомъ войска, чуя поживу. „Братья милые!“ говоритъ великій князь своимъ воинамъ наканунѣ битвы, — „приближается день грозный, всю ночь бодрствуйте и мужайтесь; станемъ крѣпко противъ непріятеля“. Не спитъ эту ночь и самъ Дмитрій; онъ отправляется съ воеводой Волынцемъ добывать примѣтъ (не ворожить, — оговаривается составитель слова); Волынецъ ложится на землю и слушаетъ: примѣты на̀ руку; побѣда будетъ за русскимъ воинствомъ, но цѣной великой крови будетъ она куплена. Наконецъ приходитъ грозный часъ; битва завязывается единоборствомъ татарскаго Голіаѳа Челубея съ Троицкимъ инокомъ Пересвѣтомъ; крѣпко ударились они другъ съ другомъ и оба упали за̀мертво. Тогда началась сплошная рѣзня; потекла кровь во всѣ стороны; бьются отъ третьяго часа до шестаго, — и вотъ, послѣ шестаго часа, стали одолѣвать татары; дрогнуло русское воинство, уже много князей и воеводъ было побито и самъ великій князь раненъ. Тогда вышли изъ приготовленной засады князь Владиміръ съ хитрымъ воеводой Волынцемъ и съ свѣжими силами, дружно вор-

вались въ Мамаевы полчища и разстроили ихъ. Татары въ ужасѣ ударились въ бѣгство; рѣзня началась безпощадная и только немного спаслось ихъ съ своимъ Мамаемъ, на добрыхъ коняхъ.

Велика была радость русская, но и не дешево обошлась намъ побѣда: однихъ бояръ и князей побито до 400, да пятьдесятъ три тысячи простыхъ воиновъ; татаръ конечно легло вдесятеро; не скоро отыскали самаго великаго князя, отдыхавшаго подъ деревомъ и раненаго. Съ глубокою скорбію поѣхалъ онъ по полю, разсматривая убитыхъ, и не могъ удержаться отъ рыданій, наѣхавъ на мѣсто, гдѣ лежали князья Бѣлозерскіе, до 20 человѣкъ въ одной кучѣ; вмѣстѣ крѣпко дрались они съ Татариномъ и положили головы свои „одинъ за другого", какъ говоритъ сказаніе. Но если дорого стоила намъ эта побѣда, за то и послѣдствія ея для земли нашей были неисчислимы: мы навсегда смяли исконнаго врага своего, и съ той поры стали постепенно и настойчиво, шагъ за шагомъ, тѣснить его изъ земли славянской.

Въ обиходной жизни малограмотнаго населенія картинки замѣняли и газеты, и нынѣшнія афиши: народъ находилъ въ нихъ извѣстія о разныхъ чудесныхъ явленіяхъ на небѣ и на землѣ, о рожденіи необыкновенныхъ уродовъ и т. д.; въ прежнее время такія событія записывались въ хроники; наши лѣтописцы тоже заносили ихъ въ свои лѣтописи, напримѣръ извѣстіе о рожденіи въ Новгородѣ урода о двухъ головахъ и четырехъ ногахъ (Ростов. лѣтоп. подъ 7047 г.), извѣстіе о рожденіи шестонога съ львиной головой и дѣвки съ рыбьимъ хвостомъ (у Нестора, см. IV. 886). Въ нашихъ картинкахъ встрѣчаемъ лицевыя извѣстія о знаменіяхъ, бывшихъ въ 1736 г. подъ градомъ Шлонскимъ (№ 311), въ 1744 г. въ Картагенѣ (№ 312), въ 1765 г. въ Вейсенбургѣ (№ 329);

изображенія: кометы 16 августа 1769 года (№ 335), дивной птицы, которая прилетала въ Парижъ 6 апрѣля 1776 года (№ 348), и явленіе, бывшее въ 1768 г. въ Турціи (№ 333), изображавшее мѣсяцъ, окруженый звѣздами, между ними восемь крестовъ, песочные часы, по обѣимъ сторонамъ ихъ сабли на крестъ, а „подъ тѣми четырмя саблями мертвыя головы; столпъ, обвитый змѣею, изпущающею жало изъ себя; по одну сторону столба гробъ и въ немъ воткнутъ мечь, изъ котораго будто бы кровь изтекала; а по другую сторону пушка на станку стояща“.

Въ картинкахъ есть тоже цѣлый рядъ описаній разныхъ чудищъ: мужикъ съ птичьей головой, пойманный въ 1721 году, въ лѣсу, въ Испаніи, и окрещеный тамъ въ католическую вѣру (№ 308); два чуда, морское и лѣсное, пойманыя тамъ-же въ 1739 г. (№ 309); сатиръ, показывавшійся въ Испаніи въ 1760 году (№ 321), у него голова, лобъ, глаза и брови человѣчьи, уши тигровы, усы кошачьи, борода козья и львиный ротъ, въ которомъ, вмѣсто зубовъ, костяной ободъ,—ѣстъ только хлѣбъ и молоко; животное, найденное тамъ-же въ 1775 году (№ 344),—главныя чудища поставляла въ Европѣ Испанія; и наконецъ русскія извѣстія, о пойманіи кита въ Бѣломъ морѣ, что въ дѣйствительности случилось въ іюнѣ 1768 года, и о рожденіи въ 1730 году, въ Нижнемъ Новгородѣ урода, „имущаго мужское естество, четыре руки и двѣ головы“,—уродъ этотъ отосланъ въ Москву, въ декабрѣ того-же года, въ двойномъ винѣ, согласно указу 13 февраля 1718 года о присылкѣ всѣхъ монстровъ въ Петербургскую кунсткамеру [60]). Извѣстій о разныхъ бѣдствіяхъ

60) За что была обѣщана въ то время плата: за человѣческую монстру, за мертвую по 10, а за живую по 100 руб.; за скотскую и звѣриную отъ 5 до 15, за птичью отъ 3 до 7; «ежели-же очень чудное, сказано въ указѣ, то дадутъ и болѣе» (см. IV. 386).

и землетрясеніяхъ и изверженіи Везувія — всего шесть (№№ 322, 323, 327, 329, 330, 331), да два объявленія о приводѣ Персидскаго слона въ Москву въ 1796 году, съ длинными виршами, которыя такъ заканчиваются:..... „...яблокъ калачей давалъ, слонъ какъ крошки ихъ глоталъ; я-жъ не долго удивлялся, вскорѣ и разстался, ко двору поворотилъ, и себѣ проговорилъ: для чего за ту скотину рубли платить и полтину незачто и гривны принесть; слонъ родился, слонъ и есть“ (№№ 356 и 357) [61]).

Наравнѣ съ этими лицевыми извѣстіями появляются съ половины прошедшаго вѣка лицевыя объявленія о военныхъ компаніяхъ и побѣдахъ нашего войска; текстъ въ нихъ заимствованъ всегда цѣликомъ изъ вѣдомостей; вмѣстѣ съ карикатурами на 1759 и 1812 года, небольшимъ листкомъ на взятіе Бѣлграда и огромною картиною, изображающею Мамаево побоище, объявленія эти составляютъ особый отдѣлъ военныхъ картинокъ, посредствомъ которыхъ народъ знакомился со своей исторіей и узнавалъ о томъ, что дѣлалось въ его отечествѣ. Слѣдуя хронологическому порядку, скажемъ нѣсколько словъ о нашихъ войнахъ съ Прусскимъ королемъ, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія.

Послѣ Мамаева побоища нѣтъ ни одной народной картинки вплоть до компаній 1757—1762 года [62]). Компаніи эти были рядомъ побѣдъ для русской арміи, ко-

---

[61]) Великанъ показывался у насъ въ Россіи въ первый разъ при Петрѣ Первомъ; а слона до 1796 года приводили два раза: при Петрѣ I въ 1688 году и при Аннѣ Ивановнѣ въ 1737 г. (Снегиревъ, 72).

[62]) Странно, что при Петрѣ Великомъ, который былъ такъ падокъ на прославленіе своихъ подвиговъ, вовсе не издавалось народныхъ картинокъ съ описаніемъ его побѣдъ и преобразованій,—и первыя народныя картинки по этой части появляются только въ концѣ царствованія Елизаветы Петровны, по поводу славныхъ побѣдъ нашихъ надъ Пруссаками.

торая, въ началѣ 1760 года, заняла всю восточную Пруссію; древняя столица Кенигсбергъ была обращена русскими въ губернскій городъ, а жители приведены къ присягѣ на подданство императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; въ городѣ чеканилась русская монета, и даже появилась духовная миссія съ архимандритомъ.

Въ этомъ-же году былъ составленъ проэктъ о совершенномъ присоединеніи завоеванной части Пруссіи къ Россійской Имперіи—проэктъ, утвержденный подписью Елизаветы: „быть по сему" (30 Апрѣля 1760 года); причемъ Ея Величество оставляла за собою право: „получа въ свое владѣніе Пруссію, удобнаго средства искать: невозможно-ли будетъ съ республикою Польскою, полюбовнымъ соглашеніемъ и ко взаимному обоихъ сторонъ удовольствію, сдѣлать о семъ королевствѣ другое опредѣленіе". Но переговоры по этому предмету съ союзными государями, Маріей Терезіей и Людовикомъ XV, затянулись, война шла своимъ чередомъ; вслѣдъ за тѣмъ, въ 1761 году, императрица Елизавета умерла, — а наслѣдникъ ея Петръ III внезапно перевернулъ политику Русскаго Двора и изъ смертельнаго врага Россія вдругъ сдѣлалась самымъ великодушнымъ, самоотверженнымъ другомъ короля Фридриха II (Русск. Стар. 1873. Май, 713).

Особенно важна была для насъ побѣда, одержаная фельдмаршаломъ Гр. Салтыковымъ и Гр. Лоудономъ при рѣкѣ Одерѣ, надъ Прусскими войсками, сражавшимися подъ командою самаго короля и его фельдмаршала Веделя. Извѣстіе объ этой побѣдѣ послужило предметомъ для двухъ народныхъ картинокъ, подъ названіемъ: „разговоръ Прусскаго короля съ фельдмаршаломъ Веделемъ 30 іюля 1759 года (№№ 313 и 314) [63]. Другихъ сатирическихъ

[63]) Баталія при Пальцигѣ и другія побѣды наши были выгравированы и академическими мастерами (см. примѣч. къ № 313).

листовъ на эту компанію издано не было; по крайней мѣрѣ нельзя дать этого названія дошедшимъ до насъ четыремъ народнымъ картинкамъ (№№ 316—319), на которыхъ изображены прусскіе драгуны и ненавистные пруссакамъ русскіе казаки; изъ нихъ одна съ подписью: „пруссаки говорятъ худо попасть въ руки русскимъ казакамъ" (№ 316) [64]). За это-же славное для русскаго воинства время сохранились намъ девять народныхъ картинокъ, сдѣланныхъ, какъ это сказано въ подписяхъ на нихъ, „во славу и честь ко отечеству вѣрнымъ воинамъ", и представляющихъ одного коннаго и восемь пѣшихъ гренадеръ (№№ 269—277).

Войны наши съ татарами и турками въ первой половинѣ XVIII вѣка не перешли въ народныя картинки; по случаю взятія Азова Петромъ Первымъ награвирована большая картина Шхонебекомъ (см. Русскіе граверы, стр. 349, № 25) и другая поменьше, на которой представлено торжество по случаю взятія крѣпости и веденія на казнь измѣнника Якушки (тамъ же, стр. 256); но ни та, ни другая, ни по цѣнѣ, ни по работѣ, не могутъ быть отнесены къ народнымъ изданіямъ.

Съ 1768 года отношенія блистательной Порты къ Россіи становятся крайне натянутыми и переходятъ вскорѣ въ открытую вражду [65]). Въ то время, въ умахъ

---

[64]) Въ особенности ненавидѣлъ казацкое войско самъ Фридрихъ: «эти разбойники», говаривалъ онъ, «оставляютъ за собою голую пустыню»;—какъ будто онъ самъ, съ своими рыцарскими войнами, вносилъ въ страну не тоже раззореніе.

[65]) Съ 1812 года появилось въ свѣтъ такъ называемое завѣщаніе Петра Перваго, по которому предполагалось покорить не только Турцію, но и всю Европу съ Азіей на придачу. О подложности этаго завѣщанія, составленнаго по всей вѣроятности по приказанію Наполеона I, передъ походомъ 1812 года, смотри статью С. Н. Шубинскаго въ Древн. и Нов. Россіи, Январь 1877 г.—Проэктъ покоренія Турецкой имперіи былъ составленъ еще ранѣе, Лудовикомъ XIV, при чемъ первымъ условіемъ по-

русскихъ государственныхъ людей и самой Екатерины, зародилась мысль покорить Турцію и сдѣлать изъ нея Христіанское Государство, подъ управленіемъ вел. кн. Константина Павловича, который на этотъ конецъ уже обучался по гречески. Въ 1769 году на монетномъ дворѣ приказано было выбить 390 золотыхъ медалей съ изображеніемъ разрущающагося Константинополя [66]); Евгеній Булгаръ издавалъ портреты Екатерины съ греческими подписями; Екатерина даже приглашала Волтера погостить въ новой ея столицѣ, Константинополѣ. Но греческому проэкту не суждено было осуществиться и война, раззорившая Турцію въ конецъ, кончилась миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, въ 1775 году.

Событія этой славной для русскаго воинства и флота войны перешли въ цѣлый рядъ народныхъ картинокъ, въ которыхъ текстъ заимствованъ изъ тогдашнихъ Московскихъ вѣдомостей, съ передѣлками въ народномъ стилѣ. Первая, слѣдуя хронологическому порядку, представляетъ явленіе на небѣ, бывшее въ Турціи въ 1768 году и о которомъ уже говорено выше: мѣсяцъ, окруженный крестами, саблями, мертвыми головами и т. д., предвѣщавшими конечно войну (№ 333).—Во второй разсказывается, какъ султанъ Мустафа III предложилъ Дивану объявить Россіи войну: „Ваше Величество", отвѣчаетъ Диванъ, „Россія издревле въ воинскихъ дѣлахъ по всему свѣту славою сіяетъ, на сухомъ пути и на морѣ вездѣ

лагалось перебить все турецкое войско, до послѣдняго солдата, Константинополь и земли турецкія присоединить къ Франціи, покорить Грецію и Палестину, а Турокъ загнать въ Аравію; Русскимъ предоставлялось взять себѣ Крымъ (!) (Revue de géographie, Juin 448. Le grand dessein secret de Louis XIV contre l' Empire Ottoman en 1688).

[66]) Медали эти, шести разныхъ величинъ, подробно описаны г. Иверсеномъ, въ его книгѣ: Неизданныя и рѣдкія русскія медали (СПБ. 1874 г., стр. 7. №№ 42—47).

побѣждаетъ, а многочисленное собраніе войска и храбрыхъ янычаръ россійскому оружію не страхъ; но они обратятъ всѣхъ ихъ въ прахъ!“ (№ 334). — 16-го августа 1769 года явилась на небѣ комета (№ 335), а 9-го іюня 1770 года состоялась въ Константинополѣ торжествественная религіозная процессія, въ которой несли гробъ Магометовъ и болѣе ста человѣкъ фанатиковъ немилосердно бичевали себя и рѣзали свое тѣло саблями (№ 337). — Затѣмъ начались военныя дѣйствія 1770 года: „конечное истребленіе Турецкаго флота при Чесмѣ“, причемъ сожжено около ста судовъ и въ числѣ ихъ 15 линейныхъ кораблей (№ 338); взяты Бендеры (№ 339) и получено извѣстіе о буйствѣ янычаръ, требовавшихъ мира (№ 340).

Въ 1771 году изданы картинки: взятіе крѣпости Журжи (№ 341), взятіе крѣпости Перекопской (№ 342), и большая картина, представляющая побѣды, одержанныя гр. Румянцевымъ во все продолженіе компаніи, со стихами Его Сіятельству.

Миръ въ Кучукъ Кайнарджи 1775 года (№ 346) и въѣздъ въ Москву турецкаго посла Беглербея (№ 347) представлены на особыхъ картинкахъ.

Реляціи обо всѣхъ этихъ проишествіяхъ, какъ было сказано выше, заимствованы изъ Московскихъ вѣдомостей; потери Турокъ, какъ водится, въ нихъ преувеличены до̀ нельзя. Даже Императрица Екатерина въ свое время замѣтила кн. Безбородко, что въ реляціи о Кинбурнской побѣдѣ вранье по этой части доведено до того, что даже непонятно стало сколько на самомъ дѣлѣ Турокъ убито; она приказала при этомъ увѣдомить Рейсъ еффендія, что потерянныхъ нами людей въ этой побѣдѣ несравненно болѣе того, которое показано въ реляціи; и поручила Безбородкѣ „употребить впередъ способъ къ прекращенію таковыхъ переписокъ“ (Рус. Стар. 1876 г.

Мартъ, стр. 474). Это, какъ мѣтко выразился раешникъ, показывая свою картину,—война Русскихъ съ Турками: „слѣва,—изволите видѣть,—Турки валятся какъ чурки, а справа Русскихъ помиловалъ Богъ,—цѣлы стоятъ; только безъ головъ“.

Изъ народныхъ картинокъ этого порядка очень любопытно описаніе народнаго праздника, даннаго на Ходынкѣ 21-го іюля 1775 года, по случаю Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (№ 345). На обширномъ Ходынскомъ полѣ устроены были Черное и Азовское моря, съ примѣрными кораблями, а по берегамъ ихъ построены декораціонныя крѣпости: Кинбурнъ, Азовъ, Керчь, Ениколь и Таганрогъ. Въ одной изъ построекъ накрыто было пять столовъ, за которыми кушала сама Императрица съ гр. Румянцевымъ и съ ними 319 персонъ. Для народа выставлены были жареные быки и фонтаны съ виномъ; устроены воздушные театры съ канатными плясунами, бухарцами, балансерами и разными увеселеніями; вечеромъ сожженъ большой фейерверкъ, на который Мелиссино и Челяевъ истощили все свое фейерверочное искуство.

Война съ Турками, веденная двадцать лѣтъ спустя Потемкинымъ, не была такъ народна, какъ Румянцевская; мы имѣемъ изъ нея только одну картину: взятіе Очакова (№ 355); тоже самое приходится сказать и о Финляндской войнѣ, изъ которой въ картинки перешли: взятіе крѣпости Свеаборга (№ 360), битва при Либштадтѣ (№ 361) и нѣсколько изображеній частныхъ героическихъ подвиговъ (№№ 358 и 359); затѣмъ мы вступаемъ въ 1812 годъ, который прославился карикатурами на французовъ, поименованными ниже, въ отдѣлѣ сатирическихъ картинокъ.

Въ отдѣлѣ портретовъ, которые тоже должны быть отнесены къ историческимъ листамъ, включены, какъ

простонародныя изданія по этой части, такъ и тѣ листы, которые помѣщены въ числѣ лубочныхъ картинокъ, въ собраніяхъ Олсуфьева и Даля и въ цензурной книгѣ Ахметьевской фабрики. Отдѣлъ этотъ очень неполонъ,— надѣюсь въ непродолжительномъ времени напечатать болѣе подробный списокъ русскихъ портретовъ лубочной гравировки, въ изготовляемомъ мною новомъ изданіи словаря русскихъ гравированныхъ портретовъ, а также и въ другомъ изготовляемомъ мною словарѣ русскихъ граверовъ, доведенномъ до нашего времени.

Въ прежнемъ моемъ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ было указано на отсутствіе портретовъ многихъ замѣчательныхъ личностей; это и не могло быть иначе, при условіяхъ стараго времени: чтобы ни дѣлалось въ государствѣ, дурно-ли, хорошо ли, все приписывалось главѣ государства; отдѣльныя личности стушевывались при этомъ; народу и не досугъ было разузнавать объ нихъ; исключеніе изъ общаго правила составляли люди военнаго чина, прославившіеся своими боевыми подвигами, имѣвшими для народа осязательное значеніе [67]) (стр. XXIX).

Первыя попытки изданія народныхъ картинокъ этого

---

[67]) У раскольниковъ сохранились изображенія ихъ родоначальниковъ: князя Андрея Денисова Мышецкаго и Андрея Викулова; учредителя Преображенской богадѣльни въ Москвѣ — Ильи Кавылина и старообрядческихъ начетчиковъ: Филиппа Косцева и Андрея Ларіонова Скачкова; но эти портреты не лубочной гравировки и въ народъ не выходили; при сильномъ гоненіи на раскольниковъ, они могли проникать только въ богатые раскольничьи дома, и ставились тамъ въ молельняхъ, наравнѣ съ иконами. Находимые во множествѣ у скопцевъ профильные (съ сіяніемъ) портреты Петра III, котораго они считаютъ своимъ сочленомъ, а равно и картинки, представляющія Павла, изводящаго изъ гробницы Петра III,— тоже не могутъ быть отнесены къ числу народныхъ картинокъ, такъ какъ они гравированы хорошими художниками.

рода [68]) сдѣланы были А. Зубовымъ, который награвировалъ, въ 1734 и 1735 годахъ, плохіе, но дешевые, портреты Петра I [69]), Екатерины I, Петра II и Анны Ивановны (№№ 531, 532, 535, 537); всѣ они скопированы съ оригиналовъ, писанныхъ извѣстными въ то время мастерами. Затѣмъ слѣдуетъ портретъ императрицы Елизаветы Петровны, который, какъ это видно изъ надписи на единственномъ, дошедшемъ до насъ, экземплярѣ его, подвергся Высочайшему запрещенію, вмѣстѣ съ портретомъ наслѣдника престола, за ихъ несходство и крайнее безобразіе (см. № 538 и примѣч. въ IV т.); большой портретъ Екатерины II съ велик. княземъ Павломъ Петровичемъ, которые окружены портретами великихъ князей, царей и императоровъ русскихъ (№ 539), скопированными съ большаго портрета Петра I съ баталіями, поднесеннаго граверомъ Пикаромъ Петру I въ 1717 году (съ крайне льстивою надписью); другіе портреты Екатерины II (№№ 540—543), Павла I (№№ 544—548), и наконецъ многочисленные портреты Александра Благословеннаго и героевъ 1812 г. (№№ 551—570), которыми серія народныхъ портретовъ лубочнаго произведенія почти и заканчивается.

Изъ статскихъ лицъ въ число народныхъ картинокъ попали: во 1-хъ, курьезный портретъ дворянина фило-

---

[68]) Къ числу народныхъ портретовъ отнесена мною замѣчательная картинка: поклоненіе царей Іоанна и Петра Алексѣевичей новорожденному Спасителю (№ 526), хотя изображенія этихъ царей и не представляютъ портретовъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова.

[69]) Въ числѣ произведеній Артемьевской фабрики поименованъ чрезвычайно замѣчательный портретъ Петра I въ кафтанѣ, гравированный во второй половинѣ прошедшаго столѣтія; это тотъ самый, который въ 1805 году былъ выгравированъ вновь мастеромъ Вендрамини (Словарь русск. портретовъ, стр. 116); Артемьевскій листъ доказываетъ, что портретъ Петра I въ кафтанѣ былъ дѣйствительно написанъ живописцемъ Моромъ и сохранялся еще въ цѣлости въ прошедшемъ столѣтіи (№ 530).

софа Дмитріева-Мамонова, сочинившаго самоучкой новую систему міра, съ такимъ къ самому себѣ воззваніемъ:

„О ты, который столь въ свѣтъ родился честенъ,
Что свѣтъ тебѣ со всей корыстью не прелестенъ";

и во 2-хъ, знаменитаго Московскаго пророка, или, какъ онъ самъ себя называлъ: студента холодныхъ водъ Московскаго сумашедшаго дома, Ивана Яковлевича Курейши. Житіе его наглядно преставляетъ тогдашнее религіозное настроеніе Московскихъ дамъ не только средняго и низшаго, но и высшаго круга. Иванъ Яковлевичъ, уроженецъ Смоленской губерніи, въ юности своей скитался по дебрямъ семинаріи, изъ которыхъ однако-же бѣжалъ въ лѣсъ, и сталъ юродствовать. Здѣсь какъ-то случилось ему изобрѣсти несовсѣмъ ловкое прорицаніе одной знатной особѣ, по ходатайству которой онъ былъ переселенъ изъ лѣса въ Московскій сумашедшій домъ. Здѣсь лечили его сперва холодною водою, отъ которой онъ самъ себя и прозвалъ студентомъ холодныхъ водъ, а потомъ, съ прибытіемъ славы о его прозорливости изъ Смоленска въ Москву, устроили для него особую комнату, въ которую пускали жаждущихъ его прорицаній, по 20 коп. сер. съ человѣка.

Вотъ описаніе этой комнаты, сдѣланное около 1858 года: „стѣны уставлены множествомъ иконъ, словно часовня. На полу передъ образами стоитъ большой, высеребряный подсвѣчникъ съ мѣстной свѣчей; въ подсвѣчникѣ ставятъ свѣчи. Налѣво низко молится странникъ съ растрепанными волосами. Направо, въ углу, еще ниже, молится баба; прямо на диванѣ сидитъ молоденькая дѣвушка, а на полу возлѣ Ивана Яковлевича, извѣстная купчиха Заливская. Увидавъ новыхъ посѣтителей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое къ верху, чтобы не замарать его на полу, подвела къ нему подъ

благословленіе своего ребенка, потомъ сама подошла, поцѣловала его руку и лобъ, перекрестила его, и вышла".

„Направо, въ углѣ, на полу, лежитъ Иванъ Яковлевичъ, закрытый до половины одѣяломъ. Онъ можетъ ходить, но нѣсколько лѣтъ уже предпочитаетъ лежать. Рубашка, одѣяло и наволочка у него изъ темнаго ситца; лежитъ онъ на спинѣ, сложивъ на груди жилистыя руки; ему около 80 лѣтъ; лобъ высокій, голова лысая, лице какое-то придавленное. Ѣстъ онъ руками, кушанья скоромныя и постныя перемѣшиваетъ вмѣстѣ, самъ ѣстъ и другихъ кормитъ, производя при этомъ разныя экцентричности" (IV. 460). Мнѣ самому случалось видѣть, какъ Иванъ Яковлевичъ намѣшаетъ въ чайникѣ съ чаемъ табаку, помакиваетъ въ этомъ снадобьи ручку отъ калача, и заставляетъ ѣсть не только купчихъ, но и дворянскихъ дамъ; это, какъ объяснялъ мнѣ его дьяконъ, за то, что ужъ онѣ ему очень сильно надоѣли. И что-же наши дамы! — плачутъ, а ѣдятъ.

Прибѣгающимъ къ его прозорливости, Иванъ Яковлевичъ провозглашаетъ отрывочные, перепутанные съ смѣхотворною латынью и никому непонятные отвѣты, которые могутъ быть истолкованы только однимъ, приставленнымъ къ нему снотолкователемъ, богадѣленнымъ дьякономъ, или-же даетъ имъ писменные отвѣты; напримѣръ, на вопросъ: „женится-ли такой то?" Отвѣтъ: „безъ працы не бенды кололацы". „Выду-ли я замужъ?"—„Это хитрая штука въ своей силѣ, что въ ротъ носили". Иногда прорицанія Ивана Яковлевича носятъ эмблематическій характеръ. Пріѣхала къ нему извѣстная нѣкогда красавица, купчиха Шестова, и спрашиваетъ его о чемъ-то, а онъ поднялъ ей подолъ, да и говоритъ: „все растрясла, поди прочь!" (IV. 463); другая купчиха К—а спрашиваетъ его: „скажи, Иванъ Яковлевичъ, что́ будетъ съ моимъ сыномъ?" — „Смотри въ окошко", говоритъ ей Иванъ

Яковлевичъ. Нагнулась купчиха, смотритъ въ окошко; вскочилъ Иванъ Яковлевичъ на нее, сѣлъ верхомъ, и ну колотить по спинѣ. „Это значитъ", — объяснилъ потомъ богадѣленный дьяконъ,—„что сынъ вашъ поступитъ скоро въ кавалерію".

По прежней службѣ моей въ 1850—54 годахъ, мнѣ приходилось посѣщать Московскій сумасшедшій домъ почти ежемѣсячно: чрезвычайная грязь и зловонная обстановка, окружавшія Ивана Яковлевича, производили дѣйствительно впечатлѣніе отталкивающее; но дѣтское добродушіе Московскаго прорицателя и необыкновенная его безсребренность,—онъ ничего себѣ не выпрашиваетъ, ничего себѣ не оставляетъ,—при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, способны были даже возбудить нѣкоторое сочувствіе къ бѣдному страдальцу; въ этомъ отношеніи Иванъ Яковлевичъ представлялъ настоящій типъ блаженнаго XVI вѣка, и нисколько не походилъ на тѣхъ лживыхъ пророковъ и шпыней, которые изъ своего пророчества дѣлали ремесло для выманиванія денегъ у довѣрчивыхъ православныхъ. Ошибка Ивана Яковлевича заключалась единственно въ томъ, что опоздалъ онъ явленіемъ своимъ на цѣлыя 300 лѣтъ. О житіи его и дѣяніи говорено подробно въ кн. IV, на стр. 459—464. Замѣчательно, что въ Ивана Яковлевича вѣрили не только Московскія мѣщанки и купчихи и дамы высшаго круга, но даже государственные сановники, извѣстные ученые и высшія духовныя лица.

Иностранныхъ портретовъ въ числѣ народныхъ картинокъ тоже немного, — больше все царскіе, есть впрочемъ и богатыри, — Позорскій и Пеше Шиширъ (585), Турецкіе паши Ага и Муралей (582), пресловутая воительница греческая Бобелина, женская персона капитальнаго размѣра, которая, какъ сказано въ картинкѣ, „храбростью и силою своею многихъ мущинъ превосхо-

дитъ“ (589); да неизвѣстно какими путями попала сюда же „Доротея Гамбургская вольнодо(у)мка“ (579).

Астрономическія и физическія свѣдѣнія заимствовались нашими предками изъ апокрифическихъ книгъ и твореній средневѣковыхъ писателей, переполненныхъ всевозможными баснями, которыя были въ ходу въ Европѣ почти до XVI вѣка. По этимъ сказаніямъ—небесъ надъ землею три: первое небо идетъ до луны, въ немъ поселены лукавые демоны, ищущіе погибели человѣка; второе небо воздухъ огненный отъ луны до звѣздъ, оно наполнено ангелами на охрану человѣка; въ третьемъ небѣ, тоже огненномъ, надъ твердію находится Богъ со всѣми святыми (Лусидаріусъ. Тихонравовъ, Лѣтоп. I. 45). По Болгарскому сборнику Григоровича ангелы отъ престола Божія выносятъ солнце на небо [70]), а по сказанію Меѳодія Патарскаго въ морѣ тридцать оконецъ, и тѣ оконцы тридцать китовъ своими головами заткнули; во время потопа Богъ повелѣлъ китамъ отойти отъ оконецъ и море затопило землю (Памятн. Кушелева, III. 18). Тоже повторяется и въ Голубиной книгѣ: китъ рыба всѣмъ рыбамъ мать, на ней–бо стоитъ земля: китъ рыба потронется, вся земля восколеблется. Въ Іерусалимской бесѣдѣ система еще сложнѣе; тамъ говорится, что земля стоитъ на 80 китахъ-рыбахъ меньшихъ и трехъ рыбахъ большихъ (Кушелевъ, Памятн. II. 308); а по Болгарскому сборнику Григоровича, земля плаваетъ на водѣ, подъ водой же камень; камень держатъ 4 золотые кита, плавающіе на огненной рѣкѣ; подъ нею другой огонь,

---

[70]) Въ Соловецкомъ сборникѣ XVII вѣка разсказывается, какъ 300 ангеловъ воротятъ солнце, а птицы грипусы (грифы), финиксы и халедры, окупая крылья свои въ океанѣ-морѣ, кропятъ ими на солнце, да не опалитъ ихъ, и какъ громнымъ коломъ тоже 300 ангеловъ воротятъ и пр. и пр. (IV. прим. къ № 658).

подъ огнемъ дубъ желѣзный, первосадный, корни-же его на силѣ Божіей стоятъ [71]) (Архивъ Калачева, кн. I). Но рядомъ съ этими небылицами, въ сборникахъ того-же времени содержатся и свѣдѣнія вполнѣ научныя о планетной системѣ, о лунѣ, солнцѣ и звѣздахъ; свѣдѣнія эти перешли и въ наши народныя картинки; такимъ образомъ въ лицевомъ изображеніи 103 псалма (IV. прим. къ № 1019) помѣщены отдѣльные рисунки, въ которыхъ представлены: Птоломеева планетная система, фазы луны, полнолуніе, затмѣніе, первая и послѣдняя четверть и новолуніе, затмѣніе солнца, съ указаніемъ научныхъ причинъ такихъ явленій. При составленіи этихъ изображеній рисовальщикъ видимо пользовался рисунками Брюсова календаря, который у насъ замѣнялъ въ свое время западные альманахи и для народа составлялъ единственный доступный сборникъ свѣдѣній по астрономической части [72]).

VI.

Календари и альманахи. Новый 1699 годъ на Руси. Календарь Фосбейна 1706 года. Пятилистовой Брюсовъ календарь на 1711 годъ. Сорокасемилистовой Брюсовъ календарь и его предсказанія. Монополія на календари въ пользу Академіи Наукъ. — Гадательныя книжки: Рафли, Коло и Соломонова голова; печать царя Соломона.

На западѣ печатные альманахи-календари появились почти одновременно съ лицевыми библіями; первый и

---

[71]) Мудрость астрономейная дана была отъ Бога Ноеву внуку Мунту (или Монду), за то, что онъ не принялъ участія въ постройкѣ Вавилонскаго столпа, сказавъ: «если и будетъ потопъ, буди воля Божія» (Кушелевъ, III. 18.). По Іосифу Флавію, астрономію и ариѳметику открылъ Египетскимъ мудрецамъ Авраамъ.

[72]) Очень любопытна въ этомъ отдѣлѣ громадная картинка № 590 А, изображающая солнце съ зодіаками, въ томъ самомъ видѣ, какъ оно

самый народный изъ нихъ. извѣстный подъ именемъ „le grand Compost de bergers", вышелъ въ Парижѣ въ 1493 году; вскорѣ послѣ того Прованскій еврей изъ Сенъ-Реми, Михаилъ Нострадамусъ (род. 1503 г.), началъ сочинять альманахи съ предсказаніями и кромѣ того издавать предсказанія центуріями. Изъ него черпали полною рукою слѣдовавшіе за нимъ составители альманаховъ, Іосифъ Мультъ и Матье Ленсбергъ, добавляя ихъ разсказами о являніи драконовъ, звѣздъ и кометъ, и разными забавными анекдотами. Такой альманахъ, представлявшій, какъ замѣчаетъ Низаръ, за 50 сантимовъ цѣлую энциклопедію, считался предметомъ первой необходимости въ каждомъ крестьянскомъ домѣ (Hist. des livres popul., I. 1). Въ нашей литературѣ первый полный рукописный альманахъ-календарь появился въ 1664 году; за нимъ слѣдуютъ еще два календаря: календарь Фохта на 1670 годъ, переведенный съ нѣмецкаго и посвященный царю Алексѣю Михайловичу, и календарь Словаковскаго на 1696 годъ, переведенный съ польскаго. До этого времени всѣ свѣдѣнія, помѣщавшіяся въ западныхъ календаряхъ-альманахахъ, разбросаны были у насъ по разнымъ рукописямъ, а именно: святцы составляли отдѣльную книгу, съ присодиненіемъ иногда лицеваго подлинника; для опредѣленія переходящихъ праздниковъ и пасхи руководствовались сперва великимъ индиктіономъ, составленнымъ на 7000 лѣтъ, а послѣ того миротворнымъ кругомъ, составленнымъ священникомъ Агаѳономъ, по порученію митрополита Макарія (IV. 505). Первыя наставленія о томъ, что дѣлать и чего не дѣлать въ извѣстные дни, мы находимъ въ Святославовомъ сборникѣ 1075 года, гдѣ, напримѣръ, подъ 30 апрѣлемъ указано:

было написано на одномъ изъ плафоновъ Коломенскаго дворца, сломаннаго въ прошедшемъ столѣтіи.

„рѣпы не яждь“; „маия 31, поросяте не яждь“, а іюля 31: „воздержися отъ афродисіи“ (IV. 505). Впослѣдствіи такія наставленія составляли предметъ отдѣльныхъ рукописей, извѣстныхъ въ литературѣ нашей подъ именемъ отреченныхъ книгъ: о часахъ и дняхъ добрыхъ и злыхъ, о дняхъ лунныхъ, Мартолой или астрологія и пр. По части предузнаванія погоды изъ той же литературы назовемъ: громникъ, собранный царемъ Иракліемъ, молніяникъ и колядникъ пророка Ездры (IV. 505). Цѣлый устный календарь предсказаній этого рода можно отыскать въ народныхъ пословицахъ (см. IV ч. Снегирева, Русскіе въ своихъ пословицахъ).

Въ 1699 году, какъ извѣстно Петръ I-й повелѣлъ новый годъ считать, не по прежнему съ 1-го сентября, а по новому съ 1-го января; изданъ былъ торжественный указъ, по которому приказано было въ этотъ день всѣмъ радоваться, и какъ зажгутъ огненныя потѣхи на Красной площади, поздравлять другъ друга съ праздникомъ и съ концемъ протекшаго вѣка. Кромѣ того, приказано было всѣмъ безъ исключенія украсить домы свои сосновыми вениками, по выставленному образцу; скудные люди могли втыкать подъ своими жилищами по одной вѣткѣ, и затѣмъ всѣмъ приказывалось, въ знакъ особой радости, цѣлые шесть дней до 7-го января жечь солому, костры изъ хвороста и дровъ, смоляныя бочки, палить изъ пушечекъ (у кого онѣ есть) и пускать ракеты!! Черезъ два года послѣ этого праздника напечатанъ первый январскій календарь, въ Амстердамѣ, Ильею Копіевскимъ. Въ чемъ заключался онъ, мы не знаемъ, такъ какъ отъ него уцѣлѣли одни святцы. Настоящая-же серія печатныхъ календарей началась Московскимъ календаремъ на 1709-й годъ и Петербургскимъ на 1713-й годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается и рядъ народныхъ календарей, отпечатанныхъ гравированными досками.

Первымъ изъ нихъ слѣдуетъ поставить стѣнной календарь Фосбейна на 1706 годъ, доска котораго печаталась въ Москвѣ на Ахметьевской фабрикѣ; второй и самый полный изъ всѣхъ стѣнныхъ календарей, до селѣ извѣстныхъ, это такъ называемый Брюсовъ календарь, пятилистовый, изданный В. Кипріяновымъ на 1711-й годъ. Календарь этотъ содержитъ въ себѣ: святцы, показаніе долготы дней въ Москвѣ, положенія луны; таблицу съ „предсказаніемъ дѣйствъ" по теченію луны, переведенную изъ астрономіи Вольфганга Гильдебрандта, и таблицу съ предсказаніемъ времени по теченію планетъ, переведенную съ латинскаго изъ „книги Іоанна Заганъ" [73]). Въ лунной таблицѣ, напримѣръ, есть наставленія, подъ какимъ знакомъ слѣдуетъ: „бракъ имѣти... мытися в'мылне и платье кроить... брады брить, чтобъ не скоро выростали.... строить храмы, чтобы огнь не пришелъ туду... въ тавлеи играть безъ спору... власы с'главы стричь, чтобъ мозгъ укрѣпляло... дѣтей въ училище отдать, чтобъ были зѣло учены... преніе начати и кнему причины искати". Въ таблицѣ о погодѣ можно отыскать: какое въ каждомъ году будетъ лѣто, весна, осень и зима; какой чему будетъ урожай, въ овощахъ и животныхъ, а также и какіе будутъ когда ходить болѣзни, напримѣръ: „вино зѣло хорошее, орѣховъ обиліе; громы тяжкіе съ пожарами, будутъ вредить вихри; зѣло много яко змій, саранчи, лягушки великіе, черные, лягушки водныя, ящирицы и мыши; болѣзни утробы, стомаха, прирожденныхъ удовъ, болѣзнь французская, диссентерія сирѣчь поносная болѣзнь", и т. д. — Этотъ пятилистовой календарь составленъ Кипріяновымъ, по указаніямъ знаменитаго астролога своего

---

[73]) О томъ, что звѣзды созданы на покой звѣрямъ, другія на проводъ птицамъ, иныя-же на стражбу рыбамъ и въ знаменіе человѣкомъ, говорится и въ старинныхъ славянскихъ Палеяхъ.

времени, генералъ-фельдцейгмейстера Якова Вилимовича Брюса, котораго народъ, за его математическія познанія и постоянныя занятія астрономіей, прозвалъ колдуномъ[74]).

Вслѣдъ за пятилистовымъ календаремъ Брюса, тѣмъже Кипріяновымъ изданъ однолистовый календарь на 1715 годъ, представляющій сокращенную компиляцію изъ пятилистоваго календаря (IV. 503); затѣмъ слѣдуютъ стѣнные календари: одинъ, гравированный Ростовцевымъ (№ 665), другой, печатанный деревянною доскою въ первой половинѣ прошедшаго вѣка; календари 1749-го и 1774-го годовъ, и всегдашній календарь, конца прошедшаго столѣтія. Изъ календарей, отпечатанныхъ мѣдными досками въ видѣ цѣлыхъ книжекъ, извѣстны: весьма распространенный въ западныхъ губерніяхъ календарь Корвина Квасовскаго (№ 666) и Брюсовскій календарь на 47 листахъ, который издавался во все продолженіе прошедшаго и даже въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Этотъ послѣдній еще полнѣе пятилистоваго Брюсова календаря; кромѣ предсказаній о погодѣ и о дѣйствіяхъ по теченію луны, въ немъ помѣщены: свѣдѣнія о библейскихъ праотцахъ, исчисленіе и описаніе главнѣйшихъ звѣздъ на небѣ, таблица разстояній раз-

---

[74]) Старикъ камердинеръ его находился еще въ живыхъ въ тридцатыхъ годахъ, и о немъ ходили тогда такіе слухи, что Брюсъ приказалъ ему изрубить тѣло его послѣ смерти на куски и поливать составленною имъ, Брюсомъ, живою водою. Камердинеръ изрубилъ тѣло, началъ поливать его водою; уже куски срослись вмѣстѣ, въ лицѣ заигралъ румянецъ; но узналъ объ этомъ Петръ I и приказалъ остановить операцію и зарыть колдуна въ землю (Русская Старина 1871, 170). У Пекарскаго (Наука и Литература, I. 289) легенда разсказана нѣсколько иначе. — Съ тѣхъ поръ и Сухарева башня слыветъ въ народѣ мѣстомъ нечистымъ. О ней существуетъ преданіе, что на свѣтѣ была черная книжка, въ которой росписана вся житейская мудрость; книжка эта была потоплена въ морѣ, но оттуда выловлена колдуномъ и замуравлена въ Сухаревой башнѣ на десять тысячъ лѣтъ.

личныхъ городовъ русскихъ и иностранныхъ отъ Петербурга; перечисленіе дворцовъ, монастырей и церквей русскихъ; положеніе, въ градусахъ, знатнѣйшихъ городовъ европейскихъ, и карты губерній Московской и С.-Петербургской; кромѣ того при каждомъ мѣсяцѣ приложены подробныя описанія „дѣйствъ въ рожденіи человѣкомъ", т. е. описаніе нрава и тѣлосложенія, а также житейскихъ похожденій, болѣзней, печалей и радостей, предстоящихъ человѣку, родившемуся подъ извѣстнымъ знакомъ зодіака, въ такомъ напримѣръ родѣ: „Отроча, родившійся между 9-мъ февраля и 12-го марта, флегматикъ, студенъ, мокръ... въ Овнѣ имѣетъ счастіе во всѣхъ плодахъ земли; во Львѣ имѣетъ болѣзнь, и чуденъ будетъ въ сіи времена. Аще въ Вѣсахъ болѣнъ будетъ, смерти себѣ да ожидаетъ. И въ Скорпіи имѣетъ счастіе шествовати; въ Стрѣльцѣ будетъ богатъ, и въ Козерогѣ имѣетъ счастіе купляти и продавати. Въ Водоливѣ ничего да не начнетъ, зане сіе время супротивность ему... Лучшія его краски суть: бѣлая, зеленая, прочія суть злы. Отроча, родившійся между 14 сентября и 13 октября..., младъ, нецѣломудръ и склоненъ ко блуду, отраву пріеметъ чрезъ злыя жены. Отроковица-же, родившаяся за это время, „не можетъ сицеваго изъявленннаго наклоненія удалитися: пригожа будетъ, бѣла съ краснымъ смѣшана; благо ей... танцовати, скакати, пѣти, забавлятися... любовь и блудъ до скончанія вѣка своего творити будетъ; покажется ей супружникъ, онаго едва любитъ". „Родившійся между 11 января и 8 февраля многихъ женъ растлитъ".— Прогностики эти очень сходны съ западными предвѣщаніями, въ томъ числѣ съ нѣмецкимъ календаремъ: „Das ist der teutsch kalender mit der Figuren; Gedruckt zu Augsburg von Hansen Troschauer. 1510. 4. Въ прежнія времена имъ вѣрили; каково-же было отроковицѣ, родившейся напримѣръ между 14 сентября и 13 октября,

предвкусить прогностику относительно тѣлесной похоти и блуда до скончанія вѣка, отъ котораго наклоненія она по календарному увѣренію даже никакимъ средствомъ и удалиться не можетъ!

На западѣ число разныхъ календарей-альманаховъ громадно,—они составляютъ тамъ цѣлую особую литературу. У насъ отдѣлъ этотъ очень бѣденъ; причиной тому было то обстоятельство, что изданіе календарей было предоставлено Академіи Наукъ въ видѣ монополіи [75]). Особыми указами 1739 и 1780 гг. приказано было покупать только календари академическіе; въ 1800 и 1830 гг. запрещено было частнымъ лицамъ издавать календари вовсе. Запрещеніе это уничтожено только въ 1865 году, т. е. въ то время, когда народныя картинки, въ прежнемъ, настоящемъ смыслѣ этого слова, прекратили свое существованіе. Академическіе календари, судя по неоднократнымъ жалобамъ по этому предмету со стороны президентовъ, расходились въ народѣ очень туго, такъ какъ каждый по прежнему искалъ раздобыть Брюсовъ календарь хотя и стараго изданія, но въ которомъ онъ могъ бы найти всѣ нужныя для себя обиходныя свѣдѣнія и заманчивыя прогностики и предсказанія; въ этихъ-то свѣдѣніяхъ и заключалась необыкновенная популярность этого календаря: Кипріяновъ, подъ руководствомъ Брюса, свелъ въ немъ все то, что содержалось по этой части въ древнихъ нашихъ планидникахъ, звѣздочетцѣ, стодневцѣ, громникѣ, мартолоѣ, путникѣ и другихъ отреченныхъ книгахъ. Новый календарь совершенно замѣнилъ ихъ; оставалось дополнить его тѣми отреченными статьями о гаданьяхъ, которыя для народа, а въ особенности для жен-

---

[75]) Календарная выручка шла на покупку спирта и камфоры, для сохраненія академическихъ звѣрей и уродовъ отъ моли и червей (IV. 510).

ской половины были также необходимы, какъ и самый календарь.

Разныя примѣты, заломы березокъ, плетеніе вѣнковъ, гаданье по полету птицъ, по мышиному писку, навязываніе деревянныхъ крестовъ на воронъ,—о которыхъ упоминаетъ Новгородскій архіепископъ Геннадій,—существовали у насъ, какъ и въ другихъ гораздо болѣе образованныхъ странахъ, съ глубокой древности; въ одномъ Румянцевскомъ сборникѣ 1754 года дошелъ до насъ весьма полный переченъ такихъ гаданій по примѣтамъ (Востоковъ, Румянц. Муз., 550). Изъ Стоглава мы узнаемъ, что предки наши смотрѣли, загадавъ, въ Аристотелевы врата, т. е. въ книгу Аристотеля: „тайны тайныхъ“, подобно тому, какъ смотрѣли въ эту книгу, равно какъ и въ Виргилія, на западѣ; а также гадали по рафлямъ. Образцы такихъ рафлей дошли до нашего времени въ видѣ народныхъ картинокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Кола (колесо фортуны, №№ 731—733 и 733 А, работы Трухменскаго) и случаевъ описанія (№ 734). На такой гадательный листъ бросается пшеничное или ячменное зерно; на какомъ изображеніи или притчѣ оно остановится, то съ гадающимъ и сбудется въ жизни. Въ наше время всѣ эти листы замѣнены цензурною гадательною книжкою царя Соломона, содержащею въ себѣ сотню изрѣченій туманно-нравственнаго направленія, преподаваемыхъ по большей части отъ имени неизвѣстнаго пророка, на манеръ прорицаній знаменитаго Ивана Яковлевича, въ родѣ слѣдующихъ: „20. Моли Господа Бога твоего, будетъ тебѣ человѣче хотѣніе твое, о томъ Пророкъ рече, кипитъ сердце по первой жизни, добро будетъ тебѣ и радость (II. 475); 28. Будетъ тебѣ человѣче якоже хощеши по желанію твоему имѣть животное, но не вскорѣ узриши, о томъ Пророкъ рече“...

и т. д. Въ такомъ видѣ гадательная книжка получила какой то духовный характеръ и, вмѣстѣ съ печатными сонниками, составляетъ необходимую принадлежность каждаго домашняго обихода, какъ въ крестьянскомъ быту, такъ и въ городскомъ,—у купцовъ и мѣщанъ. Въ былое время по вечерамъ собиралась за столъ семья, съ домачадцами; дѣвки, парни, молодицы и старухи бросали, по очереди, пшеничное зерно или горошину на солнечную голову, а какой нибудь грамотей Парамошка читалъ вслухъ и на церковный ладъ выпавшее изрѣченіе съ пророкомъ на концѣ.

Подъ № 136-мъ описанъ еще одинъ „гадательный способъ для увеселенія", съ картинками Екатерининскаго времени, черезъ чуръ игриваго характера. Въ молодости моей помню, игрушечники и офени продавали маленькія дѣтскія гадательныя карты, въ которыхъ изображенія напоминали нашу народную картинку случаевъ описанія и дѣйствъ сказаніе (№ 134).

Чтобы покончить съ гаданіями, упомяну здѣсь о знаменитой печати царя Соломона (№ 798), о которой говорится и въ сказкахъ 1001-й ночи, и у Іосифа Флавія, и которая была въ большомъ ходу въ западной Европѣ. Печать эта была дана Соломону (въ перстнѣ) самимъ Богомъ, въ то время, когда Соломонъ задумалъ построить ему храмъ; черезъ нее Соломонъ получилъ власть надъ злыми духами, и заставлялъ ихъ на себя работать всякое дѣло. Въ книгѣ „Vinculum Spiritus" разсказывается даже, что Соломонъ, по окончаніи работъ, изловилъ трехъ главныхъ бѣсовскихъ князей: Асмодея, Белеѳа и Беліара, а съ ними 72 меньшихъ князей и три милліона малыхъ чертей, закупорилъ ихъ въ сткляницу изъ чернаго стекла и бросилъ въ глубокій колодезь подлѣ Вавилона. Много времени спустя, Вавилоняне, отыскивая

кладъ, разбили эту бутылку и выпустили такимъ образомъ чертей на свободу (Dunlop, 399) [76]).

VII.

Легкое чтеніе; переводные романы; великое Зерцало. Наши заимствованія изъ западной и югославянской литературы и съ востока; своеобразная обработка ихъ. Устная литература. Сказатели былинъ; обработка и искаженіе былинъ. Сказки и сказочники. Переписка сказокъ; сказки печатныя и лицевыя. Кіевскіе Калики. Русскіе богатыри въ народныхъ картинкахъ: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. Сказка объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ. Добрыня Никитичъ.—

---

[76]) Въ западной литературѣ встрѣчаемъ еще ключицу царя Соломона; это волшебная кость, о которой упоминается и въ нашихъ отреченныхъ книгахъ и посредствомъ которой можно вызывать злыхъ духовъ и командовать ими, какъ простыми телятами. Всѣмъ этимъ бреднямъ западное простонародье усердно вѣрило еще въ прошедшемъ вѣкѣ; у Шейбле приведены цѣлыя сочиненія о заговорахъ чертей, условіяхъ съ демонами Луциферомъ и Узіеломъ, у которыхъ подъ начальствомъ состоитъ 28 мелкихъ духовъ; тамже приложенъ цѣлый рядъ кабалистическихъ печатей, съ которыми можно розыскать украденое и отыскать кладъ; есть даже факсимиле контракта, заключеннаго рыцаремъ Урбаномъ Грандье съ чертями (Scheible, Das Kloster, III. 928 и 876). У Низара тоже поименована книга 1521 г., съ заголовкомъ: «красный драконъ и черная курица», которая излагаетъ правила, какъ повелѣвать духами (I. 141). Кромѣ Соломоновой печати, Соломоновой гадальной книги, да лицевыхъ изображеній его «пѣсни пѣсней», въ народныхъ картинкахъ имя Соломона упоминается только мелькомъ. Сказанія о сношеніяхъ его съ Китоврасомъ въ лицевыя изображенія не вошли; изъ многочисленныхъ судовъ его, въ картинки (XVII в.) попалъ только одинъ—слѣдующій: «нѣкій вельможа во снѣ даде́ нищему сто рублевъ денегъ взаймы, и возставъ отъ сна бьетъ челомъ царю на того нищаго въ тѣхъ деньгахъ». По приказанію Соломона нищій собралъ Христа ради сто рублевъ и принесъ ему; тогда Соломонъ приказалъ повѣсить деньги надъ колодцемъ, а вельможѣ повелѣлъ взять изъ воды тѣнь (отраженіе) тѣхъ денегъ (№ 712, III. 57); вельможа понялъ свою неправду, «и испроси прощеніе», а Соломонъ повелѣлъ нищему взять деньги.

Изображенія другихъ богатырей. Сказки переводныя: Бова, Петръ Златые ключи, Еруслапъ Лазаревичъ; сходство ихъ съ былинами. Другія сказки, составленныя изъ отдѣльныхъ эпизодовъ, заимствованныхъ изъ иноземныхъ повѣстей. Отдѣльныя лица изъ западныхъ романовъ. Сходство героевъ нашихъ сказокъ и всей обстановки въ нихъ съ западными повѣстями. Богатырь, его конь и оружіе. Волшебницы и волшебныя вещи. Умные и дураки.—Повѣсти изъ животнаго эпоса. Коллекція звѣрей и птицъ. Птицы: Сиринъ и Алконость. Житіе баснописца Езопа.—Сатирическія повѣсти и картинки. Просьба монаховъ Колязинскаго монастыря. Вятская баталія. Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ. Повѣсть о пѣтухѣ и о курахъ. Сатиры на Петра I: Мыши кота погребаютъ,—оригинальная народная картинка, пародія на погребальную процессію Петра I. Ее сочинили раскольники. Составъ похороннаго поѣзда: мыши-представительницы новопокоренныхъ Петромъ областей; вдова-чухонка Маланья; Стефанъ Яворскій; Савва Рагузинскій; рязанскіе Макарки.—Другіе сатирическіе листы того же времени: Баба яга дерется съ крокодиломъ и пляшетъ съ плѣшивымъ мужикомъ. Нѣмка верхомъ на старикѣ. Паденіе антихриста. Цирюльникъ и раскольникъ. — О томъ, какъ Петръ I донималъ старообрядцевъ. Пошлина съ бороды и записка раскольниковъ въ двойной окладъ. Увѣщаніе о бородѣ св. Дмитрія Ростовскаго. Указъ 20 января 1763 года и возвращеніе русской бороды изъ за границы. Прекращеніе преслѣдованія раскольниковъ.—Разсказы скоромнаго содержанія. Повѣсти и забавные листы. Сатиры на стариковъ: Тарасъ плѣшивый, Херсони и Пастушки. Гадательная книжка и др. Письмовникъ профессора Курганова, какъ сборникъ макароническихъ произведеній.

Въ Очеркѣ литературы старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, А. Н. Пыпина [77]), представленъ полный обзоръ рукописнаго матеріала, имѣвшагося въ рукахъ нашего народа по части легкаго чтенія. Изъ этого очерка видно, что у насъ были извѣстны и любимы очень многія изъ тѣхъ произведеній средневѣковой литературы, которыя были въ ходу въ западной Европѣ. Въ XVII вѣкѣ, особенно же въ XVIII, когда потребность на легкое чтеніе стала проявляться все болѣе и болѣе, въ русской литературѣ появилось большое число переводовъ

[77]) Ученыя записки Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ, кн. IV. СПБ. 1858 г.

съ разныхъ европейскихъ языковъ: повѣстей, сказокъ и рыцарскихъ романовъ [78]). Отдѣлъ лицевыхъ романовъ и сказокъ въ народныхъ картинкахъ представляетъ мало новаго; бо́льшая часть изъ нихъ была уже напечатана въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ и всѣ почти сказки и романы, а также и легенды, почти безъ исключенія, или переведены, или заимствованы изъ западныхъ оригиналовъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ „Великое Зерцало"—громадный сборникъ разсказовъ, латинскій подлинникъ которыхъ напечатанъ въ первый разъ въ 1492 году. Нашъ переводъ, судя по экземпляру Синодальной библіотеки, принадлежавшему патріарху Адріану, сдѣланъ въ 1667 году, по желанію и повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, и при томъ съ польскаго языка (IV. № 697. Примѣч.); изъ этого Зерцала, какъ будетъ сказано ниже, заимствовано большое количество легендъ и мелкихъ разсказовъ. Изъ другихъ западныхъ оригиналовъ вошли въ наши народныя картинки разсказы изъ „Золотой Легенды" Іакова де Ворагине и изъ отдѣльныхъ повѣстей, жартовъ или фацецій и сказокъ.

Изъ нѣмецкихъ источниковъ заимствованы отдѣльные эпизоды въ сказкахъ объ Иванѣ Царевичѣ и Жаръ-Птицѣ (№ 40), объ уткѣ съ золотыми яичками (№ 66), диво дивное (№ 64) и басня Ганса Сакса о крестьянинѣ,

---

[78]) Впрочемъ и въ Европѣ занимались въ то время такимъ же чтеніемъ. Графъ Каплюсъ говоритъ, что еще въ 1768 году волшебныя сказки были въ большомъ ходу, и что во время его молодости только ихъ и читали въ обществѣ (Dunlop, Geschichte der Prosadichtungen, mit Anmerk. v. F. Liebrecht. Berlin 1851, S. 411). Странно, почему не встрѣчается переводовъ на русскій языкъ такихъ разсказовъ, какъ Polexandre, Le jeune Alcidione, Гомбровія и Кальпренедовы: Клеопатра и Кассандра; между тѣмъ какъ эти романы пользовались въ Европѣ огромной извѣстностью. Руссо въ своихъ «Confessions» разсказываетъ, какъ онъ цѣлыя ночи просиживалъ съ отцемъ надъ Кассандрою Кальпренеда.

его сынѣ и ихъ ослѣ (№ 82). Изъ французской литературы, кромѣ провансальскаго романа „Петръ златые ключи“ (№ 30), который въ лицевой сказкѣ сильно сокращенъ, заимствованы: вѣтреная молочница Мелинта (№ 80), повѣсть о купцовой женѣ и прикащикѣ (№ 62), о ворѣ и бурой коровѣ (№ 63), о шутѣ и трактирщикѣ (№ 70) и безстыдный въ трактирѣ (№ 71) [79]).

Съ востока перешла къ намъ, какъ это положительно доказано В. Стасовымъ, сказка о Русланѣ Лазаревичѣ [80]); за тѣмъ немало заимствованій сдѣлано въ нашихъ повѣстяхъ изъ 1001-й ночи, откуда почти цѣликомъ переведены: сказка „о чемъ ты смѣялся“ (№ 74) и повѣсть (слово) о душѣ и тѣлѣ человѣческомъ (№ 791) [81]). Изъ другихъ восточныхъ источниковъ заимствованы: Шемякинъ судъ, передѣланный на русскіе нравы (№ 55),

---

[79]) При этомъ почти всѣ тексты нашихъ лицевыхъ картинокъ и сказокъ перепечатаны дословно съ печатныхъ изданій; такимъ образомъ перепечатаны изъ «Лекарства отъ задумчивости» (М. 1786) сказки: объ Иванѣ Царевичѣ и Царь дѣвицѣ (№ 36), о семи Симеонахъ родныхъ братьяхъ (56 и 57); объ Емельянѣ дурачкѣ (58 и 59); изъ Дѣдушкиныхъ прогулокъ (1790) — сказки: о Булатѣ молодцѣ (45), объ Иванѣ Царевичѣ и Жаръ птицѣ (40); изъ Старика весельчака: повѣсть о купцовой женѣ и прикащикѣ (62), о ворѣ и бурой коровѣ (72), о шутѣ и трактирщикѣ (70), лукавая жена (72), о курѣ и льстивой лисицѣ (85). Текстъ картинокъ: о женатомъ волокитѣ (№ 67)—дословная перепечатка басни Аблесимова, а снѣжной ребенокъ (№ 83) — повѣсти Измайлова; Диво дивное (№ 64)—вырѣзано съ печатнаго изданія 1788 года. Сказки: о Бовѣ королевичѣ (полная), о Петрѣ златыхъ ключахъ и о тридцати-трехълѣтнемъ крестьянскомъ сиднѣ (Иванѣ крестьянскомъ сынѣ, № 44)—вырѣзаны тоже съ печатныхъ изданій.

[80]) Хотя она и переведена не съ восточнаго оригинала, а скорѣе съ южнославянскаго, болгарскаго или сербскаго, на что отчасти намѣкаетъ и одна изъ картинокъ, на которой супруга Еруслана названа прекрасною Миленою (№ 35).

[81]) Любопытно и то, что былина о Святогорѣ, его ларцѣ и красавицѣ, блудившей съ Ильею Муромцемъ, тоже цѣликомъ заимствована изъ 1001-й ночи.

притчи Езоповы (№№ 75, 87, 89 и 90) и его житіе (№ 91) [82]).

Но самое большое число русскихъ сказокъ заимствовано изъ итальянскихъ источниковъ. Отсюда, изъ Reali di francia, перешелъ къ намъ Бова королевичъ, въ полной и сокращенной редакціяхъ, и съ отдѣльными изображеніями боя Бовы съ Полканомъ и героевъ этого романа; царя Салтана Салтановича, короля Гвидона, самого Бовы королевича и супруги его Дружневны (№№ 15—19; 29 и 35). Изъ Пентамероне Базили заимствованы цѣлыя повѣсти и отдѣльные эпизоды для сказокъ: Иванъ Царевичъ и Царь Дѣвица (№ 40), семь Симеоновъ (№ 56), Емельянъ дурачекъ (№ 58), смирный мужикъ и драчливая жена (№ 61). Повѣсть о старомъ мужѣ и молодой женѣ (№ 69) заимствована изъ Декамерона Бокачіо (а симъ послѣднимъ изъ французскаго фабліо: de celui, qui enferma sa femme en une tour); повѣсть объ Адольфѣ Лапландійскомъ, судя по нѣкоторымъ италіанизированнымъ словамъ и оборотамъ рѣчи, должно быть тоже переведена съ итальянскаго языка.

Рядомъ съ рукописной и книжной литературой, въ виду огульной неграмотности нашего народа, всегда существовала литература устная, составлявшаяся изъ духовныхъ стиховъ, былинъ и сказокъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, съ живаго голоса. — Пѣніемъ духовныхъ стиховъ занимаются издавна такъ называемые калеки перехожіе,—слѣпцы и въ самомъ дѣлѣ люди искалеченные самымъ страшнымъ образомъ съ ранней молодости, для возбужденія состраданія въ набожныхъ бого-

---

[82]) Въ примѣчаніяхъ, въ IV-й книгѣ, обращено мною особенное вниманіе на происхожденіе текста каждой легенды и повѣсти; въ концѣ же этой главы указано на заимствованіе текстовъ изъ иностранныхъ источниковъ въ нашихъ забавныхъ листахъ.

мольцахъ; ихъ можно видѣть до настоящаго времени въ безконечныхъ переходахъ въ дальнія пещеры Кіево-печерской Лавры. Въ наши картинки каличьи пѣсни не вошли вовсе: самая обиходная притча ихъ о богатомъ и убогомъ Лазарѣ, изъ которой даже народная пословица составилась: „что ты Лазаря-то поешь", —въ нашихъ картинкахъ помѣстилась почти безъ всякаго текста, съ однѣми краткими надписями; житіе Іосифа прекраснаго, распѣваемое каликами на разные лады, тоже въ картинки наши занесено въ совершенно другой, не сходной съ Кіевокалексіями, редакціей [83]).

Другой разрядъ пѣвцовъ разсказщиковъ—это сказители богатырскихъ былинъ. Былина удержалась по преимуществу у старообрядцевъ на крайнемъ сѣверѣ, въ Сибири и у Поморовъ. Здѣсь съ давняго времени засѣли въ скитахъ своихъ закоренѣлые старообрядцы, при помощи которыхъ выстроились на Бѣломъ морѣ знаменитые Соловки, отстаивавшіе свою независимость и старую вѣру съ оружіемъ въ рукахъ, даже противъ царскихъ войскъ. Путь въ Соловки на Онегу, Сумы и Кемь, по лѣсамъ, озерамъ и порожистымъ рѣчкамъ, и въ заключеніе по бурному морю, въ плохихъ баркасахъ, а изъ Кеми даже и на простыхъ лодкахъ, управляемыхъ смѣлыми Кемлячками,—путь полный опасности,—уже самъ по себѣ представлялъ много темъ для героической поэзіи и напоминалъ проходящимъ его многочисленнымъ богомольцамъ другое еще болѣе опасное и далекое паломничество въ Іерусалимъ. Конечно такихъ богомольцевъ не могло удовлетворить какое нибудь жалостное пѣніе Лазаря, на манеръ кіевскихъ каликъ; имъ нужны были другіе пѣвцы, другіе разсказы, болѣе осмысленные, яркіе,

---

[83]) Въ превосходной книгѣ Безсонова (Калеки перехожіе) собраны духовные стихи (по народному названію Кіевокалексіи), которые поются этими калеками съ древнѣйшаго времени.

богатырскіе, которые напоминали бы имъ и перенесенныя въ пути опасности, и народный вѣковой отпоръ противъ законной, но неправой власти. На дальнемъ сѣверѣ нашемъ и образовался издавна такой разрядъ пѣвцовъ и разскащиковъ совершенно особаго характера, которые пѣли и поютъ въ своихъ былинахъ про то время, когда на Руси была еще одна вѣра крещеная, и крестъ клали человѣки по писаному; когда богатырь крестьянинъ братался съ княземъ, и впереди его шелъ защищать родную землю отъ басурманина. Объ этихъ сказителяхъ и о текстѣ распѣваемыхъ ими былинъ говорено подробно на 1—133 стр. IV-й книги.

Въ Московскомъ мирѣ такіе сказители конечно не могли быть терпимы [84]); здѣсь нужны были или слѣпцы калеки, которые могли бы до указанной степени размягчить сердце царское въ ненастные дни, или же наконецъ шуты, — сказочники, которые умѣли бы поддерживать сердце его въ постоянномъ веселіи. Въ старину на такихъ сказочниковъ или бахарей, точно такъ какъ и на слѣпыхъ, воспѣвавшихъ гласы, было огромное требованіе, какъ въ простомъ народѣ, такъ и при царскихъ и боярскихъ дворахъ [85]). Хорошій сказочникъ и въ недавнее еще время зарабатывалъ изрядныя деньги. Онъ умѣлъ

---

[84]) Хотя былина и сказка во многихъ случаяхъ шли рука объ руку и дѣлали заимствованія другъ отъ друга, а нѣкоторыя изъ нашихъ сказокъ, какъ справедливо замѣтилъ Котляревскій, даже нечто иное, какъ передѣланныя былины (Старина и Народность. СПБ. 1861. Стр. 50). Обращаю при этомъ вниманіе читателя на необыкновенное сходство многихъ подробностей въ разсказахъ объ Еруланѣ съ былинами объ Ильѣ Муромцѣ (IV. 56. прим. 78 а).

[85]) Изъ расходной книги Оружейной палаты за 1617 г. видно, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ въ этомъ году, сукномъ, бахарей Петрушку Сопотова, Клима Орефьева да Путятина (Снегиревъ, Лубоч. карт., 80). Алексѣй Михайловичъ держалъ столѣтнихъ старцовъ, которые разсказывали ему про старину (Буслаевъ, Очерки, I. 506). Императрица Елизавета Петровна тоже любила слушать сказки.

пересыпать сказку разными прибаутками, и во́ время остановиться на самомъ любопытномъ мѣстѣ. Сдѣлавъ рѣзкій перерывъ разсказу, сказочникъ обыкновенно начинаетъ верешить безконечныя присказки, во́все не идущія къ дѣлу и представляющія наборъ всякой чепухи въ риѳму; цѣль такихъ перерывовъ: дать отдыхъ своему воображенію, возбудить любопытство слушателей, а главное разшевелить въ ихъ мошнѣ денежку; посыпется въ шапку денежка и пойдетъ сказываться сказка далѣе, какъ по писанному. Тѣже самые пріемы, но уже единственно съ цѣлію дать себѣ отдыхъ и возобновить въ памяти слѣдующія строфы, употребляются впрочемъ и сказителями былинъ; только у нихъ смѣхотворныя присказки сказочниковъ замѣняются безконечнымъ и чрезвычайно скучнымъ повтореніемъ одного и того-же: приходитъ напримѣръ описаніе замка, все равно у Соловья ли разбойника, или у какой Королевичны или у Маринки, — все тотъ же тынъ „на семь верстъ, да на каждой тычинкѣ по маковкѣ, да на каждой маковкѣ по богатырской головушкѣ"; начинаетъ-ли сѣдлать богатырь своего коня, и вы должны прослушать каждый разъ одну и ту-же длинную исторію: какъ онъ „накладываетъ на него сѣделечко черкасское, подтягиваетъ 12 подпругъ шелковыхъ, а 13 булатную, не для красы, а для крѣпости" и т. д.

Въ старину при царскихъ сказочникахъ бывали такъ называемыя понукалки[86]), въ родѣ помощниковъ, которые „побуждали" сказочниковъ продолжать сказку; точно такихъ понукалокъ случалось мнѣ неразъ видѣть при бродячихъ пѣвицахъ — импровизаторшахъ въ Андалузіи, Египтѣ и

---

[86]) Въ котовомъ погребеніи этимъ именемъ («мышка понукайка») названа мышь-кучеръ, погоняющая мышей, впряженныхъ въ котовы дровни (№ 168; I. 393).

Индіи: они помогаютъ пѣвицѣ, подсказываютъ ей, обращаются къ ней съ вопросами, словомъ не даютъ остановиться въ ней духу импровизаторства,—точь въ точь какъ въ нашей кукольной комедіи шарманщикъ подзадориваетъ своими вопросами Петрушку.

Хорошіе сказочники и прежде были рѣдки; при огромной памяти имъ необходимо имѣть и большую начитанность и искуство крошить и перемѣшивать сказки и выдѣлывать изъ этой смѣси нескончаемый заводъ новыхъ сказокъ,—и все это такъ, чтобы слушателю было не въ домекъ — новую ли онъ слышитъ сказку или только старую погудку на новый ладъ[87]). Въ долгіе зимніе вечера наши, на бойкомъ постояломъ дворѣ, за свѣтлымъ чайкомъ, да и въ царскомъ кабачкѣ, на торномъ мѣстѣ, за стаканчикомъ зеленаго винца, такихъ сказочниковъ и нынчѣ еще найти можно. Этимъ то сказочникамъ и обязаны мы сохраненіемъ большинства нашихъ русскихъ сказокъ, которыя долгое время переходили у нихъ изъ устъ въ уста; только въ концѣ XVII вѣка начали онѣ заноситься въ рукописные сборники, а съ половины прошедшаго вѣка стали переходить въ печать [88]).

---

[87]) У насъ въ домѣ была такая сказочница Марья Максимовна: у нея въ памяти держался огромный запасъ отдѣльныхъ сказочныхъ эпизодовъ, изъ которыхъ она выдѣлывала сотни сказокъ, измѣняя имена собственныя и вставляя по временамъ присказки и прибаутки. Такой-же процессъ происходитъ и при передачѣ былины: опытные сказители включаютъ въ былины свои не только новые, слышанные ими, разсказы, по зачастую вставляютъ въ нихъ цѣлые эпизоды изъ книжной литературы, подвергая ихъ при этомъ полной переработкѣ на русскіе нравы.

[88]) Сказки стали издаваться въ числѣ лицевыхъ народныхъ картинокъ около второй половины XVIII вѣка; печатать начали ихъ еще позднѣе, а до того времени—Бова, Еруслапъ, Петръ-златые ключи и прочіе романы-сказки переписывались подъячими въ свободное время и продавались у Спасскихъ воротъ и на другихъ Московскихъ рынкахъ, какъ подсмѣивается по этому поводу одинъ сатирическій журналъ 1769 года

Въ нашихъ народныхъ картинкахъ (№ 1—7) встрѣчаются имена только трехъ старѣйшихъ русскихъ богатырей: Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича; въ примѣчаніяхъ (кн. IV. стр. 1—133) представленъ сводъ всего, что говорится о нихъ въ былинахъ и сказкахъ. Самый народный, самый извѣстный изъ нихъ — это богатырь Илья Муромецъ; сказка о немъ попадается уже въ рукописныхъ сборникахъ первой четверти XVIII вѣка; по языку её можно отнести и къ XVII-му. — Въ лицевомъ изданіи она приведена въ слѣдующемъ сокращенномъ видѣ: въ славномъ городѣ Муромѣ, въ селѣ Карачаровѣ, жилъ былъ крестьянинъ Иванъ Тимоѳѣевичъ, и было у него чадо Илья Муромецъ, которое сиднемъ сидѣло до 30-ти лѣтъ.

Въ 30 лѣтъ Илья всталъ на ноги [89]), взялъ благословеніе родителей и отправился въ Кіевъ, обѣщая имъ не проливать на пути крови христіанской. По дорогѣ Илья встрѣтилъ разбойниковъ, которые собрались было ограбить его, но Илья разогналъ ихъ. Затѣмъ Илья освободилъ городъ Черниговъ отъ обложившихъ его басурманъ, оттуда поѣхалъ на Кіевъ прямою дорогою, которую заложилъ Соловей разбойникъ, засѣвши въ

«И то и сіо». Дошедшіе до насъ рукописныя сказки по бо́льшей части сохранились въ рукописныхъ сборникахъ отдѣльными статьями; дошли до насъ и цѣлые сборники однѣхъ сказокъ, какъ напримѣръ: сборникъ Бѣльскаго XVIII в., по которому напечаталъ свои сказки Сахаровъ; сборникъ Ундольскаго № 930 (см. IV, примѣч. къ № 10) и сборникъ монаха Каріона Истомина, подаренный имъ монахинѣ Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря Любви Степановой (IV. 136).

[89]) При этомъ изъ нашей сказки выпущенъ эпизодъ, какъ въ избу къ Ильѣ пришли три старца и попросили у него пить; сидѣнь Илья, по приказу ихъ, всталъ на ноги и принесъ имъ ендову пива, а старцы приказали ему выпить то пиво самому, и почувствовалъ съ того Илья въ себѣ силу великую (см. IV. 11—13); это сказаніе, въ измѣненномъ видѣ, помѣщено у насъ въ другой лицевой сказкѣ—«объ Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ» (I. 161; IV. 163).

гнѣздѣ на 12-ти дубахъ, и никого не пропускалъ мимо, ни коннаго, ни пѣшаго: всѣхъ убивалъ онъ разбойничьимъ своимъ свистомъ. Илья всадилъ ему стрѣлу въ правый глазъ; свалися Соловей изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ, привязалъ его Илья къ стремени и привезъ въ Кіевъ къ князю Владиміру. Здѣсь Соловей показывалъ свое искуство передъ великимъ княземъ и княгиней и за то, что свиснулъ во весь свистъ и оглушилъ богатырей, былъ преданъ отъ Ильи смерти.

Затѣмъ Илья побратался съ Добрынею Никитичемъ и уѣхалъ съ нимъ изъ Кіева погулять въ чистое поле; черезъ три мѣсяца встрѣчаютъ они калѣчище Иванище, который расказалъ имъ, что при дворѣ кіевскаго князя не ладно: пріѣхалъ невѣрный богатырь Идолище, который непомѣрно жретъ и опиваетъ князя, а у великой княгини за пазухой руки грѣетъ (прибавлено въ былинахъ). Илья ѣдетъ въ Кіевъ, входитъ въ платьѣ калѣчища прямо во дворецъ князя, заводитъ съ Идолищемъ ссору, и убиваетъ его: ударивъ его въ голову своей шляпой: „тихонько, только прошибъ стѣну"; и за то князь „почтилъ его великою похвалою и причелъ въ сильные могучіе богатыри", — заканчиваетъ сказка (I. 7) [90]).

Въ былинахъ богатырскіе подвиги Ильи Муромца противъ басурманскаго Идолища и басурманскихъ царей: Батыя, Калина и Мамая, разсказаны гораздо подробнѣе; въ нихъ же разсказываются отдѣльные эпизоды о встрѣчахъ Ильи съ Святогоромъ богатыремъ и о томъ, какъ онъ блудилъ съ его женой, а также и ссора Ильи съ

---

[90]) Описанные въ сказкѣ подвиги Ильи Муромца, не смотря на встрѣчающіяся въ нѣсколькихъ мѣстахъ разсказа историческія и географическія названія, — трудно пріурочить къ какимъ либо дѣйствительнымъ событіямъ. За всѣмъ тѣмъ, сказка наша, со всѣми ея подробностями, носитъ на себѣ характеръ несомнѣнной оригинальности и русскаго склада, и до сихъ поръ не открыто еще такого иностраннаго источника, изъ котораго бы она могла быть прямо заимствована или передѣлана.

великимъ княземъ Владиміромъ, въ которой Илья такъ расходился, что сталъ сшибать стрѣлой съ церквей золотые кресты, а съ дворца княжескаго золотыя маковки, на выпивку; богатырей же отхлесталъ всѣхъ плетью, такъ что самъ князь едва успѣлъ отъ него за печку спрятаться, собольей шубкой прикрыться; наконецъ разсказъ о томъ, какъ въ бою съ Калиномъ царемъ, богатыри прирубили всѣхъ татаръ, и подумалъ старый казакъ Илья Муромецъ: „если бы была вся сила небесная, прирубили бы и всю силу небесную". „И не прошла ему эта похвальба мимо, — разгорѣлись сердца богатырскія, разрубятъ татарина одного, сдѣлается изъ него два, разрубятъ двухъ, сдѣлается четыре; умножилось въ полѣ войска поганаго. И рубилъ его Илья Муромецъ и пересѣлся (надорвался) и закаменѣлъ конь его богатырскій на этомъ полѣ и сдѣлались мощи святые со стараго" (IV. 1—64).

Въ лицевой сказкѣ Илья Муромецъ представленъ въ видѣ западнаго рыцаря (№ 1); на отдѣльной картинкѣ (№ 2) Илья изображенъ вмѣстѣ съ Соловьемъ разбойникомъ: оба они на коняхъ, въ французскихъ кафтанахъ XVIII вѣка, въ длинныхъ завитыхъ парикахъ и ботфортахъ, — фигуры и лошади несомнѣнно скопированы съ французской картинки. Несравненно замѣчательнѣе изображеніе Соловья разбойника (№ 5), гдѣ онъ представленъ верхомъ на пряничномъ конькѣ, въ одеждѣ древняго русскаго воина, въ двубортномъ кафтанѣ съ нашивными петлями и въ круглой шапочкѣ (тафьѣ) съ перомъ.

Лицевая сказка о Добрынѣ Никитичѣ (№ 6) не имѣетъ въ себѣ почти ничего общаго съ былинами и старинными сказками объ этомъ богатырѣ: она перепечатана дословно изъ сказокъ Чулкова, а этимъ послѣднимъ составлена изъ разныхъ волшебныхъ сказокъ французскаго издѣлія; только въ концѣ ея присоединено, ни къ стати ни къ

ладу, описаніе боя Добрыни Никитича съ Тугариномъ Змѣевичемъ, напоминающее поморскія былины. На страницахъ 68—98 и 109—133 книги IV-й подробно перечислены всѣ былинныя, сказочныя и лѣтописныя извѣстія о Добрынѣ Никитичѣ, по которымъ Добрыня является то дядею, то племянникомъ великаго князя Владиміра, то Филаретомъ Никитичемъ, любовникомъ Маринки Мнишекъ, жены Гришки Отрепьева.—Что же касается до третьяго богатыря нашего, Алеши Поповича, о которомъ въ былинахъ говорится, что онъ „рода поповскаго, поповскіе глаза завидущіе, поповскія руки загребущія", то объ немъ лицевой сказки не имѣется во́все, а есть только одна лицевая картинка, на которой онъ изображенъ верхомъ на конѣ, въ латахъ и въ шапкѣ, отороченой мѣхомъ и украшенной кистями и перьями (№ 7).

Кромѣ Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича, въ народныхъ картинкахъ представленъ еще богатырь Буслай Буслаевичъ, бывшій посадникомъ въ Новгородѣ, — отецъ Васьки Буслаева, знаменитаго борьбой своей съ Новгородскимъ вѣчемъ, о которой сложена, едва-ли не лучшая русская сказка, изъ всѣхъ доселѣ сохранившихся[91]). Нѣтъ сомнѣнія, что составитель картинки № 8 хотѣлъ изобразить именно этого Ваську Буслаева, а не отца его, ничѣмъ не извѣстнаго, ни въ былинахъ, ни въ сказкахъ, и только по ошибкѣ или незнанію выставилъ на ней имя Буслая.

Судя по числу дошедшихъ до насъ картинокъ, нельзя сказать, чтобы сказки о русскихъ богатыряхъ особенно нравились народу и ходко шли въ продажѣ: сказка объ Ильѣ Муромцѣ сохранилась только въ четырехъ изданіяхъ,—и то краткая, а сказка о Добрынѣ Никитичѣ, пол-

---

[91]) Содержаніе этой сказки напечатано въ примѣчаніи къ № 8 (кн. IV).

ная, въ двухъ изданіяхъ,—и то новѣйшихъ, нынѣшняго столѣтія. Несравненно бо́льшею извѣстностью пользовались сказки, заимствованныя съ иностранныхъ языковъ: повѣсть о Петрѣ златыхъ ключахъ, извѣстная въ 16 лицевыхъ изданіяхъ (№ 30) и 6-ти картинкахъ (№№ 31—35) и знаменитая повѣсть о Бовѣ Королевичѣ, дошедшая до насъ въ десяти изданіяхъ (7—въ краткой редакціи и 3—въ пространной) съ 17-ю отдѣльными изображеніями—Бовы, Дружевны, Салтана Салтановича, короля Гвидона и боя Бовы съ богатыремъ Полканомъ (№№ 15—29 и 35).

Повѣсть о Бовѣ королевичѣ читается и въ наше время повсемѣстно, расходится въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и составляетъ необходимую принадлежность и мѣщанской и солдатской библіотеки [92]). Повѣсть эта появляется въ нашихъ рукописныхъ сборникахъ уже въ XVII и XVIII вѣкѣ [93]); она заимствована съ итальянскаго оригинала [94]) и занесена къ намъ заѣзжими итальянцами въ болѣе раннее время, на что указываетъ между прочимъ и та родственная связь, которая давно уже установилась между сказкою Бовы и нашими былинами въ пересказѣ подробностей. Изъ этой же сказки вы-

---

[92]) Въ прошедшую Турецкую войну кто то упрекнулъ нашего солдата, у котораго въ ранцѣ нашли книжку о Бовѣ королевичѣ; а что же дѣлать ему, когда образованные авторы наши не издаютъ ничего новаго и пригоднаго для легкаго чтенія простаго человѣка; не всеже ему священнымъ писаніемъ да полезными свѣдѣніями пробавляться, предоставивъ область романовъ и сказокъ на привилигированное потребленіе высшаго сословія; да къ тому же повѣсть о Бовѣ королевичѣ и романъ Петръ златые ключи представляютъ и до сихъ поръ много живаго интереса, какъ по наивности разсказа, такъ и по занимательности фабулы и искусному сочетанію сказки съ дѣйствительностію.

[93]) У царевича Алексѣя Петровича въ 1695 году была рукописная книга о Бовѣ королевичѣ въ лицахъ (IV. 143).

[94]) На стр. 142—151 приведены по этому предмету подробныя свѣдѣнія.

шелъ богатырь Владимірова цикла Полканъ, а также и былинное старчище пилигримище. Основа повѣсти о Бовѣ королевичѣ заключается въ слѣдующемъ: царь Гвидонъ (Guidone) женился насильно на королевнѣ Милитрисѣ Кирбитовнѣ (Meltris), которая родила ему сына Бову (Buovo); черезъ три года Милитриса послала слугу своего Личарду (Riziardo) къ прежнему своему любовнику, — королю Додону (Duodo), вызвала его къ себѣ, помогла ему погубить Гвидона и вышла за Додона за мужъ. Бову хотѣла она отравить, но Бова, при помощи дѣвки чернавки, успѣлъ убѣжать на кораблѣ въ царство Арменскаго короля Зензевея Андроновича (Re d'Erminia), которому корабельщики его и продали. Здѣсь дочь Зензевея—Дружевна (Drusiana), плѣнясь Бовиной красотой, выпросила его у отца себѣ въ услуженіе, и крѣпко полюбила его. Между тѣмъ къ Арменскому царству подступилъ король Маркабрунъ (Macabruno), требуя руки Дружневны, а вслѣдъ за тѣмъ подступилъ къ нему и Салтанъ Салтановичъ (Soldan di Sadonia) съ сыномъ своимъ Лукаперомъ (Lucaferro), который тоже потребовалъ Дружневну себѣ въ жены. Произошло сраженіе, въ которомъ Лукаперъ побилъ войска Зензевея и Маркабруна и обоихъ взялъ въ плѣнъ; но тутъ снарядился въ бой Бова,—сама Дружневна отпускала его, цѣловала и ногу въ стремя ставила. И побилъ Бова Салтанову рать, самаго Лукопера убилъ, а Зензевея съ Маркабруномъ освободилъ и домой привезъ. По нѣкоторомъ времени поѣхали оба короля на охоту, а дворецкій Зензевея, котораго Бова сильно оскорбилъ передъ тѣмъ, вознамѣрился извести Бову, принялъ на себя видъ короля Зензевея и послалъ Бову съ письмомъ къ Салтану Салтановичу, написавъ въ немъ, что отдаетъ ему въ руки убійцу сына его Лукапера. По дорогѣ Бова встрѣтилъ старца пилигримма, который напоилъ его забыду-

щимъ зельемъ и у соннаго укралъ мечь и коня увелъ. Отправился Бова къ Салтану Салтановичу пѣшъ; хотѣлъ было его Салтанъ сперва повѣсить, да дочь его королевна Мильчигрія (Malgaria) уговорила отца выдать её за Бову замужъ, если Бова согласится перейти въ ихъ вѣру. Не согласился на это Бова; и приказалъ царь Салтанъ Бову повѣсить. Спустились къ Бовѣ въ темницу тридцать богатырей, да еще тридцать, — Бова всѣхъ ихъ порубилъ, тѣла ихъ лѣстницею склалъ, вышелъ на свѣтъ Божій и ушелъ изъ темницы. На берегу встрѣтилъ онъ корабль, перебилъ на немъ всѣхъ гостей, которые хотѣли было выдать его царю Салтану, и приплылъ въ Маркабруново царство. Здѣсь онъ встрѣтилъ пилигрима, который когда-то обокралъ его, отколотилъ его, отнялъ у него коня и мечь, и вдобавокъ получилъ отъ него три зелья. Переодѣвшись въ калѣчье платье и умывшись чернымъ зельемъ, Бова явился къ Дружневнѣ, которая узнала его только тогда, когда онъ умылся бѣлымъ зельемъ. Затѣмъ Дружневна, по совѣту Бовы, напоила Маркабруна забыдущимъ зельемъ и убѣжала съ Бовою. Черезъ девять дней проснулся Маркабрунъ и послалъ за Бовою триста тысячь войска; Бова всѣхъ перебилъ, только троихъ для вѣсти оставилъ. Тогда Маркабрунъ послалъ противъ него сильнаго богатыря своего Полкана (Pulicano), который въ каждый скокъ по семи верстъ дѣлалъ. Скоро догналъ Полканъ Бову, и начали они драться; совсѣмъ было оплошалъ Бова, даже и съ коня упалъ, да конь его напалъ на Полкана и такъ сильно началъ бить его, что Полканъ сталъ просить у Бовы мира; и побратался Бова съ Полканомъ [95]). Вскорѣ родила Дружневна двухъ сыновей и назвалъ ихъ

[95]) Прочтите оригинальный разсказъ о происхожденіи богатыря Полкана на стр. 149 кн. IV, а также и различныя мнѣнія нашихъ ученыхъ о происхожденіи былиннаго богатыря Полкана.

Бова: одного Личардой (Riziardo), а другого Симбалдой (Sinibaldo). Въ этоже время услыхалъ Бова, что отъ царя Додона идетъ великая рать, чтобы схватить Бову и привести къ королю; и оставилъ Бова Полкана сторожить Дружневну, а самъ отправился противъ Додонова войска. Между тѣмъ на Дружневну напали два льва; сталъ съ ними биться Полканъ, однаго убилъ, а другой его до смерти закусалъ; и убѣжала оттуда Дружневна съ дѣтьми въ Задонское царство Мильчигріи, умылась чернымъ зельемъ, поселилась на подворьѣ у вдовы и стала платье на людей мыть, и тѣмъ себя прокармливать. Бова-же, побивъ Додоново войско, возвратился на то мѣсто, гдѣ оставилъ Дружневну, и увидавъ мертваго Полкана и львовъ. подумалъ, что и Дружневна съ дѣтьми погибла; отправился онъ въ городъ Суминъ къ дядькѣ своему Симбалдѣ (Sinibaldo), помышляя отплатить Додону за смерть отца. Здѣсь собралъ Бова съ Симбалдой войско, сразился съ Додоновыми людьми, при чемъ зашибъ Додону голову. Легъ Додонъ въ постель и началъ отъ раны лечиться и лекарей вездѣ искать; тогда Бова, переодѣлся лекаремъ, пришелъ къ Додону, отрубилъ ему голову и принесъ её къ своей матери на блюдѣ; потомъ и мать свою приговорилъ къ смерти: закупоривъ въ бочку, на море пустить; но она отъ страха сама умерла. Оставшись одинъ, Бова послалъ Симбалду къ царю Салтану просить руки его дочери Мильчигріи. Мильчигрія съ превеликой радостью согласилась выйти за Бову, но въ то время, когда шелъ у Бовы свадебный пиръ, пришли въ палату его сыновья и объявили ему, кто они. Возрадовался Бова и послалъ за Дружневной, и сталъ съ ней по прежнему жить, а царевну Мильчигрію отослалъ во свояси къ отцу ея. Дворецкаго-же Орлопа, который посылалъ его съ фальшивымъ письмомъ къ Салтану Салтановичу на смерть, Бова приказалъ разстрѣлять (I. 113).

Другая повѣсть, о князѣ Петрѣ златыхъ ключахъ [96]) (у нѣмцевъ — серебряныхъ ключахъ), заимствована изъ провансальскаго романа XIV вѣка; въ свое время она была переведена на всѣ иностранные языки и имѣла болѣе 24-хъ изданій (IV. № 30). Наша лицевая сказка въ 8 картинкахъ представляетъ весьма сокращенное извлеченіе изъ повѣсти: князь Петръ въ молодости своей отпросился у родителей къ Неаполитанскому королю на турниръ; на этомъ турнирѣ Петръ сшибъ съ коня и убилъ рыцаря Ландыота и сталъ у короля первымъ рыцаремъ; дочь-же короля Магилена, влюбившись въ Петра, зазвала его къ себѣ черезъ свою няньку и сговорилась бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дома. Во время побѣга остановились они въ лѣсу; Магилена заснула отъ усталости, а Петръ, разстегнувъ ей платье, „съ вожделеннѣйшимъ взоромъ смотрѣлъ на красоту ея"; онъ увидалъ у нея на шеѣ узелокъ, а въ немъ три перстня, которые самъ подарилъ ей и которые были даны ему его матерью въ благословеніе. Только что Петръ положилъ узелокъ на траву, какъ спустился воронъ, схватилъ узелокъ и взлетѣлъ на дерево; Петръ побѣжалъ за нимъ; воронъ перелетѣлъ на другое дерево, потомъ дальше, потомъ полетѣлъ на островъ, а перстни уронилъ въ море; вслѣдъ за нимъ поплылъ и Петръ; и сдѣлалась въ то время большая буря, и сталъ Петръ тонуть; спасли его турецкіе корабельщики: они приняли Петра на свой корабль, довезли до Александріи, и тамъ продали пашѣ, а паша подарилъ его самому султану, у котораго Петръ вскорѣ сдѣлался довѣреннымъ лицемъ. Между тѣмъ Магилена, проснувшись отъ сна и не находя въ лѣсу Петра, въ великой горести переодѣлась въ черное платье, и, нанявши корабль, поѣхала въ ту землю, гдѣ царствовалъ

[96]) Названномъ такъ по двумъ золотымъ ключамъ, которые были вдѣланы у него въ шлемѣ.

отецъ Петра, князь Волхванъ; тамъ она устроила у морской пристани монастырь. Въ то же время поваръ Волхвановъ купилъ у рыбаковъ рыбу, и нашелъ въ желудкѣ у ней Петровы перстни; и подумалъ Волхванъ, что сынъ его утонулъ въ морѣ. Петръ же, послуживъ у султана долгое время, выпросился у него домой, получилъ много золота и нанялъ для переѣзда французскій корабль. Купилъ онъ четырнадцать бочекъ, и наполнилъ ихъ золотомъ, а сверху засыпалъ солью. Во время переѣзда Петръ вышелъ разъ на берегъ, легъ отдохнуть; пождали его корабельщики и уѣхали одни, бочки-же съ солью отдали въ монастырь Магилены, гдѣ при высыпкѣ соли были найдены находившіяся подъ нею несмѣтныя сокровища. Между тѣмъ Петра нашли на островѣ и привезли больнаго, въ тотъ же монастырь Магилены; Магилена узнаетъ его, вызываетъ его родителей и открывается Петру, чѣмъ повѣсть и заканчивается.

Не меньшею извѣстностію въ прошедшемъ столѣтіи пользовалась сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ, представляющая несомнѣнное сходство, какъ по своей основѣ, такъ и по встрѣчающимся въ ней именамъ собственнымъ, съ персидскою поэмой Шахъ Наме [97]), хотя иноземная основа поэмы подверглась при этомъ чисто русской переработкѣ. Судя по иностраннымъ именамъ Продоры, Поликаріи, Епистиміи, Назаріи, Легіи и т. д. можно

---

[97]) Передѣланнымъ, какъ и всегда, на русскій ладъ, причемъ изъ Зальзера Зальзерова сына вышелъ Залазаръ Залазаревичъ, изъ Ракша—Арашъ, изъ Кейкоуса — Киркоусъ и т. д.; (см. объ этомъ изслѣдованіе В Стасова).—Еруслану Лазаревичу приданъ въ сказкѣ характеръ былиннаго Ильи Муромца. Царь Картаусъ говоритъ, напримѣръ, Еруслану тоже, что князь Владиміръ Ильѣ Муромцу: «бери себѣ что тебѣ угодно, мѣсто тебѣ противъ меня, другое подлѣ меня, а третье гдѣ самъ хочешь»; описаніе Ивашки бѣлой Поляницы, котораго Ерусланъ сшибъ съ коня и который упалъ на землю какъ овсяный снопъ, напоминаетъ Соловья разбойника.

однакоже съ достовѣрностію предположить, что русскій составитель сказки заимствовалъ ее не изъ персидской поэмы, а прямо перевелъ или передѣлалъ ее съ западнаго или югославянскаго оригинала.

Наша лицевая сказка объ Еругланѣ Лазаревичѣ въ 32-хъ картинкахъ издана только въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ 1810—1820 годахъ, но, не смотря на это, имѣла до 1839 года четыре изданія. Въ ней разсказывается, что у царя Картауса былъ дядя Лазарь Лазаревичъ, а у него сынъ Еругланъ. И какъ исполнилось Еруслану 15 лѣтъ, сталъ онъ ходить на царскій дворъ, играть съ княжескими дѣтьми, шутки шутить: кого за голову ухватитъ— у того голова прочь, кого за руку—у того рука прочь; и стали князья и бояре на Еруслана царю жаловаться, и приказалъ Картаусъ Еруслану изъ земли своей вонъ выѣхать. Простился Еругланъ съ родителями, добылъ себѣ коня Арапа и поѣхалъ во поле. Наѣхалъ онъ на шатеръ, въ шатрѣ Иванъ богатырь лежитъ, крѣпко спитъ; легъ Еругланъ подлѣ него и самъ заснулъ. Когда проснулся Иванъ богатырь и увидѣлъ Еруслана, то въ свою очередь не захотѣлъ убить его, а разбудилъ. Потѣшились богатыри, поспорили кто кого старше и сильнѣе, подрались; одолѣлъ Еругланъ Ивана богатыря, и призналъ его Иванъ богатырь отцемъ; и побратались богатыри между собою. На утро Иванъ богатырь побилъ рать Ѳеодула Змѣя и увезъ у него дочь Кандаулу Ѳеодуловну себѣ въ жены [98]). Ночью подслушалъ Еругланъ разговоръ Ивана богатыря съ Кандаулой: спрашиваетъ ее Иванъ, есть-ли де на семъ свѣтѣ тебя краше, а моего брата Еруслана храбрѣе; и отвѣчаетъ ему Кандаула Ѳеодуловна: „что́ моя за красота, въ чистомъ полѣ шатеръ стоитъ, въ томъ шатрѣ три

[98]) Въ древнѣйшемъ спискѣ этой сказки (см. примѣч. къ № 10; IV. 137) Еругланъ помогаетъ въ этой битвѣ Ивану богатырю и собственноручно убиваетъ Ѳеодула змѣя.

сестры живутъ, и тѣ краше меня вдесятеро; и подъ Индѣйскимъ царствомъ Ивашка бѣлая поляница сторожъ стоитъ, мимо него тридцать три года человѣкъ не проѣзживалъ; а что ты противъ Еруслана храбрѣе и сильнѣе-ли, я не знаю". Услыхавъ эту рѣчь, простился Ерусланъ съ Иваномъ и его женою и отправился въ путь; наѣхалъ онъ въ полѣ на бѣлъ шатеръ, и въ томъ шатрѣ три прекрасныя дѣвицы, дочери царя Бугригора, сидятъ: Продора, Тибубрига и Легія. Разгорѣлось Еруслапово сердце; взялъ онъ старшую дочь Продору за руку, а другимъ двумъ велѣлъ изъ шатра вонъ выдти, сталъ ее миловать и спрашивать, есть-ли де ея на свѣтѣ прекраснѣе, а его Еруслана храбрѣе. И отвѣчаетъ ему Продора: „есть у царя Вахрамея дочь, и не только она, но и тѣ, которыя при ней стоятъ, прекраснѣе меня вдесятеро; и есть на свѣтѣ сильный человѣкъ у царя Далмата – Ивашка бѣлая поляница; а какая твоя храбрость, что ты насъ дѣвокъ разогналъ". Не понравилась эта рѣчь Еруслану, отрубилъ онъ Продорѣ голову, и позвалъ вторую сестру Тибубригу, и съ этой случилось тоже; только третья, Легія, съумѣла выпутаться: про себя тоже сказала, что и сестры, объ Ивашкѣ-же прибавила, что „кто изъ васъ сильнѣе,—Ивашка-ли или ты Ерусланъ,—не знаю". Оставилъ её таки въ живыхъ Ерусланъ и поѣхалъ въ поле; и наѣхалъ на Ивашку бѣлую поляницу, вызвалъ его на бой, вышибъ съ сѣдла какъ овсяный снопъ, и, не смотря на мольбы Ивашки, убилъ его,—за то-де: „что многія дѣвицы его въ полѣ да по царствамъ знаютъ". Передъ тѣмъ чтобы ѣхать добывать царевну Вахрамеевну, Еруслану захотѣлось побывать у родителей; пріѣзжаетъ онъ въ Картоусово царство, а оно травой поросло: выжегъ, вырубилъ его князь Данило бѣлый. И поѣхалъ Ерусланъ въ царство Данилы бѣлаго; указали ему тамъ темницу, въ которой Картаусъ съ Лазаремъ, съ выколотыми глазами, сидѣли;

перебилъ Ерусланъ богатырей, сторожившихъ темницу, вошелъ въ неё и объявился царю и родителю; и говоритъ ему Картоусъ: если ты Ерусланъ, то поѣзжай, убей царя Пламеннаго Щита, достань его печень и тою печенью помажь намъ глаза, и мы опять станемъ видѣть. Поѣхалъ Ерусланъ въ поле, и наѣхалъ на великую рать— вся побитая лежитъ [99]); и посреди огромная голова Росланея богатыря на мечѣ стоитъ. И объявила голова Еруслану, что рать та побита царемъ Пламеннымъ Щитомъ, да и ему Росланею тотъ царь голову срубилъ за то что онъ его дочери домогался; что подъ головой мечъ лежитъ, котораго царь никакими средствами достать не можетъ, а только тѣмъ мечемъ и можно того царя смерти предать, ибо Пламенный Щитъ никого къ себѣ близко не подпускаетъ, всѣхъ огнемъ палитъ. Ерусланъ съ покорностію явился къ Пламенному Щиту, поступилъ къ нему на службу, и по маломъ времени вызвался добыть ему изъ подъ головы Росланеевой волшебный мечъ. Отдала ему голова мечъ свой и научила какъ съ царемъ поступить; выбѣжалъ Пламенный Щитъ въ радости на встрѣчу къ Еруслану, обѣщаетъ за него дочь Назарію за мужъ отдать; да рубнулъ его Ерусланъ мечемъ и разсѣкъ на двое, порубилъ богатырей, которые было за царя вступились. Потомъ вынулъ изъ царя желчь, приростилъ ею Росланею голову, отдалъ ему царевну Назарію, а самъ отправился въ темницу къ Картаусу; помазалъ глаза самому Картаусу, отцу своему Лазарю и двѣнадцати богатырямъ его, излѣчилъ ихъ, разбилъ князя Данилу Бѣлаго, выкололъ ему глаза, вмѣсто него поставилъ на царство Картауса, а самъ отправился добывать царевну Анастасію Вахрамѣевну.

---

[99]) Въ древней сказкѣ Ерусланъ поймалъ подъ дубомъ хохотунью птицу-дѣвицу; эта хохотунья принесла его въ царство царя Пламеннаго Щита и снова вынесла оттуда (прим. къ № 10; IV. 138).

Черезъ шесть мѣсяцевъ доѣхалъ онъ до Вахрамеева царства, града Дерби, гдѣ было большое озеро, а въ томъ озерѣ чудо, трехглавый водяной змѣй жилъ, который на берегъ выходилъ и множество людей пожиралъ. И схватился Еруcланъ съ тѣмъ чудомъ, отсѣкъ ему двѣ головы, отнялъ у него самоцвѣтный камень, а потомъ и остальную голову срубилъ. И пріѣхалъ Еруcланъ къ царю Вахрамею, и выдалъ за него Вахрамей свою дочь, прекрасную царевну Анастасію. И сталъ Еруcланъ въ первую-же ночь жену свою спрашивать: „скажи мнѣ, любезная царевна, есть-ли на свѣтѣ тебя прекраснѣе и меня храбрѣе". „Храбрѣе тебя, Еруcланъ", отвѣчаетъ Анастасія, „нѣтъ на свѣтѣ; а я что за прекрасная: есть въ Солнечномъ градѣ царевна Поликарія, сама царствомъ правитъ, и прекраснѣе ея нигдѣ нѣтъ". Задумался Еруcланъ о царевнѣ Поликаріи; въ одно утро отдаетъ онъ женѣ самоцвѣтный камень: „я поѣду въ нѣкоторый градъ", говоритъ онъ ей, „если у тебя родится дочь, то этотъ камень ты за нею въ приданое отдай, если-же сынъ, то сдѣлай ему изъ него перстень". Черезъ семь мѣсяцевъ пріѣхалъ Еруcланъ въ дѣвичье солнечное царство, и, увидавъ тамъ царевну Поликарію, плѣнился ея красатою, и сталъ съ нею жить, какъ съ женою. А межъ тѣмъ у Анастасіи Вахрамеевны родился сынъ Еруcланъ Еруcлановичъ и, когда достигъ онъ шести лѣтъ, стали его сверстники дразнить, что у него отца нѣтъ; разсказала ему мать про отца его Еруcлана; и выпросился у ней Еруcланъ Еруcлановичъ ѣхать отца отыскивать. Вскорѣ пріѣхалъ онъ въ дѣвичье царство, и услыхалъ Еруcланъ Лазаревичъ, что молодой богатырь его требуетъ, сѣлъ на коня и выѣхалъ къ нему на бой. Ударилъ отца копьемъ, тупымъ концемъ, Еруcланъ Еруcлановичъ—чуть было его изъ сѣдла не вышибъ; тогда ударилъ молодаго богатыря Еруcланъ Лазаревичъ, сшибъ его на землю и уже хотѣлъ приколоть, какъ увидалъ на

рукѣ его перстень и призналъ въ немъ своего сына. Въ великой радости сѣли они оба на своихъ коней и поѣхали въ Вахрамеево царство, гдѣ Еруcланъ нашелъ свою жену Анастасію. За смертію Вахрамея онъ сѣлъ на престолъ управлять народомъ, а сынъ его Еруcланъ Еруcлановичъ сталъ сильный и храбрый богатырь [100]).

Изъ сказокъ, заимствованныхъ съ западныхъ образцевъ, но замѣчательныхъ по удачной передѣлкѣ на русскіе нравы, въ народныхъ картинкахъ находимъ: сказку объ Иванѣ царевичѣ и жаръ птицѣ (8 изданій), объ Иванѣ царевичѣ и царь дѣвицѣ (3 изданія), о семи Семіонахъ родныхъ братьяхъ (4 изданія) и о смирномъ мужѣ и драчливой женѣ (5 изданій).

Въ сказкѣ объ Иванѣ царевицѣ и Царь-Дѣвицѣ разсказывается, что у царя Архидея было двѣ дочери—Луна и Звѣзда, красоты невообразимой; разъ, когда онѣ вышли въ садъ погулять, поднялся великій вихрь и унесъ ихъ неизвѣстно куда. Долго тужилъ Архидей, и далъ ему Богъ утѣшеніе, родился у него сынъ Иванъ царевичъ. Когда Иванъ царевичъ пришелъ въ лѣта и узналъ о пропажѣ двухъ сестеръ своихъ, то выпросился у отца и отправился разыскивать ихъ. Зашелъ онъ въ густой лѣсъ, смотритъ—тамъ двое лѣшихъ дерутся: нашли они шапку невидимку, сапоги самоходы и скатерть самобранку, и не знаютъ какъ подѣлить находку. Разсудилъ ихъ царевичъ, чтобы они пустились бѣжать въ запуски и кто кого на трехъ верстахъ перегонитъ, тому и вся находка пойдетъ. Побѣжали лѣшіе, а царевичъ надѣлъ на себя шапку невидимку и сапоги самоходы, а скатерть взялъ подъ мышку, и пошелъ своей дорогой; и вотъ на дорогѣ

---

[100]) Кромѣ лицевой сказки о Еруcланѣ Лазаревичѣ, въ 32-хъ картинкахъ, до насъ дошли: картинка съ отдѣльнымъ изображеніемъ сильнаго богатыря Еруслана Лазаревича (№ 14) и три картинки, изображающія бой Еруслана съ морскимъ змѣемъ (№№ 11—13).

передъ нимъ избушка на курьихъ ножкахъ стоитъ, и говоритъ онъ ей: избушка, избушка, встань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ; перевернулась избушка къ нему передомъ, и видитъ царевичъ въ избушкѣ Баба Яга, костяная нога, жиленая ж..а, стриженый передъ, лежитъ изъ угла въ уголъ, ноги въ потолокъ уперла, зубы на полку положила, уши по землѣ волочатся,—шерсть прядетъ; закричала она на царевича зычнымъ голосомъ: „русскаго духа доселѣ не слыхала, а теперь вочію вижу, кто ты таковъ и зачѣмъ сюда зашелъ?“ — „Что ты старая сука разфукалась“, говоритъ ей царевичъ, „не напоила, не накормила, а ужъ спрашиваешь, кто пришелъ“. Тогда Яга собрала на столъ, накормила, напоила царевича, распросила: куда идетъ и зачѣмъ, и уложила спать, утро-де вечера мудренѣе. Всталъ поутру царевичъ, умылся, Богу помолился, и по указанію Яги пошелъ въ путь отыскивать царевну Луну, которая жила съ оборотнемъ медвѣдемъ; отыскалъ онъ царевну Луну, побратался съ ея мужемъ, медвѣдемъ, прожилъ у нихъ три мѣсяца, и отправился дальше отыскивать другую сестру, царевну Звѣзду. Звѣзда жила въ мѣдномъ замкѣ и сторожили её водяные черти; полѣзъ царевичъ къ ней черезъ стѣну, а за стѣной были натянуты все струны; задѣлъ за нихъ царевичъ и пошелъ гремѣть громъ, и вылѣзло изъ воды чудовище—въ замокъ приходитъ. А Иванъ царевичъ въ въ то время уже сестрѣ своей Звѣздѣ объявился и сидитъ у ней въ шапкѣ невидимкѣ. Послѣ переговоровъ со Звѣздой, водяной звѣрь обѣщаетъ, что будетъ другомъ Ивану царевичу, а не врагомъ; ударился онъ объ землю, и сталъ такимъ молодцемъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Прожилъ царевичъ у сестры близь года, а потомъ сковалъ себѣ палицу въ 40 пудъ, и отправился за тридевять земель, въ тридесятое государство, которымъ Царь-Дѣвица владѣетъ.

Пришелъ онъ на калиновый мостъ, и вышелъ противъ него драться двѣнадцатиглавый змѣй; убилъ его царевичъ и сжегъ; смотритъ двѣнадцать голубицъ къ рѣкѣ прилетѣли, ударились о землю и сдѣлались красными дѣвицами; раздѣлись, выкупались и опять одѣлись; и снялъ шляпу царевичъ и объявилъ имъ кто онъ и какъ убилъ змѣя ихъ сторожа; подхватили его дѣвицы за руки и повели къ Царь-Дѣвицѣ, которая принимала царевича за руки бѣлыя и цѣловала въ уста сахарные и въ тотъ-же день вышла за него замужъ. Потомъ, по просьбѣ царевича, Царь-Дѣвица послала духа своего Страмца, приказавъ ему освободить царевенъ Луну и Звѣзду изъ рукъ медвѣдя и морскаго чудовища и отнести ихъ къ царю Архидею (I. 133) [101]).

Въ сказкѣ объ Иванѣ царевичѣ и Жаръ-птицѣ, у царя Выслава Андроновича было три сына: Димитрій, Василій и Иванъ царевичи; у него-же былъ такой богатый садъ, какого ни въ одномъ государствѣ небыло, и росла въ томъ саду яблоня съ золотыми яблоками. И повадилась въ тотъ садъ жаръ-птица летать, золотые яблоки обрывать. Посылаетъ царь Выславъ своихъ сыновей садъ сторожить; старшій и средній царевичи свою сторожбу проспали; Иванъ же царевичъ дождался Жаръ-птицы, подкрался къ ней и схватилъ её за хвостъ; улетѣла таки Жаръ-птица, въ рукахъ царевича осталось одно золотое перышко изъ ея хвоста. Тогда позвалъ царь Выславъ своихъ двухъ старшихъ сыновей и посылаетъ

---

[101]) Точно такая сказка, только съ другимъ концемъ, разсказана въ Пентамеронѣ Базили: три брата оборотня похитили трехъ царевенъ въ жены; братъ царевенъ отправляется отыскивать ихъ, точно такъ-же какъ и нашъ Иванъ Царевичъ, находитъ ихъ, дружится съ мужьями оборотнями, которые помогаютъ ему освободить дѣвицу-красавицу изъ рукъ страшнаго дракона. Сказка кончается общимъ благополучіемъ четырехъ паръ: царевича съ женою и царевенъ съ мужьями оборотнями, которые обернулись навсегда добрыми молодцами.

ихъ добыть Жаръ-птицу; выпросился за ними и Иванъ царевичъ. Пріѣхалъ онъ въ чистое поле, а тамъ столбъ съ такою надписью стоитъ: поѣдешь прямо, будешь голоденъ и холоденъ; поѣдешь вправо—коня потеряешь, а влѣво самъ будешь убитъ; и поѣхалъ Иванъ царевичъ вправо. Нагналъ здѣсь его сѣрый волкъ и разорвалъ коня его; заплакалъ по коню царевичъ, пошелъ пѣшъ, и къ вечеру въ тотъ день сильно усталъ; а тутъ его опять сѣрый волкъ нагналъ: „садись-ка на меня царевичъ", говоритъ, „довезу тебя куда надо"; и довезъ его до царя Далмата, и говоритъ ему: „полѣзай царевичъ черезъ стѣну, на той сторонѣ Жаръ-птица въ золотой клѣткѣ сидитъ; Жаръ-птицу ты возьми, а клѣтки не тронь". Добылъ Иванъ царевичъ Жаръ-птицу, да и клѣтку прихватилъ; и пошелъ великій громъ по саду; поймали царевича слуги, привели къ царю Далмату, а тотъ и говоритъ ему: „не честно такъ поступать рыцарю; а ты ступай достань мнѣ у царя Афрона коня златогриваго, тогда я тебѣ Жаръ-птицу отдамъ; а не достанешь, то о воровствѣ твоемъ во всѣ земли оповѣщу". Поѣхалъ Иванъ царевичъ на сѣромъ волкѣ въ царство царя Афрона; „иди", говоритъ ему сѣрый волкъ, „въ царскую конюшню, бери златогриваго коня, только узды золотой не тронь". Не послушался таки царевичъ, взялъ коня, снялъ и узду; и пошелъ громъ по конюшнѣ, схватили его конюхи, привели къ Афрону; сталъ упрекать его Афронъ въ нечестности и говоритъ ему: „ты мнѣ достань въ жены королевну Елену прекрасную, тогда я тебѣ коня и съ уздою подарю; а не достанешь—всѣхъ о твоемъ воровствѣ оповѣщу". Сѣлъ царевичъ на своего сѣраго волка, и привезъ его волкъ въ царство Елены прекрасной; когда Елена вышла погулять въ садъ, то волкъ перескочилъ черезъ рѣшетку, схватилъ Елену и примчался къ Ивану царевичу; сѣли потомъ они, Иванъ царевичъ и Елена прекрасная, на сѣраго

волка, и влюбились они дорогой другъ въ друга, не хочется царевичу съ королевной разстаться. Вотъ и сослужилъ ему сѣрый волкъ службу: самъ оборотился въ Елену; эту Елену царевичъ и отдалъ царю Афрону, а отъ него коня златогриваго получилъ съ уздою. Не успѣлъ онъ съ настоящей Еленой версты отъѣхать отъ Афронова царства, смотритъ — сѣрый волкъ опять къ нимъ бѣжитъ; такимъ-же обманомъ царевичъ у царя Далмата Жаръ-птицу въ золотой клѣткѣ добылъ, отдавъ ему въ промѣнъ сѣраго волка, обратившагося на ту пору въ златогриваго коня. Затѣмъ довезъ сѣрый волкъ царевича до того мѣста, гдѣ онъ коня его разорвалъ, и разстался съ нимъ; а царевичъ съ Еленой легли опочивать. Въ это время наѣхали на нихъ старшіе братья Димитрій и Василій съ пустыми руками; увидали спящихъ, изрубили Ивана царевича на мелкіе части, схватили Жаръ-птицу и коня златогриваго, а Елену прекрасную взялъ себѣ по жребію Василій царевичъ и подъ смертнымъ страхомъ наказалъ ей ничего о смерти Ивана царевича королю Выславу не говорить. Черезъ тридцать дней набѣжалъ сѣрый волкъ на то мѣсто, гдѣ Иванъ царевичъ лежалъ и видитъ — спускаются воронята поѣсть трупнаго мяса; схватилъ волкъ вороненка, хочетъ его разорвать на двое; и взмолился ему старый воронъ, чтобы отпустилъ его дѣтище, обѣщая принести за то живой и мертвой воды. Отпустилъ волкъ вороненка; принесъ воронъ обѣщанной воды; вспрыснулъ волкъ Ивана царевича мертвой водой — срослось его тѣло, вспрыснулъ водой живой — и всталъ царевичъ живой по прежнему; разсказалъ ему волкъ обо всемъ, что съ нимъ случилось, и спѣшно отправилъ царевича въ царство Выслава. Пришелъ туда Иванъ царевичъ, а тамъ пиръ на весь міръ идетъ: Василій царевичъ за себя Елену прекрасную беретъ. Только что явился Иванъ царевичъ на пиръ, увидала его Елена

прекрасная, вскочила изъ за стола: „вотъ мой женихъ, кто меня добылъ", говоритъ; „а это злодѣи убійцы", и разсказала обо всемъ какъ слѣдуетъ. Приказалъ царь Выславъ посадить старшихъ сыновей своихъ въ темницу, а Ивана царевича женилъ на Еленѣ прекрасной [102]).

Въ сказкѣ о семи Семіонахъ родныхъ братьяхъ, царь Адоръ встрѣчаетъ въ полѣ семь Симеоновъ — сиротъ, родныхъ братьевъ; на спросъ его: какія могутъ они дѣлать работы, первый Симеонъ сказалъ, что если поставятъ ему кузницу, то онъ скуетъ столбъ до небесъ; второй Симеонъ вызвался по тому столбу до верху влѣзть и, что въ какомъ государствѣ дѣлается, высмотрѣть и сказывать; третій Симеонъ объявилъ, что онъ можетъ живо, тяпъ да ляпъ, сдѣлать корабль; четвертый обѣщалъ — если тотъ корабль будетъ преслѣдовать непріятель, взять корабль за носъ и отвести его въ подземное царство; пятый Симеонъ похвалился, что онъ стрѣлять птицу на лету, безъ промаху, умѣетъ; шестой сказалъ, что онъ стрѣляную птицу до земли не допуститъ, на лету подхватитъ; а седьмой объявилъ, что онъ отлично воровать умѣетъ; хотѣлъ было царь Адоръ Симеона вора смертію казнить, да придворные отсовѣтовали: „въ случаѣ можетъ быть и намъ понадобится". Въ то время царь Адоръ былъ сильно влюбленъ въ Елену царевну. Приказалъ онъ первому Симеону сковать столбъ, а второму влѣзть, да посмотрѣть въ ея царство; влѣзъ Симеонъ, говоритъ Адору: „сидитъ де Елена прекрасная у окошечка, а у нея мозжечекъ изъ косточки въ косточку такъ и переливается". Разобрало Адора пуще прежняго: „друзья мои", кричитъ Симеонамъ, — „сейчасъ-же поѣзжайте, доставьте мнѣ царевну, жить не могу безъ Елены прекрасной".

---

[102]) О происхожденіи нашей сказки говорится подробно въ примѣчаніи къ № 40 (IV. 159).

Отправились Симеоны въ путь, а Симеонъ-воръ взялъ съ собою ручную кошку, которая за нимъ всюду, какъ собака, бѣгала и передъ нимъ на заднихъ лапахъ ходила. Пришли они къ морю; взялъ третій Симеонъ топоръ, срубилъ большой дубъ подъ корень, тяпъ да ляпъ, да и сдѣлалъ изъ него корабль. И пріѣхали Симеоны на этомъ кораблѣ въ Еленино царство; выходитъ Симеонъ-воръ прямо ко дворцу со своей ручной кошкой, выдѣлываетъ она у него всякія штуки; подивилась Елена царевна, высылаетъ къ нему спросить: не продастъ-ли онъ ей своего звѣрка (а въ томъ царствѣ кошекъ никто и не видывалъ), а Симеонъ ей и безъ денегъ подарилъ кошку. И сталъ онъ къ царевнѣ каждый день ходить, чтобы кошку свою къ ней приручить; да разъ какъ-то и зоветъ царевну: „не соблаговолите-ли ваше высочество ко мнѣ на корабль прогуляться, разныхъ драгоцѣнныхъ товаровъ для себя посмотрѣть". Выпросилась Елена у отца своего и пришла на корабль къ Симеону съ своими нянюшками и мамушками; показывалъ ей Симеонъ-воръ разные товары и вдругъ говоритъ: „я де такой товаръ имѣю показать вашему высочеству, что мамкамъ вашимъ не слѣдъ смотрѣть на него",—и приказала имъ царевна съ съ корабля сойти. А у Симеоновъ все уже было наготовѣ, отчалили они корабль и поплыли въ море; увидала это Елена прекрасная, ударила себя въ грудь, обратилась лебедемъ и взлетѣла къ облакамъ; да подстрѣлилъ её пятый Симеонъ изъ ружья, а шестой подхватилъ на лету и назадъ на корабль доставилъ. Послалъ было царь Саргъ въ погоню за ними цѣлый флотъ, да шестой Симеонъ взялъ свой корабль за носъ и вывелъ его въ подземельное государство. Привезли Симеоны Елену прекрасную къ царю Адору; далъ имъ Адоръ за то волю, а самъ женился на Еленѣ (I. 201. №№ 56 и 57).

Въ четвертой сказкѣ, у смирнаго мужика вѣтеръ раз-

несъ муку изъ рѣшета; прогнала его драчливая жена къ вѣтру, чтобы муку ему отдалъ; и подарилъ мужику полуденный вѣтеръ волшебную коробочку, изъ которой можно было всякія кушанья и всякій товаръ добыть. Узналъ объ этомъ одинъ дворянинъ, заказалъ точно такую-же коробочку поддѣльную, да и подмѣнилъ ею у мужика настоящую коробочку. Пошелъ мужикъ опять съ горя къ вѣтру; и далъ ему вѣтеръ волшебную бочку и научилъ какъ съ ней дѣйствовать; какъ сказалъ мужикъ: „семеро изъ бочки", такъ вышли изъ нея семь молодцовъ и такъ оттузили драчливую жену его, что она на долго потеряла охоту драться съ мужемъ. Зазвалъ къ себѣ мужикъ и дворянина, и такъ его своими семью молодцами отпотчивалъ, что тотъ и коробочку краденую отдалъ (I. 221).

Далѣе слѣдуютъ шесть сказокъ, переведенныхъ почти безъ передѣлокъ съ западныхъ оригиналовъ: 1) Принцъ Адольфъ Лапландійскій, который, гуляя по лѣсамъ, забрелъ въ пещеру бога вѣтровъ, гдѣ подружился съ Зефиромъ. Зефиръ подарилъ ему епанчу невидимку и доставилъ его на островъ вѣчнаго веселья. Здѣсь Адольфъ, покрывшись своею епанчею и сѣвъ въ корзинку съ цвѣтами, былъ поднятъ въ великолѣпный дворецъ, гдѣ нашелъ множество прекрасныхъ дѣвицъ, „и не было въ числѣ ихъ старѣе 15 лѣтъ, а тѣло у нихъ было чрезвычайной бѣлизны и деликатности". Далѣе сидѣла на тронѣ принцесса, имѣвшая при себѣ маленькихъ купидончиковъ, непрестанно цѣлующихъ ея руки. Въ изумленіи Адольфъ уронилъ епанчу и объявился принцессѣ. Вскорѣ они полюбили друга друга и жили такъ счастливо, что незамѣтно прожили 300 лѣтъ. Когда Адольфъ сталъ проситься у принцессы побывать въ своей землѣ, то принцесса дала ему лошадь Бешаръ, наказавъ ему, чтобы онъ во время пути съ нея ни въ какомъ случаѣ не слѣ-

залъ. Ѣдетъ Адольфъ черезъ рощи и поля, переплываетъ озера, и попалась ему на пути коляска, лежавшая поперегъ дороги, а подъ той коляской старый человѣкъ, который сталъ просить его о помощи; только что слѣзъ Адольфъ съ коня своего, чтобъ помочь старцу, какъ тотъ бодро вскочилъ на̀ ноги и объявилъ Адольфу, что онъ называется Временемъ и всюду ищетъ его уже 300 лѣтъ, и что Адольфу пришелъ конецъ. Повѣсть оканчивается тѣмъ, что пролетавшій мимо Зефиръ перенесъ тѣло Адольфа на островъ вѣчнаго веселья и похоронилъ его тамъ въ гротѣ (I. 161). Картинка, да и самъ курьозный переводъ, сдѣланы въ первой четверти XVIII вѣка; послѣдній, судя по нѣкоторымъ словамъ и оборотамъ, сдѣланъ съ итальянскаго языка.

2) О томъ, какъ воръ у мужика корову свелъ, да его-же самого попросилъ ту корову на рынкѣ продать. Продалъ её мужичекъ, ни въ чемъ не сомнѣваясь, и отдалъ вору деньги; а какъ пришелъ назадъ, слышитъ, что дома нездорово, — пропала бурая корова. Тутъ только спохватился крестъянинъ, какъ ловко его воръ обманулъ, и по своей буренушкѣ вздохнулъ (I. 229).

3) О томъ, какъ работникъ надъ своимъ хозяиномъ потѣшался: съѣлъ у него всѣ яйца, все пробовалъ, хорошо-ли сварены, заставилъ его вмѣсто ужина жевать сѣно и одурачилъ его, когда хозяинъ захотѣлъ похвастаться передъ сестрой своею ученостью (I. 216).

4) О томъ, какъ купилъ купецъ женѣ своей волшебнаго гуся, который самъ на сковороду ложился и жарился, а какъ его съѣдятъ, опять изъ косточекъ встаетъ и прежнимъ видомъ на дворъ гулять идетъ. Пришелъ къ хозяйкѣ какъ-то любовникъ, захотѣлось ей гусемъ его поподчивать, говоритъ гусю: лягъ на сковороду, не слушается гусь;—она и ударь его сковородникомъ, и присталъ сковородникъ одной стороной къ гусю,

а другой къ хозяйкиной рукѣ—не можетъ отодрать его никакъ; сталъ помогать любовникъ, да и самъ тутъ же къ сковороднику присталъ; и привелъ ихъ гусь обоихъ къ купцу—только онъ и могъ отнять ихъ отъ сковородника (№ 64; I. 231).

5) Сказка о трехъ королевнахъ родныхъ сестрахъ (№ 46), представляющая довольно безсвязную передѣлку изъ исторіи Женевьевы. Королевна Катерина родила Буржацкому королю, въ то время какъ онъ былъ на войнѣ, двухъ молодцовъ, по локоть въ золотѣ, по колѣна въ серебрѣ; сестры же ея, завидуя ея счастью, написали королю, что жена его родила двухъ уродовъ; и приказалъ король, немедля, Катерину съ дѣтьми въ бочку посадить и на море спустить. Долго плавала Катерина въ своей бочкѣ; наконецъ вынесло ее на островъ; между тѣмъ сыновья подросли, сломали бочку и построили на островѣ пречудный теремъ. Въ одинъ день Буржацкой король, охотясь за дичью, заѣхалъ на островъ, встрѣтилъ тамъ сыновей своихъ и жену, — все объяснилось къ общему благополучію, а сестеръ обѣихъ приказано было повѣсить на воротахъ.

6) Сказка о золотой горѣ (№ 48), — она же и подъ другимъ названіемъ сказки о трехъ царствахъ (№ 47), — представляющая еще болѣе безсвязную компиляцію: въ ней Иванъ царевичъ и два брата его, царевичи Василій и Ѳеодоръ, отправляются отыскивать свою мать, которую унесъ злой духъ. Иванъ царевичъ отыскиваетъ сперва царицу мѣднаго царства, потомъ серебренаго и золотаго, и наконецъ свою мать; освобождаетъ всѣхъ ихъ отъ разныхъ драконовъ и спускаетъ съ превысокой горы на полотнахъ къ своимъ братьямъ. Послѣ спуска послѣдней царевны, братья обрѣзываютъ полотна, а Ивана царевича оставляютъ на горѣ одного. Вскорѣ какой то духъ доставляетъ Ивана царевича въ его государство; здѣсь

онъ прикидывается башмачникомъ; царица золотаго царства узнаетъ его по работѣ и дѣло разъясняется: братьевъ царевичъ женитъ на царевнахъ мѣднаго и серебрянаго царства, а самъ беретъ за себя царицу золотаго царства (I. 185).

Привожу содержаніе еще пяти сказокъ, которыя представляютъ довольно безсвязную выборку отдѣльныхъ эпизодовъ изъ иностранныхъ сказокъ:

1) Въ сказкѣ объ Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ: богатырь этотъ сидѣлъ сиднемъ цѣлыхъ пять лѣтъ отъ рожденія; пришелъ къ нему разъ (какъ и къ Ильѣ Муромцу) нищій, напоилъ его пивомъ, да и далъ Ивану такую черезъ это питье силу, что онъ въ огородѣ у себя воткнулъ колъ, да коломъ всю деревню и повернулъ кругомъ; тогда Иванъ ушелъ изъ дома погулять по свѣту. Приходитъ онъ въ одно царство, и только что вошелъ въ городъ, какъ поднялся великій шумъ и гамъ; взялся Иванъ этотъ гамъ укротить и въ царствѣ тишину произвесть, съ тѣмъ, чтобы царь ему тотъ гамъ отдалъ; за тѣмъ велѣлъ онъ копать землю, а тамъ въ глуби богатырскій конь оказался; на колѣна палъ онъ передъ Иваномъ и человѣческимъ голосомъ заговорилъ съ нимъ. Поѣхалъ Иванъ на этомъ конѣ въ Китайское царство; здѣсь онъ коня отпустилъ, а самъ надѣлъ себѣ на голову пузырь и сказался Незнайкой: кто о чемъ его спроситъ, всякому одинъ отвѣтъ: „не знаю“. Нанялся Незнайка къ садовнику во дворцѣ; приказали ему садъ чистить; онъ всѣ деревья въ немъ и повыломалъ. Пожаловался садовникъ на Незнайку царевнѣ; а Незнайка въ ту-же ночь натаскалъ воды, полилъ деревья, и садъ сталъ лучше прежняго. Такому происшествію очень удивилась меньшая царевна Лаота и почувствовала сильную любовь къ Незнайкѣ; а когда отецъ позвалъ дочерей своихъ выбрать себѣ жениховъ, то Лаота выбрала себѣ Незнайку, и вышла за него замужъ. Сестры

съ своими знатными мужьями много смѣялись ей. Но вотъ подступаетъ подъ Китайское царство Полканъ богатырь съ несмѣтнымъ войскомъ и побиваетъ Китайское войско, предводимое царевичами; три раза выручаетъ царство Незнайка, и наконецъ Лаота объявляетъ царю, отцу своему, кто его спаситель, и царь, въ благодарность, сажаетъ Незнайку на свое царство (I. 168).

2) Въ сказкѣ о Булатѣ молодцѣ: Иванъ царевичъ выпрашивается у царя Ходора, отца своего, погулять по бѣлу свѣту и, на первыхъ-же порахъ, теряетъ свою „калену стрѣлу. Въ раздумьѣ подошелъ онъ къ темницѣ, гдѣ сидѣлъ 33 года разбойникъ Булатъ молодецъ, а Булатъ обѣщаетъ ему и коня, и стрѣлу воротить, если онъ только его изъ темницы выпуститъ. Добылъ Иванъ царевичъ, по совѣту Булата, коня изъ подъ земли и выпустилъ Булата изъ темницы; отдалъ ему Булатъ стрѣлу и обѣщалъ послужить царевичу, когда въ немъ надобность встрѣтится. Поѣхалъ Иванъ царевичъ съ своимъ дядькой въ лѣсъ; захотѣлось ему сильно пить, а тутъ и колодезь нашелся; полѣзай, говоритъ дядькѣ, достань мнѣ воды. Лучше ты полѣзай, отвѣчаетъ дядька, я тебя сверху на веревкѣ туда спущу. Такъ и сдѣлали; спустился Иванъ царевичъ по веревкѣ внизъ, напился воды и кричитъ дядькѣ, чтобы подымалъ его; но дядька объявилъ ему, что до тѣхъ поръ не подыметъ его, пока онъ не дастъ обѣщанія помѣняться съ нимъ именами и платьемъ. Нечего дѣлать, согласился царевичъ, далъ обѣщаніе; поднялъ его дядька на свѣтъ Божій, помѣнялись они именами, и сталъ дядька Иваномъ царевичемъ, а царевичъ его слугою. Въ такомъ видѣ пришли они къ царю Пантую, и сталъ дядька тамъ за царевну Церію свататься, а царевича на кухню въ черную работу отдалъ. Подступило въ то время къ городу большое войско противъ Пантуя; проситъ Пантуй дядьку помочь ему; вы-

звалъ дядька царевича и ту же просьбу ему въ приказъ передалъ. Вызвалъ къ себѣ царевичъ Булата молодца и вдвоемъ порубили они все войско. Такая продѣлка повторялась два раза; но оба раза царевна Церія слышала, какъ Иванъ царевичъ съ дядькою и съ Булатомъ молодцемъ переговаривались, и узнала, кто изъ нихъ былъ настоящій царевичъ. Царь Пантуй въ награду за службу выдалъ за дядьку свою дочь Церію. Пришелъ посмотрѣть на свадебный столъ Иванъ царевичъ въ поварскомъ платьѣ; увидала его Церія, выскочила изъ за стола: „вотъ мой женихъ", — кричитъ, — „а не этотъ, что подлѣ меня сидитъ", и разсказала все какъ было Пантую. Приказалъ Пантуй дядьку разстрѣлять, а Ивана царевича женилъ на прекрасной Церіи (I. 178).

3) Въ сказкѣ о Силѣ царевичѣ: у царя Хотея было три сына — царевичи Асиръ, Адамъ и Сила; выпросились они у отца погулять по свѣту и поѣхали въ море, каждый на своемъ кораблѣ. Вотъ плыветъ мимо нихъ гробница съ желѣзными обручами; старшіе царевичи пропустили её безъ вниманія, а Сила царевичъ принялъ её къ себѣ на корабль и потомъ, вышедъ на неизвѣстный островъ, похоронилъ её въ землю. За тѣмъ приказалъ Сила царевичъ своему корабельщику, чтобы дожидался его три года (а тамъ можетъ-де домой ѣхать) и пошелъ въ глубь острова. Тутъ догналъ его человѣкъ въ бѣлой одеждѣ—Ивашка бѣлая рубашка, и объявилъ ему великую благодарность за то, что онъ гробницу его похоронилъ: въ этой-де гробницѣ его мать затворила и въ море бросила и безъ Силы царевича плавать-бы ему въ ней вѣчно. Вызвался Ивашка Силѣ царевичу въ благодарность невѣсту добыть, Труду королевичну, дочь царя Солома. Пришли они въ Соломово царство, а кругомъ тынъ стоитъ, на каждой тычинкѣ по головѣ торчитъ: это все были головы жениховъ Трудиныхъ,

которыхъ она съ помощію своего любовника-змѣя душегубила. Женился таки Сила царевичъ на Трудѣ королевичнѣ; Ивашка и говоритъ ему, чтобы онъ въ первую ночь жены своей не трогалъ, а какъ только станетъ она его просить о любовномъ дѣлѣ, да наложитъ на него свою руку, чтобы онъ вскочилъ да отколотилъ ее дубиной до̀ смерти. Такъ и сдѣлалъ Сила царевичъ; а покуда онъ колотилъ жену, прилетѣлъ змѣй шестиглавый, сталъ съ нимъ драться Ивашка-бѣлая рубашка и срубилъ ему двѣ головы. Вторую и третью ночь молодые провели такъ же, какъ и первую; только Ивашка въ эти двѣ ночи срубилъ змѣю еще четыре головы и убилъ его. Потомъ разрубилъ Ивашка самоё Труду на двое, вычистилъ изъ неё змѣиныхъ зародышей, пожегъ ихъ, попрыскалъ и заростилъ Трудино тѣло наговорной водой, и отдалъ её Силѣ царевичу на вѣчное житье: теперь дѣлай съ ней что хочешь, опасаться-де нечего (I. 154).

4) Въ сказкѣ объ уткѣ съ золотыми яичками: жили были бѣдняга крестьянинъ Абросимъ съ женой своей Фетиньей и сыномъ Иванушкой. Разъ какъ-то досталъ Абросимъ краюху хлѣба съ семьей поужинать, да и ту у него Кручина утащилъ; сталъ онъ Кручинѣ жалобиться, и далъ ему Кручина утку, которая несла каждый день по золотому яичку. Разбогатѣлъ Абросимъ, а жена его Фетинья завела себѣ полюбовничка, который сталъ обирать ее. Разъ этотъ полюбовничекъ увидалъ у утки подъ перьями надпись: кто-де ее съѣстъ, тотъ царемъ будетъ, и уговорилъ онъ Фетинью ту утку, изъ любви къ нему, зажарить. Приходитъ къ вечеру Иванушка, посмотрѣлъ въ печь, а тамъ жареная утка стоитъ; вынулъ онъ её, да и съѣлъ. Узналъ обо всемъ отецъ, сильно побилъ Фетинью, а Иванушку со двора согналъ. Пошелъ Иванушка куда глаза глядятъ; приходитъ въ нѣкое царство и какъ только въ городскіе ворота вошелъ, радость

великая вездѣ пошла; недавно въ царствѣ томъ царь померъ, и приговорили старшіе люди того царемъ поставить, кто первый въ ворота въ ихъ городъ войдетъ; ну и поставили царемъ Иванушку. Вытребовалъ онъ къ себѣ своихъ родителей, самъ 30 лѣтъ сидѣлъ на престолѣ, и всѣ подданные его „любили нелицемѣрно“ (№ 66; I. 243).

5) Въ сказкѣ объ Емельянѣ дурачкѣ разсказывается, какъ Емельяновы братья уѣхали въ городъ, а Емельянъ остался одинъ дома съ невѣстками хозяйничать: все лежитъ на боку, лѣнится, ничего не дѣлаетъ. Пошелъ онъ какъ-то за водою, вырубилъ прорубь, опустилъ ведра, да и поймалъ щуку; взмолилась ему щука: отпусти меня на волю, все, что ни захочешь, все сдѣлаю. Сталъ приказывать Емеля „по щучьему велѣнью по моему хотѣнью идите ведра съ водой въ гору, прямо въ избу“, — смотритъ и пошли ведра, да такъ таки прямо въ избу и пришли; подивился Емеля чуду и отпустилъ щуку. Съ тѣхъ поръ еще пуще прежнято сталъ онъ на печи лежать; по щучьему велѣнью ему и дрова въ избу сами летятъ, и сани безъ лошадей за ними ѣздятъ, и дубинка народъ съ дороги расчищаетъ. Захотѣлось королю на него взглянуть; Емеля и къ нему на своей печкѣ, по щучьему велѣнью, пріѣхалъ; по щучьему-же велѣнью королевна влюбилась въ него, и, никогда съ нимъ не спавши, поносъ отъ него понесла и сына родила. Приказалъ король посадить Емелю съ королевной въ бочку и пустить въ море. По щучьему велѣнью Емеля приказалъ бочкѣ на островъ выдти, сломалъ её, и такой дворецъ на островѣ построилъ, что самъ король пришелъ къ нему въ гости и, узнавъ Емелю, обвѣнчалъ его со своей дочерью и посадилъ вмѣсто себя на царство (I. 212).

Кромѣ повѣстей, разсказовъ и сказокъ въ народныя картинки попали отдѣльныя изображенія разныхъ лично-

стей изъ западныхъ романовъ, которые были переведены въ XVII и XVIII вѣкахъ на русскій языкъ и встрѣчаются въ тогдашнихъ рукописныхъ сборникахъ какъ напр.: Евдонъ и Берѳа (№№ 50—53)—дѣйствующія лица изъ „курьозной исторіи“ о нихъ, переведенной съ нѣмецкаго языка (IV. 164); славный рыцарь Ипполитъ—герой повѣсти „гисторія объ Ипполитѣ графѣ Англинскомъ и о Жуліи, графинѣ Англинской-же, любезная и всему свѣту куріозная инвентура“ (№ 54); храбрый витязь Веніціанъ Францель — изъ романа его-же имени (№ 54 А.) и рыцарь Людовикъ Колеандеръ—герой романа: „гисторія о Колеандрѣ цесаревичѣ Греческомъ и о прекрасной Неонилдѣ, цесаревнѣ Трапезонтской“ (№ 54 Б.).

Какъ видно изъ этого перечня сказокъ — произведеній русскаго-оригинальнаго измышленія—въ числѣ ихъ весьма немного; но за то почти каждое иноземное произведеніе, при переносѣ его на русскую почву, подвергалось русской, иногда весьма оригинальной обработкѣ, изъ за которой часто нѣтъ возможности добраться до самаго оригинала; во многихъ картинкахъ текстъ совершенно измѣненъ (№ 243); въ другихъ—отъ запада заимствованъ одинъ рисунокъ картинки, а текстъ придѣланъ свой, русскій, и совершенно несходный съ западнымъ (№№ 130 и 203).

Въ общихъ чертахъ наши сказки и дѣйствующія въ нихъ лица очень сходны съ западными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей. Сказочные принцы и цари отличаются особенною глупостію; влюбляются за глаза, по разсказамъ, даже во снѣ (I. 150; Dunlop, 372. 475). Богатырь русскій ростетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ тѣсто пухнетъ [103]); въ 6 — 7 лѣтъ у него уже такая сила, что кого за голову возьметъ, голова прочь,

[103]) Гриммъ считаетъ это сравненіе чисто русской особенностью.

кого за руку схватитъ, рука прочь. Ѣдятъ богатыри и сказочныя чуда по цѣлому быку, глотаютъ по ковригѣ, пьютъ ведрами и даже чанами [104]); спятъ тоже по трое сутокъ, и крѣпокъ богатырскій сонъ, такъ крѣпокъ, что богатырша царь-дѣвица, напримѣръ, такъ крѣпко спала, что не слыхала, какъ у ней Иванъ царевичъ даже квасу напился (IV. 160). У нашего богатыря, какъ и у заграничнаго рыцаря, существуютъ свои обычаи и есть честь особаго рода, хотя оба они въ сущности тѣже разбойники: онъ не убьетъ, напримѣръ, соннаго врага, а разбудитъ его, и потомъ уже вступаетъ съ нимъ въ бой съ равнымъ оружіемъ; побѣдивъ врага, онъ его не станетъ оббирать, считая корысть дѣломъ для богатыря нечестнымъ.

Западный рыцарь питаетъ приторное уваженіе къ женщинѣ, особенно къ дамѣ своего сердца, покуда она не сдѣлается его женою. У насъ восточный Ерусланъ перерѣзалъ царевенъ, за то только, что отвѣты ихъ ему не по нраву пришлись [105]). Впрочемъ самый честный западный рыцарь нетолько ни зачто ни прочто убьетъ человѣка, но даже не пощадитъ жены своего благодѣтеля

---

[104]) Индѣйскій отшельникъ Ариштъ цѣлое море до суха выпилъ; наша Баба Яга на такую-же штуку вызывалась, но только половину моря выпила и лопнула.

[105]) Эти похожденія Еруслана напоминаютъ съ одной стороны легенду объ Іаковѣ, который убилъ дѣвицу за то, что самъ соблазнилъ её; а съ другой—дѣвицу полоняночку, съ которой такъ жестоко расправились молодцы-богатыри; напоминаютъ они и русскаго молодца изъ пѣсни Кирши Данилова: стоитъ этотъ молодецъ съ дѣвицей, своей любовницей, у воротъ, цѣлуетъ её и обнимаетъ. «Надежда моя», говоритъ ему дѣвица, «что ты такъ сильно и безъ числа упиваешся, мною, красной дѣвицей, похваляешся и будто надо мною насмѣхаешся». — Не понравились эти слова доброму молодцу; ни съ того ни съ сего ударилъ онъ красну-дѣвицу,—разшибъ онъ ей лице бѣлое, пролилъ кровь горячую, измаралъ платье цвѣтное. Расплакалась дѣвица; отпусти, говоритъ, меня въ монастырь, коли не люба тебѣ (Кирша Даниловъ, 306).

(Dunlop, 114); черта, которой въ нашихъ сказкахъ не встрѣчается [106]).

Прежде всего добываетъ себѣ богатырь коня и оружіе; коня онъ находитъ или готоваго подъ землею, подъ тридевятью замками, или же достаетъ его изъ стада; пробуетъ онъ его, наложа руку на шею: не подастся конь,— стало быть лошадь добрая. Конь — первый помощникъ богатыря, дѣлитъ съ нимъ счастье и неудачи, защищаетъ своего хозяина, дерется за него (какъ напримѣръ конь Бовы съ Полканомъ), и разговариваетъ съ нимъ человѣческимъ голосомъ. Въ сказкѣ существуетъ даже особая присказка, которою богатырь призываетъ къ себѣ своего коня: „Ей Сивка Бурка, вѣщая каурка, стань передо мной, какъ листъ передъ травой"; и конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ, изъ ушей дымъ валитъ; летитъ онъ пониже облака ходячаго, повыше лѣсу стоячаго; рѣки, озера переплываетъ, горы перескакиваетъ, и долы промежъ ногъ пускаетъ, да хвостомъ устилаетъ.

Оружіе у богатыря: копье долгомѣрное, мечъ кладенецъ, иногда лукъ со стрѣлами, да палица въ 15, 40 и даже въ 300 пудъ.

Богатырскій бой начинается обыкновенно турниромъ: противники стараются сперва сбить другъ друга съ сѣдла тупымъ концемъ копья; затѣмъ уже побѣдитель или убиваетъ врага своего, или же, если въ этомъ нѣтъ надобности и бой шелъ изъ одного молодечества, оставляетъ ему жизнь и называетъ его младшимъ братомъ. Сильны́ удары богатырскаго меча: съ маху на полы до сѣдла онъ всадника разрубаетъ и два раза одного и того-же удара не повторяетъ.

[106]) Женщина пользуется въ сказкахъ достаточною свободою и, въ образѣ богатырши, сама дерется съ богатырями, водится съ чудами и оборотнями и сама оборачивается въ разныхъ звѣрей.

Убитаго богатыря можно оживить наговорными водами; сперва надо изрубленное тѣло его попрыскать мертвой водой, чтобы оно срослось, а потомъ полить живой водой, чтобы богатырь по прежнему ожилъ. Кромѣ этихъ водъ въ сказкахъ упоминается о зельяхъ: забыдущемъ, которое въ глубокій сонъ повергаетъ, зельѣ черномъ и зельѣ бѣломъ, — умывшись которыми, человѣкъ бѣлѣетъ или чернѣетъ, смотря по зелью.

Помощь богатырямъ оказываютъ разныя волшебницы и Бабы Яги; онѣ надѣляютъ ихъ разными волшебными вещами, изъ числа которыхъ въ нашихъ сказкахъ упоминаются: коверъ самолетъ, сапоги самоходы, скатерть самобранка, шапка (или епанча) невидимка, гусли самогуды (отъ которыхъ всѣ поютъ); волшебное зеркальце, которое правду показываетъ; гребешекъ и полотенце, превращаюшіеся въ темный лѣсъ и широкую рѣку, чтобы загородить дорогу Бабѣ Ягѣ или какому другому чудищу, преслѣдующему богатыря. Въ обиходной сказкѣ встрѣчается еще плетка живилка, для исправленія упрямой жены, и волшебная бочка, изъ которой выходятъ семеро молодцевъ и проминаютъ бока, кому будетъ приказано. Волшебницы помогаютъ однимъ богатырямъ, преслѣдуютъ другихъ, и оборачиваютъ ихъ звѣрьми на разные сроки. Богатырь впрочемъ сохраняетъ при этомъ способность удариться о землю и стать изъ звѣря молодцемъ на время, а потомъ опять влѣзаетъ въъ звѣриную шкуру.

Въ нашихъ сказкахъ есть еще типы богатырей—дурачковъ, обработанные съ особенною любовью русскими сказителями. Въ сказкѣ эти дураки себѣ на умѣ; да у русскаго человѣка и вообще не разберешь: кто у него дуракъ, кто умникъ; даже и въ картахъ у него одну и туже игру, кто въ дураки, а кто въ умные играетъ. „Гдѣ намъ“, говоритъ мужичекъ, „мы люди темные, простые;

ѣдимъ пряники не писаные; вѣдь отъ большаго ума дается сума; да и наши отцы и дѣды жили просто, а прожили лѣтъ со сто". Вотъ и нашъ Наумъ,—простота!—хотя эта простота, по пословицѣ, зачастую хуже воровства [107]).

Въ сказкѣ дураку, съ его глупымъ разумомъ, во всемъ удача; умные всегда проспятъ свое дѣло или слишкомъ хитро за него примутся; дуракъ возмется за все просто, а чаще всего ни за что и не берется, — лежитъ себѣ на печи,—сами къ нему въ избу „по щучьему велѣнью" и дрова скачутъ, и ведра съ водой бредутъ; если-же пойдетъ себѣ куда глаза глядятъ, да въ незнаемое царство зайдетъ,—смотришь,—сейчасъ его и въ цари выберутъ, и сидитъ себѣ на престолѣ по 30 лѣтъ, да еще какъ довольны всѣ подданные,—не нахвалятся (№ 66). По нашимъ сказкамъ даже составленъ особенный рецептъ, по которому сиволапый дуракъ богатыремъ дѣлается: влѣзъ напримѣръ Незнайка коню своему въ одно ушко, вылѣзъ въ другое, и сталъ такимъ молодцемъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать (I. 167). Таковы дураки-умники въ нашихъ сказкахъ.

Изъ такъ называемаго животнаго эпоса въ народныя картинки наши попали пять басень Езопа (№№ 86—90), до которыхъ былъ такой охотникъ Петръ Великій, пропагандировавшій ихъ даже въ видѣ свинцовыхъ фигуръ. Подъ №№ 85 и 74 помѣщены цѣлыя звѣриныя повѣсти. Въ одной изъ нихъ (№ 85), заимствованной изъ рукописнаго сборника конца XVII вѣка, разсказывается, какъ пѣтухъ, „иже со многими женами живяше", былъ потрясенъ смертію одной изъ своихъ женъ курицъ, которую другія курицы неосторожно столкнули наземь съ нашести,

[107]) По другой еще болѣе энергичной пословицѣ, изъ временъ крѣпостнаго права: «мужикъ дуракъ: — ты его кулакомъ, а онъ тебя топоромъ».

и какъ онъ залѣзъ на дерево, чтобы тамъ въ постѣ пожить и слезнымъ покаяніемъ приготовиться къ смерти. На ту бѣду подошла къ дереву лиса Патрекевна, и стала его уговаривать: „о курушко моя сладость сниди со древа. тутъ-де орлы летаютъ и могутъ растерзать тебя". Сначала курущко усумнился въ лисьемъ къ себѣ расположеніи и сталъ было ей перечить; но тутъ лисица на прямикъ объявила ему, что будетъ стеречь его хоть три дня и три ночи—„мы де васъ кушать охочи". Слыша такую похвальную рѣчь, курушко слезно заплакалъ и сталъ спускаться съ вѣтки, хотѣлъ соскочить на траву, а лисица ему „подставила и главу", захватила его въ свои когти, ощипала, съѣла да на пень сѣла, „стала отдыхать да его поминать" (I. 274).

Другая повѣсть „о чемъ ты смѣялся" (№ 74) заимствована цѣликомъ изъ 1001 ночи; одному человѣку открыто было понимать разговоръ звѣриный, но съ тѣмъ, чтобы онъ никому того не объявлялъ, подъ смертнымъ страхомъ. Разъ какъ то, услыхавши разговоры, которые велъ оселъ съ воломъ, человѣкъ этотъ разсмѣялся; пристала къ нему жена, скажи да скажи ей „о чемъ ты смѣялся". Сильно призадумался мужъ, что̀ ему дѣлать, чтобы и жену удовлетворить, и смерти избѣжать, да прислушался онъ къ разсказу пѣтуха о томъ, что онъ 50 женъ своихъ въ повиновеніи держитъ, а хозяинъ и съ одной своей справиться не можетъ; взялъ онъ палку, да и поколотилъ жену, да такъ, что она закаялась и спрашивать, о чемъ онъ смѣялся.

Другія двѣ повѣсти, въ которыхъ дѣйствуютъ животныя: о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, и о бѣломъ пѣтухѣ, бѣжавшемъ отъ своихъ куръ, приведены ниже въ отдѣлѣ сатирическихъ листовъ; тудаже отнесены и аллегорическія изображенія погребенія кота мышами (№№ 166—172) и быка, который сдѣлался мясникомъ

(№ 176); изображенія медвѣдя, танцующаго съ козою (№№ 177—179) и блудящаго съ бабой (№ 180). Въ числѣ народныхъ картинокъ есть цѣлая коллекція звѣрей и птицъ, начиная отъ попугая (№ 256) и куръ, калкуна, курячьяго топтуна (№ 260), и кончая обезьянами-шарманщиками (№№ 267 и 268), морскими чудовищами Гарпіей (№ 251) и Медузой (№ 250) и райскими птицами, Сириномъ и Алконостомъ (№№ 252—257); всѣ они снабжены очень куріозными объясненіями напримѣръ: № 260,—индѣйскій пѣтухъ, съ распущеннымъ хвостомъ: „сеи калкунъ, воспеваниемъ бормотунъ, курячіи топтунъ; онже хваленои кусъ на пирушку, а на носу имѣетъ какъ витушку"; простой пѣтухъ (№ 261), съ подписью: „я пѣтухъ собою красноличенъ, хотябъ какую курицу любить приличенъ; где курочку ни схватилъ, да поволокъ за черный или за белый хохолокъ; а отъ моего топтанія труды не велички: лишъ несетъ яички и мне радость наводитъ: детей выводитъ". Еще курица съ такими виршами:

„я курочка хохлушечка:
сперва была глупушечка.
а ныне по двору хожу:
цыплятъ вывожу.
хозяину прибыль ношу".

По увѣренію картинки „Гарпія", это чудовище имѣетъ 10 футовъ вдлину; лице подобное человѣческому, широкій ротъ, два воловьи рога, ослиныя уши, и долгую гриву, подобную львиной; двѣ титьки, похожія на женскія, и крылья летучей мыши. Она ползаетъ на двухъ толстыхъ и короткихъ лапахъ, вооруженныхъ пятью когтями, у ней два хвоста, изъ которыхъ одинъ подобенъ змѣиному и кажется приспособленъ для ловленія добычи, а другой имѣетъ небольшое „копьеце" и т. д. (I. 483). О птицѣ

Сиринѣ говорится, что это „птица райская Сиринъ, гласъ ея въ пѣніи зѣло силенъ; на востоцѣ въ раю пребываетъ, непрестанно пѣніе красное воспѣваетъ; праведнымъ будущую радость возвѣщаетъ, — которую Богъ святымъ своимъ обѣщаетъ. Временемъ вылѣтаетъ и на землю къ намъ, сладкопѣсниво поетъ, якоже и тамъ всякъ человѣкъ въ плоти живя не можетъ слышати пѣсни ея; аще и услышитъ то себя забываетъ, и слушая пѣнія такъ умираетъ“ [108]). Другая райская птица Алконостъ, по сказанію картинки, „близь рая пребываетъ, нѣкогда и на Ефратѣ рѣкѣ бываетъ. Егдаже въ пѣніи гласъ испущаетъ, тогда и самое себя не ощущаетъ. А кто въ близости ея будетъ, тотъ все въ мірѣ семъ забудетъ; тогда умъ отъ него отходитъ и душа его изъ тѣла выходитъ; таковыми пѣснями святыхъ утѣшаетъ и будущую имъ радость возвѣщаетъ, многая благая тѣмъ сказуетъ то и въ явѣ указуетъ“ (I. 486) [109]).

Подъ № 91 напечатанъ текстъ лицеваго житія славнаго баснописца Езопа, имѣвшаго у насъ четыре изданія и заимствованнаго въ нашу лицевую тетрадь изъ печатнаго изданія 1717 года, съ нѣкоторыми урѣзками въ слишкомъ скоромныхъ мѣстахъ [110]).

Въ нашихъ сказкахъ и картинкахъ птицы, животныя и даже растенія и помимо басень говорятъ человѣческимъ

---

[108]) Сравните исторію о монахѣ, который былъ увлечемъ пѣніемъ Сирина, удалился изъ монастыря и слушалъ его пѣсни 300 лѣтъ, думая, что слушаетъ ихъ всего нѣсколько часовъ (III. 61; № 716).

[109]) Въ примѣчаніи къ № 257 (IV. 358) приведены извѣстія о вліяніи Алконоста на море и о высиживаніи имъ дѣтенышей, заимствованныя изъ нашей рукописной литературы.

[110]) Какъ напримѣръ разсказъ о томъ, какъ парень набивалъ глупой дѣвкѣ разумъ. Замѣчательно, что такія разсказы печатались въ изданіи, назначенномъ для употребленія юношества. Въ примѣчаніи къ № 91 приведены свѣдѣнія о Езопѣ и о составителѣ его жизнеописанія Плануде (IV. 202—209).

языкомъ; по мнѣнію приверженцевъ миѳической теоріи, „такой поэтическій взглядъ на природу" обусловливался въ древнія времена характеромъ доисторическаго развитія народовъ [111]), — разговоръ животныхъ имѣетъ де въ большинствѣ случаевъ значеніе миѳическое и что въ самыхъ похожденіяхъ сказочныхъ богатырей и борьбахъ ихъ слѣдуетъ понимать борьбу стихійныхъ божествъ,— напримѣръ свѣта съ тьмой, весны съ зимой и т. д. Въ нашихъ лицевыхъ сказкахъ и забавныхъ листахъ не видно и тѣни такихъ миѳическихъ и стихійныхъ значеній; наши картинки—поздняго происхожденія и герои, изображенные въ нихъ, вполнѣ реальны; ходитъ-ли, напримѣръ, по ночамъ змѣй или звѣрь къ женщинѣ, уноситъ-ли ее драконъ,—сказка такъ и разумѣетъ дѣйствительнаго змѣя или дракона, не предполагая при этомъ ни метафоры, ни олицетворенія какой либо стихіи. Точно такъ служатъ богатырямъ Еруслану и Ильѣ Муромцу и разговариваютъ съ ними вѣрные ихъ кони, съ Иваномъ царевичемъ сѣрый волкъ (№ 40), а къ пьяницамъ держитъ рѣчь высокая голова хмѣль (№№ 104—106). У человѣка, постоянно обращающагося съ природой, все, составляющее его обиходъ, живетъ и разговариваетъ. Залаетъ собака напримѣръ,— и привычный хозяинъ понимаетъ, что̀ сказывается въ ея лаѣ; онъ хорошо знаетъ, чего добивается мурлыча и бурча около него Котофей Ивановичъ; зачѣмъ прилетѣли—сорока воровка и воронъ вороновичъ, и отчего реветъ лѣсной Михайло Иванычъ и домашняя коза его Машка; онъ олицетворяетъ ихъ какъ неизмѣнныхъ своихъ товарищей и переводитъ ихъ лай, ревъ и мурлыканье на свой человѣческій языкъ. Простой человѣкъ и видитъ и думаетъ цѣлыми картинами; гребнемъ стоитъ передъ нимъ лѣсъ,

---

[111]) Аѳанасьева, Сказки, IV. 4. См. тоже его: Поэтическія возрѣнія Славянъ на природу.

полотенцемъ растянулась рѣка, громовыя тучи несутся въ видѣ какихъ-то невѣдомыхъ великановъ [112]), и все это и вчера и сегодня, помимо всякаго доисторическаго развитія, а потому естественно, что онъ чутьемъ чуетъ, что около него нѣтъ ничего мертваго. Прочтите у старика Аксакова дѣтскіе годы Багрова,—вѣдь у него лѣсъ какъ живой человѣкъ стонетъ, дерево подъ топоромъ плачетъ.

Повѣстей и картинокъ сатирическихъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, у насъ на Руси нѣбыло, да и не могло быть: достаточно вспомнить слова Петра Великаго о томъ, что „за составленіе сатиры сочинитель ея будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ", да и цензурныя правила, по которымъ дозволялось печатаніе „однихъ нравственныхъ и полезныхъ или, по крайней мѣрѣ, безвредныхъ картинокъ, а равно и карикатурныхъ изображеній, представляющихъ въ смѣшномъ видѣ пороки людей, если только они не касаются до личности (V. 33),—чтобы понять, почему не только наши лицевыя картинки, но и печатная литература представляютъ въ этомъ разрядѣ одни беззубыя, безжелчные и, въ большинствѣ случаевъ, крайне незатѣйливые тексты. Тѣже самыя причины устранили всякую серьезность по части сатиры и въ рукописной литературѣ и въ народномъ обиходѣ, въ которомъ, съ давняго времени, поселились нескончаемыя кляузы, съ огульнымъ обвиненіемъ всѣхъ и каждаго въ самыхъ дрянныхъ и безчестныхъ поступкахъ, на манеръ старинныхъ доносовъ о словѣ и дѣлѣ. „Намъ, русскимъ, не надобенъ хлѣбъ, мы другъ друга ѣдимъ и сыты бываемъ", говаривалъ по этой части умный юродивый Архипычъ [113]).

---

[112]) Этотъ пріемъ употребленъ и знаменитымъ Рембрандтомъ въ его превосходной гравюрѣ: paysage aux trois arbres.

[113]) Знаменитый Волынскій часто поминалъ эту поговорку юродиваго Тимофея Архипыча, который, за свою правду, пользовался большимъ

Русскій человѣкъ, надо отдать ему справедливость, большой охотникъ облаять ближняго, такъ себѣ, по добру по здорову и, какъ говоритъ пословица, „для крѣпкаго словца не пощадитъ ни матери ни отца"; особенные мастера по этой части „москали" — послушайте только, какихъ они глупыхъ присказокъ на хохла не понасочиняли; а вѣдь не глупѣе ихъ хохолъ, можетъ и поумнѣе. Про Пошехонцевъ цѣлая книжка составлена: и слѣпороды они, и въ трехъ соснахъ заблудились, за семь верстъ комара видѣли, а комаръ у нихъ на носу сидѣлъ [114]). По московскимъ присказкамъ: Калязинцы свинью за бобра купили, собаку за волка убили; чухломской рукосуй своихъ рукавицъ въ чужомъ карманѣ ищетъ; Угличане толокномъ Волгу замѣсили; Ярославцы, бѣлотѣльцы, пудъ мыла истратили, хотѣли у родной сестры родимое пятно смыть,— и мало-ли что еще ими набрехано. За исключеніемъ этихъ перебранокъ, сатирическій элементъ въ нашихъ картинкахъ, повторяю, весьма слабъ; исключеніе изъ этаго, „до нѣкоторой степени", составляютъ: извѣстная челобитная Калязинскихъ монаховъ, картинка — быкъ незахотѣлъ быть быкомъ, карикатуры на Петра и карикатуры 1812 года [115]).

Челобитная Калязинскихъ монаховъ была пущена въ народъ, въ видѣ забавной картинки (№ 174), по приказанію Екатерины II, съ цѣлію подорвать въ народѣ предполагавшееся со стороны его уваженіе къ монастырямъ и подготовить его къ знаменитому указу объ отобраніи монастырскихъ земель и имуществъ. Текстъ этой забавной

почетомъ у царицы Прасковьи Ѳеодоровны и императрицы Анны Ивановны и былъ вхожъ въ дома московской знати; онъ даже похороненъ въ Чудовомъ монастырѣ (въ 1731 г.).

[114]) Эту остроту вклеилъ Петръ Первый въ приглашенія своего всешутѣйшаго собора.

[115]) Которымъ посвящена особая глава.

пародіи, заимствованъ изъ рукописи XVII вѣка (IV. 280); имена архіепископа Симеона и архимандрита Гавріила, упоминаемыхъ въ ней, не вымышлены: оба эти лица состояли въ указанныхъ въ картинкѣ должностяхъ въ 1676—82 гг.

Калязинскіе крылошане жалуются архіепископу на то, что архимандритъ Гавріилъ сталъ у нихъ въ монастырѣ новые, безобразные порядки заводить: всѣхъ старыхъ и пьяныхъ разогналъ, такъ что въ монастырѣ некому ни пива сварить, ни меду насытить, ни винца купить. „При томъ-же онъ, архимандритъ", продолжаютъ они, „мало съ нами пьетъ, да часто насъ бьетъ ременными плетьми; честь отъ него была добра и во всю спину ровна, что и кожа съ плечь сползла; а у малодушныхъ за плечами кожа свербится и во всю ночь богомольцамъ твоимъ мало спится. Кормитъ онъ насъ плохо: посконная каша пучеглазая, малина въ пирогахъ сушена да толчена, да парена рѣпа, да хрѣнъ, да старецъ съ шелепомъ Ефремъ. И бьетъ онъ насъ, твоихъ богомольцевъ, шелепами пеньковыми больно; а у насъ, богомольцевъ твоихъ, тѣло нужно, а подъ шелепами лежать душно".

„И поставленъ отъ него ко святымъ воротамъ, съ шелепомъ, кривой Фалалей; и онъ насъ, богомольцевъ твоихъ, не пускаетъ за ворота, и въ слободу сходить не велитъ, чтобы скотнаго двора присмотрѣть, курятъ въ подполье посадить, телятъ въ стадо загнать, да молодымъ коровницамъ благословеніе подать. Да онъ-же, архимандритъ, приказалъ будильщику Увару насъ въ полночь къ заутрени будить; и мы, богомольцы твои, вкругъ ведра безъ портокъ сидимъ, непоспѣемъ келейнаго правила, ковшей въ девять, править, и не малое отъ того намъ чинитси отягощеніе. А по нашему-бы, богомольцевъ твоихъ, разумѣнію слѣдовало-бы въ монастырь добрыхъ питуховъ изъ Калязина города пригласить, пѣвчаго

Лукьяна, да брата его Селуяна, да трехъ поповъ съ покровки безграмотныхъ, попа Колотила, Долбила да Сустила, да дьякона Хоботила; а изъ пеньки веревки свить, было-бы чѣмъ бочки съ виномъ да съ пивомъ изъ погребовъ таскать, да по крылошанскимъ кельямъ развозить. А на трапезу-бы готовить, въ постные дни, визигу съ уксусомъ, звено бѣлужье, тешку осетровую во щахъ, уху стерляжью, пшено сорочинское съ медомъ, кисель съ патокою; да въ братинахъ бы было пиво мартовское да медъ наточный". Челобитная кончается доносомъ на то, что неразумными распоряженіями своими архимандритъ много убытковъ монастырской казнѣ сдѣлалъ: изъ колоколовъ довольно мѣди вызвонилъ, ладона и свѣчь много прижегъ, церковь закурилъ, и кадило закоптилъ; и что лучше бы было церковь замкнуть, и колокола снять, да въ городъ Кашинъ послать, на вино да на пиво промѣнять. Подлинную челобитную, какъ значится, складывали и подписали: „Фока Мозговъ, Антонъ Дроздовъ, Кирила Мельниковъ, Романъ Бездѣльниковъ, да Ѳока Веретенниковъ; просвирня Афросинья руку приложила". Судя по работѣ, картинка эта гравирована тѣмъ-же мастеромъ, который рѣзалъ картинку Жуковыхъ (№ 332), П. Н. Чуваевымъ, работавшимъ на Ахметьевской фабрикѣ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія.

Къ одному разряду съ этой просьбой можно отнести еще два листка: очень замысловатую картинку „быкъ нехотѣлъ быть быкомъ, да и здѣлался мясникомъ" и довольно глупую картинку подъ названіемъ „Вятская баталія" (№ 176) — о томъ „какъ вятское гражданство противъ серпа воевало". На этой картинкѣ представлена комическая баталія, которую имѣли Варты противъ выброшеннаго моремъ чудища: всѣ граждане собрались уничтожить этого невиданнаго звѣря, но сильно трусятъ его, прячутся другъ за друга: Ѳедька понукаетъ Ѳомку, Ѳомка Ива-

шку, — ни у кого дѣло не клеится, и всякій назадъ пятится. Въ концѣ картинки помѣщенъ и неизмѣнный доморощенный стрѣлокъ: „сей мой порохъ внутренній легко стрѣляетъ, а отъ пуль моихъ раненъ никто не бываетъ, но токмо близко ко мнѣ кто приближается, и тотъ скоро онаго понюхавъ вспять возвращается“ (I. 412); безъ этого егаря и тутъ никакъ нельзя было обойтись.

Въ народныхъ картинкахъ встрѣчается еще особый родъ дурацкой сатиры, въ родѣ „нелюбо не слушай, или свѣтъ на изворотъ“, — какъ напримѣръ: адресъ невѣсты, которая живетъ за Яузой на Арбатѣ, на Воронцовскомъ полѣ близь Вшивой горки, на Покровкѣ (№ 143 и 181), т. е. въ урочищахъ, находящихся въ совершенно противуположныхъ мѣстахъ города; или напримѣръ въ придатномъ реестрѣ той-же невѣсты: холстинный гудокъ, да для танцевъ двѣ пары ежевыхъ портокъ; или наконецъ въ описаніи о безмѣстномъ дворѣ такого рода несообразности: крыльце въ ямѣ, окно въ крышѣ, въ заходѣ печь, на потолкѣ погребъ, въ кузницѣ молоты глинянные, а кузнецы схожая братья, корманные тяглецы: Ѳома Мозговъ, Антонъ Дроздовъ (сравни I. 409), Шелкатей блинникъ, да Ерема мыльникъ (№ 181).

Отдѣльные эпизоды такого свѣта на изворотъ собраны въ картинкѣ „быкъ не хотѣлъ быть быкомъ“, о которой упомянуто выше,—очень забавно и удачно; главный сюжетъ въ серединѣ: „быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, да и сдѣлался мясникомъ; когда мясникъ сталъ бить въ лобъ, то не стерпя его удара, ткнулъ рогами въ бокъ, а мясникъ съ ногъ долой свалился, — то быкъ выхватить топоръ у него потщился; отрубимши ему руку, повѣсилъ его вверхъ ногами, и сталъ таскать кишки съ потрохами“. За это среднее отдѣленіе вся картинка подверглась строгому запрещенію со стороны полиціи еще въ сороковыхъ годахъ; господа цензоры видѣли въ ней аллего-

рическую расправу крѣпостныхъ крестьянъ со своими господами „за жестокое обращеніе“, а въ отдѣленіи: „попугай мужика въ клѣтку посадилъ, чтобъ онъ говорилъ“— намекъ на сельскихъ засѣдателей, въ судахъ и комисіяхъ. Изъ маленькихъ отдѣленій кругомъ особенно забавны и остроумны по своимъ намекамъ: „овца искусная мастерица, велитъ всѣмъ пастухамъ стричься; оселъ мужика погоняетъ, за то, что не скоро онъ выступаетъ; бабы осла забавляли, посадивъ въ карету по улицамъ катали; нищій богатому милостыню даетъ, а онъ отъ него и беретъ (дворянскія складчины на балы по копѣйкамъ съ души); ученикъ мастеру ж..у за то бьетъ, что его науки долго не перейметъ (на школьную неурядицу); оселъ мужика брилъ, да по неосторожности ему копытомъ голову разбилъ“.

Народныхъ картинокъ, относящихся до стараго судопроизводства и подъячихъ, всего пять: Шемякинъ судъ, повѣсть объ Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ, подъячій и смерть, судъ дворянина съ крестьяниномъ, и дѣло о побѣгѣ бѣлаго пѣтуха изъ Пушкарской улицы отъ своихъ курицъ.

Въ первыхъ двухъ картинкахъ трактуется о взяточничествѣ судей, столь прославленномъ въ народныхъ поговоркахъ и пословицахъ. Въ старое время чиновничье взяточничество было на Руси открытое и повсемѣстное. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ рязрядѣ даже велись книги, сколько съ какого города или полка можетъ нажить воевода, и если онъ не грабилъ народъ, а бралъ одни поминки, то его считали человѣкомъ вполнѣ благонадежнымъ и къ повышенію достойнымъ. Цари наши не разъ пытались прекратить взяточничество: крутой царь Иванъ Васильевичъ публично казнилъ одного дьяка, который принялъ въ посулъ жаренаго гуся, начиненнаго червонцами, приказавъ при этомъ разрубить его на пять частей, какъ рѣжутъ гуся (IV. 172); другой крутой царь

Петръ Алексѣевичъ казнилъ, вѣшалъ и билъ дубиной взяточниковъ; Екатерина II, въ тѣхъ-же видахъ, замѣнила воеводъ губернскими учрежденіями; но либеральныя декораціи не всегда сходились съ сѣрою дѣйствительностію, и народъ отблагодарилъ за новыя учрежденія мѣткой пословицей: „прежде одну свинью кормили, а теперь и съ поросятками“ [116]).

Страшны были старинные судьи для народа, при безграничной власти, предоставленной имъ произволомъ,— страшнѣе много нынѣшнихъ генералъ-губернаторовъ: каждаго могли они схватить и обобрать подъ страхомъ пытки, запытать и сгноить въ тюрьмѣ. Кому было жаловаться на нихъ: до царя далеко, а до Бога высоко; и сидитъ себѣ Важскій воевода, прославленный на всю землю за свое взяточничество и кривосудъ, и нѣтъ никакой возможности избавиться отъ него обглабленному и разоренному имъ населенію.

Къ числу такихъ судовъ принадлежитъ и нашъ Шемякинъ судъ (№ 55), названный такъ по имени Галицкаго князя Дмитрія Шемяки, прославившагося въ XV вѣкѣ своею неправдою и ослѣпленіемъ в. кн. Василія Темнаго. Основа этого суда заимствована изъ еврейскихъ и восточныхъ сказаній, но съ прибавленіемъ чисто русскихъ подробностей (см. подроб. въ прим. IV. 172). Весь судъ основанъ на библейскомъ ветхозавѣтномъ правилѣ: „око за око, зубъ за зубъ“. Въ нѣкоторыхъ Палестинахъ жили два брата, одинъ богатый, другой бѣдный; и пришелъ бѣдный къ богатому просить лошади по дрова съѣздить; и далъ ему богатый лошадь, а хомута не далъ. Привязалъ бѣдный братъ лошадь за хвостъ къ дровнямъ и повезъ на ней дрова; на бѣду оторвался хвостъ у ло-

[116]) Эта-же пословица въ подновленномъ видѣ повторилась и лѣтъ семьдесятъ послѣ, когда для государственныхъ крестьянъ былъ устроенъ «улучшенный бытъ въ уменьшенномъ видѣ» (Слова кн. Меньшикова).

шади; не беретъ ее богатый назадъ—пойдемъ-де къ судьѣ судиться. На перепутьи остановились братья въ избѣ у мужика переночевать; легъ бѣдный на полати, смотритъ себѣ какъ пируетъ богатый братъ съ хозяиномъ; смотрѣлъ, смотрѣлъ, да нечаянно и свалился внизъ, прямо въ люльку, гдѣ хозяйскій ребенокъ спалъ, и задавилъ его. „Пойдемъ къ судьѣ судиться", говоритъ ему хозяинъ, и пошли втроемъ. Вотъ идутъ они по мосту; „не быть мнѣ живому отъ суда Шемяки", думаетъ бѣдный братъ, „брошусь я лучше въ рѣку", да и бросился; а въ это время внизу подъ мостомъ какой-то парень больнаго отца на салазкахъ въ баню везъ; угодилъ бѣдный прямо на больнаго, да и пришибъ его до смерти. Пошелъ съ ними и парень судиться, и стали всѣ они передъ судьей Шемякой, а убогій положилъ въ платокъ камень, да и показываетъ ему издали; Шемякѣ-же вздумалось, что должно быть въ платкѣ ему сто рублевъ сулитъ, и сталъ онъ въ пользу бѣднаго судить. „Ты", говоритъ богатому, „отдай лошадь бѣдному, пусть держитъ, пока у нее хвостъ отростетъ,—тогда назадъ возмешь; а ты мужичекъ отдай ему жену свою, пусть онъ сдѣлаетъ ей ребенка взамѣнъ задавленнаго; а ты парень ступай на мостъ, бѣдному брату я прикажу стать подъ мостомъ,—ты и бросься на него и дави его до смерти". Челобитчики не знали, какъ и отдѣлаться отъ такого праваго суда, и поспѣшили откупиться отъ бѣднаго брата, кто деньгами, кто коровой, кто козой да хлѣбомъ. Дошла очередь и до подсудимаго, — посылаетъ судья требовать у него сто рублевъ, что посулилъ въ платкѣ. „Это я не сто рублевъ, а камень въ платкѣ показывалъ", говоритъ бѣдный судейскому слугѣ, „и если-бы Шемяка не по мнѣ судилъ, я бы его тѣмъ камнемъ до смерти зашибъ". Повѣсть кончается словами Шемяки, который, узнавъ о такомъ намѣреніи бѣднаго брата, перекрестившись говоритъ: „слава Богу, что я по немъ судилъ!"

Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, представляетъ пародію на древнее наше судопроизводство. Въ народныхъ картинкахъ она появляется поздно, только въ первой половинѣ XVIII вѣка и то въ самой сокращенной редакціи. Въ полномъ видѣ фабриканты народныхъ картинокъ не выпускали ее въ народъ вѣроятно изъ опасенія, чтобы судьямъ не вздумалось охранить дѣвственную чистоту свою на ихъ спинахъ. За то въ рукописной литературѣ нашей за XVII вѣкъ повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ встрѣчается во множествѣ списковъ и въ семи разныхъ редакціяхъ. Въ одной изъ нихъ, напечатанной Сахаровымъ, формы словеснаго дѣлопроизводства XVI вѣка воспроизведены съ замѣчательными подробностями и съ перечисленіемъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ то время въ дѣлѣ правосудія.

Дѣло начинается съ челобитной Леща, который жалуется господамъ „отъ рыбъ“ великому Осетру и Бѣлугѣ на Ерша Щетинникова, что онъ-де владѣетъ насильствомъ „нашими вотчинами“ (Ростовскимъ озеромъ); собою онъ малъ, а щетины у него какъ острыя рогатины, и гдѣ онъ не попросится ночевать, и кто его невѣдаючи пуститъ, и онъ хочетъ хозяина вонъ выжить; и мы хотимъ быть оправлены вами праведными судіями“. Въ Сахаровской сказкѣ дѣло происходитъ въ лѣто 7110-е; на судѣ, въ губной избѣ, сидятъ: судья Осетръ-бояринъ, Сомъ-воевода отъ моря Хвалынскаго, и выборные мужики отъ Волги и Дона, Судакъ и Щука. Прежде всего судьи посылаютъ за Ершомъ пристава Окуня, который и поставилъ Ерша на судъ; доводчикъ Карась прочелъ челобитную. На извороты Ерша, который началъ съ своей стороны обвинять встрѣчно Леща съ товарищами въ оклеветаніи его,—съ истцовъ взятъ отзывъ, что они „ручаются за большое безчестье животомъ и жизнью“, и затѣмъ Ершу указано „безъ проволочки чинить отвѣтъ на судѣ“

Все это въ текстѣ картинки выпущено, и судья прямо переходитъ къ распросамъ: чѣмъ Лещъ Ерша уличаетъ. На это Лещъ сперва ссылается на свидѣтелей Сига и Ладогу, но такъ какъ Ершъ представилъ отводъ, что Сигъ и Ладога рыбы большія, а мы рыбы малыя, да и съ Лещемъ онѣ хлѣбъ соль вмѣстѣ водятъ и потому правды не скажутъ, — то Лещъ сослался на Сельдь; противъ этой и Ершъ не имѣлъ что сказать и прибавилъ: „то общая правда, на ту и я шлюся". Вслѣдствіе чего судьи послали за Сельдью пристава Окуня, который взялъ въ понятые Сома; но Сомъ, съ большимъ усомъ, сталъ отговариваться, „что-де я въ понятые не гожусь,— имѣю брюхо велико, ходить не смогу, глазами вдоль не вижу",—и Окунь отпустилъ Сома, и взялъ въ понятые Язя, и поставили они Сельдь передъ судьями [117]).

Когда Сельдь была поставлена передъ судьями, судьи спросили ее: „чье Ростовское озеро изстари,—Ершово-ли? и знаютъ-ли Ерша на Москвѣ всѣ богатые покупатели (какъ на это ссылается Ершъ въ рукописныхъ сказкахъ), и покупаютъ-ли его для похмелья дорогою цѣною и съ похмелья имъ оправляются-ли?"

На это Сельдь Переяславская сказала, что: „Ростовское озеро изстари Лещево, и тотъ-де Ершъ, гдѣ не попросится ночевать, и кто его невѣдаючи пуститъ, и онъ хочетъ хозяина выжить, а знаютъ его", прибавляетъ она язвительно, „всѣ богатые—у кого одна полушка есть, и на ту Ершовъ много купятъ, столько не съѣдятъ, сколько расплюютъ". Затѣмъ на картинкѣ слѣдуетъ весьма краткій приговоръ: „судьи приговорили Леща оправить, а отвѣт-

---

[117]) Въ одной изъ рукописныхъ сказокъ есть прибавка о томъ, какъ Окунь взялъ сперва въ понятые Налима, и какъ тотъ сулилъ ему посулы великіе, и выпросился изъ понятыхъ; въ другомъ спискѣ Налимъ вызывается въ судъ въ качествѣ свидѣтеля: онъ даритъ приставу гривну «на волокиты» и тѣмъ избавляется отъ явки (см. примѣч. IV. 274).

чика Ерша обвинить, и въ соль посолить и противъ солнышка повѣсить. И какъ Ершъ сіе услышалъ, вильнулъ хвостомъ, ушолъ въ хворостъ, только Ерша и видѣли, и всему тому конецъ".

Въ Сахаровской сказкѣ составленіе приговора и самый приговоръ облечены въ должную законную формальность; Ершу даны со свидѣтелями очныя ставки, по окончаніи которыхъ, послѣ оболганія имъ Сельди и Налима, судьи приговорили: „очныхъ ставокъ ему больше не давать". Тогда челобитчиковъ выслали изъ суда вонъ, сдавъ ихъ на руки понятому Язю, а судное дѣло велѣли писать Вьюну, вершить по граматамъ суднымъ, а Раку печатать грамоту клешнею. Леща рѣшено оправить, и выдать ему Ерша головою; объ исполненіи-же приговора послана губному старостѣ Ростовскаго озера, большой рыбѣ-Севрюгѣ, форменная память. Память эта въ сказкѣ изложена съ большою подробностію (см. прим. IV. 275), и заканчивается слѣдующими словами: „..... и что-де та рыба Лещь съ товарищами изстари были за отцомъ его крестьянами: и то онъ Ершъ лаялъ напрасно. И какъ къ тебѣ ся наша память придетъ, и ты-бы того Ерша съ товарищами взялъ къ себѣ въ губную избу, учинилъ наказаніе на мірскомъ дворѣ, билъ батоги нещадно, что-бы впредь имъ и всѣмъ братіямъ, на то смотря, такъ сдѣлать было не повадно, и учиня имъ наказаніе допросилъ-бы и убытки, выдалъ-бы того Ерша ему, Лещу, головою, и велѣлъ-бы его Ерша, водя по торгамъ, бить кнутомъ, а бивъ кнутомъ, повѣсить противъ солнца. И о томъ о всемъ прислалъ-бы еси намъ записку безъ мотчанья".

Снегиревъ, въ своемъ описаніи народныхъ картинокъ, замѣчаетъ, что Ростовскіе князья продали великому Московскому князю сперва одну часть своей отчины, а потомъ и другую, и что сказка о Ершѣ Москвичѣ (ссылавшемся между прочимъ и на Московскія крѣпости) и о

коренномъ владѣльцѣ озера Ростовцѣ-Лещѣ могла быть сочинена по поводу этихъ продажъ (стр. 64).

Въ заключеніе припомнимъ, что Ершъ отъ исполненія приговора улизнулъ; но за тѣмъ онъ все таки попался въ вершу, поставить которую міръ послалъ крестьянина Першу; Устинъ Ерша было упустилъ, но Иванъ опять его поймалъ; потомъ Назаръ понесъ было Ерша продавать на базаръ, но Аносъ Ерша даромъ унесъ; затѣмъ Ерша сварили міромъ въ котлѣ, съ перцомъ, лукомъ, и саломъ, причемъ произошла неизбѣжная драка: Мина мякнулъ, ни съ того и съ сего, Демида въ рыло, а Андрей Тита по плѣши огрѣлъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, „Яковъ одинъ ерша смякалъ, а самъ убѣжалъ, одни ножки показалъ. Елизаръ только котла полизалъ, а Данила и сестра его Ненила только по Ершѣ повыли, памятъ ему сотворили".

О третьей и четвертой картинкѣ: „подъячій и смерть" (№ 115) и „судъ дворянина съ мужикомъ" (№ 55 А) распространяться нечего,—это простыя перепечатки басней; на пятой же, въ 8 фигурахъ, передано цѣлое слѣдствіе о побѣгѣ бѣлаго пѣтуха изъ Пушкарской улицы, отъ своихъ курицъ (№ 65). Дѣло начинается жалобою куръ по пунктамъ о томъ, что убѣжалъ де отъ нихъ ихъ мужъ „пѣтухъ бѣлый, который въ топтаніи ихъ былъ смѣлый; и отъ него были онѣ одолжены, такъ какъ послушныя его жены, и послѣ топтанія хвостомъ трясли, а хозяину оттого часто яйца несли". — „Изъ насъ нѣкоторыя въ домѣ старыя куры", заканчиваютъ они свою жалобу: „присмотрѣли за нимъ немалые амуры".

За отысканіемъ невѣрнаго мужа посылается, съ билетомъ, индѣйскій пѣтухъ, и съ нимъ цѣлое капральство куръ; бѣглецъ найденъ ими, приведенъ въ судъ и допрошенъ: „противъ отлучки не имѣлъ-ли амуръ, не топталъ-ли чужихъ куръ, и ежели топталъ, то какихъ при-

мѣтомъ, и много-ли ихъ было счетомъ". На это пѣтухъ объяснилъ, что домашнія куры стали ему противны, затѣмъ что во́ время ему не присѣдаютъ и прочь отбѣгаютъ. „А я", продолжаетъ онъ, „на короткихъ ногахъ, не могу догнать, того ради принужденъ чужихъ топтать; и оныхъ я не считалъ, гдѣ которую поймалъ, тутъ и топталъ; чужія вѣрно любить меня обязались, старыя и молодыя часто попадались". Сказка заканчивается судебнымъ приговоромъ: за отлучку отъ своихъ куръ и за имѣніе съ чужими амуръ, посадить пѣтуха въ колодки на три дня, а потомъ бить веникомъ — „при собраніи куръ въ строй",—и объявить: ежели впередъ будетъ такъ поступать, „то никакихъ опредѣленіевъ не послушаютъ, пріятно въ пирогѣ скушаютъ" (I. 239).

Несравненно интереснѣе и оригинальнѣе сатирическія картинки, составленныя нашими раскольниками на Петра I и на его преобразованія. Изъ числа ихъ ни одна картинка не пользовалась такимъ успѣхомъ въ народѣ, какъ погребеніе кота мышами (№№ 166—170) и самый котъ Казанскій, „умъ астраханскій, разумъ сибирскій, а усъ съ уса стерскій" (№№ 172 и 172 А и Б); до насъ дошло шесть различныхъ переводовъ погребенія, и въ числѣ ихъ одинъ (№ 166)—очевидно вырѣзанный вскорѣ послѣ 1725 года. Въ примѣчаніи къ № 166 сведены мнѣнія нашихъ археологовъ о древности этой картинки и о заимствованіи самаго сюжета ея изъ картинокъ другихъ народовъ — Египтянъ, Индѣйцевъ и Западниковъ; на повѣрку выходитъ, что въ чужеземныхъ картинкахъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на погребеніе нашего Астраханскаго уроженца, ничего схожаго съ нашей картинкой, кромѣ развѣ того, что тамъ и тутъ есть котъ и есть мыши, и что тамъ и тутъ сюжетъ основанъ на непримиримой племенной враждѣ ихъ. Наша картинка, чисто русское

произведеніе, ни откуда не заимствованное, — вполнѣ оригинальное произведеніе народнаго буффа, въ которомъ всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго обихода [118]). Подробности эти очень ясно указываютъ на цѣль и происхожденіе картинки: она представляетъ погребеніе Петра I и вмѣстѣ съ тѣмъ пародію на шутовскія церемоніи, которыя онъ такъ любилъ устраивать.

Картинка раздѣлена на нѣсколько продольныхъ полосъ; въ самомъ верху надпись: „Небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ светлицахъ, оберчена въ черныхъ тряпицахъ: какъ мыши кота погребаютъ, недруга своего провожаютъ, послѣднюю честь съ церемоніей отдавали; былъ престарѣлый котъ казанскій, уроженецъ астраханскій, имѣлъ разумъ сибирскій а усъ сусастерскій. Жилъ, славно ѣлъ—пилъ, плелъ лапти, носилъ сапоги; сладко ѣлъ и слабко б..ѣлъ; умеръ въ сѣрый четвергъ, вшесто пятое число, въ жидовскій шабашъ (№№ 166 и 179).

Въ средней полосѣ: большой котъ Казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій, а усъ съ уса стерскій, перевязанный накрестъ веревками, лежитъ на чухонскихъ дровняхъ, которыя тянутъ восемь мышей — Макарокъ; процессію составляетъ цѣлая вереница мышей и крысъ изъ разныхъ областей Россійской Имперіи: мыши-пѣвчіе, мыши-музыканты, Охтенки, Корелка, Шушера изъ Шлюшина, мыши Татарскія (въ четырехъ мѣстахъ) и множество мышей лазаретскихъ. Отъ вдовы покойника, Чухонки Маланьи, везутъ на поминки кота пиво изъ Маймистскаго захода (шутовское чухонское урочище), а также и блины и оладьи.

Въ древнѣйшихъ переводахъ картинки, №№ 166 и 170, точно обозначены мѣсяцъ, день и часъ смерти дер-

118) Самый мотивъ картинки вѣроятно заимствованъ изъ старинной пословицы: «и мыши на погостъ кота волокутъ», которая записана и въ тетрадь пословицъ Каріона Истомина (1690 г. въ Погодин. Собр.).

жавнаго преобразователя (сѣрый мѣсяцъ, четвергъ, въ шестопятое число, т. е. съ пятаго часа на шестой); самое погребеніе представляетъ пародію на погребальную процессію 1725 года: погребальныя дроги тянутъ восемь мышей; за ними слѣдуетъ музыка, точно такъ, какъ это было на похоронахъ 1725 года (съ замѣною 8 мышей, восемью лошадьми въ натурѣ, конечно); въ процессіи упоминается и участвуетъ все то, что́ прямо или косвенно напоминаетъ дѣйствія Петра I-го: идутъ мыши, представительницы недавно пріобрѣтенныхъ и сосѣднихъ съ Петербургомъ областей: Корелки, Охтенки, Шушера изъ Шлюшина съ Ладожскимъ сигомъ въ рукахъ; далѣе, въ четырехъ мѣстахъ помѣщены мыши Татарскія, которымъ отъ Петра пришлось особенно солоно; „мыши лазарецкія", которыми переполнили землю Русскую Петровы побѣды и баталіи. Мыши отъ вольныхъ домовъ изъ большихъ питейныхъ погребовъ, съ чарками, братинами, корцами, ушатами и скляницами, — напоминаютъ шутовскія процессіи всепьянѣйшаго собора, а мыши, которыя идутъ „пѣшками, несутъ студеное кушанье мѣшками", — прямо указываютъ на постановленіе Князя Папы имѣть всегда на готовѣ холодныя закуски на случай пріѣзда всепьянѣйшаго собора [119]). Въ примѣчаніи къ № 166 всѣ эти указанія разобраны съ большою подробностію; тамъ указано и на то, что нѣкоторыя изъ мышей въ процессіи должны представлять извѣстныя лица Петровскаго времени, какъ-то: Савву Рагузинскаго, Стефана Яворскаго и другихъ, объ именахъ которыхъ можно только догадываться. За тѣмъ не представляется надобности распространяться о томъ, кого разумѣлъ составитель картинки подъ именемъ котовой вдовы, Чухонки-адмиральши Маланьи [120]);

---

[119]) По поводу этаго собора, см. еще картинки №№ 118 и 713.

[120]) Намеки на эту Маланью встрѣчаются и въ росписи приданаго (№ 144; I. 373, гдѣ, при описаніи невѣсты, говорится, что она: «ходитъ

замѣчу здѣсь, что указанія на эту Маланью и на отправленныя ею, на поминки кота, пиво и оладьи, введены въ текстъ картинки только въ изданіяхъ Елизаветинскаго времени, въ первыхъ-же изданіяхъ объ этой Маланьѣ не упоминается во́все.

Составитель котова погребенія былъ навѣрное раскольникъ, врагъ Петровскихъ нововведеній: въ поѣздѣ онъ помѣстилъ и богопротивную Петрову одноколку, запрещенную указомъ 1668 года, — и мышку съ табачишкомъ, за куреніе котораго, еще такъ недавно, рвали ноздри и били кнутомъ, — и лапти, плетеніе которыхъ Петръ вводилъ самымъ грубымъ, насильственнымъ образомъ; онъ придѣлалъ коту и богомерзкіе, подбритые котскіе усы. Раскольники имѣли полное право радоваться котову погребенію, потому что этотъ котъ особенно преслѣдовалъ ихъ и ихъ бороды; они звали его антихристомъ и лютымъ звѣремъ крокодиломъ, а на картинкѣ „отъ христа паденіе антихриста" даже нарисовали этого послѣдняго въ образѣ Петра (№ 1016—1018).

Въ числѣ нашихъ картинокъ есть и еще нѣсколько такихъ, которыя, безъ всякой натяжки, могутъ быть отнесены къ раскольничьимъ изобрѣтеніямъ этого же рода. На двухъ изъ нихъ (№№ 37 и 38) представлена драка Бабы Яги съ Крокодиломъ; драка ихъ, повидимому, происходитъ изъ за сткляницы вина, которая стоитъ подъ кустомъ. Баба Яга въ чухонскомъ костюмѣ, съ чухонскими вышивками и въ чухонскомъ головномъ уборѣ, а подъ Крокодиломъ представлено любимое дѣтище Петрово—кораблик; Баба Яга на № 38 даже нѣсколько напоминаетъ портретъ Екатерины въ обезображенномъ типѣ Моора

по нѣмецки, говоритъ по шведски»). Какъ извѣстно Екатерина была нѣсколько дней замужемъ за Шведскимъ капраломъ Раббе; она была взята въ плѣнъ Шереметьевымъ, а у него отнята Меньшиковымъ; здѣсь то увидалъ ее Петръ въ первый разъ (въ 1703 г.).

(въ гравюрѣ Ив. Зубова). На третьей картинкѣ таже Баба Яга пляшетъ съ плѣшивымъ мужикомъ (№ 39); четвертая наконецъ представляетъ извѣстный эпизодъ Македонской красавицы, которая осѣдлала мудреца и заставила его скакать на четвереолькахъ; только въ нашей картинкѣ верхомъ на старикѣ сидитъ не Македонская красавица, а опять таки Чухонка въ своемъ народномъ костюмѣ, хотя и съ чалмой на головѣ, да и подпись гласитъ, что это „нѣмка ѣдетъ на старикѣ" (№ 220). Этими-то картинками раскольники отвѣчали Петру на всѣ его шутовскія надъ ними потѣхи, на безцѣльное преслѣдованіе бороды и установленныя при этомъ пошлину и медаль, которую раскольники прозвали печатью антихриста [121]), да на картинку, представляющую цирюльника, собирающагося остричь раскольнику бороду (№ 227); эта послѣдняя картинка была сочинена и пущена въ народъ несомнѣнно по приказанію самаго „шутѣйшаго протодіакона".

Побывавъ заграницей и насмотрѣвшись на тамошніе порядки, онъ задумалъ завести и у себя Европу, и притомъ „какъ можно поскорѣе". И вотъ началась перестановка декорацій. Самъ онъ выбрился еще прежде того, оставивъ одни усы торчкомъ, подбритые снизу, „усы котцки" (кошачьи), какъ выражаются старообрядцы, или „усъ съ уса стерскій", какъ сказано въ картинкахъ погребенія. Въ 1705 году вышелъ указъ: всѣмъ въ Москвѣ, кромѣ людей церковнаго чина, носить, съ 1-го января

---

[121]) Этимъ именемъ называлось также въ народѣ клеймо, которымъ Петръ весьма практично придумалъ (въ 1718 г.) клеймить въ руку, накаленнымъ до красно желѣзомъ, рекрутовъ-новобранцевъ, для предупрежденія побѣговъ (Русск. Архивъ 1873. 2296). Такое-же клейменіе существовало нѣкоторое время въ арміи Наполеона (см. № 498), а въ новѣйшее время предлагалось въ Англійскомъ парламентѣ для вербуемыхъ въ войска англійскихъ патріотовъ.

до Пасхи, верхнее платье саксонское, а исподнее, — камзолы, башмаки, и прочее, — нѣмецкое; лѣтомъ-же всѣмъ, даже крестьянамъ, носить одежду французскую. Торговцамъ запрещено было дѣлать и продавать русское платье и сапоги и черкесскіе кафтаны. Въ томъ же году велѣно всѣмъ сбрить бороду и усы, причемъ однакоже дозволено отъ этой обязанности откупаться, уплачивая въ казну пошлину отъ 30 до 100 руб. въ годъ, смотря по званію и состоянію (Пекарскій, I. 448). Откупившіе свою бороду обязаны были носить на шеѣ медаль съ изображеніемъ бороды.

Простой народъ, а въ особенности раскольники, которымъ при этомъ приказано было записываться въ двойной подушный окладъ, сильно возстали противъ этого нововведенія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ вызывалось оно?— Стоглавъ запрещаетъ брить усы и бороду; бритому покойнику не положено ни пѣть панихидъ, ни хоронить его по христіанскому обряду. По старинному православію, бритье есть ересь, введенная греческимъ царемъ Константиномъ Ковалиномъ (39 и 40 глава Стоглава); ересь эту перенялъ безбожный папа съ своими епископами, въ угодность женщинѣ. Въ словѣ о брадобритіи, приписываемомъ патріарху Адріану, даже упоминается, что въ Вильнѣ новокрестившіеся Антоній, Іоаннъ и Евстафій пострадали за брадобритіе отъ невѣрнаго князя Ольгерда и причтены за то къ лику святыхъ. „Безбородому невозможно и въ царствіе небесное внити!“ Борода есть Богомъ данная мужскому полу красота!

И вдругъ, ни съ того ни съ сего, вышелъ указъ, что борода-де лишняя тягота.

Зашевелились наши доморощеные тори, стали записываться въ двойной окладъ и покупать себѣ клеймо антихристово: не могли успокоить ихъ и тогдашніе духовные писатели, пользовавшіеся общимъ почетомъ, какъ

Текстъ картинки Аника воинъ и смерть вполнѣ сходенъ съ рукописнымъ преніемъ живота съ смертію, причемъ прибавлено имя Аники, вмѣсто котораго въ рукописяхъ упоминается просто воинъ. Объ Аникѣ воинѣ сохранилось много народныхъ преданій и пѣсень. Въ пѣсняхъ говорится, что Аника жилъ 220 и даже 390 лѣтъ, въ славномъ городѣ Евлесѣ (Едесѣ?), разорялъ монастыри, грабилъ церкви, много покорилъ царей и богатырей и много пролилъ русской крови (Кирѣевскій, IV. 115—130). Собрался онъ разъ въ путь разорять Іерусалимъ градъ; и вотъ на встрѣчу ему выѣзжаетъ смерть, въ видѣ какого-то Полкана: голова человѣчья, туловище звѣриное, а копыта лошадиныя (Кирѣев., тамъ-же; Рыбниковъ, I. 465). Аника начинаетъ ругать ее и похваляться своею силою, точно такъ, какъ и въ преніи живота и въ народной картинкѣ; но смерть объявляетъ ему, что часъ его пришелъ,—„что жили на землѣ сильные и могучіе богатыри Молоферъ (Олофернъ) и Святогоръ и Самсонъ, и тѣ мнѣ смерти покорились; былъ—сотворилъ небо и землю богъ, и то меня смерти не миновалъ" (Кирѣев. IV. 131). Увидавъ, что дѣло плохо, Аника началъ передъ смертью принижаться, просить ее дать ему сроку на три года, три мѣсяца, три часа... „Въ чемъ тя застану въ томъ и сужу", сказала смерть Аникѣ (въ рукописномъ сборникѣ XVII в.) и подкосила его. Тогда Господь послалъ двухъ ангеловъ, которые вынули душу Аники „сквозь реберъ, взоткнули ее нечестно на копье и низринули въ тьму кромѣшную" (Кирѣев. IV. 135) [135]).

---

[135]) Кромѣ легендъ и пѣсень, сказаніе объ Аникѣ послужило сюжетомъ для одной интермедіи, которая, по словамъ г. Котляревскаго, разыгрывалась фабричными (Русскій Архивъ 1864 г., 78). Интермедія эта начинается задорнымъ разговоромъ Аники съ нѣкіимъ рыцаремъ Морицомъ (ужъ не Саксонскимъ ли?); по окончаніи разговора дѣйствующія

Что-же касается до народныхъ преданій объ Аникѣ, то верстахъ въ восьми отъ г. Вологды и до сихъ поръ существуютъ Аникіевскій лѣсъ и Заоникіевская пустынь; въ лѣсу даже показываютъ могилу Аники (Русс. Архивъ 1864, стр. 71). Погодинъ приводитъ народное преданіе, по которому разбойникъ Аника жилъ въ лѣсу, въ избушкѣ безъ оконъ; разъ встрѣтилъ онъ прохожаго старика-богомольца; въ котомкѣ его не нашлось ничего, кромѣ узелочковъ съ мощами да разными святыми вещами; Аника разбросалъ все это по землѣ, несмотря на мольбы старика, который въ концѣ пригрозилъ ему Божіимъ гнѣвомъ. Аника выхватилъ было ножъ, чтобы зарѣзать его, но старикъ исчезъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и Аникина избушка. Оставшись безъ крова, Аника сѣлъ на лошадь и выѣхалъ на дорогу; здѣсь встрѣтилась ему смерть, и произошелъ между ними разговоръ, который переданъ на нашей картинкѣ. Кромѣ того въ народѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе о разбойникѣ Аникѣ, казненномъ при Петрѣ Первомъ и доставившемъ любопытный матеріалъ для академической кунскамеры. По увѣреніямъ нѣкоторыхъ старожиловъ, этотъ Аника одно лице съ Вологодскимъ разбойникомъ.

Главная цѣль всѣхъ разсказовъ о Страшномъ Судѣ и неминуемой смерти конечно состояла прежде всего въ томъ, чтобы устрашить человѣка на счетъ участи умер-

---

лица дерутся. Аника убиваетъ Морица и произноситъ самъ себѣ лубочно-хвалебную рѣчь: онъ и воинъ славный, и царей побивалъ, и смерти не боится, и если она явится «шлюха мякинное брюхо», то «такъ ударитъ ее въ високъ, что посыпется у неё изъ жопы песокъ». На эту похвальбу выходитъ смерть и сразу осаживаетъ его; Аника начинаетъ упрашивать ее обождать, какъ и въ нашей картинкѣ, — смерть непреклонна. Тогда Аника торжественно прощается съ востокомъ, западомъ, сѣверомъ и югомъ, съ царями, богатырями и красными дѣвицами; смерть подкашиваетъ его и онъ падаетъ.

шихъ его родственниковъ и его самого въ будущей жизни. Всѣмъ грѣшникамъ конечно предстоялъ страшный судъ и вѣчныя муки, отъ которыхъ можно было избавиться только посредствомъ поминовенія и мѣшечковъ (съ деньгами) св. Ѳеодоры (см. № 728). Съ этой цѣлію стали вводиться между православными, еще съ древнихъ временъ, поминальники или синодики о пособіи мертвымъ (III. 191), въ которые вписывались имена умершихъ родственниковъ и знакомыхъ для поминовенія ихъ [136]).

Въ прежнее время богатыхъ погребали при церквахъ, бѣдныхъ же свозили въ убогіе домы, гдѣ они лѣтомъ тотчасъ же погребались въ общія могилы, а зимой оставались непогребенными до весны. Съ наступленіемъ теплаго времени ихъ погребали въ родительскія субботы и въ эти же субботы производились и общія поминки, въ огромныхъ размѣрахъ [137]).

Впослѣдствіи составители синодиковъ начали включать въ нихъ, вслѣдъ за поминаньемъ, разныя сказанія о загробной жизни и о силѣ поминовенія, а въ 1702 году синодикъ былъ въ первый разъ отпечатанъ гравированными досками, со множествомъ картинокъ и легендъ, из-

---

[136]) Въ XII вѣкѣ укоренился обычай даже самаго себя заживо поминать заупокой (Памятники русской словесности, 194).

[137]) Обычай совершать поминки остался до послѣдняго времени, несмотря на упраздненіе убогихъ домовъ. Хотя убогіе домы и было приказано уничтожить еще въ 1753 году, однако приказаніе это оставалось неисполненнымъ до 1771 года, когда начали отводить для погребенія умершихъ особыя кладбища (Труды Общест. ист. и древ. 1816. III. 245). Кромѣ родительскихъ субботъ установились издавна и другіе дни для поминовенія умершихъ и побитыхъ въ брани, а въ 1548 г. 21 іюня, на память мученика Іуліана Торсянина, царь Иванъ Васильевичъ установилъ служить общую память по всѣмъ православнымъ христіанамъ, какъ на войнѣ убіеннымъ, такъ и своею смертію умершимъ. Объ этомъ записано въ Синодикѣ Костромскаго Ипатьевскаго монастыря и въ Синодикѣ Публич. Библіотеки (Каталогъ рукописей Гр. Толстаго. I. № 286.—Акты Археограф. Экспед. I. 208).

влеченныхъ изъ Великаго Зерцала и другихъ источниковъ. Въ предисловіи или увѣщаніи составитель синодика прежде всего упоминаетъ о душеспасительныхъ обрядахъ, соблюдаемыхъ издревле при погребеніи: омываніе тѣла умершаго, облеченіе въ новыя одежды, провожденіе съ пѣніемъ, свѣчами и кадиломъ; поливаніе елеемъ, послѣднее цѣлованіе его, погребеніе на святыхъ мѣстахъ, въ церкви или при церкви, съ положеніемъ лицемъ на востокъ солнца; о поставленіи надъ умершимъ столбовъ и досокъ, о парастасѣ или ходатайствѣ, о коливѣ или кутіи, устраиваемой изъ пшеницы съ медомъ, съ украшеніями изъ сладкихъ овощей (III. 192). Затѣмъ слѣдуютъ сказанія въ лицахъ объ исходѣ души изъ тѣла: душа умершаго человѣка принимается ангелами; въ первые девять дней она свободно посѣщаетъ прежнее свое тѣло и родительскій домъ (III. 198) [138]; только въ концѣ этого срока относится она или въ райскія мѣста или въ адскія муки, для католическаго предвкушенія будущихъ вѣчныхъ страданій (III. 199) [139] „—да тѣло видитъ томительство адскихъ слугъ“ (III. 198) [140]; только поминовеніемъ въ церкви можно избавить грѣшную душу отъ этихъ вѣчныхъ мукъ (Синодикъ, III. 195 и 198). „Жертвуйте православные на церкви и на ея служителей и будете спасены, и вы и всѣ ваши сродники, даже некрещенные младенцы (III. 192), если не въ этой, такъ въ будущей жизни; служите по нихъ въ третій день послѣ смерти третины,

---

[138]) Въ Шотландіи существуетъ тоже повѣрье, что душа до погребенія тѣла витаетъ около него и что если въ комнату, гдѣ лежитъ убитый, вдругъ отворить дверь и спросить его, кто его убилъ, то покойникъ отвѣтитъ (W. Scott, Chants d'Ecosse. Paris 1826, III. 230).

[139]) См. тамъ-же Sheible, Das Kloster, XII. 245.

[140]) Сюда относится отдѣльная картинка: Отецъ съ сыномъ, лихо жившіе въ мірѣ, взаимно проклинаютъ другъ друга, сидя въ чистилищѣ въ мукахъ (№ 699), и старинная притча о богатомъ и убогомъ Лазарѣ (№№ 686—699).

въ девятый девятины, въ двадцатый—полусорочины, въ сороковой сорочины, а кромѣ того ежегодно въ день имянинъ и въ день смерти покойника панихиды [141]). Всѣ эти разряды панихидъ были въ древности также необходимы, какъ и причитанья и плачи по усопшемъ на его могилѣ [142]). Въ синодикѣ по этому предмету помѣщено множество виршей:

„егда въ церкви поминаемой души быти,
оныхъ вѣчныхъ мукъ можетъ тѣло избыти.
Великій архіерей Іоаннъ Златоустъ
велѣлъ по усопшимъ творить сорокоустъ“ (III. 198).

Въ удостовѣреніе этого разсказана и повѣсть объ игуменіи Θеодосіи, которая, умирая, заказала сестрамъ править по себѣ сорочины; сестры же правили одни девятины, а послѣ девятинъ трапезы нищимъ не устраивали; тогда Θеодосія явилась къ нимъ съ выговоромъ, и объявила, что „нищихъ насыщеніе и поминовеніе усопшимъ до 40 дней, грѣшному даетъ прощеніе грѣховъ отъ Бога, праведные-же отъ того обогатятся“; при этомъ она воткнула жезлъ свой въ землю „и жезлъ ея процвѣте“ (III. 199). Рядомъ съ этою повѣстію разсказывается по тому же поводу: 1) какъ нѣкій человѣкъ заупокойными молитвами избавилъ отъ ада матерь свою, умершую въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія (III. 200) [143]); 2) какъ

---

141) Строевъ, Выходы царей; Алфав., 67.

142) Объ этомъ предметѣ смотри: Калики, Безсонова, IV. 60, и Плачи и причитанья, Барсова.

143) У насъ есть три народныя картинки на этотъ предметъ: 1) О грѣшной матери, которая явилась своему сыну иноку, вся нагая, верхомъ на зміѣ; спереди два демона бьютъ её каменьями по зубамъ, а сзади два демона-же терзаютъ её трезубцами; въ ушахъ ея двѣ мыши, сосущіяся мозгъ, въ глазахъ двѣ ящерицы, и за сосцы сосетъ её ужъ великій; всѣ эти звѣри, по объясненію самой матери, означали мученія

сухій лобъ (костяня голова) отвѣтилъ преподобному Макарію, что „большая бываетъ польза усопшимъ, когда ихъ поминаютъ" (III. 196); 3) какъ разорилась и пошла по міру жена и дѣти нѣкоего роскошника за то, что не исполнили его заповѣди, не поминали его и не роздали его имѣнія нищимъ (III. 201); 4) какъ родители по нѣкоемъ юношѣ, попавшемъ въ плѣнъ въ Персію, полагая его умершимъ, творили поминовеніе, и какъ въ дни такихъ поминовеній къ юношѣ тому приходилъ ангелъ и освобождалъ его изъ темницы (III. 202).

Къ этому же разряду картинокъ принадлежитъ и небольшая книжка „духовный эмблематъ", состоящая изъ сорока картинокъ, плохо выгравированныхъ Иваномъ Любецкимъ въ 1743 году, съ западнаго, католическаго, образца (III. № 808). Этотъ эмблематъ содержитъ въ себѣ различныя наставленія, какъ должно жить въ свѣтѣ, чтобы спастись въ будущемъ вѣкѣ, причемъ самыя наставленія уснащены аллегоріями и эмблемами и испещрены сносками на книги царя Соломона, Сираха, разныхъ пророковъ, книгу Іова, Евангеліе и писанія апостольскія. „Молись Богу, распинай свою плоть, терпи, борись со страстями, помни смерть и страшный судъ; не ходи на пиры и презирай мірскія удовольствія; надѣйся на Бога: Христосъ милосердъ и призываетъ къ себѣ грѣшниковъ", — учитъ эмблематъ [144]).

за различные, содѣянные ею, грѣхи (№ 700); 2) подобное-же изображеніе и текстъ: Притча о дѣвицѣ, умершей въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія (№ 701—702), и 3) О женѣ прелюбодѣйцѣ, которая представлена въ огненной колесницѣ (№ 703).

[144]) Аллегорическія изображенія сильно напоминаютъ монашескую чистоту (777) и другія картинки католическаго пошиба, переселившіяся въ народную литературу нашу чрезъ Кіевъ. Въ послѣдней части эмблемата (карт. 42) помѣщены выборки изъ Сираха о томъ, что «жена домовита, смиренна и молчалива есть вѣнецъ и богатство своего мужа, а жена цѣломудренна безцѣнное есть сокровище» (Сирахъ, гл. 26. ст. 2 и

Повѣствованія о страстяхъ Господа и о всемъ, что относится до его распятія и смерти, собраны съ большою тщательностью и отличаются особенною подробностію; многія изъ нихъ заимствованы прямо изъ готовыхъ католическихъ источниковъ, какъ напримѣръ: Судъ Іудеевъ надъ Іисусомъ Христомъ, который, какъ сказано въ его текстѣ, найденъ въ городѣ Вѣнѣ, вырѣзанный на камнѣ и „крестное знаменіе узломъ положися" (№ 875), и гдѣ, съ мельчайшею подробностію, исчислены всѣ понесенныя Спасителемъ страданія: воздыханій испустилъ онъ 109; слезныхъ капель излилъ 67,200; кровныхъ капель источилъ 100,000; 8225 разъ торганъ за власы и браду, причемъ 78 разъ падалъ на землю; удареній по ланитамъ потерпѣлъ 102, въ томъ числѣ такъ крѣпко ударилъ его Малхъ, которому Петръ отсѣкъ ухо, что слышенъ былъ ударъ тотъ по всему архіерейскому дому, — Господь палъ на землю и изобразились на лицѣ его персты руки Малховой. О столпъ каменный ударился Спаситель смертоносно одинъ разъ, о землю смертоносно-же три раза. При столпѣ біенъ розгами терновыми, остистыми, бичами узлатыми и ужами желѣзными 6666 разъ; синихъ удареній понесъ 1199; въ главу ранъ отъ терній получилъ 1000, ибо вѣнецъ терновый налагаемъ и низлагаемъ съ него былъ 8 разъ; три терновыя ости проникли въ самый мозгъ Спасителя. При шествіи на Голгоѳу онъ падалъ пять разъ; распятый на крестѣ перетерпѣлъ 73 терзанія. Всѣхъ же ранъ большихъ, — заканчиваетъ сказаніе, — удареній и знаменій на тѣлѣ Господнемъ было столько, сколько дней въ 15-ти годахъ (5480). Текстъ этого листа заим-

---

19), на картинкѣ же № 43-й представлены отецъ съ матерью, которые даютъ наставленіе сыну,—въ рукахъ отца розги, за мальчикомъ стоитъ ангелъ; въ текстѣ обѣщается награда тѣмъ, кто будетъ почитать отца и мать.

ствованъ изъ католическаго райскаго ключа, но съ измѣненіемъ въ цифрахъ и подробностяхъ, какъ это можно видѣть изъ примѣчанія къ № 875-му (IV. № 875) [145]).

Подъ №№ 870—872 описаны замѣчательныя трехлистовыя страсти съ множествомъ монограммъ, столь любимыхъ нашими старообрядцами; рисунки въ нихъ заимствованы съ западныхъ образцовъ, съ которыхъ скопированы и всѣ остальныя картинки, изображающія страданія Спасителя и его смерть, а также и цѣлыя послѣдованія на этотъ предметъ, гравированныя А. Бунинымъ (№ 861), А. Гошемскимъ (№ 864), М. Нехорошевскимъ (№ 866) и другими, неизвѣстными граверами (№№ 862, 865, 867 и 868).

Въ примѣчаніи къ № 892 разсказаны легенды изъ апокрифическихъ книгъ нашихъ о происхожденіи райскаго древа, изъ котораго былъ сдѣланъ крестъ для распятія Спасителя, а также и двухъ другихъ деревьевъ, послужившихъ крестами для казни двухъ разбойниковъ. По этимъ сказаніямъ, когда Богъ насаждалъ рай, Сатанаилъ укралъ у него дерево и посадилъ среди рая. Когда Сатанаилъ пошелъ посмотрѣть на свое древо, то древо выгнало его изъ рая, онъ почернѣлъ и сталъ дьяволомъ. И выросло его дерево на три части: середняя Божья, а по бокамъ части Адамова и Евина. Когда заболѣлъ Адамъ, то Симъ ходилъ въ рай за лекарствами и получилъ отъ ангела середній сукъ того дерева; Адамъ свилъ изъ него вѣнокъ (см. № 810, карт. 16) и въ этомъ вѣнкѣ былъ погребенъ. Изъ этого сучка выросло то древо, на которомъ впослѣдствіе былъ распятъ Спаситель. Евино древо, во время потопа, уплыло въ пустыню, гдѣ Моисей

---

[145]) Разсказы о страстяхъ Господнихъ доставили богатый матеріалъ нашимъ каликамъ перехожимъ, которые поютъ на эту тему множество плачей и причитаній (Безсоновъ, Калики, II. 172, 210, 252).

срубилъ его и вѣтви посадилъ на берегу рѣки съ горькою водою, отъ чего тѣ воды усладились; изъ этихъ вѣтвей произрасло то древо, изъ котораго былъ срубленъ крестъ для невѣрнаго разбойника; Адамова-же часть была вынесена потопомъ на песокъ. Здѣсь Сиоъ, желая почтить память Адама жертвоприношеніемъ, по совѣту ангела зажегъ это дерево и поручилъ стеречь огонь лѣснымъ звѣрямъ. Когда Лотъ, послѣ грѣха своего съ дочерьми, пришелъ просить совѣта Авраама, то Авраамъ велѣлъ ему принести три головни изъ того огня, посадить ихъ и поливать,—„если онѣ проростутъ, сказалъ онъ, то Господь проститъ твой грѣхъ". Такъ и сдѣлалъ Лотъ; головни проросли и изъ вы росшаго изъ нихъ дерева впослѣдствіи былъ сдѣланъ крестъ, на которомъ распятъ благоразумный разбойникъ.

Всѣ эти легенды существуютъ и въ западной литературѣ; живописецъ XIV вѣка Аньоло Гадди написалъ въ своихъ фрескахъ, въ церкви св. Креста во Флоренціи, всю эту апокрифическую исторію креста въ лицахъ (IV. прим. къ № 872). Другія католическія легенды о св. чашѣ, изъ которой Спаситель пріобщалъ апостоловъ во время тайной вечери и въ которую, во время распятія, Іосифъ собралъ кровь Спасителя [146]), и о другихъ предметахъ,

[146]) Въ романѣ Мерлина сказано, что эта чаша была принесена Іосифомъ въ Англію (такъ называемая Saint Graal) и, по приказанію короля Артура, вдѣлана имъ, Мерлиномъ, въ круглый столъ; затѣмъ она была потеряна и рыцари круглаго стола Артурова долгое время разыскивали её; нашелъ её рыцарь Персиваль, по смерти котораго чаша Христова, а также и копье, которымъ онъ былъ прободенъ, и серебряное блюдо (съ тайной вечери), взяты на небо (Le roman du Saint-Graal, publié pour la première fois..... par Er. Michel. Bordeaux 1847; Dunlop, 73 et 469). Впрочемъ Генуезцы показывали такую же чашу Людовику XII-му, разсказывая, что получили её прямо изъ Іерусалима (Grässe, 138 ff.). Въ нашихъ иконахъ распятія (Строгоновскихъ писемъ) чаша эта изображается довольно часто: въ нее ангелъ собираетъ кровь, выходящую изъ реберъ Спасителя.

освященныхъ его страданіями, въ нашу апокрифическую народную литературу не вошли.

Къ числу легендъ, относящихся до страстей Господнихъ, принадлежатъ и легенды о происхожденіи иконы нерукотвореннаго Спаса. Въ одномъ изъ нашихъ подлинниковъ XVIII вѣка (Клинцовскомъ гр. Строганова) упоминается о четырехъ нерукотворенныхъ образахъ. Первый изъ нихъ былъ подаренъ семилѣтнимъ Христомъ Египетскому царю Евфрадизію, пришедшему поклониться ему; этотъ образъ названъ: „Еммануль, еже есть сказаемо съ нами Богъ". Второй образъ посланъ Христомъ Едесскому князю Авгарю, который послалъ живописца своего Ананію [147]) звать Христа исцѣлить его, если-же Христосъ откажется идти за нимъ, то списать съ него портретъ. Ананія засталъ Христа на проповѣди, и началъ списывать съ него портретъ; но дѣло не ладилось, такъ какъ Христосъ „пременяше себя подобіемъ". Видя вѣру и заботу Ананія, Христосъ взялъ у него полотно, попросилъ у апостола Петра воды, умылся, отерся полотномъ, и отпечатлѣлъ на немъ свой ликъ. Этому образу дана надпись: „Божіе видѣніе, божественное чудо", — имъ исцѣленъ Авгарь отъ болѣзни.

Въ третій разъ Христосъ „отре потъ", когда несъ свой крестъ; нерукотворенный ликъ, который произошелъ при этомъ, онъ далъ апостолу Ѳомѣ. Наконецъ. уже послѣ вознесенія, Христосъ приходилъ въ домъ мученицы Акиліаны (въ Камиліаксѣхъ); здѣсь онъ умылся и отеръ лице свое убрусомъ, отъ чего произошелъ четвертый нерукотворенный образъ [148]). Легенды эти повторяются и

---

[147]) Въ Памятникахъ отречен. литерат. Тихонравова—Луку.

[148]) Въ подлинникѣ упоминается еще объ иконѣ Спаса нерукотвореннаго, бывшей на островѣ Критѣ и творившей много чудесъ.

въ другихъ отреченныхъ рукописяхъ (Тихонравовъ, Памятники отречен. литературы. II) [149]).

Въ нашихъ картинкахъ №№ 1062 и 1063 изображенъ нерукотворенный Спасъ Едесскій, причемъ въ текстѣ № 1063 помѣщенъ разсказъ писателя Кедрина о судьбѣ самаго образа, какъ онъ былъ заложенъ въ стѣну Едесскимъ епископомъ, укрывшемъ его отъ иконоборцевъ, и какъ вмѣстѣ съ нимъ была заложена горящая свѣча; когда Персидскій царь Хоздрей взялъ Едессъ, стѣна была разломана, образъ найденъ въ цѣлости, а предъ нимъ и горящая свѣча (III. № 1063 и IV № 1063) [150]).

На нашей картинкѣ № 1062 сказано, что представленный на ней нерукотворенный Спасъ есть точная копія съ образа, находящагося въ Римѣ, писанная извѣстнымъ Московскимъ изографомъ Владиміровымъ; самое изданіе картинки сдѣлано въ Вѣнѣ въ 7171=1663 году (III. 431) [151]).

О положеніи во гробъ, которое изображается у насъ на пеленахъ, антиминсахъ, и скопировано съ образа старинной итальянской школы, подробно сказано въ примѣчаніи къ № 940-му (IV. 625).

---

[149]) Въ западныхъ источникахъ, кромѣ того, существуетъ легенда о нерукотворенномъ образѣ, который данъ Христомъ св. Вероникѣ (отъ Vera icon), подавшей ему, во время несенія креста, убрусъ, которымъ онъ отерся.

[150]) По однимъ преданіямъ, образъ этотъ былъ подаренъ Венеціанскому дожу Дандоло, но потонулъ въ морѣ во время перевозки; по другому преданію, онъ подаренъ Іоанномъ Палеологомъ дожу Монтальто въ XIV вѣкѣ, хранится въ Генуѣ за 11-ю замками и выставляется на поклоненіе богомольцамъ одинъ разъ въ году. При освидѣтельствованіи комисарами, посланными Наполеономъ I въ 1810 году (для оцѣнки и вывоза сокровищъ), Генуэзскій образъ оказался однакоже «не древней живописи и малоцѣнный».

[151]) Въ Римѣ до настоящаго времени въ соборѣ св. Петра хранится нерукотворенный Спасъ, который выдается за Едесскій подлинникъ.

Изображенія разныхъ явленій Богородицы и легенды о ея заступничествѣ за человѣческій родъ составляютъ въ народныхъ картинкахъ особый отдѣлъ, заключающій въ себѣ болѣе 200 листовъ. Самое большое число этихъ явленій образовалось у насъ въ XVII вѣкѣ, когда занесено объ этомъ предметѣ много легендъ чисто западнаго происхожденія, не только въ наши рукописныя сочиненія, но и въ печатныя книги, составленныя духовными лицами, какъ напримѣръ ректоромъ Кіевопечерской Академіи Галятовскимъ, въ его книгу: „Прибавленіе къ ключу разумѣнія“ (Кіевъ 1670 г.), съ собраніемъ чудесъ Богородицы, и. въ книгу: Небо новое (1665 г.), гдѣ собраны самыя любопытныя легенды о Богородицѣ, западныя и русскія. Примѣру Галятовскаго послѣдовали: Дмитрій Ростовскій въ своемъ Рунѣ орошенномъ (1683 г.) и Іоаннъ Максимовичъ въ книгѣ: Богородице Дѣво (1707 г.).

„Самыя поэтическія легенды средневѣковаго Запада“, замѣчаетъ Ѳ. И. Буслаевъ (Католич. направл., стр. 273), „посвящены Мадонѣ. Разсказы о чудесахъ Богородицы начинаются съ V вѣка, съ тѣхъ поръ, какъ вѣрующіе стали признавать её царицею небесною и заступницею за христіанъ передъ Спасителемъ“. Общій смыслъ легендъ, составлявшихся по этому предмету въ средніе вѣка, заключается въ томъ, что каждый человѣкъ, исправно читающій молитву Богородицѣ по утрамъ или передъ начинаніемъ дѣла, какой бы онъ нибылъ злодѣй и убійца, непремѣнно получалъ мѣсто въ царствѣ небесномъ вслѣдствіе ея предстательства (Gödecke, Das Mittelalter, Christus und Maria. 132). Въ книгѣ Генте (Genthe, Die Jungfrau Maria, Halle 1859, f. VI) перечислено множество такихъ легендъ о чудесахъ Богородицы. Убѣжденіе это перешло и въ наши народныя картинки XVII-го вѣка; на первой изъ нихъ, помѣченной 1687 годомъ (№ 1251),

помѣщена молитва Богородицѣ, съ такимъ присловіемъ: „Сія похвала пресвятѣй Богородицѣ въ книгѣ новаго неба чуда седьмаго. Явися пресвятая Богородица Өомѣ. архіепископу Контуарійскому, и научи его сію похвалу предъ образомъ своимъ повся дни глаголати и рече ему: Аще кто сію похвалу предъ образомъ моимъ повся дни глаголетъ, во время смерти его сама предстану и утѣшу его и отъ муки избавлю“. Похвала эта повторена и на многихъ другихъ картинкахъ [152]).

На другой картинкѣ помѣщена исторія о явленіи Богородицы нѣкоему священнику (№ 730). Священникъ этотъ безпрестанно молилъ Богородицу, чтобъ она явилась ему во всей славѣ своей; ангелъ объявилъ ему, что увидавъ однажды пречистую, онъ долженъ потерять зрѣніе; но онъ рѣшился и на это, лишь бы исполнилось его желаніе. Когда началось явленіе, священникъ зажмурилъ одинъ глазъ, полагая, что однимъ-де все увижу, а другой отъ погибели сохраню; но немного погодя захотѣлось ему разглядѣть по лучше, открылъ онъ зажмуренный глазъ „и абіе свѣтъ ока того погибе“, а то око, которымъ онъ глядѣлъ на̀перво, осталось цѣло; явленіе же исчезло.

На третьей картинкѣ (№ 1315) разсказано, какъ Богородица явилась къ нѣкоему клирику, имѣвшему обычай поздравлять её на всякъ часъ, и избавила его отъ смертной болѣзни: „стиснувъ сосцу свою воздои и окропи устне болящаго“. На четвертой (№ 710 и 725) разсказано, какъ нѣкій разбойникъ, имѣвшій обычай, передъ уходомъ на разбой, молиться образу Богородицы.

---

[152]) Въ старинныхъ отреченныхъ рукописяхъ часто встрѣчается такъ называемый «сонъ Богородицы», которому приписывается чудесное свойство избавлять отъ бури, грома, пожара, напрасныя смерти, неправеднаго судьи, тяжкихъ родовъ, дьявольскаго навожденія и отъ всего прочаго (IV. 710).

увидѣлъ разъ, что икона движется и что отъ рукъ и ногъ младенца Христа истекаетъ кровь; тогда онъ сталъ еще сильнѣе молиться Богородицѣ и просить её, чтобы заступилась за него передъ своимъ сыномъ. Тогда Богородица начала просить Спасителя помиловать грѣшника, сперва ради ея любви, потомъ ради болѣзней, которыя она претерпѣла, видя его страданія на крестѣ и т. д.; на всѣ эти просьбы Спаситель отвѣчалъ отказомъ. Тогда Богоматерь составила Спасителя съ рукъ своихъ и хотѣла припасть къ ногамъ его съ молитвой; но сего не допустилъ Христосъ и далъ свое прощеніе грѣшнику, который послѣ такого чуда конечно исправился и „поживе богоугодно“ [153]).

Въ Синодикѣ разсказана подобная же исторія, заимствованная изъ Новаго неба, о разбойникѣ Домицеллѣ, который всегда „поздравлялъ“ Богородицу; наконецъ его схватили на разбоѣ и отсѣкли ему голову. „Глава-же не преста глаголати, дондеже ко іерею грѣхи свои исповѣда“. „Сіе бысть“, прибавлено на картинкѣ, „помощію и предстательствомъ пресвятыя Богородицы, яко и отсѣченная глава ясно проглаголати можаше“ (III. 202. № 799).

Въ Великое Зерцало наше занесена еще болѣе католическая повѣсть о монахинѣ Астрикіи (Apostratrix), которая, разжегшись тѣлесною похотію, бѣжала изъ монастыря съ нѣкіимъ клирикомъ и, поживъ блудно немало лѣтъ, пожелала возвратиться назадъ въ монастырь свой, но не дерзала сего сдѣлать; и вотъ у вратъ монастыря её встрѣтила сама Богородица и объявила ей, чтобъ она шла по прежнему въ свою келію, ибо никто о побѣгѣ ея въ монастырѣ не знаетъ; оказалось, что, во все время похожденій Астрикіи, Богородица, принявъ ея тѣлесный

---

[153]) Съ такой-же настойчивостью выпрашиваетъ Богородица помилованіе грѣшникамъ и на страшномъ судѣ (IV. 546—549).

обликъ, отправляла за неё всѣ послушанія, и все это за то, что Астрикія имѣла обыкновеніе каждый день молиться передъ ея иконою. Въ другомъ мѣстѣ Богородица, въ видѣ повивальной бабки, принимаетъ ребенка у беременной игуменьи (de l'Abbesse, qui devint enceinte, — Dunlop, 306).

Въ народныя наши картинки перешла одна подобная легенда о Богородицѣ изъ Золотой Легенды Іакова де Ворагине. Одинъ благородный человѣкъ сильно обѣднѣлъ и вошелъ въ великую печаль; въ одинъ день явился ему дьяволъ, въ видѣ воина на черномъ конѣ; распросивъ о его горѣ, дьяволъ указалъ ему въ одномъ мѣстѣ несмѣтныя сокровища, подъ клятвою, чтобы онъ привелъ ему на это мѣсто въ назначенный срокъ свою жену. Разбогатѣлъ благородный человѣкъ и зажилъ лучше всѣхъ вельможъ; когда же насталъ срокъ исполненія клятвы, то ночью повелъ онъ жену свою на условленное мѣсто. Жена-же его была очень благочестивая, и каждый день имѣла обычай молиться пресвятой Богородицѣ; повинуясь со страхомъ мужу своему, она и въ этотъ разъ просила его позволить ей зайти въ церковь, которая была имъ по пути. Пришла въ церковь благочестивая жена и распростерлась предъ дверьми церковными въ молитвѣ къ Богородицѣ; и наслала на неё Богородица сонъ, сама же, принявъ ея образъ, пришла къ дожидавшему ея мужу и съ нимъ отправилась къ дьяволу. Только что увидѣлъ ихъ князь тьмы, какъ завопилъ: „о клятвопреступниче, ты обѣщалъ мнѣ привести жену свою, да я отмщу ей многія пакости, которыя она творила мнѣ своими молитвами, а вмѣсто нея ты привелъ мнѣ матерь Божію, которая попаляетъ меня огнемъ своимъ"; и вринутъ былъ дьяволъ силою Богородицы въ адову пропасть; благородный-же человѣкъ, пролежавъ нѣкоторое время въ страхѣ на мѣстѣ томъ, пошелъ обратно домой и на пути нашелъ

подлѣ церкви жену свою, лежащую въ крѣпкомъ снѣ, разбудилъ её и разсказалъ все, что случилось. Въ большомъ страхѣ возвратились они домой, роздали бѣсовскія богатсва нищимъ и стали вести богоугодную жизнь, прославляя заступничество пресвятой Богородицы (№ 718)[154].

Въ средніе вѣка образовались легенды о написаніи нѣкоторыхъ иконъ Богородицы св. Никодимомъ и ангелами[155]) и наконецъ евангелистомъ Лукою; уже съ давняго времени святые отцы приписывали кисти сего послѣдняго семь иконъ Богородицы, которыя Емерикъ Давидъ относитъ къ живописцу Лукѣ, жившему въ 11 или 12-мъ вѣкѣ въ Италіи[156]).

По справкамъ, собраннымъ изъ разныхъ источниковъ, въ настоящее время числится уже болѣе 20 Богородичныхъ иконъ письма евангелиста Луки, и изъ числа ихъ 6 находятся въ Русской землѣ (IV. 708) и получены нами изъ Византіи, которая такъ щедро награждала насъ разною духовною святынею и благословеніями, взамѣнъ звонкаго серебра и чистаго золота, собираемаго пройдошливыми греческими монахами съ легковѣрной Руси, „милостыни ради“.

---

[154]) Ѳ. И. Буслаевъ упоминаетъ еще объ одномъ сочиненіи XVI вѣка, самаго крайняго католическаго направленія, извѣстномъ подъ именемъ «Звѣзды пресвѣтлой». Эта звѣзда была переведена на русскій языкъ въ 1688 году какимъ то простолюдиномъ Никитою, сохранилась въ большомъ количествѣ списковъ и была въ большомъ ходу на Руси; она вся состоитъ изъ легендъ и извѣстій о чудесахъ Богородицы. Въ другихъ рукописяхъ записаны чудеса иконъ тоже чисто католическаго пошиба: поименована напримѣръ икона Богородицы, которую Лютеръ укололъ мечемъ, и потекла изъ нея кровь; иконы: Вѣнская, Виленская, Лоретская и мн. др.

[155]) Во Флоренціи, въ церкви Космы и Даміана, и въ Римѣ; у насъ ангелы писали иконы св. Алипію (См. въ Патерикѣ Печерск. его житіе).

[156]) Во всякомъ случаѣ онѣ не могли быть написаны ранѣе этого времени, такъ какъ до того времени Богородицу писали одну, безъ Спасителя.

напримѣръ св. Димитрій Ростовскій, который написалъ по этому случаю трактатъ „объ образѣ и подобіи божіемъ въ человѣцѣ“. Впрочемъ аргументы его въ этомъ дѣлѣ не представляютъ дѣйствительной силы: онъ наставлялъ народъ, чтобъ никто не сомнѣвался въ спасеніи своемъ, „понеже они не по своему произволенію обрили свои бороды, а по повелѣнію властей“ (№ 1435); тѣхъ-же, которые заявляли, что они готовы за бороды свои головы положить, онъ назидалъ благопокоривымъ вопросомъ: что́ скорѣе отростетъ, борода или голова?—на что получалъ не менѣе убѣдительный отвѣтъ, что-де голова никогда не отростетъ, развѣ при общемъ воскресеніи (тамъ же).

На нашей картинкѣ: Цирюльникъ хочетъ раскольнику бороду стричь, тотъ упирается съ словами: „слушай, цирюльникъ, я бороды стричь не хочу, вотъ гляди я на тебя скоро караулъ закричу“. Картинка эта сдѣлана вѣроятно по приказанію Петра, для осмѣянія раскольничьяго упорства. Упорство это впрочемъ не ограничилось его царствованіемъ, а продолжалось и послѣ него, такъ что еще при Елизаветѣ Петровнѣ понадобились цѣлыя новыя изданія картинокъ, съ назидательными отвѣтами св. Димитрія Ростовскаго,—о пользѣ брадобритія (№ 1435) и рядъ притѣснительныхъ для раскольниковъ указовъ, о чемъ говорено подробно въ примѣчаніи къ № 227 (IV. 322).

Наконецъ, указами 11-го октября и 14-го декабря 1762 г. и 20-го января 1763 г., были отмѣнены и записываніе раскольниковъ въ двойной окладъ, и распоряженіе о повсемѣстномъ бритьѣ бороды. При дворѣ Екатерины, выдрессированномъ на французскій манеръ, борода конечно была въ полномъ омерзеніи: всѣ брились гладко; гладко брились и служащіе; въ бородахъ ходили только простонародье, да купцы. Потомъ, мало по малу, борода

стала вторгаться и въ высшія сферы, въ видѣ бакеновъ, эспаньолокъ, маленькой бородки à la française, — а въ послѣднее время и въ видѣ простой окладистой древне-русской бороды, которую завели на своихъ физіономіяхъ солидные нѣмцы и практическіе англичане, прозвавши ее à la moujik; ну и мы съ нихъ переняли и очутились съ прежней своей собственной бородой, которую выслали быловъ дверь, но которая вернулась къ намъ въ окно изъ за тридевяти земель, и съ заграничнымъ патентомъ.

„А сколько народу перепорчено было за нее по́пусту!", говаривалъ старообрядецъ Молошниковъ, знаменитый собиратель древнихъ иконъ въ Москвѣ,—„и гдѣ во всемъ этомъ дѣлѣ виноватый, подумаешь? Вотъ и съ книгами почитай тоже, что съ бородой было; хуже еще гораздо было: были у насъ книги старыя, выправили ихъ при Никонѣ,—немного лучше, немного хуже что-ли онѣ отъ того стали,—„молись", говорятъ, по новымъ,—„не хочу по новымъ; отцы по старымъ молились и я то-же". „Ей молись! слушай начальство".—„Не хочу".—„Молись, не то плохо будетъ". „Готовы пострадать за вѣру", говорятъ Соловецкіе старцы. И вотъ начинается исторія, кто кого переупрямитъ: осада, кнутъ, пытки, казни, колья, висѣлицы, мученичество; — трудно повѣрить какіе ужасы и злодѣйства. Но то было при Никонѣ,—урокъ ему былъ хорошій: расколъ только усилился; Петръ не рѣшился еще разъ прибѣгнуть къ сомнительнымъ мѣрамъ и удовольствовался двойнымъ окладомъ и позорными медалями. Съ радостію записывались раскольники въ двойной окладъ и покупали себѣ антихристово клеймо, которое избавляло ихъ отъ дальнѣйшихъ притѣсненій. Петровская картинка съ цирюльникомъ — въ ходъ не пошла и повтореній не имѣла; а время показало насколько онъ былъ не правъ въ этомъ дѣлѣ, даже смотря на него

съ современной ему точки зрѣнія. Мы можемъ смѣло говорить объ этомъ несчастномъ прошедшемъ: для нашихъ братьевъ старообрядцевъ: новые порядки перестали насиловать ихъ совѣсть и можетъ быть, недалеко то время, когда и своимъ, русскимъ отщененцамъ, будетъ дозволено, наравнѣ съ иностранными сектаторами и Евреями молиться какъ кому Богъ положитъ на сердце — по старому или по новому; — всѣ вѣдь одной родины дѣти, всѣ одного царя подданные.

За то, какъ и ненавидѣлъ народъ старой вѣры своего преслѣдователя, называя его антихристомъ и крокодиломъ; съ какою радостію проводилъ онъ его на вѣчный покой, и, не смотря на страхъ кнута и пытки, сочинилъ ему шутовскую литью съ мышами, которая держалась въ народѣ полтораста лѣтъ, и, какъ мы уже замѣтили выше, пользовалась особеннымъ почетомъ и любовью его, и выдержала безчисленное множество изданій.

Въ народныхъ картинкахъ есть довольно большое число повѣстей и разсказовъ скоромнаго содержанія. Макароническіе сюжеты были всегда въ большомъ ходу въ нашей рукописной литературѣ, въ видѣ жартовъ и фацецій, по бóльшей части переводныхъ; отсюда они перешли и въ наши народныя картинки. По этой части, подъ № 69, есть въ нихъ: разсказы Боккачіевскаго Декамерона о томъ, какъ жена отъ мужа къ любовнику бѣгала и мертвой притворялась, когда онъ ее назадъ въ домъ не пускалъ (№ 69); другіе подобные-же разсказы: о женатомъ волокитѣ (№ 67) и о женской разсѣянности (№ 73); разсказъ о томъ, какъ одинъ шутъ доставилъ возможность нѣкоему купцу, влюбившемуся въ трактирщикову жену, облюбить ее въ присутствіи мужа. Онъ подержалъ съ трактирщикомъ пари на 25 червонцевъ, что тотъ не проглядитъ въ окно полъ часа, необернувшись

назадъ; трактирщикъ выигралъ пари, не смотря на то, что шутъ ему кричалъ, что жена обманываетъ его; а купецъ покончилъ между тѣмъ свое дѣло съ трактирщицей (№ 70). Затѣмъ сатиры на женскую невѣрность: терпѣливый отецъ (№№ 164—165), который „съ рогами родился, чтобы всякъ тому дивился, умножившемуся его плоду чудился" (I. 389); высокая прическа жены, которой мужъ позволяетъ гулять съ посторонними и тѣмъ домъ свой въ порядкѣ содержитъ (№ 233); рогоносцы: рейтаръ на пѣтухѣ и рейтарша на курицѣ (№№ 162—163), снѣжный ребенокъ (№ 83), лукавая жена (№ 72), невѣрная жена (№№ 158 и 159), и наконецъ повѣсть о купцовой женѣ и о прикащикѣ (№ 62). Далѣе сатиры на похотливыхъ стариковъ: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро (№ 132), старикъ на колѣнахъ у молодой (№ 131), молодая нѣмка кормитъ стараго нѣмца соской (№ 217—220). Макароническія картинки, трактующія о женскомъ распутствѣ: охотникъ и пастушка, которая „за деньги со всѣми не дика, — любить готова хоть быка" (№ 124 и 232); панъ Трыкъ, полна пазуха лыкъ, и неусыпающая дама Херсоня (№ 222), двѣ молодки на одного молодца (№ 134), угощеніе яблоками (№ 125), блинщица (№ 120). Французскія скандальныя картинки: „мужъ спрашивалъ жену" и „горюетъ дѣвушка", съ виршами Сумарокова (№№ 155 и 156). Потомъ дурацкія персоны Фарноса и Говноса, упражняющихся въ стрѣляніи легкимъ порохомъ (№№ 209 и 209 А); женская баня (№№ 214 и 215), Еремушка и бабушка (№ 213), точильщикъ носовъ (№ 213), медвѣдь и баба (№ 180); помѣха въ любви нѣкоторому господину, который расположился было забавлять свою даму и былъ прерванъ въ своемъ занятіи нахаломъ, постучавшимъ ему въ окошко (№№ 135 и 135 А); Тарасъ плѣшивый, которому три молодыя жены совѣтовали для нарощенія волосъ помачивать плѣшь женскою уливою, и который

остроумно отвѣчалъ имъ: „се уже сорокъ лѣтъ свою плѣшь [122]) уливою женскою полощу, а волосовъ на ней не нарощу“ (№ 187); разсказъ о томъ, какъ безстыдный пришелъ въ трактиръ и всякими нахальствами отбилъ другихъ и отъ ужина и отъ мягкой постели, а вдобавокъ еще надѣлалъ тамъ всякихъ пакостей (№ 71), и наконецъ, 12 циническихъ картинокъ, подъ названіемъ: „гадательный способъ для увеселенія“ (№ 136).

Разсказы и вирши для этихъ картинокъ заимствованы не только изъ иностранныхъ жартовъ и фацецій, но и изъ твореній русскихъ писателей: Измайлова, Сумарокова и пресловутаго письмовника нашего доморощеннаго Волтера, професора С.-Петербургской Академіи Курганова. Первое изданіе этого письмовника было выпущено въ 1769 г. подъ названіемъ энциклопедическаго сборника по части науки и литературы. Книга Курганова имѣла такой успѣхъ, что изданія ея слѣдовали одно за другимъ въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія, расходились въ огромномъ числѣ экземпляровъ и, подобно народнымъ картинкамъ, исчезали въ народѣ отъ употребленія и времени. Въ первой части этого письмовника помѣщены: граматика, сборъ пословицъ, разные анекдоты, шутки повѣсти, апоѳегмы, свѣдѣнія о навигаціи, геральдикѣ и миѳологіи; во второй: собранія разныхъ стихотвореній и идиллій; сонеты, рондо, мадригалы, притчи; всеобщій чертежъ наукъ и художествъ; свѣдѣнія объ исторіи священной, свѣтской и естественной; о философіи; нравоученія, историческіе анекдоты, словарь разноязычный, мелкія статьи и „забавное веществословіе“. Это забавное веществословіе письмовника весьма скоромнаго пригото-

---

[122]) Изъ примѣч. къ № 187 можно узнать и о чудодѣяніи тогдашней полицейской цензуры, которая женскую уливу претворила въ розовую воду и тѣмъ отняла у текста картинки всякій смыслъ.

вленія, и цѣликомъ перешло во многія народныя картинки [123]).

Перечисляя картинки макароническаго содержанія прибавлю, что макароническими присказками и прибавками приправлены и посолены тексты почти всѣхъ старыхъ картинокъ; встрѣтишь ихъ подчасъ и тамъ, гдѣ совершенно не ожидаешь, какъ напримѣръ въ реэстрѣ о дамахъ (№№ 141 и 142), въ погребеніи кота мышами (№№ 166—170), въ портретѣ самаго кота и несчетномъ множествѣ другихъ листковъ. Въ большинствѣ случаевъ это ничто иное, какъ прибаутки или присказки, которыми приправленъ текстъ народныхъ картинокъ, точно также, какъ и текстъ народныхъ былинъ, — для возбужденія бо́льшаго вниманія со стороны слушателя. Въ этихъ прибауткахъ нѣтъ ничего такого, что бы могло оскорбить народную нравственность: онѣ только возбуждаютъ въ зрителѣ добродушный и здоровый смѣхъ, и въ сущности никогда не достигаютъ смѣлости французскаго буффа, въ которомъ выводятся тѣже Фарносы и Говносы, только въ бѣлыхъ перчаткахъ, и говорятъ на сценѣ вещи почище и попикантнѣе нашихъ дураковъ; конечно они говорятъ ихъ на своемъ иностранномъ языкѣ, а не на нашемъ простонародномъ.

Замѣчу еще, мимоходомъ, что все свое простонародное издавна въ высшемъ служиломъ обществѣ нашемъ считалось подлымъ, точно такъ, какъ и простой народъ въ документахъ XVIII вѣка постоянно назывался подлымъ. Третьяковскій и Сумароковъ считали подлыми даже всѣ народныя пѣсни, а Кантемиръ и Барковъ признавали народныя картинки негодными и гнусными. Сатирикъ Кантемиръ, не безъ нѣкотораго самоуваженія,

[123]) Довольно указать на вирши, помѣщенныя на картинкахъ №№ 158 и 159; въ примѣчаніи къ этимъ нумерамъ приведены и другія пикантныя вирши Кургановскаго издѣлія.

замѣчаетъ, что твореніе его: „гнусно не будетъ лежать въ одномъ сверткѣ съ Бовою или Ершемъ", а Сумароковъ, въ эпистолѣ о русскомъ языкѣ, обращается къ бездарнымъ писателямъ съ такими словами:

„Лишь только ты склады немножко поучи:
Изволь писать Бову, Петра златы ключи".

Эти чопорные господа, въ большинствѣ сами вышедшіе изъ „подлаго" народа, никакъ не могли вообразить, что Ершъ, Бова и Петръ златые ключи переживутъ ихъ безсмертныя творенія.

Иначе взглянулъ на это дѣло нашъ первый народный поэтъ Пушкинъ; въ одномъ изъ путешествій пришлось ему увидѣть на стѣнахъ станціонной комнаты картинки погребенія кота и споръ краснаго носа съ сильнымъ морозомъ; онъ тотчасъ же замѣтилъ въ своихъ запискахъ, что „картинки эти заслуживаютъ, какъ въ нравственномъ такъ и въ художественномъ отношеніи, вниманія образованнаго человѣка" (Собр. сочин. СПБ. 1871. V. 114) [124]).

Подъ этимъ впечатлѣніемъ написано было имъ нѣсколько русскихъ сказокъ и цѣлая поэма „Русланъ и Людмила". Можно представить себѣ какой переполохъ сдѣлало появленіе этой поэмы и сказокъ въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ. — „Возможно-ли просвѣщенному или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новую поэму, писанную въ подраженіе Еруслану Лазаревичу", голосилъ въ ужасѣ фешенебельный критикъ Вѣстника Европы. „Картинка достойная Кирши-Данилова... Еслибы въ Московское Благородное Собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ,

---

[124]) Лермонтовъ тоже думалъ отыскать образцы русской поэзіи въ старинныхъ пѣсняхъ и сказкахъ (Сочин. Спб. 1873. I. XL).

и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: „здорово ребята!“ и такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ. [125]) (№ 11. 1820 г.). Такимъ же фешенебельствомъ заражены были и болѣе развитые люди, —члены ученыхъ обществъ: такъ напримѣръ въ 1824 году, когда Снегиревъ представилъ въ Общество любителей россійской словесности свою статью о лубочныхъ картинкахъ, то „нѣкоторые изъ членовъ даже сомнѣвались“, можно ли и должно ли допустить разсужденіе въ ихъ Обществѣ о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни? Впрочемъ рѣшено было принять эту статью, только съ измѣненіемъ заглавія въ ней,—вмѣсто лубочныхъ картинъ, сказать простонародныя изображенія. Такъ напечатано оно въ Трудахъ Общества (Снегиревъ, Лубочн. карт., стр. 1).

Въ послѣднее время, по примѣру западной Европы, „жизнь и наука стали вводить народность въ ея законныя права и у насъ: теперь къ произведеніямъ народнаго слова начинаютъ у насъ относиться, какъ къ богатому матеріалу для изученія прошедшаго и настоящаго русскаго народа, безъ страха оскорбить принятыя приличія уясненіемъ его истинныхъ міровоззрѣній или потревожить религіозное чувство образованнаго читателя смѣшеніемъ духовныхъ вещей съ простонародными“ [126]).

VIII.

Легенды. Страшный судъ и адскія мученія.—Сказанія о борьбѣ жизни съ смертію: зерцало грѣшника; возрастъ человѣческій; борьба жизни съ

---

[125]) Это не въ бровь, а въ глазъ тогдашнимъ Славянофиламъ, которые наряжались въ псевдо-народные костюмы, и въ противоположность Западникамъ ставили всё народное на ходули.

[126]) Тихонравовъ, 33-е присужденіе Демидовскихъ наградъ. СПБ. 1865.

смертью.—Синодики и поминанье мертвыхъ. — Страсти Господни; крестное древо.—Образа нерукотвореннаго Спаса.—Легенды о Богородицѣ. Иконы различныхъ явленій ея: Троеручица, Иверская и нѣк. др.— Житія святыхъ. Крайняя простота и краткость ихъ. Чудеса. Легенды о св. Герасимѣ, Петрѣ Аѳонскомъ, Минѣ мученикѣ, Петрѣ мытарѣ, Евстафіѣ Плакидѣ и Маріи Египетской.—Сказанія о діяволѣ. Покаяніе нѣкоего князя въ церкви. О бѣсѣ Зереферѣ. Совокупленіе бѣсовъ съ женщинами. Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи.—Легенды разнаго содержанія.

Отдѣлъ легендъ въ народныхъ картинкахъ нашихъ несравненно любопытнѣе и полнѣе отдѣла сказокъ и повѣстей; въ настоящемъ обозрѣніи легенды раздѣлены на восемь разрядовъ, по предметамъ; 1-й—легенды о страшномъ судѣ, о борьбѣ жизни со смертію, о мукахъ въ будущемъ мірѣ и о тѣхъ средствахъ, которыми можно отъ нихъ избавиться; 2-й — Страсти Господни; 3-й—легенды о Богородицѣ, какъ заступницѣ рода человѣческаго; 4-й — Житія святыхъ, 5-й—цѣлый сборникъ сказаній о дьяволѣ, 6-й—не менѣе многочисленный сборникъ сочиненій о женскихъ злобахъ, 7-й — легенды о пьянствѣ, и 8-й — легенды разнаго содержанія [127]).

По словамъ лѣтописца, образъ страшнаго суда занесенъ къ намъ еще въ X вѣкѣ: когда великій князь Владиміръ испытывалъ разныя вѣры, и греческій философъ [128]) старался отвратить его отъ болгарской вѣры, говоря, что Болгары „уподобились Содому и Гоморѣ и омываютъ оходы своя, въ ротъ вливаютъ и по брадѣ мажутся..., что жены ихъ творятъ туже скверность и оного пуще, отъ совокупленія мужьска и женьска вкушаютъ“

[127]) О легендахъ двухъ предпослѣднихъ разрядовъ (6-го и 7-го) подробнѣе говорится въ главахъ о народномъ разгулѣ и о женщинѣ.

[128]) По словамъ Строгановскаго подлинника, это былъ Меѳодій Моравскій, братъ Константина Философа (Буслаевъ, Очерки, II. 57); икона-же, которую онъ показывалъ в. к. Владиміру, была написана имъ самимъ.

(Полн. Собраніе Лѣтопис. I. 36), — то при этомъ философъ показывалъ Владиміру „запону, на ней же бѣ написано судище Господне“ (Пол. Собр. Лѣтоп., Лавр. 45.— Русск. врем. I. 31)[129]).

Мысль о близости втораго пришествія Христова и о кончинѣ міра, бывшая въ ходу еще въ концѣ IX-го вѣка, возобновилась съ особенною силою въ исходѣ XIII вѣка Индиктіона и въ началѣ осьмой тысящи отъ сотворенія міра, въ 1492 году; полтора вѣка спустя, въ 1666 году, суевѣры стали ждать конца міра, въ которомъ они видѣли звѣриное число 666 и мнимое явленіе Антихриста въ Іерусалимѣ (Снегиревъ, Лубоч. Картинки, 40)[130]).

Въ это смутное время составлено множество различныхъ переводовъ и цѣлыхъ книгъ съ миніатюрными

---

[129]) Въ концѣ XII вѣка св. Авраамій Смоленскій, духовный писатель и иконописецъ, написалъ образъ страшнаго суда и воздушныхъ мытарствъ (Четьи Минеи, Августъ); а въ 1399 году подобный-же образъ былъ присланъ Тверскому велик. князю Михаилу Александровичу отъ Царьградскаго патріарха (Софійск. врем., 11. 42).

[130]) Развитіе ученія о концѣ міра замѣтно еще у Евреевъ со времени плѣна Вавилонскаго; самое-же начало этого ученія находится въ канонической книгѣ пророка Даніила, написанной во время плѣненія Вавилонскаго. Книга эта и сдѣлалась источникомъ апокалипсическихъ идей, подъ вліяніемъ ея составлена была другая подобная же книга Эноха. Конецъ міра предсказывается тоже и по индѣйскимъ источникамъ. Признаки индѣйскаго послѣдняго времени будутъ слѣдующіе: между людьми, одни будутъ исполнять святые законы единственно изъ послушанія, въ той апатіи, которая ставитъ всѣхъ въ одинъ уровень: другіе, одержимые духомъ пытливости, будутъ съ жаромъ предаваться размышленіямъ; третьи, въ самообольщеніи отъ своей мудрости, станутъ отвергать все, что не можетъ быть доказано путемъ философіи и анализа, . . . будутъ такіе, которые съ гордостью скажутъ что они ничему не вѣрятъ и не признаютъ никакихъ обязанностей. Тогда увидимъ мы глупцовъ и безумцевъ одѣтыхъ въ докторскія мантіи (Harivansa, trad. par M. Langlois. Paris 1835, II. 281). По увѣренію нашихъ раскольниковъ, преднослѣдніе дни міра сего ознаменуются тѣмъ, что въ каждомъ домѣ будетъ кипящій змѣй, сирѣчь самоваръ (Гильтебрандтъ, Древ. и Нов. Рос. 1877, Іюнь. 181).

изображеніями страшнаго суда по видѣніямъ Григорія, ученика Василія Новаго; изображенія мытарствъ, по сказанію св. Θеодоры; хожденіе Богородицы по мукамъ; слово Палладія Мниха о второмъ пришествіи Христа, со множествомъ миніатюръ; толковый апокалипсисъ въ лицахъ и притчи для Синодика, относящіяся тоже къ мытарствамъ [131]). Въ особенности же рукописи этого рода размножились въ XVIII и XIX вѣкѣ, подъ вліяніемъ уніи, въ которой принято католическое ученіе о мытарствахъ души человѣческой послѣ смерти. Лицевые апокалипсисы въ нашихъ народныхъ картинкахъ, — одинъ работы Прокопія, половины XVII вѣка, и другой работы Кореня, конца того-же вѣка, — заимствованы уже прямо изъ голландской библіи Пискатора.

По правиламъ иконописнаго подлинника, Страшный Судъ писался въ церквахъ на западной стѣнѣ; особенно полные переводы его можно видѣть въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ и въ Успенскомъ соборѣ. Переводы эти почти вполнѣ сходны съ переводомъ народныхъ изданій Страшнаго Суда, описаннаго подъ № 1007-мъ. Въ верхней части картины представленъ Господь Саваоθъ, окруженный херувимами; слѣва городъ Іерусалимъ, а справа Св. Троица. Страшный Судъ происходитъ въ средней части картины. Здѣсь стоитъ на землѣ грозный судья Христосъ и ходатаи за человѣковъ: Богоматерь и Іоаннъ Предтеча; изъ облака вышла рука, держащая вѣсы, около нихъ стоитъ душа праведнаго — дѣла ея взвѣшиваются; два чертенка силятся

---

[131]) Къ этому же разряду относится и такъ называемый Іерусалимскій свитокъ, заключающій въ себѣ разныя угрозы противъ грѣшниковъ. По преданію, въ церкви Іерусалимской упалъ съ неба камень, который раскололся при этомъ на двое: изъ него и вывалился означенный свитокъ (Кушелевъ, Памятн., III. 150).

перетянуть правую чашу вѣсовъ, но ангелъ отгоняетъ ихъ копьемъ. Слѣва ликъ праведныхъ; въ серединѣ,— рыбы, птицы, вода и земля отдаютъ съѣденныя ими тѣлеса человѣческія; тутже представлены четыре проклятыя царства: Вавилонское, Перское и Мидійское, въ видѣ звѣрей, и Римское въ видѣ крылатаго звѣря, антихриста; тутже стоитъ, привязанный къ столбу, блудникъ, который представляетъ олицетвореніе католическаго чистилища; „милостыни ради онъ избавленъ вѣчныя муки, а блуди ради лишенъ вѣчныя жизни". Слѣва (отъ Спасителя по правую руку) представленъ рай съ праотцами, а всю нижнюю часть занимаетъ адъ; въ огненной пасти его сидитъ самъ сатана, а на колѣняхъ у него Іуда предатель, съ кошелькомъ въ рукахъ. Сатана волочитъ въ адъ цѣлый рой грѣшниковъ: здѣсь и земледѣльцы, которые воскресные дни не почитали и всякую работу работали, и женскій полъ, за чары и за безчинное убѣленіе лицъ, цари и князья, которые неправо господствовали надъ своими подданными, судьи неправые, Жиды и Агаряне, Литва, песьи главы, Турцы, Нѣмцы, Ляхи, Русь и т. д. Чрезъ всѣхъ ихъ, изъ трубы ангела, изливается въ адову пасть огненная рѣка; изъ этой-же пасти исходитъ громадный змѣй, извивающійся по всей картинкѣ; на кольцахъ этого змѣя надписаны названія разныхъ грѣховъ: ярость, чревобѣсіе, блудъ, малакія, плясаніе и т. д. Въ самомъ низу картинки полоса, въ которой, въ четырнадцати отдѣленіяхъ, представлены спеціальныя мученія разныхъ грѣшниковъ въ аду; согласно съ подлинникомъ XVII вѣка, клеветники повѣшены за языки, а плясуны за пупъ; лихоимцамъ бѣсы сребро въ горло льютъ, а они „нехотятъ пити и бѣсы ихъ шелепами бьютъ; а который человѣкъ блудъ творитъ съ попадьями и сестрами и съ старицами и съ просвирницами и съ кумами, и не покается,—и того

человѣка бѣсы за хребетъ повѣсили" [132]). По этому же подлиннику на иконѣ Страшнаго Суда изображаются убіеніе Авеля и мохнатый бѣсъ, раскидывающій на людей красные цвѣты: на которомъ цвѣтъ прилипнетъ, тотъ „стоючи въ церкви о зломъ дѣлѣ мыслитъ". Далѣе и правда кривду стрѣляетъ, „и кривда паде со страхомъ", да два круга: въ одномъ Христосъ въ видѣ единорога, а въ другомъ Христосъ убилъ царство Антихристово". Всѣхъ этихъ прибавленій въ народномъ изданіи Страшнаго Суда невключено, а послѣдній эпизодъ объ Антихристѣ послужилъ къ составленію отдѣльной картинки, носящей названіе: „отъ Христа паденіе антихриста", и описанной подъ № 1018-мъ [133]).

---

[132]) Въ хожденіи Богородицы по мукамъ, не вошедшемъ въ народныя картинки, помѣщены описанія другихъ спеціальныхъ мученій: «въ огненномъ облакѣ, на пламенныхъ одрахъ лежали мужи и жены, которые въ святую недѣлю не ходили къ заутрени, а лѣнились и спали; тутъ-же на столахъ огненныхъ горѣло множество людей, которые не почитали поповъ; на крюкахъ повѣшены были клеветники и сводники и мужъ, который людей евангелію училъ, а самъ блудно жилъ; далѣе висѣли попы, которые продавали утварь церковную, которые при совершеніи литургіи роняли на землю крупицы отъ просвиръ, и мучились огнемъ попадьи, которыя не почитали своихъ поповъ; черницы, которыя продавали тѣлеса свои на блудъ». По этой-же части см. картинку № 728—изображеніе и описаніе того, какъ св. Θеодора проходила 20 воздушныхъ мытарствъ.

[133]) Объ этомъ антихристѣ существуетъ у старовѣровъ большой отдѣлъ литературы; особенно полное собраніе книгъ по этой части находится въ собраніяхъ Хлудова и Барсова. Старовѣры считають наше мѵропомазаніе наложеніемъ антихристовой печати, а Петра I-го антихристомъ. Впрочемъ каждая вѣра видитъ всѣ совершенства въ себѣ одной, и себѣ только бережетъ мѣсто въ раю, а всѣмъ прочимъ предвидитъ адское пекло. Затѣмъ каждая вѣра отыскиваетъ себѣ и своего антихриста: протестанты видятъ антихриста въ Папѣ римской церкви, католики въ Лютерѣ и Кальвинѣ, а наши безпоповцы — въ православномъ духовенствѣ и въ своемъ преслѣдователѣ Петрѣ I-мъ; Іудеи сперва сочли Магомета за Мессію, а потомъ, за преслѣдованіе христіанъ, возвели его въ Антихриста; покорители Константинополя, въ свою очередь, считали христіанъ идолопоклонниками. По древнимъ сказаніямъ антихристъ будетъ человѣкъ чистоты необыкновенной, словомъ 2-й Христосъ, такъ что

Древнее сказаніе о борьбѣ жизни съ смертію было въ большомъ ходу на Западѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ, подъ новымъ названіемъ „пляски смерти“. Скульпторы и живописцы помѣщали изображенія изъ этой пляски на стѣнахъ кладбищъ и въ церквахъ; въ XVI вѣкѣ различныя пляски смерти были неоднократно гравированы на деревянныхъ доскахъ, и распространялись въ народѣ въ большомъ числѣ изданій; самая замѣчательная изъ нихъ была выгравирована Лютцербюргеромъ съ 53-хъ рисунковъ знаменитаго нѣмецкаго живописца Гольбейна: смерть представлена здѣсь, въ каждомъ рисункѣ, попарно съ людьми разнаго пола и состоянія,—всѣхъ тащитъ она безжалостно на тотъ свѣтъ: молодую дѣвушку отъ жениха, ребенка отъ матери,—и полуживаго старика, и полную жизни юность; обжорѣ смертъ наливаетъ въ горло вино, у богача вытаскиваетъ мѣшекъ съ деньгами, дерется съ воиномъ и разбойникомъ, топитъ корабли, и весело, съ барабаннымъ боемъ и трубными звуками, забираетъ въ свое царство царей, нищихъ, монаховъ и монахинь, неправедныхъ судей, глупыхъ и мудрецовъ, уродовъ и красавицъ, попа и епископа, — никому нѣтъ отъ нея пощады.

Въ нашей старинной литературѣ сказанія о „преніи живота съ смертію“ встрѣчаются въ сборникахъ XVII вѣка; почти въ тоже время появляются въ народныхъ картинкахъ нашихъ и лицевыя изображенія, составляющія, до нѣкоторой степени, подражаніе западнымъ картинкамъ пляски смерти. На одной изъ такихъ картинокъ (№ 747) представлена смерть, которая готовится приколоть мудреца, а на другой смерть, которая пришла звать на тотъ свѣтъ богача (№ 749), съ виршами:

его изберутъ (какъ и Папу Сикста V) царемъ; но тутъ-то онъ и покажетъ себя тѣмъ, что начнетъ все жечь и преслѣдовать и возстановитъ Римъ. Число антихристово 666 (Невоструевъ, Слово св. Иполита).

„О смерте нѣсть отъ тебя обороны,
Яко отъемлешь у царей короны.
Скрыта бо твоя труба и коса
Ты же бо ходишь нага и боса“.

Кромѣ этихъ двухъ картинокъ съ мудрецомъ и богачемъ, есть много другихъ, въ которыхъ смерть приходитъ за грѣшникомъ (№№ 753, 754), безъ обозначенія при этомъ кто онъ: богачъ или бѣднякъ, царь или нищій,—и наконецъ представлена въ видѣ угрозы, напримѣръ на одной изъ картинокъ Синодика (№ 735) (III. 196, л. 15), и на большой картинѣ, гравированной Нехорошевскимъ, гдѣ говорится о суетѣ мірской въ слѣдующихъ выраженіяхъ, весьма близкихъ къ четверостишіямъ Гольбейновской пляски смерти: „гдѣ нынѣ князи играющіе съ небесными птицами, звѣрьми и зайцами; гдѣ славные цари и мучители, горделивые гетманы; гдѣ сластолюбцы, гдѣ роскошники и богатые; гдѣ красота и сила.... Гдѣ дозрѣлая старость и цвѣтъ прекрасной юности?... всѣхъ подъѣла ты безжалостная смерть; всѣхъ посѣкла мечемъ своимъ. Смерть мудрая власть и гордость сломляетъ и славу и богатство нищетой попираетъ“.

Къ этому же разряду принадлежатъ картинки, изображающія возрастъ человѣческій (737—739), зерцало грѣшнаго (741—750) и наконецъ Анику воина и смерть (751); всѣ онѣ пользовались въ народѣ большимъ почетомъ и расходились въ безчисленномъ множествѣ. Въ возрастѣ человѣческомъ представлены въ лицахъ разныя ступени человѣческой жизни, раздѣленныя на семь періодовъ жизни: новорожденный, юноша, мужъ совершенъ, средовѣченъ, сѣдина, старость и окончаніе жизни (738); а въ другой на десять седмицъ—отъ рожденія до 70 лѣтъ, съ указаніемъ: „и нынче вспомнимъ апл҃ы пророки и царя Давыда что вѣкъ человѣку

70 летъ и всілу 80 летъ и будетъ ему трудъ и болезнь и накажется“ (739).

Зерцало грѣшнаго имѣло множество совершенно различныхъ переводовъ, начиная отъ картинки, вошедшей въ составъ Синодика (746 и 799, л. 38), и до картинки, изданной Амстердамскимъ типографомъ Иваномъ Тессингомъ, около 1700 года. Эта послѣдняя картинка, перегнутая въ нѣсколько полосъ, какъ это подробно описано подъ № 742-мъ, заключаетъ въ себѣ рядъ изображеній изъ жизни человѣка, — отъ его младенчества и до смерти. Тутъ представленъ и ребенокъ, сидящій подъ яблонею, и грѣхопаденіе первыхъ человѣкъ, и распятый искупитель, — „Симъ молитву дѣетъ, Хамъ пшеницу сѣетъ, Афетъ властъ имѣетъ, смерт всѣмъ владѣетъ“. Въ самой срединѣ представлены кавалеръ въ кафтанѣ и дама въ богатомъ уборѣ, съ вѣеромъ въ рукѣ. Дама говоритъ кавалеру: „аще хощеши то сотворимъ нынѣ тайно со мною“; кавалеръ отвѣчаетъ на это: „ахъ, ахъ не вѣмъ что сотворити съ тобою“ [134]). На другой сторонѣ представлены смерть и грѣшникъ въ адскомъ пламени. Картинка, какъ уже сказано въ описаніи ея (III. 116), сложена на трое: если загнуть нижнюю полоску, — то смерть очутится въ богатомъ платьи дамы, а грѣшникъ въ нарядѣ кавалера; подобное-же превращеніе, но на оборотъ, получится и при загибаніи верхней полоски. Картинка Тессинга, судя по виршамъ, помѣщеннымъ подъ его вензелемъ: „тебѣ и мнѣ скоро да вручится, пунктъ невеликъ пріими съ желаніемъ.....“, назначалась для подарка; она была въ ходу долгое время: по крайней мѣрѣ еще въ 1800 году потребовалось повтореніе ея точь въ точь, для чего и была вырѣзана новая доска (743).

[134]) Старообрядцы увѣряютъ, что въ этихъ двухъ фигурахъ изображены Анна Ивановна и Биронъ.

Самая замѣчательная изъ русскихъ иконъ этого разряда это икона Богородицы Владимірской, которую князь Андрей Боголюбскій унесъ изъ Вышгорода во Владиміръ и которая перенесена въ 1395 г. въ Московскій Успенскій соборъ. За нею слѣдуютъ: Тихвинская, которая сама пришла по воздуху изъ Рима въ Царьградъ, а оттуда къ намъ на рѣку Тихвинку; Корсунская (Ефесская), поставленная въ Торопецкомъ соборѣ; Ченстоховская, принесенная изъ Ченстоховской крѣпости въ 1813 г., и Филермская, — эта послѣдняя поднесена императору Павлу Мальтійскими рыцарями, послѣ того какъ островъ Мальта былъ взятъ французами и рыцари, не зная куда дѣться, пришли просить русской помощи (IV. 702).

Кромѣ этихъ иконъ, получено нами несчетное число ихъ изъ разсадника византійскаго православія, знаменитаго Аѳона; особенною извѣстностію изъ нихъ пользуются иконы Богородицы Иверской и Троеручицы, находящіяся въ числѣ народныхъ картинокъ во множествѣ переводовъ. Списокъ съ иконы Иверской Богоматери принесенъ къ намъ въ 1648 году Аѳонскими монахами, приходившими въ Россію милостыни ради; въ 1669 году она поставлена въ особой часовнѣ у Воскресенскихъ воротъ. Необыкновенную извѣстность ея, необъяснимую ни историческими воспоминаніями, ни древностью, ни особенными чудесами, слѣдуетъ приписать торности мѣста, на которомъ она находится: съ одной стороны— между торговыхъ рядовъ и отличающагося издревле исключительною своею религіозностію купечества, а съ другой — подлѣ присутственныхъ мѣстъ, собиравшихъ повседневно въ нѣдра свои толпу кляузниковъ, алчущихъ и жаждущихъ судейской правды. Икону эту и нынѣ постоянно развозятъ по богомольцамъ, въ дома; монахамъ, приставленнымъ къ часовнѣ и Московскому митрополиту она доставляетъ громадную прибыль. Списокъ съ иконы

Троеручицы принесенъ Никону изъ Аѳонскаго Хиландарскаго монастыря. О происхожденіи третьей руки на этой иконѣ разсказывается такая легенда, что Іоанну Дамаскину была отсѣчена рука по приказу князя Амира; послѣ долгой молитвы Богородицѣ святой уснулъ; во снѣ явилась ему пресвятая и исцѣлила его; въ память же этого событія Дамаскинъ, по древнему обычаю, привѣсилъ къ образу Богородицы серебряную ручку. Въ текстѣ картинки разсказывается этотъ случай иначе: третья рука будто бы сама написалась на иконѣ; гласъ съ неба запретилъ изографу уничтожать её, и, какъ замѣчаетъ въ концѣ текста Аѳонскій архимандритъ Никаноръ, „икона сія по дѣйству чудотворенія имѣетъ три руки, а не по естеству рожденія“ (III. 524).

Общее перечисленіе иконъ Богородицы разныхъ явленій въ азбучномъ порядкѣ помѣщено въ примѣч. къ № 1218 (IV. 673—705). Явленій этихъ воспроизведено было на картинкахъ первой четверти XVIII вѣка восемь или девять; на другомъ листѣ, вышедшемъ немного позднѣе, число это доведено — до 130; на картинкахъ же конца XVIII вѣка оно дошло до 160-ти, а въ наше время перешло за двѣ сотни. Въ примѣчаніи къ № 1218, краткія свѣдѣнія о явленныхъ иконахъ Богородицы, извлеченныя изъ рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ, перечислены въ видѣ сыраго матеріала, въ азбучномъ порядкѣ; любопытный предметъ этотъ требуетъ еще обстоятельной разработки и ожидаетъ своего изслѣдователя. Напечатанныя при № 1218 замѣтки, несмотря на ихъ неполноту, а мѣстами и очевидную неточность, могутъ однакоже послужить начальнымъ матеріаломъ для будущихъ изслѣдованій.

Въ XVII вѣкѣ, кромѣ особаго чествованія иконъ Богородицы, установленъ папами особый обрядъ коронованія ихъ или украшенія иконъ коронами; у насъ была коро-

нована такимъ образомъ въ 1773 году икона Богоматери Почаевской (IV. 693).

По замѣчанію Буслаева: „вліяніе католической поэзіи на русскихъ людей XVII вѣка составляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ историческомъ развитіи не только литературы нашей, но и самыхъ идей и убѣжденій нравственныхъ и религіозныхъ. Русскія повѣствованія религіознаго содержанія, предшествовавшія той эпохѣ, не смотря на нѣкоторыя любопытныя черты для исторіи нравовъ, отличаются необыкновеннымъ однообразіемъ и бѣдностью характеровъ, событій и всякихъ жизненныхъ подробностей“. Всего замѣтнѣе такая бѣдность и однообразіе въ житіяхъ русскихъ святыхъ. „Повѣствованіе обыкновенно начинается напыщенною похвалою герою разсказа, въ которой обиліе риторическихъ фразъ обличаетъ пустоту воображенія и тупость фальшиваго чувства. Затѣмъ, въ общихъ мѣстахъ, восхваляется добродѣтельное житіе родителей героя, очень часто приводится обычный мотивъ о ихъ брачномъ безплодіи, которое, по особенному, сверхестественному случаю, разрѣшается рожденіемъ героя: въ чемъ обыкновенно полагаетъ наивный описатель главную ихъ заслугу въ глазахъ благочестиваго читателя. Дѣтство и отрочество героя описывается особенно безцвѣтно, безъ сомнѣнія — по недостатку въ идеяхъ о воспитаніи. Онъ учится грамотѣ, иногда прилежно и съ успѣхомъ, иногда лѣнится или не понимаетъ; но вслѣдствіе какого нибудь чудеснаго явленія, вдругъ пріобрѣтаетъ всю книжную мудрость. Въ юныхъ лѣтахъ предается аскетизму; иногда успѣваетъ предупредить женитьбу, иногда уже отъ жены бѣжитъ въ монастырь, постригается въ немъ... затѣмъ основываетъ свой монастырь, слава о подвижничествѣ его разносится въ окрестностяхъ и монастырь богатѣетъ. Заслышавъ о

богатствѣ монастырскихъ старцевъ, неоднократно ихъ грабятъ то разбойники, то мѣстные начальники и воеводы. Герой повѣствованія, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, обыкновенно не отличается никакими особенными индивидуальными качествами. Вотъ общая программа большей части назидательныхъ повѣствованій, предшествующихъ на Руси влiянiю католической поэзiи. Герои этихъ повѣствованiй не могли быть разнообразны уже и потому. что у всѣхъ у нихъ было одно стремленiе аскетическими подвигами отрѣшиться отъ соблазновъ дѣйствительности, стать выше ея, такъ сказать — отвлечь свою личность отъ всего окружающаго. Историкъ русскаго народа, въ дѣятельности многихъ изъ этихъ аскетовъ, можетъ усмотрѣть практическiе замыслы: борьбу съ невѣжествомъ поселянъ и съ своекорыстiемъ князей, даже иногда желанiе господствовать и прiобрѣтать; но описатель житiя, часто писавшiй по заказу, и обыкновенно пристрастный къ своему герою, а всего чаще недогадливый, только по наивности кое гдѣ обмолвится не въ его пользу; вообще же остается вѣренъ своей программѣ общихъ мѣстъ, и вмѣсто живой личности, руководимой обстоятельствами жизни, рисуетъ туманный очеркъ благочестиваго подвижника, вѣчное повторенiе одного и того же отвлеченнаго идеала, сквозь сiяющiй ореолъ котораго простому глазу не видно индивидуальнаго облика человѣческаго“.

„Впрочемъ, духовныя повѣствованiя, предназначавшiяся для людей грамотныхъ, мало были извѣстны въ массахъ народа, которыя относились къ святынѣ только практически, то есть прибѣгали къ ней за пособiемъ въ своихъ нуждахъ и несчастiяхъ, преимущественно въ болѣзняхъ. Чудеса, которыя цѣлыми сотнями присовокупляются въ концѣ русскихъ житiй, такъ же однообразны, какъ была однообразна древняя русская жизнь и такъ

же безцвѣтны, какъ отвлеченны были самыя повѣствованія. Практическое отношеніе къ святынѣ сильно поддерживалось и на западѣ католичествомъ; но тамъ оно уравновѣшивалось теоретическими интересами, которые съ ранней эпохи среднихъ вѣковъ воспитывались въ народѣ множествомъ поэтическихъ передѣлокъ житій и другихъ церковныхъ сюжетовъ, въ формѣ поэмы или мистеріи, въ которыхъ свѣтская поэзія расширила замкнутый кругъ клерикальныхъ идей. Напротивъ того, на Руси свѣтскій элементъ не могъ пересилить церковнаго, и народныя массы, пробавляясь самымъ ограниченнымъ выборомъ легендарныхъ темъ въ своихъ, такъ называемыхъ Духовныхъ-Стихахъ, не могли усвоить себѣ всего богатаго содержанія религіозныхъ преданій и легендъ, относились къ нимъ только съ своими практическими видами. Для удовлетворенія этой цѣли распространялись въ народѣ листы, которыми набожные люди руководствовались въ своемъ домашнемъ обиходѣ" [156 a]). Въ этихъ листахъ сообщаются донельзя краткія свѣдѣнія о жизни изображенныхъ на нихъ святыхъ. Изъ нихъ вѣрующій узнаетъ, напримѣръ объ Артеміи Веркольскомъ, что преподобный Артемій былъ убитъ молніей въ то время, когда пахалъ пашню; тѣло его, не зарывая въ землю, прикрыли хворостомъ; вскорѣ одинъ клирикъ, собиравшій въ полѣ ягоды, увидѣлъ надъ хворостяной кучей сіяніе и объявилъ о томъ своимъ прихожанамъ, которые нашли тѣло Артемія нетлѣннымъ и перенесли его въ церковь; и начали отъ того чудеса происходить и исцѣленія отъ трясавичной болѣзни (III. 553). О Василіѣ Блаженномъ сказано только, что онъ жилъ въ царствованіе Ивана Грознаго, „всегда нагъ хождаше" зиму и

[156 a]) Буслаевъ, Примѣсь католическаго направленія къ византійскому въ русскихъ народныхъ книгахъ и гравюрахъ XVII вѣка, 277.

лѣто, и что погребалъ его самъ митрополитъ Макарій (III. 565). О Димитріѣ царевичѣ сообщено свѣдѣніе о его убіеніи (№№ 1445—1449)[157]. О другихъ русскихъ святыхъ не сообщено даже никакихъ свѣдѣній: внизу картинки только приложены молитва или тропарь и кондакъ святому и присоединены лицевыя изображенія изъ его житія съ самыми краткими на нихъ надписями.

Для набожнаго человѣка главный интересъ сосредоточивался не въ житіи святаго, а въ его чудесахъ, которыя съ давняго времени и составляли всю суть народныхъ листовъ. Чудеса эти записывались въ старину домашнимъ порядкомъ; въ житіи преподобнаго Ѳерапонта, напримѣръ, упоминается, что нѣкая жена пришла въ монастырь и спрашивала: гдѣ записываютъ чудеса преподобнаго Ѳерапонта чудотворца—„есть ми повѣдати исцѣленіе сына моего“. Во многихъ росписяхъ чудесъ встрѣчаются такія ссылки: „въ нѣкое время повѣда намъ такой-то“ (Рукоп. Соловецк. монаст. № 182, л. 67 об.); или: „мы же сіе слышавше отъ самого исцѣлевшаго“ (тамже № 79, л.—об.); или: „азъ сія слышахъ отъ усту его и написахъ“ (тамже № 228, л. 9 об.[158]). Чудеса вносились въ росписи и послѣ открытія мощей, такъ что въ росписяхъ XVI в. дѣлались приписки о чудесахъ, бывшихъ въ XVIII и даже XIX вв.

---

[157]) Въ № 1449 сказано, что царевичъ убитъ по приказанію Бориса Годунова въ городѣ Угличѣ, 15 мая, Никитой Качаловымъ и Данилой Битяговскимъ, которые были посланы имъ для того въ Угличъ; здѣсь, когда нянька царевича вывела его изъ палаты на нижнее крыльце, убійцы закололи его; тогда пономарь, увидѣвъ убійство, побѣжалъ на колокольню и началъ звонить; убійцы же выбили бревномъ дверь, сѣли на коней и ускакали. Мощи царевича перепесены въ Московскій Архангельскій соборъ 3 іюня 1606 года (III. 600).

[158]) Владиміровъ, Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII вв. Казань 1878, стр. 6.

Признаніе угодника святымъ дѣлалось въ старину само собою, по безмолвному народному приговору, и затѣмъ укрѣплялось за нимъ давностію. Но уже въ началѣ XVII вѣка, для такого признанія требовалась повидимому своего рода канонизація: такимъ образомъ составлены были росписи чудесамъ новоявленныхъ святыхъ Ивана и Логина Яренскихъ, въ видѣ сыскныхъ сказокъ, собранныхъ дьяками съ разныхъ людей Двинскихъ и Поморскихъ, ставшихъ въ роспросѣ, по государеву цареву и великаго князя Михаила Өеодоровича всея Русіи крестному цѣлованію[159]). При открытіи мощей св. Димитрія Ростовскаго въ январѣ 1757 года „ниже явленные люди",—какъ сказано на картинѣ № 1437 (III 581),—„явясь, сами собою показали по самой сущей правдѣ и христіанской совѣсти" о различныхъ, бывшихъ съ ними чудесахъ; затѣмъ чудеса эти были разсмотрѣны комиссіею изъ духовныхъ лицъ; сохранились даже извѣстія, что одна картинка съ изображеніемъ чудесъ св. Димитрія, вышедшая до такого разсмотрѣнія, была конфискована и уничтожена: „понеже оные чудеса Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ еще не были опробованы"[160]). Въ числѣ лицъ, „явившихъ" объ этихъ 36 чудесахъ, названы: два канцеляриста, сынъ маіора, вдова полковница, дьячиха, пономариха, два попа, дьяконъ, пономарскій сынъ, нѣсколько купцевъ и фабричный, — остальные крестьяне; самыя чудеса состояли въ обычномъ исцѣленіи отъ разслабленія, каменной болѣзни, безумія, икоты и лихорадки. Одна жена слышала гласъ: „отыде противниче, заклинаетъ тя Димитрій Митрополитъ..." и почувствовала себя отъ болѣзни свободною;

---

[159]) Ключевскій, Древне русскія житія святыхъ. М. 1871, стр. 423.

[160]) Указъ Сенатскій 6 ноября 1760 г. (Полное собраніе законовъ № 11140).

другой привидѣлось во снѣ. что въ Москвѣ пожаръ и св. Димитрій идетъ тушить его, — и на самомъ дѣлѣ былъ въ Москвѣ пожаръ на другой день.

Краткія извлеченія изъ житій и легендъ встрѣчаются только подъ немногими изображеніями святыхъ византійскаго происхожденія, при чемъ извлеченія эти всегда заимствованы изъ тамошнихъ и западныхъ источниковъ, съ большими сокращеніями. Такимъ образомъ объ Андреѣ юродивомъ Цареградскомъ сказано только, что онъ съ отроческихъ лѣтъ началъ юродствовать: пилъ воду изъ кальной лужи, при чемъ проходившіе кричали на него— „како піеши похабе“ (III. 548); а жена нѣкая Варвара узрѣла Андрея, который будто столпъ пламенный ходилъ въ народѣ, блистая искрами (549).

О Ѳедорѣ Стратилатѣ говорится, что онъ былъ мученъ по приказу царя разными муками и затѣмъ усѣченъ въ голову (№ 1644). Объ Ипатіи чудотворцѣ разсказана цѣлая финансовая алегорія, — о томъ, какъ при восшествіи на царство Константина, сына Константина Великаго, къ чертогамъ царскимъ, гдѣ находились всѣ сокровища, приползъ громадный змѣй и, оцѣпивъ чертоги, положилъ голову свою у входа, никому не дозволяя войти въ казнохранилище; Ипатій-же взялъ жезлъ, всунулъ его змію въ зубы, сказавъ: во имя Господа моего Іисуса Христа послѣдуй за мною“; и послѣдовалъ за нимъ змѣй; и открылось казнохранилище на общее расхищеніе (III. 611. № 1469) [161]).

---

[161]) Такія же краткія свѣдѣнія помѣщены о мученикѣ Минѣ и преподобномъ Петрѣ Аѳонскомъ: Одинъ купецъ отправился на поклоненіе мощамъ мученика Мины; дорогой случилось ему ночевать въ одномъ домѣ; хозяева этаго дома запримѣтили у купца деньги, убили его и похитили деньги; въ ночь явился хозяину св. мученикъ Мина, въ видѣ воина, обличилъ его, а купца воскресилъ и отдалъ ему похищенныя у него деньги. Другой человѣкъ, Евтропій, заказалъ два дорогихъ блюда:

Легендъ о Георгіи побѣдоносцѣ, столь распространенныхъ въ каличьихъ пѣсняхъ и рукописныхъ сборникахъ.—въ народныхъ картинкахъ не встрѣчается; въ нихъ

одно для себя, а другое въ церковь св. Мины; послѣднее блюдо вышло красивѣе, и умыслилъ Евтропій удержать его, свое-же отослалъ въ церковь; и вотъ однажды, когда Евтропій ѣхалъ на кораблѣ, послѣ обѣда рабъ его понесъ на край корабля блюдо св. Мины, чтобы обмыть его, и внезапно вышелъ изъ моря нѣкій человѣкъ, выхватилъ у него блюдо, и скрылся (III. 648).—Преподобный Петръ Аѳонскій былъ сперва воеводою, потомъ постриженъ папою въ монахи и ушелъ на Аѳонъ,—сперва въ монастырь, потомъ въ пещеру. Дьяволъ, ненавистникъ спасенія человѣческаго, употреблялъ всѣ козни, чтобы выжить святаго изъ той пещеры: наполнилъ её сонмомъ звѣрей и гадовъ и даже преобразился въ однаго изъ отроковъ Петровыхъ, которые служили ему въ мірѣ «и притомъ припаде усердно къ преподобному и хотяше его прельстити, исполненъ сый мерзости»; потомъ преобразился онъ въ архангела; но все было тщетно, и святой устоялъ въ своей вѣрѣ, продолжалъ подвизаться въ той пещерѣ и въ ней кончилъ свою жизнь (III. 663). Въ болѣе полномъ извлеченіи встрѣчаемъ мы въ народныхъ картинкахъ слѣдующія четыре житія святыхъ: преподобнаго Герасима, Петра мытаря, мученика Евстафія Плакиды и преподобной Маріи Египетской.

1) Легенда о преподобномъ Герасимѣ и его львѣ заимствована изъ Кіевскаго Лимонаря 1624 г., въ который она перешла изъ западныхъ источниковъ. Герасимъ, гуляя разъ по берегу Іордана, встрѣтилъ раненаго льва, вынулъ занозу изъ ноги его, обмылъ его рану, и обвязалъ платкомъ, — левъ сталъ ходить вездѣ за нимъ; и приказалъ преподобный льву пасти осла, на которомъ возили въ монастырь воду. Однажды левъ уснулъ на сторожбѣ и Аравитяне увели у него осла; Герасимъ-же, думая, что левъ съѣлъ осла, приказалъ ему самому возить въ монастырь воду. Чрезъ годъ тѣже Аравитяне проѣзжали мимо и опозналъ левъ у нихъ монастырскаго осла, отнялъ у нихъ осла и верблюдовъ, и привелъ въ монастырь. Затѣмъ, пробывъ въ монастырѣ 15 лѣтъ, левъ ушелъ въ пустыню; по нѣкоторомъ времени вернулся онъ въ монастырь и не нашелъ преподобнаго Герасима въ живыхъ; монахи показали ему гробъ преподобнаго; и уразумѣлъ левъ, и рыкнувъ ударился о гробъ его до смерти; и погребли монахи льва рядомъ съ преподобнымъ (№№ 1419—1422).

2) Во Фригіи жилъ нѣкто Петръ мытарь, человѣкъ богатый, но зѣло немилостивый къ нищимъ, и никогда не подававшій имъ милостыни И поспорилъ одинъ нищій со своею братіею, что Петръ подастъ ему милостыню, и сталъ у воротъ дома его; въ это время пріѣхалъ Петръ

находимъ мы одни изображенія святаго съ разныхъ иконъ его, въ томъ числѣ и съ иконы находящейся въ Геор-

---

съ цѣлою корзиною хлѣбовъ, нагруженною на ослѣ; сталъ у него просить тотъ нищій милостыни, и Петръ, съ досады, схватилъ одинъ хлѣбъ вмѣсто камня, и пустилъ имъ въ лице нищему; нищій-же, пришедъ къ братіи, сказалъ, что этотъ хлѣбъ подань ему Петромъ въ милостыню. Черезъ два дня Петръ заболѣлъ и умеръ; и стали ангелы вѣшать дѣла его, и не нашли ни однаго добраго дѣла, чтобы положить противъ злыхъ, кромѣ только того хлѣба, который былъ давъ имъ нищему; и сказали ему ангелы: иди убогій Петръ и приложи къ хлѣбу сему, да не похитятъ тебя демоны въ адъ. Тогда душа опять вошла въ тѣло Петрово, и сталъ онъ милостивъ, роздалъ имѣніе свое нищимъ, и рабовъ освободилъ; самъ-же, съ однимъ слугою, отправился въ Іерусалимъ ко гробу Господню. Тамъ, по его приказанію, слуга продалъ его въ рабство, а вырученныя деньги роздалъ нищимъ; и сталъ служить Петръ господину своему, работая и мучая тѣло свое. Однажды пришли къ тому господину изъ Фригіи гости, узнали Петра мытаря и объявили хозяину; Петръ-же услышавъ ихъ объявленіе, тайно ушелъ изъ дома. Былъ-же вратарь того дома глухъ и нѣмъ; и подошедъ къ нему Петръ сказалъ: «во имя Господа нашего Іисуса Христа отверзи мнѣ», и отвѣтилъ ему нѣмой: «се азъ Господи отверзу»; и отворилъ ворота. И удивился хозяинъ чуду тому; Петръ-же мытарь скрылся изъ дому (№ 719).

3) Язычникъ Плакида, бывши однажды на охотѣ, преслѣдовалъ оленя, который, не допустивъ его до себя, возопилъ человѣческимъ голосомъ: «что мя гониши, азъ есьмъ Христосъ»—причемъ на головѣ оленя возсіялъ крестъ Господень. Вернувшись въ городъ, Плакида крестился у іерея и принялъ имя Евстафія. Отсюда начинаются искушенія его: во 1-хъ, Евстафій скоро послѣ того обнищалъ; во 2-хъ, корабельники отняли у него жену за перевозъ, такъ какъ у него небыло денегъ расплатиться съ ними. Въ 3-ю бѣду Евстафій потерялъ обоихъ дѣтей своихъ: случилась ему надобность перейти черезъ быструю рѣку; и не могъ онъ перенести черезъ нее обоихъ чадъ своихъ разомъ, а перенесъ сперва однаго, когда же отправился за другимъ и былъ уже на половинѣ рѣки, пришли левъ и волкъ и унесли дѣтей его. Съ горя Евстафій нанялся въ работники; но здѣсь посланные отъ царя узнали его и отвезли къ царю. Евстафій освободилъ царство отъ нашествія варваровъ и былъ взысканъ отъ царя милостями; вскорѣ послѣ того отыскались жена его и дѣти, и Евстафій возвратился съ ними въ Римъ. Здѣсь царь Адріанъ, ненавидѣвшій христіанъ, приказалъ Евстафію отречься отъ Христа, и поклониться идоламъ, а такъ какъ Евстафій отказался исполнить это приказаніе, то, по царскому приказу, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми былъ истязуемъ и наконецъ сожженъ въ мѣдномъ быкѣ (№ 1450).

гіевскомъ монастырѣ въ Іерусалимѣ, извѣстной въ средѣ богомольцевъ по своимъ чудесамъ съ пятаками [162]).

Сказанія о дьяволѣ составляютъ въ нашихъ народныхъ картинкахъ довольно значительный отдѣлъ; прежде всего дьяволъ является въ нихъ какъ врагъ рода чело-

---

4) Житіе Маріи Египетской заимствовано изъ Золотой Легенды Іакова де Ворагине. По картинкѣ Марія прожила въ Египтѣ до 12 лѣтъ; потомъ она «отыде въ Александрію и тамо дѣвство свое осквернихъ и неудержанно и несытно блудъ творя; тоже иде къ пристанищу морскому и видѣша юноши входящіи въ корабль, и рече: камо идете? Они-же: идемъ въ Іерусалимъ поклониться честному кресту; она-же: возьмите и меня съ собою. Они-же: имашали наемъ дати? Она-же: имамъ за наемъ дати тѣло свое. И взяша её въ корабль и тамо со всѣми блудъ творя, и доиде въ Іерусалимъ, и многихъ оскверни». Въ Іерусалимѣ ангелъ три раза возбранялъ ей входъ во храмъ; но Марія принесла покаяніе, и тогда была допущена къ святынѣ. Затѣмъ ходила она на Іорданъ, а оттуда удалилась въ пустыню, гдѣ и жила въ постѣ и молитвѣ. Здѣсь встрѣтилъ её преподобный Зосима и, увидавъ нагого человѣка съ головою покрытою бѣлыми волосами, пошелъ за нею; но она не допустила его до себя, говоря со слезами: «что мене жену нагу хощеши видети; дай мнѣ ризу да покрою немощь женскую». Получивъ ризу отъ Зосимы, Марія покрылась ею и начала молиться Богу; и увидѣлъ её Зосима стоящею на воздухѣ, и поклонился ей. Тогда Марія исповѣдалась Зосимѣ и причастилась; и разошлись они въ разныя стороны. На другой годъ Зосима вернулся въ пустыню, но уже нашелъ Марію Египетскую мертвою,—левъ сторожилъ ея тѣло. И приказалъ Зосима льву выкопать могилу, и похоронилъ Марію (№№ 1535—1536).

162) Имя Великомученика Георгія пользуется особеннымъ уваженіемъ въ народѣ; про Егорья храбраго поютъ калики множество духовныхъ стиховъ: какъ онъ родился, — ноги по колѣна въ серебрѣ, руки, по локоть въ золотѣ, голова вся жемчужная (Безсоновъ, Калики, I. 393),— и какъ онъ избавлялъ царевну Олесафію (въ другихъ пѣсняхъ Лизавету) отъ чудища. Уже привели Олесафію къ мѣсту на сожреніе, но явился ея избавителемъ св. Георгій: передъ подвигомъ легъ онъ отдохнуть и, положивъ къ ней на колѣна голову, приказалъ царевнѣ поискать пороха (т. е. вшей), покуда не восколеблется море; потомъ, послѣ боя съ чудищемъ, Георгій, побѣдивъ его, привязываетъ чудище на шелковый поводъ царевны и приводитъ къ царю, ея отцу (Калики, I, 393—524, 744). Въ деревняхъ на Егорья выгоняютъ въ первый разъ скотину въ поле.

ческаго, готовый пакостить человѣку при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ рисункахъ библіи Кореня, заимствованныхъ изъ Палеи, онъ является три раза: самое происхожденіе его отнесено къ четвертому дню творенія, въ который, какъ сказано въ текстѣ 4-й картинки библіи„—помысли сатана: сотворю себѣ престолъ, и буду равенъ Богу, — и обрѣтеся въ безднѣ“ (III. 251); затѣмъ онъ, въ образѣ змѣя, соблазняетъ Еву вкусить запрещеннаго плода (III. 252); и наконецъ подучаетъ Каина убить Авеля. Въ легендахъ дьяволъ является непрошенный при всякомъ произношеніи его имени [163]) и присутствуетъ при всѣхъ обиходныхъ занятіяхъ человѣка. Сидитъ-ли человѣкъ за трапезой, — черти тутъ какъ тутъ: одинъ пакоститъ въ кушанье, другой играетъ на гудкѣ, третій выплясываетъ трепака (III. 131); при жизни, дьяволъ научаетъ человѣка не ходить въ церковь (III. 53 и 76), не раздавать милостыни, — на этотъ послѣдній предметъ есть даже особый спеціальный дьяволъ—„замкни калита“ (III. № 721), который научаетъ грѣшника замыкать кошелекъ свой при видѣ нищаго (III. 72). Ангелъ хранитель принужденъ днемъ и ночью охранять человѣка отъ козней дьявола (III. 544—546), который употребляетъ всѣ возможныя ухищренія, чтобы не упустить своей жертвы и не дать покаяться грѣшнику. По этому предмету въ народныхъ картинкахъ помѣщена слѣдующая легенда, заимствованная изъ Великаго Зерцала и напоми-

---

[163]) Въ нашей картинкѣ № 697, заимствованной изъ Великаго Зерцала, разсказана по этому предмету слѣдующая исторія: одинъ мужъ добродѣтельный, вернувшись домой, крикнулъ слугѣ своему—«пришедъ чертъ изуй мя»; и тотчасъ же сапоги стали сами собою сниматься съ превеликимъ трещаніемъ и прыткостію, и перенеслись въ непотребное мѣсто; и уразумѣлъ добродѣтельный мужъ, что то было дѣло дьявола. Повѣрье о томъ, что дьяволъ является на всякій призывъ и производитъ человѣку всякія пакости, существовало и на западѣ; см. примѣч. къ № 697 (IV. 522).

нающая, до нѣкоторой степени, Гоголевскаго Вія: Одного князя, который желалъ скораго прощенія грѣховъ, священникъ поставилъ на одну ночь въ пустую церковь за городомъ. И собрались демоны, чтобы соблазнить его: одинъ изъ нихъ принялъ на себя видъ любимой его сестры, и сталъ вызывать изъ храма, но не успѣлъ въ этомъ; другой демонъ, принявъ на себя видъ княжеской жены, пришелъ съ его ребенкомъ, и бросивъ ребенка о полъ, сталъ говорить: „вернись въ домъ твой, безъ тебя напали на насъ разбойники, и все имущество твое пограбили", но и его князь не послушалъ. Тогда началась страшная буря, громъ и молнія, церковь загорѣлась, и демоны, принявъ видъ жителей города, наполнили церковь съ криками: „спасайся князь, пожаръ". Но не оставилъ таки князь церкви. И принялъ одинъ изъ демоновъ на себя образъ попа, который, приказавъ ударить къ заутрени, вошелъ въ церковь и началъ высылать князя вонъ, яко беззаконника но и тутъ устоялъ князь. Вскорѣ затѣмъ возсіяла заря и вышелъ князь изъ церкви, очищенный отъ грѣховъ своихъ (№ 708).

Дьяволъ старается совратить съ пути добродѣтели не только простыхъ смертныхъ, но и святыхъ подвижниковъ, какъ напримѣръ преподобнаго Макарія (№ 1532) и преподобнаго Антонія (№ 1374) [164].

---

[164]) Сюда же относится и замѣчательная повѣсть о бѣсѣ Зереферѣ (№ 722), извѣстная въ рукописной литературѣ подъ названіемъ повѣсти о дьяволѣ: Былъ нѣкій старецъ великій подвижникъ и прозорливецъ,— даже бѣсы хвалили его другъ другу и не смѣли къ нему приближаться; однажды бѣсъ, по имени Зереферъ, разсуждалъ съ своимъ товарищемъ: приметъ-ли Богъ дьявола, если онъ покается, и проститъ-ли ему, и рѣшилъ спросить о томъ старца. Для сего Зереферъ принялъ на себя человѣческій образъ и пришедъ къ старцу, плача и рыдая, спрашиваетъ его, вопроси Господа, приметъ-ли онъ покаяніе отъ дьявола; если приметъ: то и мое приметъ, ибо я не менѣе дьявола грѣшенъ. Старецъ-же приказалъ Зереферу придти на утро, а въ ночь вопросилъ Господа. И прислалъ

Такіе соблазны не всегда однакоже сходили ему съ рукъ благополучно; разъ какъ-то Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій, услыхалъ въ сосудѣ, въ которомъ онъ держалъ воду, „бѣса боробрюща въ водѣ",—онъ закрестилъ сосудъ. вытащилъ оттуда бѣса, сѣлъ на него верхомъ, съѣздилъ въ Іерусалимъ, гдѣ приложился къ гробу и кресту Господню, и вернулся назадъ въ Новгородъ. Но въ большинствѣ случаевъ этотъ врагъ побѣждаетъ человѣка и окончательно покупаетъ у него душу. Такимъ образомъ въ народныхъ картинкахъ №№ 114—116 бѣсъ неотступно преслѣдуетъ пьяницу-мастероваго, который, пропивши съ себя все дò нага, продалъ наконецъ бѣсу свою душу; а у нѣкотораго дворянина онъ купилъ жену (См. выше въ отдѣлѣ Богородичныхъ легендъ [165]).

Что касается до сношенія бѣсовъ съ женщинами, то повѣрье о томъ, что злые и добрые духи, сходя на землю, принимаютъ человѣческіе образы, смѣшиваются съ земными женами и производятъ потомство, — существовало съ глубокой древности. Одно мѣсто въ книгѣ бытія, въ которомъ говорится о прихожденіи сыновъ Божіихъ къ

ему Господь ангела, который повѣдалъ ему, что приходилъ къ нему за совѣтомъ не человѣкъ, а дьяволъ; но что милостивый Богъ, который никому не желаетъ преградить пути ко спасенію, приказалъ сказать ему, что и дьяволъ будетъ прощенъ имъ, если согласится простоять три года на одномъ мѣстѣ и, обратившись на востокъ, проговорить сто разъ—помилуй мя древнюю злобу, и 100 разъ — Боже помилуй мя мерзость и запустѣніе, и еще сто разъ — Боже спаси мя помраченную прелесть. И объявилъ старецъ дьяволу на другой день повелѣніе Божіе; но не согласился на такое для себя безчестіе Зереферъ и, наругавшись старцу, скрылся, — «яко древнее зло новымъ добромъ быти не можетъ,» — прибавляетъ легенда. Въ повѣсти о водвореніи христіанской вѣры въ Ростовѣ упоминается бѣсъ Зеѳеоусъ; не изъ него ли передѣланъ нашъ Зереферъ?

[165]) См. тоже русскую повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ и польскій романъ о Панѣ Твардовскомъ, заключавшими условія съ дьяволомъ на свою душу.

дщерямъ человѣческимъ, въ первые вѣка христіанства толкователи объясняли смѣшеніемъ духовъ съ человѣческими женами. Мученикъ Іустинъ (105—166 гг.) въ Апологіи своей говоритъ, что ангелы, поставляемые Богомъ для охраненія людей, впали въ совокупленіе съ женами человѣческими и родили сыновей, такъ называемыхъ демоновъ (IV. 541). Въ Еврейской легендѣ разсказывается, что первая жена Адама, Лиллитъ, измѣнивъ ему, смѣшалась съ злымъ духомъ и сдѣлалась праматерью поколѣнія бѣсовъ, которые жили и умирали, какъ простые смертные. Въ сектахъ Манихейскаго склада [166]), господствовала басня о смѣшеніи Евы съ сатаною, отъ котораго произошла половина рода человѣческаго въ лицѣ Каина. Въ средніе вѣка смѣшенію бѣсовъ съ женщинами не только вѣрили, но и производили отъ такихъ смѣшеній извѣстныя личности; у насъ отъ такого смѣшенія производили Полоцкаго князя Всеслава (въ XI в.) [167]). Въ горячей Испаніи, въ половинѣ XVI вѣка, одна игуменья Магдалина Крусса, покаялась самому папѣ въ томъ, что будучи еще 12-ти лѣтней дѣвочкой, совокупилась съ дьяволомъ, и затѣмъ 30 лѣтъ жила съ нимъ въ связи; другая монахиня, Гертруда, въ продолженіе 14 лѣтъ вела любовную переписку съ самимъ сатаною. Пикъ де Мирандола называетъ двухъ огнеупорныхъ монаховъ, — однаго 75, другаго 80 лѣтъ, — которые по сорока лѣтъ жили въ совокупленіи съ демонами женскаго пола; у одного такой демонъ назывался Гермелиною, а у другаго Пигнетой. У Шейбле приведенъ летучій листокъ о

---

[166]) Приписывавшихъ сотвореніе матери злому духу; къ нимъ принадлежатъ: Павликіане, Богумилы, Катарры и Альбигойцы.

[167]) На западѣ существовала такая же легенда о Робертѣ и о многихъ другихъ лицахъ (Scheible, Das Kloster, 197 ff; Dunlop, 468). Цѣлое поколѣніе Гунновъ, по мнѣнію Іорнанда, произошло отъ связи волшебницъ съ злыми духами.

томъ, какъ жена Гаутмана родила трехъ злыхъ духовъ [168]). Самъ Лютеръ вѣрилъ подобнымъ баснямъ. Кромѣ такихъ связей бѣсовъ съ женщинами, происходившихъ по обоюдному согласію сторонъ, бѣсы насиловали женщинъ и вселялись въ нихъ противъ ихъ воли; въ этихъ случаяхъ женщины обращались въ бѣсноватыхъ и кликушъ, которыхъ можно еще встрѣтить, хотя и довольно рѣдко, въ святыхъ мѣстахъ прославляемыхъ исцѣленіями, и не только въ Россіи, но и на католическомъ западѣ. Въ числѣ нашихъ народныхъ картинокъ есть одна (№ 714), представляющая женитьбу дьявола, впрочемъ иносказательнаго свойства; затѣмъ есть другая о пономарской дочери Соломоніи (№ 721. А), гдѣ отношенія бѣсовъ къ женщинѣ представлены въ болѣе реальныхъ формахъ. Текстъ картинки заимствованъ изъ рукописной повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи, написанной, какъ сказано въ предисловіи, со словъ двухъ пресвитеровъ, и представляетъ полную картину бѣсноватой, какою только она могла представиться самому разгульному воображенію въ XVII вѣкѣ [169]). Соломонія, дочь іерея Дмитрія и жены его Улиты, была выдана родителями замужъ за земледѣльца Матѳеа. Въ первую ночь брака этотъ Матѳей вышелъ „на предверіе храмины, телѣсныя ради нужды“; этимъ временемъ воспользовался дьяволъ, подошелъ къ двери „невѣстина чертога“, и сказалъ человѣческимъ голосомъ: „Соломоніе! отверзи!“ — Соломонія, подумавъ, что это вернулся ея мужъ, отворила дверь, „і пахну ей въ лице, і во уши, і во очи, аки нѣкоторый вихоръ велій, і явися аки пламя нѣкое огненно і сине“. Всю ночь эту Соломонія не смыкала глазъ, а на третій день почувствовала у себя въ утробѣ дьявола. На девятый день явился

---

[168]) Scheible, Das Schaltjahr, IV. 25.

[169]) Она напечатана въ книгѣ гр. Кушелева Безбородко: Памятники старин. русск. литературы, I. 153; IV. 639.

къ ней демонъ „звѣрскимъ образомъ, мохнатая имуща когти [170]) и ляже къ ней на одръ... и оскверни её... и съ того дня окаянніи демони начаша къ ней приходити кромѣ великихъ праздниковъ по пяти и по шести человѣческимъ зракомъ, якоже нѣкоторіи прекрасніи юноши, и тако нападоху на нея, і скверняху ее“.

Мужъ Соломоніи, со страху, отвелъ её къ отцу; но и тамъ „окаяніи демони хождаху и скверняху её“. Наконецъ на неё стали нападать и сквернить демоны водяные, которые похищали ее, уносили въ воду, держали тамъ по три дня, и всячекими истязаніями принуждали перейти въ ихъ вѣру и остаться у нихъ жить на всегда. У водяныхъ чертей Соломонія встрѣтила дѣвку Ярославу, которая научила её не поддаваться бѣсамъ. Въ легендѣ разсказывается, какъ Соломонія рожала чертей: носила она плодъ свой полтора года; въ первый разъ родила шестерыхъ чертенятъ, которые засосали её почти на смерть; потомъ её „демони паки съ собою унесеша и сквернили её. І паки зачаша“, и родила двухъ демоновъ. „Въ ино же время родила единаго демона, и паки родила двоихъ демоновъ“; послѣ чего демоны снова унесли её въ воду сквернить; здѣсь дѣвка Ярославна назвала ей имена главныхъ бѣсовъ и научила её, когда вернется на землю, проклясть тѣ имена въ святомъ алтарѣ. Это средство подѣйствовало, бѣсы на время оставили её. Въ ночномъ видѣніи явилась ей преп. муч. Θеодора и объ-

---

[170]) Въ нашихъ старинныхъ миніатюрахъ и на образахъ дьяволъ представляется, точно такъ, какъ и на западѣ, въ полу-человѣческомъ и полу-скотскомъ видѣ, въ шерсти, съ хвостомъ, съ рогами на головѣ и съ когтями на рукахъ и ногахъ (Dunlop 309); въ этомъ же видѣ онъ рисуется въ нашихъ народныхъ картинкахъ; въ лицевыхъ апокалипсисахъ черти изображаются въ болѣе разнообразныхъ формахъ, а въ искушеніи св. Антонія (№ 1374) помѣщено цѣлое собраніе демоновъ, въ видѣ разныхъ фантастическихъ звѣрей, заимствованныхъ впрочемъ съ западныхъ оригиналовъ Калло и Теньера.

явила, что всѣ ея страданія происходятъ отъ того, что её „попъ пьянъ крестилъ и половины святаго крещенія не исполнилъ“. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 179 году, Соломонія снова почувствовала въ себѣ бѣса, который началъ „въ утробѣ ея рватися і прогрызе у нея лѣвый бокъ насквозь“. Соломонію стали водить по церквамъ, въ которыхъ она вопила, видѣла разныя видѣнія, имѣла разговоръ съ Богородицей, и получила наконецъ, въ два пріема, исцѣленіе отъ Устюжскихъ чудотворцевъ Прокопія и Іоанна. Въ первый разъ, какъ разсказываетъ она, святые явились ей наединѣ: „Прокопій перекрестилъ рукою своею утробу мою, а святый Іоаннъ держа копейцо въ рукѣ малое, і той приступи ко мнѣ; і разрѣза утробу мою, і взя изъ меня демона, і подавъ его святому Прокопію; демонъ-же нача вопити великимъ гласомъ і видися въ руцѣ его; і святый Прокопій показа ми демона и рече: Соломоние! видиши ли демона, иже бысть во утробѣ твоей! Азъ же зря его видѣніемъ чернъ и хвостъ бяше у него, уста же дебела и страшна; и положи его окаяннаго на помостъ і закла его кочергами. Святый же Іоаннъ паки нача изимати изъ утробы моея по единому и давати святому Прокопію; онъ же закалаше ихъ по единому. І рекоша святиї: Соломоніе! нынѣ мы у тебя ізяли половину демонскія силы вражѣя, а совершение исцѣление пріимеше в дому моемъ, у гроба святаго Прокопия“, — гдѣ и произошло послѣднее исцѣленіе Соломоніи; послѣ молитвы святому Прокопію, говоритъ она: „въ утробѣ моей не почуяхъ силы вражія, і бѣхъ яко николи же страдахъ, и язва, иже отъ дьяволскаго злаго прогрызенія, исцѣлѣ“.

Въ заключеніе отдѣла легендъ привожу, въ сокращеніи, нѣсколько легендъ разнаго содержанія. Слѣдующія девять изъ нихъ заимствованы изъ Великаго Зерцала:

1. О нѣкоемъ простолюдинѣ, нехотѣвшемъ слушать сло́ва Божія и не ходившемъ въ церковь; когда его стали отпѣвать, то священники увидѣли, что на образѣ распятаго Христа, Спаситель отторгнувъ руки свои, сталъ зажимать ими уши свои. Тогда прекратили отпѣваніе грѣшника, и тѣло его бросили въ полѣ (№ 423).

2. Ка̀къ одинъ священникъ назвалъ къ себѣ гостей къ обѣду и накупилъ всякой провизіи, а самъ пошелъ служить обѣдню; и сталъ служить её съ великимъ поспѣшеніемъ,—все думалъ, не испортилась бы дома его провизія. Тогда приходитъ къ нему дьяволъ въ алтарь, въ кухарской испачканной одеждѣ, и приноситъ купленную провизію, чтобы попъ самъ разсказалъ ему, какъ что сготовитъ и посолитъ; затѣмъ, наругавшись надъ попомъ, дьяволъ разметалъ всю провизію въ скверныя мѣста, „и бысть невидимъ“ (№ 698).

3. Ка̀къ воинъ далъ прощеніе убійцѣ брата своего; Христосъ явился ему во снѣ и объявилъ, что за такое прощеніе ему будетъ дано царствіе небесное (№ 704).

4. Ка̀къ жена брата Генриха, князя Брабантскаго, будучи 42-хъ лѣтъ, родила 364 ребенка; изъ нихъ всѣмъ младенцамъ женскаго пола дали имя Маргариты, а мужскаго — Іоаннъ (№ 705).

5. Ка̀къ одинъ монахъ увлекся пѣніемъ нѣкоей райской птицы и послѣдовалъ за нею изъ монастыря въ поле; часа черезъ три, по его разсчету, возвратился онъ въ монастырь свой, но тамъ его никто не узналъ; оказалось, что онъ не три часа, а триста лѣтъ слушалъ птичье пѣніе и жилъ внѣ монастыря (№ 716).

6. О двухъ юношахъ: одинъ шелъ отъ литургіи, а другой посмѣялся ему въ томъ, говоря, что онъ никогда къ литургіи не ходитъ. „И бысть громъ и уби того юношу“ (№ 709).

7. О нѣкоемъ роскошникѣ—любителѣ міра сего, котораго по приказу сатаны черти парили въ банѣ огнеными вѣниками (№ 726).

8. О томъ, какъ по видѣнію нѣкоего святаго, изъ тридцати тысячъ умершихъ, всего двѣ души въ рай попали, три вступили въ чистилище, а остальныя отправлены въ адъ (№ 720).

9. Видѣніе нѣкоего святаго о казни, ожидающей лихоимцевъ (№ 727)[171]).

Далѣе приведу еще притчи, заимствованныя изъ другихъ западныхъ источниковъ: 10. Притча св. Варлаама о томъ, какъ царь указалъ своимъ придворнымъ, что злато и драгоцѣнности въ жизни сей суть прахъ и бреніе (№ 717), — она заимствована изъ житія Варлаама и Іасафа; и 11. Притча, заимствованная изъ Чешскихъ извѣстій, о немилостивомъ господинѣ въ Прагѣ, который (дѣло было въ 1673 году) у вдовицы съ пятью дѣтьми отнялъ себѣ, въ счетъ податей, послѣднюю корову; и случился у него падежъ скотскій,—сто коровъ пало; и сталъ господинъ тотъ, во гнѣвѣ своемъ, въ небо стрѣлять; и обращенъ былъ въ чернаго мохнатаго пса, кромѣ головы; „нынѣ-же возятъ его“, прибавлено въ текстѣ картинки, „въ решетчатомъ возу и приставленъ живодеръ, и кормятъ его мертвечиною, иного — не ястъ“ (№ 715).

Въ числѣ нашихъ картинокъ есть еще притча (12-я), заимствованная изъ Тысячи одной ночи и попавшая оттуда въ рукописное слово Кирила Туровскаго, писателя XII вѣка, а затѣмъ въ рукописные сборники XVII вѣка и въ нашу народную картинку № 791. Притча эта заключаетъ въ себѣ нравоучительный разсказъ о слѣпцѣ и хромцѣ. Оба они нанялись стеречь садъ у одного гос-

[171]) Послѣднія три притчи, какъ сказано въ ихъ текстѣ, были написаны на папертяхъ Симонова и Чудова монастырей.

подина; но запахъ плодовъ соблазнилъ ихъ, и они не выдержали искушенія; хромецъ сѣлъ на слѣпца и вдвоемъ обломали вѣтки съ деревьевъ и нарвали себѣ плодовъ. Когда вернулся господинъ сада и началъ уличать ихъ, и слѣпецъ и хромецъ стали оправдываться, сваливая бѣду одинъ на другаго: „Если-бы слѣпой не донесъ меня до дерева, могъ-ли бы я нарвать плодовъ съ него", говорилъ хромой. „Если-бы хромой не указалъ мнѣ плоды, могъ-ли бы я добыть ихъ", возражалъ слѣпой. Тогда господинъ сада началъ судить ихъ: приказалъ хромцу сѣсть на слѣпаго, точно такъ, какъ это было сдѣлано ими во время воровства плодовъ, и повелѣлъ: „бити ихъ немилостивно". Въ концѣ слѣдуетъ нравоученіе, въ которомъ толкуется, что подъ именемъ хозяина разумѣется въ притчѣ Христосъ, садъ это — земля, хромецъ знаменуетъ тѣло человѣческое, а слѣпецъ душу. За грѣхи человѣка тѣло осуждено на смерть; душа же переносится къ Богу; и такъ какъ она всю вину свою сваливаетъ на тѣло, то и будетъ сберегаться безъ мученія до втораго пришествія; когда-же придетъ Господь судить во славѣ, тогда всѣ души умершихъ соединятся съ тѣлами ихъ, и каждый получитъ должное за поступки свои воздаяніе.

Въ арабскихъ сказкахъ, въ концѣ нравоученія нѣтъ указанія на второе пришествіе; кромѣ того въ нихъ введено въ разсказъ третье лице — сторожъ сада, который научаетъ хромца и слѣпца, какъ обворовать садъ; въ концѣ разсказа хозяинъ приказываетъ посадить преступниковъ въ темницу (а не бить нещадно, какъ въ нашей редакціи), гдѣ они и погибаютъ.

Многочисленныя легенды объ Іосифѣ прекрасномъ, столь распространенныя на западѣ, не вошли въ наши народныя картинки, въ которыхъ лицевое житіе Іосифа изображено по библейскому тексту. Отдѣльные эпизоды изъ апокрифическихъ сказаній объ Іосифѣ, о томъ какъ

княжна Апраксѣевна (вмѣсто жены Пентефрія) рушала лебедь и обрѣзала себѣ руку, глядя на Тугарина (вмѣсто Іосифа); какъ та-же Апраксѣевна, влюбившись въ паломника Касьяна, старалась соблазнить его и, неуспѣвъ въ этомъ, оклеветала его, и какъ этому Касьяну (вмѣсто Веньямина) была подвохомъ подложена въ сумку серебряная чарка, — занесены нашими сказителями въ былины. Затѣмъ, въ числѣ народныхъ картинокъ есть одна, № 832, напоминающая извѣстные апокрифическіе завѣты патріарховъ, о которыхъ говорится подробно въ примѣчаніи къ этой картинкѣ. Въ заключеніе привожу крайне замысловатый и курьозный текстъ картинки, напоминающій по своему семинарскому краснорѣчію Щербининскіе атестаты недоучившемуся и переучившемуся студенту богословія. Картинка называется духовной аптекой (№ 708). „Старецъ нѣкій вниде во врачебницу и рече ему врачъ: кую потребу ѿче имѣя вшелъ еси сѣмо (.) ѿвѣча старецъ: есть ли у тебя быліе врачующее грѣхи (.) глаголетъ ему врачъ: аще требуеши покажу ти его: возліи корень нищеты духовныя на немъ же вѣтвї молитвенныя процвѣтаютъ цвѣтомъ смиренія, изсуши его постомъ воздержанія, изотри ї терпеливымъ безмолвіемъ, просѣї ситомъ чистой совѣсти, посыпь вкотелъ послушанія, налеї водою слезною ї накроі покровомъ любви и подпали теплотою сердечною и разъжегши огнь молитвы подъмѣшаі капусты благодаренія, и упаривши довольнымъ смиренномудріемъ, влей на блюдо разсужденія, доволно простудивши братолюбіемъ и часто прикладаі на раны сердечныя и тако уврачуеши болѣзни душевныя ѿ множества грѣховъ“ (III. 49).

Изъ раскольничьей литературы въ наши картинки вошли: „изъявленіе“ о триперстномъ сложеніи (№ 727) и двѣ картинки хлыстовскаго пошиба (№№ 873 и 1029). Наше изъявленіе представляетъ извлеченіе изъ книжки:

„извѣщеніе чудесе.... о сложеніи трехъ перстовъ“, изданной въ Москвѣ въ 1677 году и составленной въ обличеніе Выговскихъ старовѣровъ, которые защищали древнее двуперстное сложеніе. Позднѣе, почти черезъ полъ вѣка, къ этимъ старовѣрамъ, или, какъ они сами называли себя, „жителямъ Выговской пустыни“, былъ посланъ „отъ императора и синода“ іеромонахъ Неофитъ, „имѣти съ ними о происшедшемъ несогласіи такое краткое и безогласное разглаголство, яко принужденія нетворити насильно впроизвольной вѣрѣ“, для котораго они составили оправданія своего ученія, извѣстныя въ раскольничьей литературѣ подъ названіемъ поморскихъ отвѣтовъ.

Въ этихъ отвѣтахъ, написанныхъ прямо, здраво и логично, и обнаруживающихъ въ составителяхъ большую начитанность и знаніе, Выговцы, защищая двуперстное сложеніе, ссылаются на древнія рукописи и книги, на древнія иконы[172]), которыя положительно говорятъ въ ихъ пользу, а наконецъ на руки Кіевопечерскихъ преподобныхъ Іосифа и Ильи Муромца, у которыхъ „десныя руки были сложены на двуперстное знаменіе“[173]). Тогдашнимъ духовнымъ отцамъ было не подъ силу разобрать ихъ дѣльные доводы, да и до сихъ поръ доводы эти остались не только

[172]) Они не знали о существованіи древней гравюры, изданной въ Регенсбургѣ въ 1576 году и изображающей представленіе посольства кн. Сугорскаго къ императору Максимиліану, гдѣ всѣ стоящіе въ церкви бояре кладутъ крестъ двуперстнымъ сложеніемъ; а то не преминули бы сослаться на это, болѣе чѣмъ осязательное, доказательство.

[173]) Любопытно, что въ то время относительно рукъ Ильи Муромца и препод. Іосифа наши духовные отцы ничего не отвѣтили; затѣмъ, въ 1745 году, ловкій Ѳеофилактъ Лопатинскій приводилъ тѣже руки въ своемъ «обличеніи неправды раскольнической», но уже въ доказательство правоты триперстнаго сложенія. Выправизны, посланные старообрядцами въ Кіевъ въ новѣйшее время, разузнать, какъ сложены персты въ мощахъ Ильи Муромца, объявили, что персты у него растянуты, такъ что невидно, какъ онъ слагалъ ихъ при крестномъ знаменіи (IV. 61 и 62).

неопровергнутыми, но даже и ненапечатанными, хотя поморскіе отвѣты представляютъ едвали не самый замѣчательный и самый толковый памятникъ въ нашей раскольничьей литературѣ. На голословное обвиненіе Неофита: „что вашимъ де ложнымъ ученіемъ народъ волнуется", Выговцы отвѣчали: не нашимъ ученіемъ волнуется народъ, ибо всѣ знаютъ, какъ изстари молились и какія повизны Никономъ введены, „и паче вѣдятъ яко за тое древнецерковное содержаніе колицы замучени, колицы народи огнемъ сожжени быша не въ иныхъ градѣхъ токмо, но и во всемъ Олонецкомъ уѣздѣ, мнози тако пострадоши. Кія гонительныя случаи зѣло расширяютъ народное вѣдѣніе. И есть ли вопросиши младенцы, естьли жены истяжиши, за кія вины сіи замучени быша: зачто толицы народи огнемъ сожгошася; всяко услышиши, яко за двоперстное сложеніе, за древне церковныя книги, за непріиманіе новодѣйствуемаго причащенія, всѣ сіи замучишася или сожгошася. И аще сіе новопремѣненіе съ гоненіемъ женъ и младенцевъ наполни ушеса: како можетъ мужей утаитися (Поморскіе отвѣты, Рукоп. собр. Ундольскаго № 503, Москов. Публ. Муз.). Въ заключеніе своихъ отвѣтовъ поморскіе законоучители дѣлаютъ слѣдующее, весьма толковое и вѣское замѣчаніе: „яко въ различности вѣръ во Христа вѣрующіе каждый свою лучшую мнятъ: обаче древлецерковное благочестіе всѣхъ есть надежнѣйшее" (отв. 98).

Подъ очевиднымъ вліяніемъ хлыстовщины сдѣланы народныя картинки, описанныя подъ №№ 873 и № 1029. Картинка: „Изображеніе благовременнаго покаянія" (№ 1029) есть ничто иное, какъ извѣстное хлыстовское ликоствованіе, о которомъ упоминаетъ г. Печерскій въ своей повѣсти „На горахъ" (Русск. Вѣстн. CXXXVI. 601); другая картинка, № 873 „Образомъ разговоровъ устроена лядина", представляетъ „радѣніе" или

круговое хлыстовское хожденіе. На ней изображенъ вертоградъ, а кругомъ его прогуливающіеся, попарно, ангелы съ человѣками, ведущіе между собою разговоры о господнихъ страстяхъ, въ такомъ родѣ:

„вопросъ г. кто тебѣ (спасителю) смѣетъ бичами за сѣ
бити кій тебѣ можетъ зло сотворити.
Ѿвѣтъ. бичомъ за тебе азъ самъ продаюся
аще любити оусердно тя тщуся", и т. д.

Оба эти листа очень уважаются и хлыстами и скопцами; у послѣднихъ они сохраняются вмѣстѣ съ портретомъ Петра III, котораго они считаютъ послѣдователемъ своей секты (См. мой Словарь русскихъ портретовъ, стр. 134. № 33).

IX.

Народныя увеселенія. Масляница и Семикъ. Народныя увеселенія на Масляницѣ. Борцы и кулачные бойцы. Кулачные бои у гр. А. Г. Орлова. Бой одинъ на одинъ. Бойцы Сцѣплялка-свалка. Трещало и Ботинъ. Кадыкъ Ермакъ съ Парамошкой. Кукольная комедія во времена Олеарія. Петрушка, цыганъ, докторъ и «фатальный фицеръ». Собачка. Варюшка и Петрушкина сватьба. Устройство куколъ. Понукалка. Раекъ. Медвѣдь съ козою. Медвѣжья пляска. Медвѣди, заводимые для потѣхи. Медвѣжья травля. Запрещеніе медвѣдямъ танцовать. **Пьянство.** Вино есть веселіе Руси; да и у другихъ народовъ оно составляетъ такое же веселіе. Горькое положеніе русскаго человѣка. Хмѣль высокая голова. Совѣты Домостроя. Бражникъ въ раю. О числѣ испиваемыхъ чарокъ. Антека цѣлительная съ похмѣлья, сирѣчь кабакъ. **Болѣзни и лекарства противъ нихъ.** Лихарадки и зубная боль. Зелейники. Баня и горшки. Какимъ святымъ отъ чего молиться.

Масляница въ народномъ быту послѣдній зимній праздникъ, а потому и самый бѣшеный и разгульный, тѣмъ болѣе что за нимъ слѣдуетъ великій постъ, — этотъ скучный „старый хрѣнъ съ горькой рѣдькой,

толокномъ и пареной рѣпкой". Катанье съ горъ на санкахъ и ледякахъ, катанье па̀рами и тройками на розвальняхъ и обшивняхъ—продолжаются цѣлую недѣлю; но настоящій разгулъ начинается съ четверга и продолжается четыре дня, — въ субботу порядочные люди уже поминаютъ первымъ блиномъ родителей.

Въ послѣдній день масляницы, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, устраиваются цѣлые шутовскіе поѣзды съ ряжеными: на дровняхъ возятъ паяца-мужика, который веселитъ народъ своими прибаутками; возятъ гороховаго шута или соломенное чучело, похожее на женщину съ распущенными волосами; это называютъ „провожать масляницу". Въ полночь чучело сжигаютъ и тѣмъ масляничныя удовольствія заканчиваются.

Въ нашихъ картинкахъ, описанныхъ подъ №№ 92—95, нѣтъ указаній на такіе деревенскіе проводы масляницы: въ нихъ представлена Московская масляница XVIII вѣка; дѣйствіе происходитъ въ селѣ Покровскомъ и на Разгуляѣ, куда масляничный разгулъ былъ переведенъ еще при Петрѣ Первомъ [174]).

Масляницу ожидаютъ въ Покровскомъ; для встрѣчи ея готовятъ „вареныя яйца, въ маслѣ жареные пряженцы и хорошіе блинцы сѣянцы, пиво, медъ и вино" (I. 305). На картинкѣ ѣдетъ она изъ Ямской, въ одноконныхъ дровняхъ, прикрытыхъ рогожей; впереди скачутъ скоморохи на свиньяхъ и музыканты. Кругомъ, въ квадратикахъ, представлены въ лицахъ различные масляничные эпизоды: одни ожидаютъ, что „масляница, такъ будетъ гулять съ нами, что и мужья подерутся съ женами. Скакать и плясать будетъ яко коза, а другимъ подбиты будутъ и

[174]) Pr. Dolgorouki, Guide de Moscou, 51. Впослѣдствіи масляничныя горы устраивались на Неглинной, потомъ переведены на Москву рѣку, оттуда подъ Новинское, гдѣ и въ прежнее время устраивались качели и разныя увеселенія во время Пасхи, и наконецъ на Дѣвичье поле.

глаза"; другіе собираются „довольно подпивать, чтобъ и себя непознать; а хоть и съ себя что заложить, а масляницу проводить". Подъ этими послѣдними виршами представленъ парень, подающій цѣловальнику, въ окно, шапку, въ закладъ за вино; позади его стоитъ мужичекъ, котораго рветъ цѣлымъ ручьемъ; сбоку дожидаются своей очереди еще мужикъ съ бабой (I. 307). Въ главномъ отдѣленіи картинки помѣщены лицевыя изображенія Масляницы и Семика, ея пріятеля, перваго весенняго народнаго праздника. Масляница зоветъ его къ себѣ въ гости, величая „другомъ милымъ, углемъ горящимъ, камнемъ свѣтящимъ среди ночи осеннія"; на что Семикъ, поймавши масляницу въ окошечкѣ, „въ сахарныя уста ее цѣловалъ, за бѣлы груди хваталъ и такъ величалъ: душа моя, масляница, перепелиныя твои косточки, бумажное твое тѣло, русая коса, тридцати братовъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трехъ матерей дочка, кеточка, ясочка, ты же моя перепелочка" (I. 304); въ открытыя двери, въ комнатѣ масляницы видны березки, напоминающія извѣстный обычай русскихъ дѣвушекъ завивать въ семикъ вѣнки на березкахъ,—чей вѣнокъ до троицына дня разовьется, той и за мужъ въ томъ году выдти. Въ семикъ въ Москвѣ происходило первое народное гулянье, на волѣ, въ Марьиной рощѣ, подъ березками.

Однимъ изъ главныхъ увеселеній на масляницѣ были борьба и кулачные бои (о которыхъ упоминается и на картинкѣ № 92). Въ первой книгѣ описаны двѣ картинки, изображающія борцовъ [175]) (одна изъ нихъ — борцовъ Калужскихъ); на третьей картинкѣ борется тоже „не въ схватку" господинъ въ камзолѣ и треугольной шляпѣ съ простымъ мужикомъ въ лаптяхъ (№ 201, I. 433 — 434;

[175]) Внизу представлены два яйца въ смятку, которыя назначаются тому, кто «поборетъ кого не въ схватку» (№№ 199 и 200).

IV. 302—304). Борьба была разная: простая борьба, въ схватку,—въ которой противники охватываютъ другъ друга обѣими руками (сграбившись) [176]), и возятся въ такомъ положенiи, стараясь сломить одинъ другаго на бою и свалить на землю, причемъ, смотря по условiю, допускается и подножка: борецъ подставляетъ противнику ногу и сразу сваливаетъ его на нее [177]). Въ другой охотничьей борьбѣ, не въ схватку, противники берутъ другъ друга за плеча, или за воротъ, иногда за поясъ, двумя руками, а больше одной, и каждый старается повалить противника на сторону, ударить о свое бедро и, подкинувъ кверху, бросить о землю (IV. 303). Большiе искусники въ этой борьбѣ были цыгане-лошадники и на Московской конной площади такую борьбу ихъ можно было видѣть каждое воскресенье. Практиковался и особый способъ борьбы, такъ называемый Московскiй, при которомъ борецъ, покосивъ противника на правую сторону, вмѣстѣ съ тѣмъ, подбивалъ ему носкомъ правой ноги его лѣвую ногу и этимъ способомъ мгновенно сшибалъ его съ ногъ на землю 181); съ этой борьбы вошла и народная поговорка: „матушка Москва, бьетъ родимая съ носка“.

Впрочемъ борьба одинъ на одинъ не давала народу настоящаго простора и потому далеко не была въ такомъ ходу, какъ бой на кулачкахъ, который представлялъ возможность принимать участiе въ общей свалкѣ не только взрослымъ, но и малолѣткамъ. Обстоятельное извѣстiе о томъ, до чего доходили старинные кулачные бои наши, мы находимъ въ указѣ 21 iюля 1726 года; въ немъ го-

---

[176]) Охватываютъ другъ друга руками на крестъ, при чемъ не позволено брать подъ силки, т. е. подъ обѣ мышки разомъ.

[177]) «На носокъ востеръ», говорятъ про такого искусника (Кирѣевскiй, Пѣсни, I. 10). О такой борьбѣ упоминается въ пѣсняхъ о шуринѣ царя Ивана Васильевича—Мастрюкѣ (см. примѣч. къ № 199).

ворится, что на кулачныхъ бояхъ, происходящихъ на Адмиралтейской сторонѣ, на лугу, позади двора графа Апраксина и на Аптекарскомъ островѣ, многіе бойцы другъ за другомъ гоняются съ ножами, другіе закладываютъ въ рукавицы каменья, кистени и ядра, отчего во время тѣхъ боевъ происходятъ убійства, которыя „нивочто вмѣняются“. Для устраненія чего приказано было бои производить не иначе, какъ съ дозволенія главной полицейской канцеляріи и на указанномъ мѣстѣ, выбравъ напередъ для надзора изъ среды себя сотскихъ, чтобы увѣчнаго бою не было; и кто упадетъ, лежащихъ никого не били-бъ [178]). Особенною извѣстностію пользовались кулачные бои, происходившіе въ присутствіи страстнаго охотника до нихъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова, передъ зимнимъ его домомъ, что въ Нескучномъ; въ этомъ домѣ былъ даже устроенъ особый фонарикъ, изъ котораго Орловъ смотрѣлъ на бой, когда самъ почему либо на немъ не присутствовалъ. Передъ боемъ привозили цѣлыми возами кожаныя рукавицы; сбирались партіями фабричные съ разныхъ фабрикъ, цѣловальники и мясники. Случались охотники и изъ купцовъ, въ лисьихъ шубахъ и даже изъ господъ. Вся орава раздѣлялась на двое и выстраивалась другъ передъ другомъ въ двѣ стѣны; драку начинали, въ небольшихъ бояхъ, — мальчики, въ большихъ заправскихъ бояхъ, — заводные, одинъ на одинъ, потомъ шли всѣ остальные, стѣна на стѣну; запасные бойцы стояли въ сторонѣ и принимали участіе въ дракѣ только тогда, когда ихъ стѣну начинала тѣснить противная стѣна. Сцѣплялка-свалка, въ которой бой обращался въ безпорядочную свалку и безцѣльное тузеніе по зубамъ, не причислялась къ охотничьимъ боямъ,

---

[178]) Отчего и произошла народная поговорка: лежачаго не бьютъ (Полн. собр. зак. VII. 4939).

а представляла переходъ къ простой обиходной дракѣ. Побѣда заканчивалась крикомъ: „наша взяла"; „а рыло въ крови" — добавляетъ пословица. Иногда выходили драться, но только одинъ на одинъ, — сынъ графа Алексѣя Григорьевича, отличавшійся необыкновенною силою [179]), и его любимцы: худенькій, поджарый приказный чиновникъ Ботинъ, такой же плюгавый фабричный Соколикъ и огромнаго роста силачъ фабричный Семенъ Трещала, который, по сказанію Измайлова (IV. 306), одинъ валилъ цѣлую стѣну бойцевъ и вышибалъ кулакомъ изразцы изъ печи. Объ этомъ послѣднемъ случаѣ я слышалъ отъ Московскаго старожила В. Ѳ. Щербакова вотъ что: разъ игралъ Трещала съ чиновникомъ Ботинымъ на биліардѣ въ трактирѣ, да и поссорились; развернулся Трещала его ударить, да тотъ увернулся, — Трещала и попалъ кулакомъ въ печь, да такъ цѣлый изразецъ изъ печи вонъ и вышибъ. Тутъ ударилъ Трещалу Ботинъ, да угодилъ прямо въ високъ и убилъ его сразу; начали было его таскать по судамъ, но графъ Орловъ выручилъ, — онъ и до конца жизни покровительствовалъ ему [180]). Жихаревъ разсказываетъ, что на бывшемъ, у палатки гр. Орлова (подъ Дѣвичьимъ), кулачномъ бою, соперники предварительно обнимались и цѣловались троекратно. Побѣдителемъ при немъ вышелъ трактирный служка изъ пѣвческаго трактира, Герасимъ Ярославецъ, — мужичекъ

---

[179]) Попозже дрался, говорятъ, графъ Ростопчинъ, который учился этому ремеслу въ 1788 году у Англичанъ (записки гр. Комаровскаго: XIX-й вѣкъ, 1 кн., 329).

[180]) Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія славился необычайной силой морякъ Лукинъ: онъ свертывалъ въ трубку серебряныя тарелки, разгибалъ подковы, втыкалъ до половины въ доску корабельные гвозди, и производилъ др. невѣроятныя штуки. Въ Турецкую кампанію ему оторвало ядромъ обѣ ноги. Деньщикъ его Илья, тоже большой силачъ, былъ впослѣдствіи лейбъ-кучеромъ императора Александра I-го.

лѣтъ 50-ти, небольшой, но плечистый, съ длинными мускулистыми руками и огромными кулаками (Зап., 92).

Еще въ недавнее время кулачные бои происходили у насъ почти повсемѣстно: на Окѣ и на Волгѣ собирались партіи человѣкъ по пятисотъ и болѣе (Русск. Вѣстн. 1876. Іюль. 80); въ Костромѣ Дебряне ходили стѣна на стѣну противъ Сулянъ (жители двухъ слободъ); а въ Тулѣ оружейники ходили противъ посадскихъ въ цѣплялку-свалку. Сахаровъ называетъ имена Тульскихъ бойцовъ, ходившихъ только одинъ на одинъ и получившихъ большую извѣстность (Сказки, II. 58). Партіи или стѣны для боевъ приготовлялись заранѣе; охотники купцы ѣздили, разыскивали голіаѳовъ, поили, кормили ихъ и выхоливали ко дню судному.

Не смотря на всѣ запрещенія производить кулачные бои, они все таки производятся зачастую и въ наше время; да и особенной опасности въ нихъ для народнаго здравія и нравственности, съ деревенской точки зрѣнія, не видится: до смертныхъ случаевъ, при „честныхъ условіяхъ боя", никогда не доходитъ; кому не подъ силу, тотъ подъ ноги, — а лежачаго не бьютъ; и кончается себѣ бой тѣмъ, что молодцы (по народному выраженію), на добромъ морозцѣ, другъ другу бока погрѣютъ, да носы подрумянятъ.

А какъ Англичане, „образованная нація", да Американцы до настоящаго времени дерутся, разсказано въ примѣчаніи къ № 199 (IV. 307).

На нашей картинкѣ № 198, дерутся на кулачкахъ добрые молодцы Ермакъ или попросту Ермошка съ Парамошкой пономаремъ[181]). Это тотъ самый Ерема, что такъ

---

[181]) Пономари зачастую отличались необыкновенной силой; «если ужъ изъ семинаріи или бурсы, не смотря на всѣ злоключенія, выйдетъ здоровый непорченый человѣкъ, говоритъ Щаповъ,—то ужъ это силища

сладко съ другомъ своимъ Ѳомою ѣдалъ и до слезъ сиралъ (№ 188). Рожа у нихъ считается дешевле одежи: одежу раздерешь, придется купить новую, а рожа и сама подживетъ, а не подживетъ, такъ и такъ сойдетъ.

Во всѣхъ городахъ и деревняхъ устраивались на масляницѣ ледяныя горы и качели, и стекались со всѣхъ краевъ странствующія комедіи для народной потѣхи. Въ числѣ древнѣйшихъ потѣхъ этого рода, о которыхъ мы имѣемъ обстоятельныя извѣстія и которыя оставались въ своемъ первобытномъ видѣ еще очень недавно, впереди стоятъ: кукольный театръ съ Петрушкой и Медвѣдь съ козою.

Въ Шлезвигскомъ изданіи Олеарія 1656 года (Vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung. Schleswig 1656. стр. 103) помѣщена чрезвычайно любопытная картинка съ изображеніемъ этихъ народныхъ представленій. Впереди кукольная комедія: мужикъ, подвязавъ къ поясу женскую юбку съ обручемъ въ подолѣ, поднялъ ее кверху,—юбка эта закрываетъ его выше головы, онъ можетъ въ ней свободно двигаться руками, выставлять куколъ на верхъ и представлять цѣлыя комедіи; справа сидитъ гусляръ и стоитъ гудочникъ, слѣва паясничаетъ передъ народомъ молодой парень, а вдали вожакъ заставляетъ танцовать медвѣдя.

По словамъ Олеарія кукольный комедіантъ всегда находился при медвѣжьемъ вожакѣ; онъ-же исправлялъ и должность козы и паяца. Шутовства и самыя комедіи, замѣчаетъ Олеарій, были всегда самаго скоромнаго содержанія.

необычайная, кулачище страшенный,—стѣну выбьетъ въ бою; въ обѣдъ краюху хлѣба съѣстъ, ведро квасу выпьетъ, да сорока калачами закуситъ,—некрякнетъ» (въ родѣ скоропита идолища).

Въ картинкѣ (стр. 103), на переносной юбочной сценѣ, не трудно различить дошедшую до нашего времени, классическую комедію о томъ, какъ цыганъ продавалъ Петрушкѣ лошадь. Справа высунулся цыганъ,—онъ очевидно хвалитъ лошадь; въ срединѣ длинноносый Петрушка, въ огромномъ колпакѣ, поднялъ лошадкѣ хвостъ, чтобы убѣдиться сколько ей лѣтъ; слѣва должно быть Петрушкина невѣста, Варюшка. Комедія эта играется въ Москвѣ, подъ Новинскимъ, и до настоящаго времени; содержаніе ея очень не сложно: сперва является Петрушка, вретъ всякую чепуху виршами, картавя и гнуся въ носъ,— разговоръ ведется посредствомъ машинки, приставляемой къ нёбу, надъ языкомъ, точно такъ, какъ это дѣлается у французовъ и итальянцевъ. Является цыганъ, предлагаетъ Петрушкѣ лошадь. Петрушка осматриваетъ её, при чемъ получаетъ отъ лошади брычки то въ носъ, то въ брюхо; брычками и пинками переполнена вся комедія,— они составляютъ самую существенную и самую смѣхотворную часть для зрителей. Идетъ торгъ, — цыганъ говоритъ безъ машинки, басомъ. Послѣ длинной переторжки, Петрушка покупаетъ лошадь; цыганъ уходитъ. Петрушка садится на свою покупку; покупка бьетъ его передомъ и задомъ, сбрасываетъ Петрушку и убѣгаетъ, оставляя его на сценѣ за̀мертво. Слѣдуютъ жалобный вой Петрушки и причитанья на преждевременную кончину добраго молодца. Приходитъ докторъ: гдѣ у тебя болитъ?—вотъ здѣсь! И здѣсь?—и тутъ! Оказывается, что у Петрушки все болитъ. Но когда докторъ доходитъ до нѣжнаго мѣста, — Петрушка вскакиваетъ и цапъ его по уху; докторъ даетъ сдачи, начинается потасовка, является откуда-то палка, которою Петрушка окончательно и успокоиваетъ доктора.

„Какой-же ты докторъ", кричитъ ему Петрушка, „коли спрашиваешь, гдѣ болитъ? — на что̀ ты учился? — самъ

долженъ знать гдѣ болитъ! Еще нѣсколько минутъ, — является квартальный, или, по кукольному „фатальный фицеръ“. Такъ какъ на сценѣ лежитъ мертвое тѣло, то Петрушкѣ производится строгій допросъ (дискантомъ): „зачѣмъ убилъ доктора?“—отвѣтъ (въ носъ): „затѣмъ, что свою науку худо знаетъ—битаго смотритъ, во что битъ не видитъ, да его-же еще и спрашиваетъ“.

Слово зà слово,—видно допросъ фатальнаго Петрушкѣ не нравится,—онъ схватываетъ прежнюю палку, и начинается драка, которая кончается уничтоженіемъ и изгнаніемъ фатальнаго, къ общему удовольствію зрителей; этотъ кукольный протестъ противъ полиціи производитъ въ публикѣ обыкновенно настоящій фуроръ.

Пьеса кажется-бы и кончилась; но что дѣлать съ Петрушкой? И вотъ на сцену вбѣгаетъ деревянная собачка-пудель, обклеенная по хвосту и по ногамъ клочками взбитой ваты, и начинаетъ лаять со всей мочи (лай придѣланъ внизу изъ лайки). „Шавочка — душечка“, ласкаетъ её Петрушка:—„пойдемъ ко мнѣ жить, буду тебя кошачьимъ мясомъ кормить“; но шавочка, ни съ того ни съ сего, хвать Петрушку за носъ; Петрушка въ сторону, она его за руку, онъ въ другую, она его опять за носъ; наконецъ Петрушка обращается въ постыдное бѣгство. Тѣмъ комедія и оканчивается. Если зрителей много, и Петрушкину свату, т. е. главному комедіанту, дадутъ на водку, то вслѣдъ за тѣмъ представляется особая интермедія, подъ названіемъ Петрушкиной сватьбы. Сюжета въ ней нѣтъ никакого, за то много дѣйствія. Петрушкѣ приводятъ невѣсту Варюшку; онъ осматриваетъ её на манеръ лошади. Варюшка сильно понравилась Петрушкѣ и ждать сватьбы становится ему не въ терпежъ, почему и начинаетъ онъ ее упрашивать: „пожертвуй собой, Варюшка!“ За тѣмъ происходитъ заключительная сцена, при которой прекрасный полъ присутствовать не можетъ. Это

уже настоящій и „самый послѣдній конецъ“ представленія; за тѣмъ Петрушка отправляется на наружную сцену балаганчика врать всякую чепуху и зазывать зрителей на новое представленіе.

Въ промежуткахъ между дѣйствіями пьесы, обыкновенно представляются танцы двухъ арапокъ, — иногда цѣлая интермедія о дамѣ, которую ужалила змѣя (Ева?); тутъ же наконецъ показывается игра двухъ паяцовъ мячами и палкой. Послѣдняя выходитъ у опытныхъ кукольниковъ чрезвычайно ловко и забавно; у куклы корпуса нѣтъ, а только поддѣлана простая юбочка, къ которой сверху подшита пустая картонная голова, а съ боковъ руки, тоже пустыя. Кукольникъ втыкаетъ въ голову куклы указательный палецъ, а въ руки—первый и третій пальцы; обыкновенно напяливаетъ онъ по куклѣ на каждую руку и дѣйствуетъ такимъ образомъ двумя куклами разомъ. При кукольной комедіи бываетъ всегда шарманка, замѣнившая старинную классическую волынку, гусли и гудокъ; шарманщикъ вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ „понукалкой“, т. е. вступаетъ съ Петрушкой въ разговоры, задаетъ ему вопросы и понукаетъ продолжать вранье свое безъ остановки [182]).

Приходъ вожака съ медвѣдемъ еще очень недавно составлялъ эпоху въ деревенской заглушной жизни: все бѣжало къ нему на встрѣчу, — и старый и малый; даже бабушка Анофревна, которая за немоготою уже пятый годъ съ печки не спускалась, и та бѣжитъ.

— „Куда ты это, старая хрычевка?“ — кричитъ ей вслѣдъ баринъ.

---

[182]) Сравни устройство кукольнаго театра въ Бѣлоруссіи, о которомъ говорено въ прим. къ № 92 (IV. 211).

— „Ахъ батюшки“, прихлебываетъ Анофревна: „такъ ужъ медвѣдя-то я и не увижу?“—и семенитъ далѣе [183]).

Представленіе производится обыкновенно на небольшой лужайкѣ; вожакъ — коренастый пошехонецъ; у него къ поясу привязанъ барабанъ; помощникъ—коза, мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати, и наконецъ главный сюжетъ—Ярославскій медвѣдь Михайло Иванычъ, съ подпиленными зубами и кольцемъ, продѣтымъ сквозь ноздри; къ кольцу придѣлана цѣпь, за которую вожакъ и водитъ Михайлу Иваныча; если-же Михайло Иванычъ очень „дурашливъ“, то ему, для опаски, выкалываютъ и глядѣлки.

— „Нутка Мишенька“, начинаетъ вожакъ: „поклонись честнымъ господамъ, да покажи-ка свою науку, чему въ школѣ тебя пономарь училъ, какимъ разумомъ наградилъ. И какъ красныя дѣвицы, молодицы, бѣлятся, румянятся, въ зеркальце смотрятся; прихорашиваются“.—Миша садится на землю, третъ себѣ одной лапой морду, а другой вертитъ передъ рыломъ кукишъ, — это значитъ дѣвица въ зеркало смотрится.

— „А какъ, Миша, малыя дѣти лазятъ горохъ воровать“. — Миша ползетъ на брюхѣ въ сторону.

— „А какъ бабушка Ероѳѣевна блины на масляной печь собралась, блиновъ не напекла, только со слѣпу руки сожгла, да отъ дровъ угорѣла. Ахъ блинцы, блины!“ — Мишка лижетъ себѣ лапу, мотаетъ головой, и охаетъ.

—„А ну-ка Михайло Иванычъ, представьте, какъ попъ Мартынъ къ заутрени не спѣша идетъ, на костыль упирается, тихо впередъ подвигается; — и какъ попъ Мартынъ отъ заутрени домой гонитъ, что и попадья его не догонитъ“ [184]) „И какъ старый Терентьичъ изъ избы

---

[183]) Списано съ натуры.

[184]) Или же: «А какъ бабы на барскую работу не спѣша бредутъ?»—Мишенька едва передвигаетъ лапу за лапой. «И какъ бабы съ барской работы домой бѣгутъ?» — Мишенька принимается шагать въ сторону.

въ сѣни пробирается, къ молодой снохѣ подбирается".— Михайло Иванычъ семенитъ и путается ногами. — „И какъ барыня съ бабъ въ корзинку тальки да яица собираетъ, складываетъ, а баринъ все на дѣвичью работу посматриваетъ, не чисто-де ленъ прядутъ, ухмыляется, знать до Параанькинова льна добирается".—Михайло Иванычъ ходитъ кругомъ вожака, и треплетъ его за гашникъ.

—„А нуте Мишенька, представьте, какъ толстая купчиха отъ Николы на Пупышахъ, напившись, нажравшись, какъ налитой к. . .ъ сидитъ, мало говоритъ; черезъ слово рыгнетъ, черезъ два пе. .нетъ". — Мишенька садится на землю и стонетъ [185]).

За тѣмъ вожакъ пристраиваетъ барабанъ, а мальчикъ его устраиваетъ изъ себя козу, т. е. надѣваетъ на голову мѣшокъ, сквозь который, вверху, проткнута палка съ козлиной головой и ро́жками. Къ головѣ этой придѣланъ деревянный языкъ, отъ хлопанья котораго происходитъ страшный шумъ. Вожакъ начинаетъ выбивать дробь [186]), дергаетъ медвѣдя за кольце, а коза выплясываетъ около Михайла Иваныча трепака, клюетъ его деревяннымъ языкомъ и дразнитъ; Михайло Иванычъ бѣсится, рычитъ, вытягивается во весь ростъ, и кружится на заднихъ лапахъ около вожака,—это значитъ: онъ танцуетъ. Послѣ такой неуклюжей пляски вожакъ даетъ ему въ руки шляпу и Михайло Иванычъ обходитъ съ нею честную публику, которая бросаетъ туда свои гроши и копѣйки. Кромѣ того и Мишѣ и вожаку подносится по рюмкѣ водки, до которой Миша большой охотникъ; если-же хозяева тароватые, то къ представленію прибавляется еще дѣйствіе: вожакъ ослабляетъ Мишину цѣпь, со сло-

[185]) Записано на самомъ представленіи, которое въ натурѣ бывало несравненно скоромнѣе.

[186]) Отсюда произошло и бранное названіе: «ахъ ты отставной козы-барабанщикъ».

вами: „а ну-ка Миша, давай поборемся“, схватываетъ его подъ силки и происходитъ борьба, которая оканчивается не всегда благополучно, такъ что вожаку иногда приходится и самому представлять, „какъ малыя дѣти горохъ воруютъ“, — и хорошо еще если онъ отдѣлается при этомъ одними помятыми боками, безъ переломовъ.

Клеплютъ еще на Михайлу Иваныча, будто онъ до бабъ охотникъ, и на этотъ предметъ даже скоромная картинка сочинена (см. № 180); но бабы говорятъ, что это вздоръ, положительно; — а вотъ какое повѣрье на самомъ дѣлѣ записано въ одномъ Румяцевскомъ сборникѣ 1754 г.: „тяжелыя де бабы, для примѣты, даютъ изъ своихъ рукъ медвѣдю хлѣбъ; если онъ при этомъ рыкнетъ—то родится дѣвочка, а если возьметъ молча— то будетъ мальчикъ“.

Обыкновенно медвѣжья компанія ходитъ только втроемъ: вожакъ, медвѣдь — Михайло Иванычъ и коза; но бываетъ, что, изъ финансовыхъ соображеній, два вожака соединяются вмѣстѣ: одинъ съ Михайломъ Иванычемъ, а другой съ Марьей Ивановной (медвѣдицей), и берутъ съ собой только одну козу.

Медвѣжья пляска составляетъ народную забаву съ глубокой древности; о ней упоминаетъ и домострой и грамоты 1648 и 1649 гг., изъ которыхъ послѣдняя неуспѣшно пыталась запретить ее, равно какъ и пляску съ собаками (см. прим. къ №№ 92 и 177). Кромѣ пляски, медвѣдей держали издавна и для травли (прим. къ № 177) и для потѣхи во дворѣ и въ комнатахъ. Въ примѣчаніи къ № 177 помѣщены нѣкоторыя по этому предмету свѣдѣнія; изъ нихъ видно между прочимъ, что Малюта Скуратовъ и Ромодановскій травили медвѣдями людей, а для императрицы Елизаветы Петровны медвѣдей обучали танцованію въ Невской лаврѣ: въ 1754 году послано было туда изъ дворцоваго кабинета два медвѣдя келейнику

Карпову, который и доносилъ о нихъ, что одного онъ обучилъ „ходить на заднихъ лапахъ, даже въ платьѣ". а „другой де медвѣденокъ къ наукѣ не понятенъ весьма сердитъ" (IV. 291).

Что касается до травли на самаго медвѣдя, то такая травля существовала въ Москвѣ почти до шестидесятыхъ годовъ, за Рогожской заставой; на эту медвѣжью травлю, каждое воскресенье, собиралось множество народа, посмотрѣть, какъ „коровьяго врага" собаки треплютъ. Съ устройствомъ общества покровительства животнымъ „сія народная потѣха" упразднена; вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено и танцовать какъ медвѣдямъ, такъ и собачкамъ съ обезьянами; исключеніе сдѣлано для однихъ пріѣзжихъ, иностранныхъ [187]).

[187]) Въ такихъ же видахъ умягченія народныхъ сердецъ и дальнѣйшаго очищенія нравственности, подверглись уничтоженію и старинные раешники. Раекъ,—это небольшой, аршинный во всѣ стороны, ящикъ, съ двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается съ одного катка на другой длинная полоса съ доморощенными изображеніями разныхъ городовъ, великихъ людей и событій. Зрители, «по копѣйкѣ съ рыла», глядятъ въ стекла, — раешникъ передвигаетъ картинки и разсказываетъ присказки къ каждому новому нумеру, часто очень замысловатыя: «а вотъ извольте видѣть, господа, андереманиръ штукъ—хорошій видъ, городъ Кострома горитъ; вонъ у забора мужикъ стоитъ — с..тъ; квартальный его за воротъ хватаетъ, — говоритъ, что поджигаетъ, а тотъ кричитъ, что заливаетъ (намекъ на знаменитые Костромскіе пожары, во время которыхъ собственное неряшество обвиняло въ поджигательствѣ чуть не каждаго попавшагося, поголовно). Картинка перемѣняется, выходитъ Петербургскій памятникъ Петра перваго: «а вотъ андереманиръ штукъ—другой видъ, Петръ первый стоитъ; государь былъ славный да притомъ же и православный; на болотѣ выстроилъ столицу, ...; государь былъ славный, да притомъ же и православный». Еще картинка: «а вотъ андереманиръ штукъ—другой видъ, городъ Палерма стоитъ; барская фамилія по улицамъ чинно гуляетъ и нищихъ тальянскихъ русскими деньгами щедро надѣляетъ. А вотъ извольте посмотрѣть андереманиръ штукъ— другой видъ, Успенскій соборъ въ Москвѣ стоитъ; своихъ нищихъ въ шею бьютъ, ничего не даютъ» и т. д. Въ концѣ происходятъ показки ультра-

„Руси веселіе есть пити, не можетъ безъ того быти!" отвѣчалъ великій князь Владиміръ татарскимъ посламъ, предлагавшимъ ему обратиться въ магометанскую вѣру; такъ по крайней мѣрѣ разсказываетъ намъ преподобный лѣтописецъ Несторъ [188]). Съ другой стороны, этими-же словами великаго Владиміра обыкновенно начинается огульное обвиненіе Русской земли и русскихъ въ безпросыпномъ пьянствѣ, — съ легкой руки Олеарія, который, забывъ пьянство своихъ соотечественниковъ, твердитъ также о томъ, что у русскихъ-де всѣ пьяницы, и мущины и женщины, даже въ высшихъ (?) кругахъ.

Полно, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ; на одной-ли Руси вино составляло веселіе: взгляните, какъ пьютъ „образованныя націи", англичане напримѣръ, — да и не въ древнее время, а въ наше, теперешнее; сколько крѣпкаго вина истребляютъ эти глотуны-обжоры передъ ѣдою и послѣ стола [189]). Французъ только потому и не можетъ напиться своимъ виномъ, что пьетъ его замѣсто воды, съ утра до ночи. Про стараго нѣмца въ Европѣ даже поговорка была сложена: „Germanis vivere et bibere", „ivrogne comme un allemand", говоритъ французъ; „пьянъ какъ сапожникъ", добавляетъ русскій, — а извѣстно, что всѣ сапожники у насъ были нѣмцы; только въ послѣднее время нѣмецъ замѣнилъ вино пивомъ, которымъ и пропахли всѣ закоулки его чистенькихъ городковъ. Поляки пьютъ походя; о знатныхъ-же полякахъ еще Курбскій писалъ, что: — „пьютъ они безъ мѣры, заваливаются въ

скоромнаго пошиба, — о томъ напримѣръ, какъ: «зять тещу завелъ въ осиновую рощу», и о томъ, какъ: «она ему твердила...», и т. д., которыя для печати уже совсѣмъ непригодны.

[188]) «Нѣтъ худа безъ добра», говоритъ старинная пословица — хоть и много зла принесло намъ зеленое вино, но безъ него пожалуй мы бы и въ настоящіе татары попали.

[189]) Передъ чѣмъ, для приличія, и женщинъ изъ столовой выпроваживаютъ.

перины, а проспавшись на другой день къ полудню, со связанными головами, едва живы съ похмѣлья". У сербовъ: „нема лица безъ црвена винца", ни радости „безъ зелена винца". У черногорцевъ на сватьбѣ тоже не менѣе семи тостовъ роспивается (Боричевскій, II. 116).

Почему-жъ бы это и русскому человѣку не выпить. По словамъ Космографіи, въ странѣ, гдѣ онъ живетъ, „мразы бываютъ великіе и нестерпимые"; ну и „моменты" бываютъ въ его жизни тоже некрасивые: въ прежнее время, напримѣръ, въ безшабашную солдатчину отдадутъ на двадцать пять лѣтъ, — до калѣчной старости; или пожаръ село вымететъ, самому ѣсть нечего, а подати круговой порукой выколачиваютъ; или самъ охотой отъ такой поруки воло́мъ въ бурлаки закабалится; или хорошей баринѣ мужички въ руки достанутся, которая бывало въ конецъ деревню раззоритъ. Много духовной силы надо, чтобы устоять тутъ передъ могущественнымъ хмѣлемъ: „пей, забудешь горе", поетъ пѣсня. „Азъ есмь хмѣль высокая голова, болѣ всѣхъ плодовъ земныхъ", говоритъ о себѣ хмѣль въ народной картинкѣ (№ 104—106), „силенъ и богатъ, добра у себя никакого не имѣю, а имѣю ноги тонки и утробу прожорливую; а руки мои обдержатъ всю землю", и не устрашитъ его, что рядомъ, въ другой картинкѣ (№ 107), духовными отцами расписываются всѣ ужасы пьянства: „какъ отъ вина развратно руки трясутся, колѣни скорчатся и жилы сволокутся, лице обрюзгло сотворится и весь человѣкъ непотребенъ явится";

и приводятся такія, напримѣръ, вирши:

„Аще содружится со мною великій властелинъ
И я учиню его аки глупый поселянинъ,
Аще содружится со мною попъ
И онъ будетъ аки кабацкій котъ.

Аще содружится со мною чернецъ
И онъ будетъ аки верченый жеребецъ“....

И такъ далѣе въ этомъ же родѣ,—о томъ, что́ будетъ съ пьянымъ холопомъ, съ пьяной женой, и съ поселяниномъ.

„Веселіе души вино: піемъ во время прилично“, говоритъ премудрый Сирахъ (XXXI. 33); „вино веселитъ сердце человѣка (I. 408. 12) невинно вино, укоризно-же піанство“. „Если ты званъ на сватьбу“, говоритъ Домострой, „не напивайся, гадко, — какъ стелька ляжешь,— уснешь, гдѣ свалишься; все на себѣ измараешь, и все съ себя растеряешь. Еще хуже если пойдешь ты домой, да до дому не дойдешь, а на пути уснешь; снимутъ съ тебя и платье и сорочку и обдерутъ на̀чисто“. Но тутъже благочестивый авторъ спѣшитъ оговориться: — „я не говорю тебѣ не пить, — не буди то: пей, да не упивайся; пей мало, стомаха ради и частыхъ твоихъ недугъ“; „пьяницы царствія Божія не наслѣдуютъ“ (Домосторой, стр. 14). Впрочемъ и эта послѣдняя угроза является несостоятельною, понеже существуетъ легенда, что пьяницѣ не трудно попасть и въ рай, лишь-бы онъ въ земной жизни своей, за всякимъ ковшомъ вина, Господа Бога прославлялъ [190]).

[190]) Одинъ изъ такихъ бражниковъ, по смерти своей, прямо отправился въ рай и ну стучать въ двери.—«Кто тутъ?» спрашиваетъ апостолъ Петръ. — «Я, бражникъ», отвѣчаетъ тотъ. — «Бражникамъ здѣсь не входимо», говоритъ Петръ. — «А ты, Петръ, трижды отъ Христа отрекся, а все ты въ рай попалъ», отвѣчаетъ бражникъ; и отошелъ Петръ посрамленъ. Такимъ-же образомъ отошли отъ него и апостолъ Павелъ, котораго бражникъ упрекнулъ тѣмъ, что онъ въ первомученика Стефана камень кинулъ; и царь Давидъ, котораго бражникъ обвинилъ въ томъ, что онъ слугу своего Урія на вѣрную смерть послалъ; и царь Соломонъ, поклонявшійся идоламъ въ угоду своимъ женамъ; и святитель Никола, которому бражникъ выговорилъ, что онъ на соборѣ Арія заушилъ, а святителямъ «не подобаетъ рукою дерзку быти». Послѣднее состязаніе у бражника происходило съ Іоанномъ Богословомъ: — «Вы съ Лукою въ Евангеліи написали: другъ друга любяй, а Богъ всѣхъ любитъ, — а вы

Относительно женщинъ „вождь по жизни“ наставляетъ: на сватьбѣ, старой гостьѣ подносить чару (вина) при всѣхъ — ей та чара не въ укоръ; молодую гостью вызвать послѣ обѣда, будто на совѣтъ, да и тутъ одной подносить чару, съ поклономъ и почетомъ; а то все дѣлать въ утай, чтобъ „было безъ зазора и безъ укора отъ злыхъ людей“.

По наставленію Пчелы, первая чаша пьется во здравіе, вторая въ веселіе, третья въ согласіе, а четвертая въ пьянство; по другому духовному источнику, число чашъ доходитъ до девяти: послѣ девятой человѣкъ обращается въ свинью и ползаетъ на карачкахъ (I. 324). Въ свѣтскихъ картинкахъ дѣло толкуется гораздо проще: въ Аптекѣ цѣлительной съ похмѣлья (I. 330) хлѣбное вино рекомендуется разумно употреблять, чтобъ и послѣдняго ума не потерять; а именно по три раза въ сутки: „какъ станетъ свѣтъ, призвать друга къ себѣ въ привѣтъ [191]); вторую передъ обѣдомъ, съ своимъ ближнимъ сосѣдомъ; третью съ молодцами послѣ полудни, — и то не въ праздникъ, а въ будни“. „Кто празднику радъ, говоритъ пословица, тотъ до свѣту пьянъ“; „а коли гулящіе (праздничные) дни случатся“, продолжаетъ Аптека, „пускай въ

меня ненавидите; либо ты руки своея отпишись, либо словъ отопрись!» Тогда Иванъ Богословъ сказалъ ему: — «немогу отъ своего слова отпереться, ты еси нашъ человѣкъ, бражникъ! вниди къ намъ въ рай».

Въ раю бражникъ тотчасъ-же помѣстился на лучшемъ мѣстѣ, и когда святые отцы приступили къ нему, какъ онъ смѣлъ туда сѣсть, онъ объявилъ имъ: — «святые отцы! не умѣете вы говорить съ бражникомъ, не токмо что съ трезвымъ!» И рекоша всѣ святіе отцы: — «буди благословенъ ты бражникъ, тѣмъ мѣстомъ во вѣки вѣковъ! Аминь!» (Памятники, изд. гр. Куш.-Безбор., II. 477).

[191]) Какъ говоритъ Пушкинъ:

«Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ!»

аптекѣ проспятся, чѣмъ въ другое мѣсто ходить опохмѣляться, или на улицѣ валяться"[192])

Эта Аптека цѣлительная, сирѣчь кабакъ[193]), очень курьезная картинка; въ ней наглядно представленъ обиходъ нашего народнаго клуба: комната въ два яруса; внизу стоитъ за стойкой цѣловальникъ Ермакъ[194]),—онъ перебраниваетcя съ солдатомъ; полѣвѣе, на лѣстницѣ, свѣсившись съ перилъ, стоитъ старый знакомый Савоська,—его рветъ цѣлымъ ручьемъ на полъ,—онъ „такъ упился,

---

[192]) О томъ, какъ пилъ самый народный изъ нашихъ царей, государь Петръ Первый, вмѣстѣ съ своимъ всепьянѣйшимъ и всешутѣйшимъ соборомъ, см. ниже въ главѣ XI, а также и на страницѣ 223-й V книги.

[193]) Первый кабакъ (по татарски кабакъ значитъ постоялый дворъ) построенъ при Грозномъ около 1552 года въ Москвѣ, на базарѣ, для опричнины; въ XVII вѣкѣ кабаки назывались тоже кружалами (отъ Krug,—кружка; въ Отзейскихъ провинціяхъ они и теперь зовутся этимъ именемъ, см. IV, 233), а дворы, откуда продавалось вино оптомъ, кружечными дворами; названіе питейныхъ домовъ дано имъ въ 1779 г.; впрочемъ старинное слово кабакъ удержалось и до нашего времени. Встарину кабакъ представлялъ нѣчто въ родѣ клуба; въ немъ производились игры: кегельныя, басковыя, и въ гусекъ,—не на деньги, а для пріохочиванія питуховъ и для пріумноженія казеннаго дохода (Мартыновъ, Русск. Архивъ 1875 г., I. 283). Въ кабакѣ водились дѣвки, которыхъ впрочемъ по закону строго запрещалось держать тамъ. Въ 1626 году въ Москвѣ было всего 25 кабаковъ; въ 1775, на 200,000 жителей, — 151, въ 1866, на 600,000 жителей, — 1248 кабаковъ, и наконецъ въ 1877 г.—240 питейныхъ домовъ. Старинное крѣпкое зеленое вино, въ рукахъ разсыропливавшихъ его откупщиковъ, получало разныя названія, судя по остававшейся въ немъ крѣпости: полугара, пѣнника, сивухи (т. е. жидкости сиваго цвѣта, съ известкой и другими полезными для крестьянскаго желудка снадобьями) и наконецъ, съ 1866 года,—дешевки. Продавалось вино, въ прежнее время, крючками, шкаликами, стклянницами, — а теперь продается на мѣру: ведромъ, четвертью, штофомъ и полуштофомъ.

[194]) Цѣловальники звались въ народѣ общей кличкой—Ермаками; подъ этимъ именемъ они участвуютъ и въ процессіи котова погребенія (№ 170); кромѣ Ермака-валенаго колпака встарину за стойкой торговали и бабы; многіе кабаки получили отъ нихъ свои названія, какъ-то: Танька, Марѳушка, Катюшка.

что окастился"; въ верхнемъ ярусѣ представлены три отдѣльныя комнатки, изъ которыхъ въ одной: сидятъ кавалеръ съ дамой,—„любовь другъ другу являютъ, по полной выпиваютъ, а ночи ожидаютъ, въ которой любовь свою окончаютъ" [195]); во второй: „деревенскій мужикъ Ермилъ посадскимъ бабамъ милъ; на кабакѣ хорошо вино подноситъ, да и въ домъ къ себѣ милости проситъ"; въ третьей: опять старые знакомые Савоська и пономарь Парамошка, съ огромными очками на носу и косичкой,—они „въ карты играютъ, себя забавляютъ"; полѣвѣе: „скоморохъ съ Прѣсни наигрываетъ пѣсни".

Здѣсь, какъ видите, соединены всѣ старинныя увеселенія: и музыка и табакъ, и любовь и карты, хотя все это „и зернь и табакъ и б . . . я" строго воспрещались разными указами (1698 г. Полн. Собр. Зак. № 1651). Сюда зайдетъ и пьяница Фарносъ красный-носъ, съ женой своей Пигасьей попытать, не дастъ-ли имъ Ермакъ на шерамыжку опохмѣлиться, послѣ вчерашней попойки (№ 115); но казенный Ермакъ въ этомъ случаѣ непреклоненъ: „сегодня на деньги, написано у него на вывѣскѣ, а завтра въ долгъ",—хоть каждый день приходи, все тоже самое прочитаешь. Сюда-же забѣжитъ и баба навѣдаться о своемъ мужѣ,—что долго домой не идетъ: „Не былъ здѣсь мой мужъ пьяница?" — „Былъ". — „Ахъ подлецъ, ахъ разбойникъ; насколько онъ выпилъ?" — „На пятакъ". — „Ну, такъ давай мнѣ на гривну" (Аѳанас., III. 535). Сюда сносятъ молодцы всякаго чина, что у нихъ есть изъ имущества лишняго, а зачастую и послѣднюю

[195]) Постоянную принадлежность кабака, по старымъ пѣснямъ, составляла «бабище курвяжище, станомъ ровна да и лицемъ бѣла; у ней кровь въ лицѣ будто у зайца, ягодицы то цвѣту макова»; она завлекала молодцовъ въ кабакъ и подносила имъ зелено вино (Гильферд. 549). Тутъ же кабацкіе голи обирали пьянаго; а горе горюшко слѣдовало за нимъ по пятамъ, и не оставляло его до могилы (Гильферд. 549).

одеженку: все приметъ и размѣняетъ на сивое винце свое цѣловальникъ Ермакъ. Не страшна въ это время молодцу круговая порука съ круговою общинною поркой: „лишь бы попить винца до смертнаго конца“; и не помогутъ въ этомъ дѣлѣ никакіе казенные надзиратели, приставленные за тѣмъ, чтобы народъ пожитковъ своихъ не пропивалъ, а берегъ ихъ „на государевы подати“ (Русск. Архивъ 1875, V. 43); и вотъ держится мужикъ,— годъ не пьетъ, два не пьетъ, а какъ бѣсъ прорветъ, такъ и разомъ все пропьетъ; и станетъ у него, вмѣсто пожитковъ, которые рекомендуется беречь на государевы подати, „въ одномъ карманѣ сочельникъ, а въ другомъ Иванъ постный“ [196]).

---

[196]) Барсовъ, въ своемъ сборникѣ сказаній о древнихъ русскихъ князьяхъ (неиздан.), приводитъ прекуріозный разсказъ, записаный имъ со словъ сказителя Щеголенкова,—о томъ, какъ смотритъ народъ до настоящаго времени на государевы подати: «Въ старину князьки мѣстами жили. Кто гдѣ расширился и овладѣлъ мѣстомъ, тутъ и княжилъ. И пріѣхалъ Юрикъ-новоселъ изъ сѣверной стороны, изъ дальней украйны, и расноселился жить въ Ладогѣ. Но тутъ ему мѣсто неполюби и пріѣзжаетъ онъ въ Новгородъ-великій и не съ голыми руками, и въ союзъ вступаетъ. И живетъ онъ день ко дню, и недѣля ко недѣли, и годъ къ году, и залюбили его Новгородцы, что человѣкъ онъ веселаго нрава и хорошаго разума и повышаетъ себя житнымъ богатствомъ, а тутъ и побаиваться стали. Вотъ зазвонили на суёмъ (вѣче) въ колоколъ и выступаетъ этотъ Юрикъ-новоселъ: «Што, говоритъ, честнòе обчествò, вòзьмете меня въ совѣтъ къ себѣ, и будь я надъ вами, какъ домовой хозяинъ? Только можете ли вы за нарядъ платитъ мнѣ половину бѣличьяго хвоста?» Сметили и погадали Новгородцы и сказали: «можемъ и платить будемъ половину бѣличьяго хвоста». И мало-по-малу платили они и имъ не въ обиду это. Вотъ опять зазвенѣлъ колоколъ и на сходъ собрались, и говоритъ Юрикъ: «А што, честнòе обчествò-новгородцы, можете ли платить мнѣ и весь бѣличій хвостъ?» Подумали, погадали и опять сказали: «можемъ», и платить стали. Прошло немного, опять въ совѣтъ собрались: «А што, честнóе обчествò, можете ли половину бѣличьей шкуры платить?» И отвѣтъ держатъ: «можемъ». Еще немного прошло и въ совѣтѣ опять спрашиваетъ Юрикъ: «А што, честнóе обчествó, можете ли вы платить мнѣ и всю бѣличью шкуру?» Порѣшили платить и всю бѣличью шкуру,

Въ сущности говоря, русскій человѣкъ пьетъ еще меньше иностраннаго, — по крайней мѣрѣ такъ ученыя таблицы сказываютъ, — да только пьетъ онъ рѣдко и на тощій желудокъ, потому и пьянѣетъ скорѣе и напивается чаще противъ иностраннаго [197]). Обвинять же крестьянъ за то, что они долго сидятъ въ кабакахъ, какъ замѣчаетъ авторъ замѣтки приведенной въ примѣчаніи къ № 204, „положительно дико: это для нихъ — наши клубы, и притомъ единственное общественное мѣсто, въ которое каждый приходитъ, какъ въ свой собственный домъ". Если въ кабакѣ съ одной стороны происходятъ всякіе споры и смуты, то съ другой здѣсь-же, за шкаликомъ, происходитъ и мировая: „гдѣ хотите деритесь, а на кабакѣ помиритесь", говоритъ Аптека; здѣсь и на самомъ дѣлѣ и мировой судъ и маклерская контора: ударили по рукамъ — запись значитъ дана и дѣло кончено, и стыдно тому, кто отъ

и платили долго. Видитъ Юрикъ, что платятъ, собралъ всѣхъ на сходку и говоритъ: «За бѣличью шкуру хочу я наложить на васъ малыя деньги; можете ли вы поднять ихъ?» И малыя деньги они подняли. И понынѣ помнятъ этого домоваго хозяина и въ сѣверной украйнѣ, и въ Олонецкомъ краѣ, и въ Новгородѣ. И послѣ этого Юрика, пуще и пуще повышали дань: съ алтына на четвертину, а съ четвертины на полтину, а съ полтины на рубль и такъ до Петра I-го, а послѣ Петра платили и съ живой души, и съ мертвой, и рубль, и два, и три, и четыре, и пять» (Голосъ 1879, 130). Мнѣ довелось слышать подобный же разсказъ относительно нашихъ процентныхъ бумагъ, которыя, по мнѣнію народа, представляютъ новое и болѣе политичное средство добыть туже бѣличью шкурку съ народа «не мытьемъ такъ катаньемъ».

[197]) Въ Современныхъ Извѣстіяхъ 1879 года (№ 172) кто то совершенно справедливо замѣтилъ, что крестьяне можетъ быть и пьютъ отъ того, что видятъ себя въ неисходной недоимкѣ; другими словами, что слишкомъ тяжелы, непосильны наложенные на нихъ поборы, и что нашему земству, вмѣсто того чтобы разглагольствовать о вредѣ пьянства въ народѣ и необходимости сократить его разными мѣрами, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ сохранить народныя пожитки на государевы и земскія подати, слѣдовало бы прежде всего подумать о сокращеніи расходовъ на земскую администрацію и объ уменьшеніи съ простаго человѣка всякихъ сборовъ.

своего обѣщанія отопрется. Да и при разставаньи, развѣ можно обойтись безъ вина? У старыхъ заставъ нашихъ издревле для такихъ разставаній царскіе кабаки были устроены и въ народѣ разстанями назывались [198]).

Вслѣдъ за пьянствомъ и обжорствомъ приходится сказать нѣсколько словъ о разныхъ недугахъ и болѣзняхъ русскаго народа и о леченьи и лекарствахъ противъ этихъ болѣзней.

Въ деревняхъ народъ лечится у знахарей и знахарокъ, которые зачастую знаютъ цѣлебныя свойства дикорастущихъ травъ и кореньевъ не хуже любаго аптекаря. Философскимъ камнемъ отъ всѣхъ болѣзней служитъ русская баня, въ которой человѣкъ распариваетъ свое тѣло на полкѣ въ невыносимомъ жару и сѣчетъ его до́ красна горячими вѣнниками [199]); въ болѣе важныхъ случаяхъ зовется деревенская бабушка, которая накиды-

---

[198]) Хотя пьянство и запрещалось народу съ давняго времени царскими указами, однако такія запрещенія издавались болѣе для очистки казенной совѣсти: уже съ Ивана III право приготовленія и продажи вина перешло въ руки правительства и составляло самый главный доходъ его; при Иванѣ Грозномъ и при Годуновѣ откупная кабацкая система вошла въ полную силу; головы и цѣловальники выбирались для продажи вина и цѣловали крестъ преумножать кабацкіе доходы и собирать кабацкія деньги, «съ прибылью противъ прошлаго лѣта», причемъ изъ Москвы имъ было разрѣшено «дѣйствовать безстрашно», за прибыль ожидать государевой милости и: «въ томъ приборѣ никакого себѣ опасенія не держать», а главное «питуховъ не отгонять» (Акты Археогр. Эксп., III. IV.), что̀ они и исполняли въ точности. Одинъ изъ цѣловальниковъ, Андрей Образцевъ, ожидая себѣ милости за такое «пріумноженіе кабацкихъ доходовъ», писалъ царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1610 г. такъ: «я государь никому не коровилъ, правилъ твои государевы доходы, питуховъ нещадно побивалъ (т. е. опаивалъ на смерть: Дѣло; 1877. XI. 413). При Петрѣ и его преемникахъ продолжалась таже откупная система и тоже опаиваніе народа и питуховъ.

[199]) О русской банѣ см. IV. 320.

ваетъ больному горшки на брюхо [200]); независимо отъ этихъ простыхъ и дѣйствительныхъ средствъ народъ прибѣгаетъ, въ болѣзняхъ и недугахъ своихъ, къ разнымъ заговорамъ, симпатическимъ средствамъ и къ помощи разныхъ святыхъ, которымъ на случай каждой болѣзни составлены особыя молитвы. Впереди всего, въ этомъ отношеніи, стоитъ Николай чудотворецъ (№№ 1564—1604), избавляющій отъ всякихъ бѣдъ и напастей и въ особенности отъ потопленія; за нимъ слѣдуютъ: Ангелъ хранитель, охраняющій человѣка во всѣ часы его жизни; священномученикъ Антипій, съ молитвами отъ зубной боли, столь обыкновенной въ нашемъ сѣверномъ климатѣ [201]); Казанская Богородица, исцѣляющая отъ глазной болѣзни; Іоаннъ Предтеча—отъ головной; Великомученица Варвара — отъ внезапной смерти; великомученица Екатерина, — отъ трудныхъ родовъ; Тихвинская Богородица и великомученикъ Никита — отъ болѣзней и родимца у младенцевъ; далѣе Илья пророкъ, подающій вёдро и дождь; Неопалимая купина, избавляющая отъ пожара и наконецъ великомученикъ Егорій, сохраняющій скотъ отъ звѣря, и Флоръ и Лавръ, предохраняющіе отъ конскихъ падежей. Всего больше страдаютъ русскіе люди отъ зубной боли и отъ трясавицы, т. е. лихорадки; по части трясавицы пишутся даже и въ наше время Суздальскія иконы, съ изображеніемъ св. Сисинія, св. Фотиніи и архангела Михаила, поражающаго копьемъ двѣ-

---

[200]) О процессѣ накладыванія горшковъ см. IV. 216.

[201]) Уже въ XVII вѣкѣ существовалъ обычай, въ память исцѣленія отъ зубной боли, привѣшивать къ образу Антипія серебряные зубки. Такихъ привѣсокъ, напоминающихъ католическій обычай, было множество и у другихъ иконъ; напримѣръ: у Московской иконы Владимірской Богородицы, съ которой онѣ были сняты по указу Петра I. Въ церквахъ города Архангельска этѣ привѣски въ обычаѣ даже и до настоящаго времени; ихъ продаютъ въ монастырѣ, въ мелочныхъ лавочкахъ, и даже на лоткахъ, на рынкахъ.

надцать лихорадокъ, представленныхъ въ видѣ нагихъ женщинъ, съ распущенными волосами.

Даже въ нынѣшнемъ столѣтіи была составлена особая картинка, съ указаніемъ, какимъ святымъ отъ какихъ болѣзней молиться — она была награвирована семь разъ (II. 420). На этой картинкѣ (№ 1034) помѣщены такія напримѣръ указанія: молиться преподобному Гурію—аще мужъ возненавидитъ жену свою неповинно; объ избавленіи отъ блудныя страсти — молиться преподобному Мартиміану; а также и кому слѣдуетъ молиться о прогнаніи лукавыхъ духовъ, о благополучныхъ родахъ, объ избавленіи младенцевъ отъ оспы, отъ виннаго запойства, отъ пожара и молніи, и т. д. [202]). Картинка эта—католическаго происхожденія; у Низара находимъ подобныя-же наставленія, какимъ святымъ отъ чего молиться: „Saint Fort—contre les faiblesses; Saint Mein pour la gale aux mains, и т. д. Еще не очень давно въ Москвѣ служились по поводу благополучныхъ родовъ молебны гвоздю Господню, и предпринимались богомолья въ нѣкоторые монастыри; въ Кіевскихъ пещерахъ беременныя женщины служатъ молебны Виолеемскому младенцу, который былъ присланъ царю Алексѣю Михайловичу какимъ-то греческимъ пройдохою — архимандритомъ, въ обмѣнъ на русское золото. Младенца этого (закупореннаго нà глухо въ гробикѣ) во время молебна родильница держитъ на брюхѣ; часто бываетъ, что вмѣсто отсутствующей родильницы молебенъ служитъ ея товарка, „по довѣренности", съ тою-же церемоніею; придя домой она потрется брюхомъ своимъ о брюхо родильницы, и этого

---

[202]) Существуетъ даже и такая икона, молясь которой усердно можно получить имѣніе изъ казны, — вѣроятно въ западныхъ губерніяхъ или въ Уфимской, такъ какъ икона эта довольно новаго происхожденія (IV. 700).

бываетъ достаточно для родильницы: все равно, какъ бы она сама, на молебнѣ, съ младенцемъ на брюхѣ стояла.

Все это со стороны кажется очень забавнымъ, но что-же дѣлать бѣдному народу? гдѣ его докторъ? — священнику, всего ближе стоящему около его обихода, лечить его не указано; хорошій докторъ для него не доступенъ, по жидовскимъ своимъ цѣнамъ; да въ захолустье хорошій и не поѣдетъ, а отъ плохаго, какъ отъ смерти, упаси Господи. Вотъ и пробавляется онъ заговорами да иконами, и вѣритъ чудесному излѣченію [203]). — а если вѣритъ, то по вѣрѣ и дается ему: заговоръ остановитъ его боль и ему „легчаетъ", — особенно въ нервныхъ болѣзняхъ, гдѣ больше значитъ не самое лекарство, а увѣренность въ его дѣйствіи. Ну и приходится оставить народъ покуда съ его домашними средствами; да и странно кажется, при такой грустной обстановкѣ его обихода, запрещать и уничтожать народный листокъ „какимъ святымъ и отъ чего молиться", какъ это было сдѣлано въ 1866 году въ Кіевѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что листокъ этотъ составленъ подъ католическимъ вліяніемъ (см. прим. къ № 1034): лучше же отъ разныхъ болѣзней къ помощи святыхъ прибѣгать, чѣмъ пробавляться островомъ буяномъ и тому подобными безтолковыми заговорами. Впрочемъ, независимо отъ католическаго вліянія, молитвенныя и чудотворныя средства указывались болящимъ и нашими древними лѣтописями и сборниками, начиная со Святославова [204]): во многихъ изъ нихъ толкуется о чудесномъ

---

[203]) Вѣрятъ чудесному въ этомъ дѣлѣ часто и доктора и образованные люди; такъ напримѣръ жабный камень, какъ талисманъ для беременныхъ женщинъ, а также и противъ бѣсовскихъ проказъ, хранился въ весьма образованной семьѣ Вальтеръ-Скотовъ и дорого цѣнился даже ихъ сосѣдями, которыми онъ не разъ принимался въ закладъ за большія деньги (Chants d'Ecosse, trad. par. Artaud. Paris 1826, III. 182).

[204]) Въ сборникѣ Святослава находятся свѣдѣнія о цѣлительныхъ и

вліяніи на человѣка различныхъ камней [205]); въ другихъ прямо исчисляются имена святыхъ и ангеловъ, которымъ слѣдуетъ молиться и отъ какихъ болѣзней (IV. прим. къ 1034), а въ нѣкоторыхъ совѣтуется лечиться мνромъ. Дальнѣйшихъ разглагольствованій по этой части дѣлать намъ не приходится, такъ какъ относительно медицины, которая считалась въ XVII и даже XVIII вѣкѣ, въ глазахъ простаго народа, чародѣйствомъ [206]),—кромѣ приведенныхъ картинокъ, да еще Брюсова календаря, нигдѣ не говорится.

симиатическихъ камияхъ, сходныя съ тѣми, которыя попадаются въ нѣмецкомъ Kreuterbuch'ѣ (Frankf. am Main 1582 г. 336.)

[205]) Это зелейники или лечебники, въ которыхъ предлагаются снадобья изъ травъ противъ разныхъ болѣзней (Тихонравовъ, Отреч. Литерат., II. 425; рукоп. XVIII в.). Нашъ народъ боялся лечиться, по пословицѣ, что и добрая аптека убавитъ вѣка, и что не жива та душа, что по лекарствамъ пошла, а медиковъ считалъ чародѣями. Врачъ Елисей Бомелій, въ Псковской лѣтописи подъ 1570 годомъ, прямо обзывается лихимъ волхвомъ (Карамз., И. Г. Р., IX. примѣч. 168). Въ прошедшемъ столѣтіи краткія медицинскія свѣдѣнія распространялись въ народѣ по распоряженію правительства, впрочемъ очень безтолково, а потому и прошли безслѣдно; см. по этому поводу замѣтку о нашемъ духовенствѣ: IV. 316.

[206]) Въ одномъ изъ такихъ сборниковъ, напримѣръ, преподается слѣдующій вѣрный способъ, какъ лечиться отъ любострастной болѣзни: «Аще-ли прилучится болячка на срамныхъ удѣхъ, аще у мужа или жены, то пусть возьметъ мνро, и, оставшись въ комнатѣ на единѣ, помажетъ кистицею самъ болячку свою яже на тайныхъ его удѣхъ; или мужъ или жена, невозбранно есть. Мужъ къ женѣ да не приближается въ той день и нощь, да не приближается и къ пьянству» (Памят. стар. русс. литерат. IV. 316, изъ сборн. Кириловск. биб. XV в.). Заговоры и ворожба были въ большомъ ходу съ давняго времени: кн. Курбскій разсказываетъ, какъ в. кн. Василій Ивановичъ, бывши старикомъ, женился на молодой и посылалъ въ Корелы за кудесникомъ Филей, чтобы тотъ наворожилъ ему помощь къ плодотворенію (Сказанія кн. Курбскаго, т. I. стр. 133); см. тоже по этой части о невстанишномъ корнѣ (IV. 240).

X.

Музыка и пляска. Музыкальные инструменты. Цыганское пѣнье и пляска. Бычекъ или трепакъ. Спиря. Петровскіе машкерады. Театральныя представленія въ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Пасторъ Грегори и Артаксерксово дѣйство. Комедія притчи о блудномъ сынѣ, Симеона Полотскаго. Народныя представленія при Петрѣ I. Интерлюдіи. Соломонъ и Маршалка, — будочникъ и чортъ. Пузырные звуки. Точильщикъ носовъ. Голландскій лекарь, помолаживающій старухъ. Еремушка. Интерлюдіи и разговоры: жениха съ свахою, Фарноса съ Пигасьей и разныхъ Вавилъ и Данилъ. Безстыдство въ интерлюдіяхъ и представленіяхъ у западныхъ народовъ въ XVII вѣкѣ.

Музыка, употреблявшаяся въ старое время при народныхъ увеселеніяхъ, и инструменты, которыми она производилась, были очень несложны; въ нашихъ картинкахъ упоминаются: духовые инструменты—волынка, рожекъ, сурна или зурна, свирѣль, труба, сопѣлка, цѣвница; струнные инструменты — гудокъ, скрыпка, балалайка, гусли, органъ духовой и савоярдское рыле (Leyer) и наконецъ трескучіе инструменты—бубенъ, барабанъ, ложки, колокольчики, клепала и била[207]). Краткія замѣтки о нихъ помѣщены въ примѣчаніи къ № 166. Органъ и скрыпка получили у насъ гражданство съ XVI вѣка: первый органный игрецъ упоминается въ числѣ художниковъ, пріѣхавшихъ къ царю Ивану III; въ теремѣ царя Михаила Ѳедоровича Олеарій видѣлъ дѣвушку, которая плясала подъ музыку двухъ инструментовъ: арфы и скрыпки. Первое подобіе оркестра состояло изъ органа, трубы, флейты, скрыпки, барабана и литавръ; управлялъ имъ въ 1675 году Тимофей Галенкуръ съ Симономъ органистомъ (Пе-

---

[207]) Терещенко (Бытъ, I. 483. 486. 490) упоминаетъ еще о желайкѣ, накрахъ-литаврахъ, тимпанахъ, и мѣдныхъ котлахъ, которыхъ въ нашихъ картинкахъ не встрѣчается. Болѣе подробное описаніе русскихъ музыкальныхъ инструментовъ можно прочесть въ статьѣ знатока этого дѣла, протоіерея Разумовскаго, помѣщенной въ Трудахъ перваго Археологическаго съѣзда (Москва 1869,—стр. 489).

карскій, I. 389). Въ букварѣ Каріона Истомина, подъ заглавіемъ: „музыка пѣніе сладкое“, — представлены четыре музыканта: скрыпачъ, гусляръ, флейтщикъ и торбанистъ (II. 500). Но такіе оркестры составлялись только при дворѣ, да развѣ у знатныхъ вельможъ; народная музыка, служившая акомпаниментомъ для пѣнія и пляски, исполнялась посредствомъ самыхъ простыхъ инструментовъ—гудка, волынки, рожка и балалайки, а у цыганъ,—гитары; причемъ публичное пѣніе и пляска „за деньги“ производились только одними цыганами (не считая пришлыхъ иноземцевъ).

Цыгане составляли съ давняго времени необходимую принадлежность всякаго народнаго гулянья: въ Сокольникахъ, Марьиной рощѣ, подъ Новинскимъ,—они пѣли и плясали публично на эстрадахъ, какъ для благородныхъ особъ, такъ для „подлаго народа“. Оригинальная манера ихъ пѣнія и пляски, необыкновенная вѣрность слуха, гармоническій строй голосовыхъ аккордовъ, мягкость и грація женскихъ одиночныхъ голосовъ, рядомъ съ неподдѣльнымъ ухарствомъ могучаго хора, — приводили въ безумный восторгъ не однихъ подпившихъ гулякъ: знаменитая Каталани восхищалась пѣніемъ цыганки Стеши, прозванной Свиньинымъ, въ честь ея, русскою Каталани; въ наше время Листъ, а по его примѣру и другія музыкальныя свѣтила, посѣщали Московскіе таборы и восхищались цыганскимъ пѣніемъ.

Что увлекаетъ въ этомъ пѣніи и пляскѣ, — это рѣзкіе и неожиданные переходы отъ самаго нѣжнаго піаниссимо къ самому разгульному гвалту. Выдетъ, напримѣръ, знаменитый Илья Соколовъ на середину съ гитарой въ рукахъ, мазнетъ разъ-два по струнамъ, да запоетъ какая нибудь Стеша или Саша въ сущности преглупѣйшій романсъ, но съ такою нѣгою, такимъ чистымъ, груднымъ голосомъ, — такъ всѣ жилки переберетъ въ васъ. Тихо,

едва слышнымъ, томнымъ голосомъ, замираетъ она на послѣдней нотѣ своего романса... и вдругъ, на туже ноту, разомъ обрывается весь таборъ, съ гикомъ, гамомъ, точно вся стройка надъ вами рушится: взвизгиваетъ косая Любашка, оретъ во всю глотку Терешка, гогочетъ безголосая старуха Фроська.... Но поведетъ глазами по хору Илья, щипнетъ аккордъ по струнамъ, — въ одно мгновеніе настаетъ мертвая тишина, и снова начинаются замиранія Стеши.

Въ пляскѣ та-же манера: если танцуютъ двое мущинъ, то одинъ изъ нихъ, обыкновенно старый и толстый, стоитъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, какъ будто совсѣмъ не пляшетъ, „а такъ просто пошевеливаетъ плечами, повертываетъ въ рукѣ шляпу, изрѣдка причичикивая и притоптывая по временамъ одною ногою“ (разсказываетъ Жихаревъ въ своихъ запискахъ), какъ будто подзадориваетъ своего молодаго товарища, который, съ крикомъ и гиканьемъ, носится около него мятелицей и разсыпается мелкимъ бѣсомъ. Точно такъ и въ женской пляскѣ: если пойдетъ плясать, напримѣръ, граціозная молоденькая цыганка, то вслѣдъ за ней вскакиваетъ, точно дикій звѣрь, старая растрепанная Матрешка; съ судорожными подергиваніями носится она по эстрадѣ, вскрикиваетъ, взвизгиваетъ, срываетъ съ себя платокъ и останавливается, какъ вкопаная, на послѣднемъ взрывѣ табора.

Сочинитель народныхъ картинокъ №№ 100 и 101 конечно имѣлъ въ виду изобразить цыганскихъ пѣвицъ, хотя и скопировалъ ихъ съ иностранныхъ образцовъ, причемъ одной изъ пѣвицъ далъ въ руки рыле, а кругомъ ея разставилъ вовсе неидущихъ къ дѣлу Каллотовскихъ паяцовъ. Изъ другихъ русскихъ національныхъ танцевъ, въ народныхъ картинкахъ, мы находимъ только одного бычка или трепака, котораго и до сихъ поръ

выплясываютъ деревенскіе, а больше того городскіе парни и фабричныя дѣвки. Наши русскія деревенскія барышни разудалой пляски этой не танцуютъ, а плавно ходятъ взадъ и впередъ и кружатся однообразно въ своихъ хороводахъ. Что такое бычекъ или трепакъ, достаточно объясняетъ самое названіе трепака; это не есть танецъ, вылившійся въ какую либо неизмѣнную форму,— это тоже, что итальянская тарантелла, арагонская хота и парижскій канканъ: плясунъ или выплясываетъ общепринятыя переборки, разнообразя ихъ по своему усмотрѣнію, или же выдѣлываетъ никѣмъ невиданныя колѣнца своего собственнаго измышленія, — здѣсь все зависитъ отъ личнаго умѣнья и фантазіи танцующаго.

Превосходно описанъ трепакъ водянаго царя въ повѣсти гр. А. К. Толстого — купецъ Садко, со всѣми техническими терминами, которыми прозываются въ народѣ „разныя колѣнца", выкидываемыя камаринскимъ мужикомъ (IV, 224): плясунъ-царь разминается сперва на мѣстѣ, уперши руки въ бока; тихо поводитъ онъ по сторонамъ усомъ да бровями, и начинаетъ прохаживаться, изрѣдка подпрыгивая и шевеля плечами; расходившись, принимается онъ выводить вензеля: закладываетъ ногу за ногу, мѣситъ пятками на вывертъ, ломаетъ колѣнца взадъ и впередъ, валяетъ скокомъ и загребомъ и наконецъ пускается ходенемъ въ присядку. И въ этомъ танцѣ, какъ и въ цыганскомъ, по большей части, поперемѣнно танцуютъ два плясуна: одинъ выдѣлываетъ разныя колѣнца ногами, стоя на мѣстѣ и пошевеливая плечами; другой-же ломается не на животъ, а нá смерть, вертится, бросается на колѣна и на землю и носится въ присядку съ разными вывертами и заковырками, по примѣру Толстовскаго морскаго царя.

Трепакъ въ народѣ считается собственно не пляской, а скоморошествомъ, и хорошія дѣвушки и женщины,

даже и парни, плясать трепака на показъ не пойдутъ. Есть танецъ еще разгульнѣе трепака,—это спиря; исполняется онъ въ грязныхъ трактирахъ и харчевняхъ. Изъ нашихъ картинокъ трепакъ представленъ на № 102.

Наши духовные отцы смотрѣли на пляску и на музыку какъ на дѣло бѣсовское и грозили пляшущимъ, наравнѣ съ играющими въ карты,—проклятіемъ (IV. 218); на картинкѣ страшнаго суда занимающіеся плясаніемъ показаны въ аду, даже подъ особымъ мытарствомъ (III. 398). Въ высшемъ кругу пляска пошла въ ходъ съ Петра Великаго, который учредилъ машкерады и приказалъ вывозить на оные всѣхъ дворянскихъ дѣвицъ, начиная съ 13-ти лѣтняго возраста, пригрозивъ по своему обычаю, за неисполненіе сего, жестокимъ наказаніемъ; новость эта вошла въ моду очень скоро, а лѣтъ черезъ двадцать публика русская заплясала и матрадуры и минуеты, уже не ради страха жестокаго наказанія, а въ собственное свое удовольствіе. Большая охотница до танцевъ была императрица Елизавета, особенно любившая переодѣваться въ маскерадахъ въ мужское платье и танцовать за кавалера; занималась этимъ и великая Екатерина. Иностранные танцы представлены и на нашей картинкѣ № 101, рядомъ съ Каллотовскими шутами. Здѣсь замѣчу мимоходомъ, что ноты въ рукахъ пѣвицы — обыкновенныя, линейныя; крюковыхъ же нотъ, употреблявшихся въ нашемъ церковномъ обиходѣ XVII вѣка, ни въ одной изъ народныхъ картинокъ не встрѣчается [208]).

---

[208]) По замѣчанію Ундольскаго (о русскомъ церков. пѣніи), уже во второй половинѣ XVII вѣка ноты эти стали переводиться и замѣняться простыми, а въ 1676 году были отпечатаны двѣнадцать гравированныхъ таблицъ въ четвертку, на которыхъ крюковыя ноты были изображены рядомъ съ линейными, причемъ подъ каждымъ знакомъ приведены соотвѣтствующія объясненія, напримѣръ: «Знамя параклитъ поется во всѣхъ осмыхъ гласехъ, во единогласную степень за полъ статіи, а со отсѣкою

По поводу лицевой комедіи о блудномъ сынѣ, перешедшей въ народныя картинки и описанной подъ № 696, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ и о появленіи въ Россіи настоящаго театра, на которомъ дѣйствовали не куклы, а человѣческія персоны. Устройство его должно быть отнесено къ 1672 году: въ этомъ году, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, лютеранскій пасторъ Іоганъ Готфридъ Грегори [209]) устроилъ въ Преображенскомъ новую театральную храмину, набралъ дѣтей разныхъ чиновниковъ, всего 64 человѣка, и вмѣстѣ съ учителемъ Юріемъ Михайловымъ разучилъ съ ними комедію объ Есѳири, или такъ называемое „Артаксерксово дѣйство", которое и было представлено въ первый разъ передъ царемъ въ ноябрѣ 1672 года (Тихонравовъ, 50-ти лѣтіе театра 1873, 7). Царь остался очень доволенъ представленіемъ и осыпалъ Грегори своими милостями. Въ 1673 году, подъ наблюденіемъ Грегори, находилась уже цѣлая школа, въ которой обучались „комедійному дѣлу" 26 человѣкъ мѣщанскихъ дѣтей, которыми вслѣдъ за Есѳирью, представлены были комедіи: Юдиѳь, Товій, „малая прохладная комедія о преизрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствѣ о Іосифѣ", „жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ и Темиръ-Аксаково дѣйство, или Баязетъ и Тамерланъ". Театральныя зрѣлища продолжались и послѣ смерти Алексѣя Михайловича; одна изъ пьесъ, разыгрывавшихся въ 1685 году,—сочиненіе Симеона Полотскаго,—попала, какъ уже сказано выше, въ число народныхъ картинокъ и была издана особой книжкой съ заглавіемъ: „исторія или дѣйствіе евангельскія притчи о блудномъ сынѣ бываемое въ лѣто отъ рождества Хри-

---

въ половину» и т. д. (рукопись наход. въ Москов. Глав. Архивѣ, подъ № 455).

[209]) Есть гравированный портретъ этого пастора; см. мой «Словарь русскихъ портретовъ», стр. 192.

стова 1685" (см. № 696). Книжка эта очень замѣчательна тѣмъ, что представляетъ намъ наглядно особенности тогдашняго театра: полъ сцены возвышенъ; у рампы поставлены зажженые ночники (отъ 5 до 8 штукъ); зрители сидятъ въ шляпахъ. На заглавномъ листкѣ представлены двѣ хари (маски) и полуфигуры двухъ шутовъ. На первой картинкѣ стоитъ актеръ (въ чулкахъ и башмакахъ, шляпѣ и альмавивѣ), говорящій прологъ; на послѣдней картинкѣ онъ-же произноситъ заключительную рѣчь. Самая комедія начинается съ разговоровъ отца съ двумя сыновьями: старшій сынъ изъявляетъ любовь свою къ родителю; младшій, блудный, просится вонъ изъ дому; отецъ надѣляетъ его имѣніемъ. Блудный уходитъ и начинаетъ разгульную жизнь: онъ нанимаетъ множество слугъ, играетъ въ зернь и карты, вяжется съ любодѣйцами и наконецъ проматываетъ отцовское имѣніе; тогда наемные слуги расхищаютъ остатки его имущества съ криками: „емлемъ, емлемъ" (что написано и на самой картинкѣ) [210]), и разбѣгаются. Блудный въ горѣ; даже любодѣйцы и тѣ обливаютъ его, изъ окна, помоями и гонятъ прочь сковородникомъ. Онъ нанимается въ рабочіе къ „богатому человѣку"; тотъ смотритъ напередъ его руки и, пощупавъ, говоритъ: „о нѣсть мозолей, зѣло мягки длани", и назначаетъ ему пасти свиней. За тѣмъ слѣдуютъ картинки, какъ блудный, съ голоду, ѣстъ „рожцы", приготовленные для свиней, и разгоняетъ этихъ послѣднихъ, и какъ блуднаго, растянувъ на полу, къ вящему удовольствію зрителей сѣкутъ батогами, онъ-же кричитъ „пощади". Въ разгарѣ экзекуціи прикащикъ останавливаетъ сѣкущихъ словами: „полно бити, часъ пустити; ищи свиней враже, блюдись погубити, ибо до

---

[210]) Точно такъ, какъ на картинкѣ, гдѣ блудный смѣется, изо рта его исходятъ слова: «ха, ха, ха!»

смерти велю тя убити". Возвращеніе блуднаго въ отчій домъ, радость отца и неудовольствіе старшаго брата, — все это происходитъ согласно съ текстомъ евангельской притчи; во время пира, происходящаго (за сценой) въ честь блуднаго, актеры „веселятся, поютъ и играютъ въ органы, пьютъ и торжествуютъ". Комедія заканчивается длиннымъ монологомъ, который произноситъ блудный, въ видѣ нравоученія зрителямъ.

Кромѣ этой комедіи, въ народныхъ картинкахъ не сохранилось никакихъ указаній, относящихся къ театральнымъ представленіямъ того времени; оно и понятно: театръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ устроенъ въ 1673 году, составлялъ царскую потѣху, недоступную для народа; народу развѣ еще изрѣдка доводилось присутствовать на представленіяхъ разныхъ мистерій въ театрахъ, устраиваемыхъ семинаристами, учениками разныхъ школъ, а иногда и служителями разныхъ вѣдомствъ. Объ одномъ изъ такихъ театровъ, устроенномъ на масляницѣ служителями царскихъ конюшенъ, которые разыгрывали комедіи въ рогожныхъ костюмахъ и брали съ зрителей отъ одной до четырехъ копѣекъ за мѣсто, упоминаетъ въ своихъ запискахъ Штелинъ (Haigold, Zur Geschichte des Theaters in Russland. Beilage, I. 397) [211]).

У Пекарскаго (Наука и Литература, I. 372) помѣщены подробныя свѣдѣнія о положеніи театральнаго искуства при Петрѣ Первомъ: собственно для народнаго театра за его время ничего не было сдѣлано. Занятый прославленіемъ своихъ побѣдъ, Петръ хотѣлъ и изъ театральныхъ пьесъ сдѣлать какія-то лицевыя вѣдомости; за то онъ, отъ времени до времени, дарилъ народъ великолѣп-

---

[211]) Сохранилось впрочемъ извѣстіе, что и в. кн. Наталья Алексѣевна допускала всякій народъ, безъ различія, на свои театральныя представленія.

ными представленіями и фейерверками, по случаю разныхъ тріумфовъ, и шутовскими процессіями своего всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора.

Въ послѣдующія царствованія въ столицахъ устроились итальянская опера и балетъ, на иностранный манеръ, французскій и нѣмецкій театры, и установилось полное разобщеніе между благородной публикою, съ ея роскошнымъ театромъ и „подлымъ" народомъ, съ его райкомъ, медвѣдями и куклами [212]). Одно осталось, впрочемъ, въ нихъ общее: это шутовскія интермедіи, или, какъ называли ихъ въ старину, — интерлюдіи. Эти интермедіи были уже введены въ первую комедію „Есѳирь", игранную передъ царемъ въ 1672 году [213]); такія же интермедіи въ продолженіе всего XVIII вѣка игрались и въ рогожныхъ балаганахъ. Сюжеты этихъ послѣднихъ, чисто народныхъ пьесъ, весьма не замысловаты; вотъ напримѣръ одно изъ представленій, которое, по разсказамъ Московскаго старожила В. Ѳ. Щербакова, игралось фабричными фабрики Таммеса, на Дѣвичьемъ полѣ: Сидитъ царь Соломонъ на тронѣ; кругомъ его придворные; „Позвать ко мнѣ маршалку",

---

[212]) Обстоятельное описаніе театра за это время см. у Забѣлина, въ его Опытахъ II. 490.

[213]) Комедія эта составлена на манеръ англійскихъ пьесъ того времени. Въ ней, рядомъ съ развитіемъ драматической фабулы Есѳири, гдѣ дѣйствующія персоны говорятъ языкомъ Острожской библіи, — поминутно является русскій шутъ, солдатъ Сусакимъ, ублюдокъ Гансвурста и Пикельгеринга, чтобы развеселить публику своими площадными шутками. Онъ только и думаетъ о «свиньяхъ жареныхъ и колбасахъ», и возбуждаетъ опасеніе въ своихъ сослуживцахъ, что самъ «скоро превратится въ свиное мясо». Длинная комическая сцена казни шута Сусакима разработана съ особенною подробностію: Сусакима кладутъ на землю и майстеръ Никель, т. е. палачъ, вмѣсто меча, ударяетъ его по шеѣ лисьимъ хвостомъ; шутъ черезъ нѣсколько минутъ подымается на ноги, и начинаетъ вездѣ искать своей головы, и «покорно безъ шляпы» проситъ зрителей, чтобъ ему возвратили голову: «аще-ли кто изъ любви и пріятства её скрылъ» (Древ. Росс. Вивл. VIII. 310.—Тихонравовъ, 16).

кричитъ онъ; приходитъ маршалка, кланяется Соломону и спрашиваетъ: „о царю Соломоне, зачѣмъ меня призываеши, и что творити повелѣваеши?“ — и, не дожидаясь отвѣта, поворачивается къ нему задомъ и производитъ нескромный звукъ (сжимая телячьи пузыри, которые у него подвязаны подъ мышками); придворные бросаются на маршалку и задаютъ ему потасовку, къ общему удовольствію публики; тутъ же задается встрепка и царю Соломону, — вотъ и все представленіе.

Въ другомъ балаганчикѣ, устроенномъ по почину правительства, вскорѣ послѣ моровой язвы, тоже подъ Дѣвичьимъ, ежедневно давались подобныя же интермедіи: идетъ, напримѣръ, прохожій въ длинной шинели; его останавливаетъ будочникъ крикомъ: „кто идетъ?“ — прохожій отвѣчаетъ: „чортъ!“ — „А отчего ты безъ фонаря?“ спрашиваетъ хранитель порядка [214]). — „А оттого, что иду отъ пономаря“, отвѣчаетъ прохожій; будочникъ хватаетъ его за полу, прохожій вывертывается изъ шинели и дѣйствительно оказывается чортомъ съ предлиннымъ хвостомъ; будочникъ гонится за нимъ, чортъ отъ него, — и этой скачкой съ препятствіями, приправляемой тѣми-же пузырными звуками, заканчивается представленіе.

По словамъ И. Е. Забѣлина (Опыты, II. 452), въ Москвѣ школьники и подъячіе нанимали на святкахъ и масляницѣ дома и давали представленія для народа, разыгрывая Александра Македонскаго, Соломона, Евдона и Берту. Давались интермедіи и болѣе многосложныя, — на это прямо указываетъ наша картинка: точильщикъ носовъ. Въ точеніи носовъ (№ 212), гаеръ кричитъ публикѣ: „гей, гей, вы всѣ народы, ступайте, кто имѣетъ у себя большой носъ, пріѣзжайте, хотя бы длинный,

---

[214]) Въ то время всѣмъ было приказано вечеромъ ходить съ фонаремъ.

широкій и толстый, — призываю, то я ихъ въ скоромъ времени убавляю; еще-жъ который и шишекъ много имѣетъ также и угреватый, мастеръ пособить умѣетъ.... а если хочешь носъ твой лучше привести, то подмастерье можетъ глянецъ навести, а сія фигура можетъ и вправду бывала, якобы въ комедіяхъ интермедіи играла“ [215]). Къ такимъ-же интермедіямъ принадлежатъ несомнѣнно: Голандскій лекарь и добрый аптекарь, Еремушка и бабушка, Аника воинъ и смерть.

Голандскій лекарь и добрый аптекарь (№ 211) устроилъ машину для помолаживанія старухъ: стоитъ огромная печь, въ нее вбрасываютъ раздѣтыхъ 90-лѣтнихъ старухъ, кипятятъ ихъ и жарятъ, и вынимаютъ снизу „пятнадцатилѣтними и безъ поврежденія въ умѣ“; старики везутъ своихъ старухъ на телѣжкахъ, а мастеръ витіевато объявляетъ публикѣ о своемъ искуствѣ.

Разсказъ объ Аникѣ воинѣ уже помѣщенъ выше въ VIII главѣ; а разсказъ о томъ, какъ Еремушка заболѣлъ и къ себѣ бабушку привелъ, какъ старушка пришла и мѣшекъ съ горшками принесла, и стала свое дѣло исправлять, а сама приговаривать: „Еремушкино брюшко залечися, а ты Ерема деньги давать не скупися; у тебя давно брюшко заболѣло и одеревенѣло; непремѣнно надобно тебѣ горшковъ двѣсти накинуть, чтобъ животъ твой на прежнее мѣсто подвинуть“, и о томъ, что было когда она накинула Еремушкѣ на брюшко первый горшокъ, — разыгрывался въ лицахъ, въ солдатскихъ представленіяхъ еще очень недавно, конечно съ разными улучшеніями и прибавленіями [216]).

---

[215]) Сравни примѣч. къ № 212.

[216]) О соленыхъ приговоркахъ, которыми Еремушка потчуетъ бабушку, и о гражданствѣ этихъ приговорокъ въ русскомъ обиходѣ,—прочтите подробную замѣтку на стр. 316—IV книги; не привожу ее здѣсь, чтобы избѣгнуть излишнихъ повтореній.

Въ рукописныхъ сборникахъ нашихъ сохранилось множество интермедій полныхъ, т. е. съ полнымъ текстомъ — что слѣдуетъ говорить каждой персонѣ, — и перечневыхъ, гдѣ указана одна программа разговора и дѣйствія, самое-же развитіе ихъ предоставлено экспромту актеровъ. Къ числу перечневыхъ интермедій можно отнести достаточное число народныхъ картинокъ, какъ напримѣръ: разговоръ Фарноса и Пигасьи съ цѣловальникомъ Ермакомъ (112); разговоры: пьющаго съ непьющимъ (111), крестьянина съ философомъ (245), мальчика съ книжникомъ (246); жениха съ свахою (138); похожденія и потасовки разныхъ Вавилъ, Данилъ, Еремъ, Парамошекъ; роспись приданому (143) и выборъ невѣсты (139). Вирши всѣхъ этихъ картинокъ такъ типичны и народны, что знатоки нашей народной археологіи, Даль и Снегиревъ, дословно выписывали изъ нихъ свои народныя пословицы, а Мельниковъ цѣликомъ включалъ ихъ въ разговоры своихъ дѣйствующихъ лицъ.

Олеарій слишкомъ строгъ въ своихъ сужденіяхъ о Россіи, огульно обвиняя русскихъ въ распущенности и развратѣ; онъ забылъ, что въ то время, когда у насъ скоромныя представленія разыгрывались въ кукольной комедіи,—въ Италіи и во Франціи такія-же интермедіи, но въ гораздо болѣе грязной формѣ, разыгрывались цѣлой труппой бродячихъ комедіантовъ. Стоитъ взглянуть на извѣстные „Balli'di Sfessania" Калло и на костюмы Куруку, Кокодрильо и Скарамучіа, съ огромными genitalia и въ самыхъ скабрезныхъ позахъ, что-бы убѣдиться въ необыкновенной наивности тогдашнихъ нравовъ западной Европы.

XI.

Шутовство и шуты.—При Иванѣ Грозномъ.—При Петрѣ I. Самоѣдскій король. Капитанъ Ушаковъ; шутъ Шанскій. Шуты: Голицыны, Салтыковъ, Зотовъ и Бутурлинъ. Шутовство пополамъ съ пыткой. Петръ—врагъ сатиры; его необыкновенная жестокость. Всешутѣйшій соборъ и посвященіе изъ простыхъ чумаковъ въ цѣловальники.—Иностранные шуты: Лакоста, Педрилло и Тремеръ. — Указъ Анны Леопольдовны объ упраздненіи шутовъ.—Шуты: Гоносъ и Петруха Фарносъ. — Разные дураки и дуры; Тарасъ плѣшивый. Ѳома съ Еремой — типы русскаго всезнайки. Пономарь Парамошка и другія шутовскія персоны. — Карлы и карлицы.

Шутовство и паясничество шли у насъ тѣмъ-же порядкомъ, какъ и на западѣ и, точно такъ какъ и на западѣ, шуты наши дѣлились на дураковъ придворныхъ (Hofnarr) и дураковъ народныхъ (Volksnarr.—Grässe 198).

Чрезвычайно любопытны для исторіи этого художества фресковыя изображенія разныхъ скомороховъ, находящіяся на хорахъ Кіево-Софійскаго собора. Въ XVI вѣкѣ, Италія, отечество скарамушей и паясовъ, доставила намъ вмѣстѣ съ своими художниками не малое число и скоморошьяго матеріала. При Грозномъ разные блаженные — шуты особаго сорта — имѣли привилегію безнаказанно говорить звѣрообразному владыкѣ всякія дерзости. Грозный часто обѣдывалъ самъ-другъ съ дуракомъ, шутилъ съ нимъ разныя шутки и разъ какъ то, ради потѣхи, даже всемилостивѣйше приказалъ налить ему за пазуху кипятку (Flögel, 408). Англійскій путешественникъ Коллинсъ разсказываетъ по части шутовскаго элемента въ Грозномъ разныя сказки, о томъ, какъ Грозный посылалъ въ Вологду за мѣховымъ колпакомъ и наложилъ пеню за то, что колпакъ пришелся не по мѣркѣ; какъ онъ обмѣнялся своей шапкой съ воромъ; какъ онъ придумалъ комическую казнь дьяку взяточнику, принявшему въ посулъ гуся, наполненнаго червонцами; какъ онъ сжегъ деревню, въ которую его не пустили ноче-

вать, и какъ приказалъ боярамъ своимъ закупать дорогóй цѣной лапти[217]). Въ другой разъ, по словамъ Коллинса, Грозный приказалъ будто-бы прибить гвоздями шляпу на голову французскому послу[218]). Анекдотъ его съ Тарасомъ Плещеевымъ разсказанъ въ примѣчаніи къ № 187 (IV. 294).

Въ расходной книгѣ царя Михаила Ѳедоровича уже упоминаются царскіе шуты Макарка и Ивашка Андреевы, которымъ, въ 1638 году, были построены дурацкіе костюмы: куртка и штаны изъ краснаго сукна, и малиновыя ермолки; изъ дураковъ устраивались въ то время потѣшныя побоища (Петровъ. Для немногихъ. СПБ. 1871, 33—40). Изъ расходныхъ книгъ Оружейной Палаты видно, что въ XVII в. (1633 г.) при царскомъ дворѣ находилось достаточное число потѣшниковъ-слѣпыхъ, по всей вѣроятности пѣвцовъ, и дѣвокъ дурокъ; тамъ же упомянута шутиха слѣпая, жонка Манка, и на ряду съ ними уродивый Елисей и богомолецъ Исай. Всѣмъ этимъ потѣшникамъ шились костюмы съ шутовскимъ приборомъ: потѣшнику слѣпому, напримѣръ, — однорядка изъ зеленаго сукна, съ лазоревыми выпушками и ошлагами изъ золотнаго атласа, — на однорядкѣ 12 серебряныхъ пуговицъ; шапка красная, сапоги желтые. Другому слѣпому сшиты: шапка вишневая, штаны зеле-

---

[217]) Какіе-то крестьяне поднесли Грозному рѣпу и лапти; это такъ понравилось ему, что онъ приказалъ своимъ боярамъ накупить себѣ у тѣхъ крестьянъ лаптей дорогóю цѣной; крестьяне разбогатѣли и вышли впослѣдствіи въ бояре Лапотскіе. Коллинсъ добавляетъ, что показываютъ еще то дерево, у котораго стояли прежніе дома этихъ бояръ; прохожіе бросаютъ у него старые лапти, въ память разсказаннаго происшествія (Буслаевъ, Очерки, I. 513).

[218]) Если это и неправда, то хорошо выдумано; очевидно, что Коллинсъ, прохаживаясь на счётъ Грознаго, позаимствовался изъ исторіи Мунтьянскаго Дракулы, который не только Грознаго превзошелъ, но еще особаго рода мѣховую пытку изобрѣлъ: «женскій срамъ сдиралъ».

ные, ожерелье бархатное съ мишурой. Шутихѣ Манкѣ былъ устроенъ сарафанъ изъ лазоревой крашенины, — верхъ изъ краснаго сукна,—пуговицы оловянныя. Уродивый былъ одѣтъ очень живописно: въ бѣлое сукно на лазоревой подкладкѣ; богомолецъ Исай—въ зеленое съ краснымъ, причемъ костюмъ его былъ снабженъ 25-ю серебреными пуговицами и дорогóй шапкой, обшитой соболемъ. Дѣвкамъ дуркамъ устроены были красныя и желтыя шапки (IV. 311).

Но никогда шутовство не доходило до такихъ уродливыхъ размѣровъ, какъ при Петрѣ Первомъ. При дворѣ этого государя было до ста дураковъ, раздѣленныхъ на разряды, и кромѣ того множество карликовъ и карлицъ. Были дураки титулованные, какъ напримѣръ: самоѣдскій король — полякъ, получавшій по 10 рублей жалованья въ мѣсяцъ, кромѣ готоваго содержанія [219]).

Въ числѣ оффиціальныхъ дураковъ при Петрѣ былъ „многоутѣшный шутъ и смѣхотворецъ остроумноліотный" Ѳеофилактъ Шанскій, сватьбу котораго Петръ праздновалъ съ большимъ торжествомъ, въ домѣ Лефорта,

[219]) Онъ умеръ 1 декабря 1714 г. и погребенъ въ католической церкви «со многими церемоніями». Онъ былъ коронованъ въ Москвѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, для этого торжества, было нарочно приведено въ Петербургъ множество оленей и 24 самоѣда, которые присягали королю на вѣрность (Das Veränd. Russland, I. 20. 29). Однажды даже этому шуту вздумалось, не въ шутку, просить руки вдовы Лефорта (Пекарскій, I. 476). Самоѣды пользовались особеннымъ «комическимъ» расположеніемъ Петра: онъ набиралъ ихъ нетолько для своей домашней забавы, но и посылалъ въ подарокъ, наравнѣ съ солдатами-великанами, въ другія земли; сохранился слѣдующій приказъ его архангельскому вице-губернатору, изъ Амстердама, отъ 11-го января 1717 года: «по полученіи сего указа, сыщите двухъ человѣкъ самоѣдовъ, молодыхъ ребятъ, которые бы были дурные рожіемъ и смѣшные, лѣтами отъ 15 до 18-ти, въ ихъ платьѣ и уборахъ, какъ они ходятъ по обыкновенію; которыхъ надо послать въ подарокъ Грандукѣ Флоранскому; какъ ихъ сыщете, то немедленно отдайте ихъ тому, кто вамъ сіе наше письмо объявитъ. Петръ» (Арханг. Губ. Вѣд. 1876. № 4).

въ 1702 году, съ участіемъ всешутѣйшаго собора. Сватьба эта была отпразднована на двухъ половинахъ—мужской и женской; сохранились и изображенія этого торжества, на двухъ листахъ, гравированныхъ тогда-же граверомъ Адріаномъ Шхонебекомъ [220]).

Дураками одѣвали людей разнаго чина и званія, надѣлавшихъ какія либо дурачества, или такихъ наконецъ, которыхъ царь хотѣлъ осмѣять за ихъ дерзость или проступки. Капитанъ Ушаковъ былъ посланъ курьеромъ изъ Смоленска въ Кіевъ, съ важными донесеніями: подъѣхалъ онъ къ крѣпости вечеромъ; видитъ ворота заперты,—онъ, не говоря ни слова, повернулъ свою лошадь, да назадъ въ Смоленскъ и пріѣхалъ. Его приговорили было за это къ разстрѣлянію; но Петръ, не утвердивъ приговоръ, приказалъ привести Ушакова ко двору и съ первыхъ словъ нашелъ въ немъ такого капитальнаго дурака, что не только отмѣнилъ безполезное разстрѣляніе, но еще опредѣлилъ его въ придворные дураки и выдалъ ему патентъ собственнаго измышленія на чинъ дурака-шутика [221]). Были дураки и подневольные, какъ напри-

---

[220]) Въ дѣлахъ Оружейной Палаты записано, что въ Москвѣ, 1702 года Адріанъ Шхонебекъ «явилъ въ Окружной Палатѣ три листа (до насъ дошло только два), съ подписаніемъ различества столовъ», которые и были посланы къ боярину Головину «для извѣстія, таковому ли быть подписанію» (См. мою книгу: «Русскіе Граверы». М. 1870, 351). При второмъ изданіи этихъ картинокъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, шутовству этому постарались придать утилитарный характеръ, для чего при картинкахъ были приложены летучіе листочки, съ слѣдующимъ текстомъ.

[221]) «Потентъ любезнѣйшему і близнейшему свойственнику по отцѣ, матери, женѣ і по протчимъ сродникомъ і свойственникомъ ево, яко неупърямому роду по обѣімъ поламъ, господину господину думному дворянину, Прокопію Ушакову черниінькому, мымричку, дурачику-чку. Вѣдомо чинимъ всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, чтобъ оного называли неупърямой фамиліи веселенькой шутикъ іли дурачикъ-чокъ; а кто его назоветъ: дуракомъ, тѣмъ платить вышней сарожи (charge=высшаго

мѣръ: несчастный князь Голицынъ, котораго Анна Ивановна сажала на яйца, заставляя кудахтать насѣдкой; за то много было и такихъ придворныхъ шутовъ, которые сами добивались этой почетной, а главное выгодной придворной должности. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находимъ: придворную шутиху, княгиню Наталью Петровну Голицыну, дочь боярина Прозоровскаго, которую Екатерина I-я почасту жаловала за непомѣрное пьянство (Русск. Стар. II. 470); шута генерала Салтыкова (Р. С. 1875. Декабрь); шутовскихъ папъ Зотова и Бутурлина, и множество другихъ шутовъ и шутихъ изъ громкихъ и родовитыхъ фамилій.

Но нигдѣ наклонность къ шутовству не выразилась съ такимъ безшабашнымъ разгуломъ и грязнымъ цинизмомъ, какъ въ уставахъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора и въ смѣхотворныхъ процессіяхъ, устраивавшихся по случаю выбора папы и женитьбы патріарха. Нашелъ, напримѣръ, Петръ въ старинной латинской книгѣ, что сидѣла въ Римѣ на папствѣ папесса Іоанна, выдававшая себя за мужскую персону, что родила она во время крестнаго хода ребенка, и что съ той поры было установлено свидѣтельствовать вновь избраннаго папу,—есть ли у него genitalia; и вотъ онъ сочинилъ для избранія своего князя-папы такую же церемонію,—устроилъ особыя прорѣзныя сѣдалища, на которыя сажали папскихъ кандидатовъ. Къ этимъ кандидатамъ подходили по очереди члены собора и „ощупавъ крѣпко ихъ естество, громогласно восклицали: „габетъ фораменъ,! габетъ!! габетъ!!!“, [222]) и за тѣмъ продѣлывали цѣлую серію

чина) по золотому, другимъ рубль, третьему полтина, четвертому полполтины, самымъ низкимъ гривъна» Подлинникъ писанъ рукою Петра I-го и напечатанъ здѣсь съ сохраненіемъ его кривописанія (Бартеневъ. Русск. Архивъ, 1865. 62).

[222]) Эпизодъ о папессѣ Іоаннѣ попалъ въ одну изъ народныхъ картинокъ—№ 713; въ примѣчаніи къ этому нумеру (IV. 530) разсказано

всякаго шутовства, уже собственнаго Петровскаго изобрѣтенія.

И что это было за ужасное шутовство всешутѣйшаго собора: нечаянно, напримѣръ, уронятъ человѣка въ воду, въ холодное осеннее время; насильно опоятъ до́ смерти; въ шутку, этакъ, зашибутъ до увѣчья; зубы здоровые повыдергаютъ [223]), — шутовство дикое, злое, пошлое и, прежде всего, безпросыпно-пьяное.

Самый шутѣйшій изъ всѣхъ членовъ всепьянѣйшаго собора былъ конечно самъ державный смѣхотворецъ „Петръ протодіаконъ" [224]), и какъ ужасно перемѣшивались его забавы и шутки съ кнутомъ и виской: сегодня подымаетъ онъ на дыбу и бьётъ кнутомъ, безъ всякой надобности, шестнадцатилѣтнихъ фрейлинъ; завтра пишетъ уставъ всешутѣйшаго собора, по три—по четыре раза собственноручно исправляетъ и пополняетъ его, — въ промежуткахъ пытаетъ роднаго сына, а тамъ опять

самое происшествіе, а также описаны и шутовскія затѣи Петра по этой части.

[223]) Кромѣ особеннаго удовольствія колотить своихъ приближенныхъ, Петръ имѣлъ еще страсть дергать зубы, безъ разбора, больные и здоровые; въ кунсткамерѣ сохранялся цѣлый мѣшекъ надерганныхъ имъ зубовъ (Нартовъ, Анекд.: Москвит. 1842. кн. 4. стр. 33); см. тоже анекдотъ Штелина о Полубояровой, у которой Петръ вытащилъ здоровый зубъ, — на этотъ предметъ есть, въ Готскомъ альманахѣ на 1790 годъ, картинка, гравированная Ходовецкимъ.

[224]) Или «Пертъ», какъ онъ шутовски подписывался въ письмахъ своихъ къ Екатеринѣ (Письма русскихъ государей. М. 1861, № 96 и мой Словарь русск. гравиров. портретовъ. СПБ. 1872 г., XLI). Шутовская наивность въ этихъ письмахъ доведена до высокой степени, изъ Спа напримѣръ Петръ пишетъ Екатеринѣ (въ 1717 г.) такое письмо: «Понеже во время питія водъ домашней забавы дохтуры употреблять запрещаютъ, того ради я метрессу свою отпустилъ къ вамъ, ибо не могъ бы удержаться, ежелибъ при мнѣ была»; какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ Екатерины, у этой метрессы оказалась любострастная болѣзнь (Письма русск. госуд., ч. I.); переписка въ этомъ родѣ Екатерины съ дѣвицами Арсеньевыми и свѣтлѣйшимъ кн. Меньшиковымъ, напечатанная въ сборникѣ Есипова, представляетъ еще болѣе пикантности.

выборы новаго папы, крѣпкое ощупываніе, опять пьянство, опять насилія. Говорятъ такое ужъ тогда было время! Ну и слава Богу, что оно прошло наконецъ, и не вернется болѣе. Въ этомъ отношеніи мы можемъ только повторить то, что писалъ о Петрѣ старый генералъ-маіоръ Іорданъ въ рапортѣ своемъ къ Саксонскому королю: „Ich meines Ort bin froh dass man einen so kostbaren Gast bald wieder los worden"—„съ своей стороны я радъ, что мы скоро избавимся отъ такого дорогаго гостя" (Archiv für Sachs-Gesch. Leipzig 1873, XI. 337).

Упражняясь въ шутовствѣ, Петръ не терпѣлъ однакоже ни настоящей сатиры, ни сколько нибудь свободнаго слова по этой части. Случилось какъ-то ему увидѣть у книжнаго торговца сатиры Ювенала,—онъ тотчасъ-же заявилъ свое неодобреніе книгѣ, замѣтивъ, что сатира въ его государствѣ запрещена и что составитель сатиры будетъ подвергнутъ злѣйшимъ истязаніямъ. Въ Лондонѣ особенно не понравились ему свободорѣчивые адвокаты: „есть и у меня этотъ товаръ", замѣтилъ онъ,—„пріѣду, всѣхъ перевѣшаю". Петръ не только нетерпѣлъ противорѣчія себѣ, онъ не выносилъ даже самаго сдержаннаго и не высказываемаго прямо, неодобренія своихъ поступковъ[225]).

---

[225]) Huyssen, Ausführliche Beobachtung, 1705; Weber, Das Veränderte Russland, II. 23; Пекарскій, Наука и Литература, I. 99. Не рѣдко, подвергаясь гнѣву, Петръ приходилъ въ умоиступленіе; всё бѣжало тогда отъ него, какъ отъ дикаго звѣря, и только одна Екатерина, по врожденной женской способности, съумѣла подмѣтить и усвоить такіе пріемы, которыми было возможно успокоить его въ это время.

«Только эта женщина», какъ справедливо замѣчаетъ Костомаровъ, «и могла быть женою такого человѣка, который, не обращая ни на кого вниманія, считалъ себѣ дозволеннымъ дѣлать все, что ему ни приходило въ голову, и развлекаться всѣмъ, къ чему ни повлекла бы его необузданная чувственность. Петръ хотѣлъ, чтобы всѣ около него признавали хорошимъ,—всё, что онъ ни дѣлаетъ. Такъ Екатерина и относилась къ Петру, это была ея первая добродѣтель» (Древн. и Нов. Россія. 1877, II. 144).

Справедливо сказалъ ему Кикинъ передъ казнію, что „умъ любитъ просторъ, а отъ тебя-де было ему тѣсно" [226]). — „Петръ дѣйствовалъ на Россію", говоритъ Фридрихъ Великій, „какъ крѣпкая водка на желѣзо". Впрочемъ тогда было, говорятъ, время на Руси такое: всѣ смотрѣли назадъ и думали глупо, одинъ Петръ видѣлъ впередъ и думалъ за всѣхъ. Хорошо еще, что онъ все время былъ занятъ войной да домашней неурядицей и всешутѣйшими соборами, — ну, а если бы не это, да вздумалось бы ему привести въ исполненіе изображенный имъ всеужаснѣйшій проэктъ переселенія русскаго народа изъ окраинъ въ центральныя области [227])?!

Да не подумаютъ, что этими словами мы хотимъ набросить тѣнь на великаго преобразователя,—имя его стоитъ слишкомъ высоко для этого; онъ такъ много сдѣлалъ для славы и могущества своего государства, что никакія пятна не могутъ помрачить его солнца; мы взглянули на него только со стороны народной картинки, а съ этой стороны, надо говорить правду,—заслоняетъ его отталкивающая жестокость и неразборчивое расходованіе на жизнь и мясо своихъ подданныхъ, неоправдываемыя даже ни тогдашнимъ временемъ, ни тѣми обстоятельствами, при которыхъ онъ, по словамъ Фридриха Великаго, также дѣйствовалъ на Россію, какъ крѣпкая водка на желѣзо. Что же касается до исторической точки зрѣнія, то всѣ конечно будутъ согласны съ тѣмъ, что если въ извѣстные

---

[226]) И если указами Петръ запрещалъ своимъ подданнымъ называться униженными именами Ивашекъ и Митекъ, то ни одинъ изъ его предшественниковъ не низводилъ этихъ Ивашекъ и Митекъ до той абсолютной безличности, въ которой они были зачислены въ Петровское время (Указъ 30-го декаб. 1701 года. Анекдоты Нартова: Москвитянинъ 1840, кн. вторая, стр. 459).

[227]) Костомаровъ, Древняя и Новая Россія. 1877, II. 144. Сравните тоже страницы 159—163 въ этой книгѣ, гдѣ разсказываются крупныя мѣры Петра противъ раскольниковъ.

періоды народнаго развитія, необходимъ деспотъ, то пусть это будетъ такой великій и полезный деспотъ, какъ Петръ,—первый человѣкъ въ своемъ государствѣ и первый слуга своему народу. Шутовство составляло для него необходимый роздыхъ отъ тяжкихъ, почти нечеловѣческихъ трудовъ и въ этой безшабашной веселости виденъ свѣтлый умъ его, ибо только ограниченный человѣкъ чуждается веселаго смѣха и въ каждой смѣшной фигурѣ и положеніи видитъ намекъ на собственныя свои дѣйствія.

Шутовскія затѣи Петра Великаго отозвались и въ народныхъ картинкахъ, описанныхъ подъ №№ 118 и 170; первая изъ нихъ (№ 118) представляетъ, до нѣкоторой степени, пародію на поставленіе властей всепьянѣйшаго собора. На этомъ поставленіи пьяный архижрецъ рукополагалъ нетрезваго члена, „во имя всѣхъ кабаковъ, во имя всѣхъ табаковъ, во имя всѣхъ водокъ, винъ, бочекъ, чарокъ, ендовъ, ковшей и плошекъ; канарейки, синицы, жаворонка, снигиря, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, ворона, сокола, кречета, орла великаго, корабля и кита, носящаго ихъ“. Затѣмъ архижрецъ производилъ кощунственное винопомазаніе съ такими приговорками: „тако да будутъ дрожати руцѣ твои... тако да будетъ кружиться умъ твой... сердце исполнено вина да будетъ въ тебѣ... да не познаеши десницы своей ниже шуйцы твоей во пьянствѣ“, послѣ чего пѣлось „аксіосъ“.

Въ подражаніе этому чину, на нашей картинкѣ представлено: „посвященіе изъ простыхъ въ чиновные чумаки и въ настоящіе цѣловальники“. Двѣнадцать чумаковъ, въ бѣлыхъ балахонахъ, ведутъ новопоставляемаго въ кабацкій покой, въ которомъ стоитъ бочка и на ней сидитъ Бахусъ, имѣющій рябинную кисть въ одной рукѣ и штофъ съ рюмкой въ другой. Тутъ-же стоятъ двѣ „обрюзглыя

отъ пьянства бабы", въ панданъ всешутѣйшимъ игуменьямъ, присутствовавшимъ при избраніи князя папы, по уставу всепьянѣйшаго собора [228]).

Должность архижреца занимаетъ въ народной картинкѣ хозяинъ кабака, который рукополагаетъ новопоставляемаго такими словами: „остави ты мірскія заботы и прилепися къ винной мѣрѣ, пріучай пьяныхъ подъ свою стойку, растворяй скупыхъ карманы и привлекай ихъ складывать кафтаны"; напослѣдокъ онъ садится на мѣрникъ и велитъ трубить въ винныя и пивныя воронки, и поютъ всѣ предстоящіе самую лучшую кабацкую пѣсню, то есть: сурьякъ, тумрякъ. По окончаніи чего изъ топлюшечныхъ дверей выходитъ хозяйка въ коноватой фатѣ, въ престрашномъ кокошникѣ, выкладенномъ бисеромъ, и въ камчатномъ сарафанѣ, подпоясанная широкою покромкою и держа въ рукѣ отъ мѣрника гвоздь, привязанный на гашникѣ; хозяинъ, взявъ сулейку отъемной водки и наливъ рюмку, окачиваетъ новопоставленнаго съ головы до ногъ, вручаетъ ему мѣрникъ, мѣру, воронку и ливеръ, и отпускаетъ его въ уготованный ему домъ, что называется кабакъ (I. 343; IV. 234). О показанной процессіи, описанной въ картинкѣ № 170, уже говорено выше, на стр. 260—264.

Придворные шуты долго еще держались при русскомъ дворѣ и послѣ Петра Перваго; при Аннѣ Ивановнѣ оберъ — дураками числились: кавалеръ ордена св. Бенедикта, италіянецъ Педрилло, и еще другой шутъ Лакоста, старѣйшій изъ всѣхъ, носившій титулъ самоѣдскаго короля. Изъ титулованныхъ шутовъ,—князь Волконскій состоялъ въ нянькахъ при собачкѣ Анны Ивановны, а Квасникъ князь Голицынъ, какъ уже сказано выше, испра-

---

[228]) Должно быть, одну изъ нихъ встрѣчаемъ мы въ пѣсняхъ Кирши Данилова подъ именемъ Чурильей игумени (стр. 315).

вялъ должность насѣдки; Анна Ивановна женила его на Калмычкѣ Бужениновой, приказавъ построить для торжества ихъ бракосочетанія знаменитый ледяной домъ и выписать разныхъ инородцевъ, въ томъ числѣ камчадаловъ,— которые ѣхали въ процессіи на своихъ собакахъ [229]).

Пріѣзжалъ въ это же время въ Петербургъ нѣмецъ-французъ (Deutsch Français) Тремеръ искать хлѣбнаго мѣстечка; написалъ онъ нѣсколько виршевыхъ посланій покровителю своему Миниху, самой императрицѣ и шуту Педрилло и получилъ за то разныя подачки. Въ числѣ разныхъ сочиненій этого Тремера есть ругательное поздравленіе съ новымъ годомъ шуту Педрилло, съ прекуріозной картинкой. Впереди этого посланія прописанъ полный титулъ Педрилло: „претендентъ на самоѣдское королевство, оленій вицегубернаторъ, тотчасскій комендантъ Гохланда, экспектантъ зодіакальнаго козерога, русскій первый дуракъ,.... извѣстный скрипачъ... и славный трусъ ордена св. Бенедикта“. Изъ виршъ видно, что Педрилло пробрался въ Петербургъ черезъ Вѣну, въ качествѣ скрипача, а потомъ нашелъ болѣе выгоднымъ поступить въ дураки. Въ этой должности Педрилло получилъ прекрасно мёблированную квартиру, съ залой, на стѣнахъ которой были написаны портреты бывшихъ до него пятидесяти дураковъ, карету съ парой лошадей и столовое

---

[229]) Описаніе этого дома было издано тогдаже на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ картинками. Шутили на этотъ же манеръ, хотя и попроще, и россійскіе бояре того времени. Напримѣръ, Астраханскій губернаторъ Артемій Петровичъ Волынскій мичмана князя Мещерскаго, (который у Матюшкина дуракомъ служилъ), посадилъ на два часа на деревянную кобылу, рядомъ съ своимъ собственнымъ дуракомъ Кузьминымъ, при чемъ приказалъ привязать къ ногамъ его пудовыя гири, да по собакѣ за заднія ноги, а потомъ, насыпавъ льду съ солью, снялъ съ него штаны и посадилъ на ледъ голой задницей, продержавъ въ такомъ положеніи дурака два часа (Русская Старина. 1872, V. 951).

серебро [230]). Посланіе написано съ большею желчью; изо всего видно, что Тремеръ самъ пріѣзжалъ ко двору съ тѣмъ, чтобы добыть мѣсто перваго дурака, но такъ какъ Педрилло крѣпко сидѣлъ на немъ, то Тремеру пришлось уѣхать назадъ, недостигнувъ цѣли.

Принцеса Анна Леопольдовна, вступивъ въ регенство, однимъ указомъ уничтожила всѣ дурацкія должности и распустила придворныхъ дураковъ по бѣлу свѣту; но и послѣ нея шуты и дураки еще долгое время цѣплялись за дворъ: шутъ необходимъ для деспота; онъ настолько низокъ въ жизненной лѣстницѣ, что можетъ быть его другомъ наравнѣ съ собакою. Такіе шуты были даже до конца прошедшаго столѣтія [231]); и не только цари, но и

---

[230]) Въ виршахъ упоминается и о томъ что Педрилло, еще будучи въ Италіи, женился на очень хорошенькой женщинѣ, которая впрочемъ скоро ушла отъ него съ испанскимъ капитаномъ, взявшимся исполнять при ней обязанности вице-мужа; бѣдному Педрилло было запрещено въ Петербургѣ куртизанить съ женщинами, и онъ, поневолѣ, долженъ былъ взять себѣ въ любовницы «бѣлую козу». На эту тему сдѣлана и приложенная къ поздравленію картинка: на ней представлено, какъ жена Педрилло ѣдетъ въ саняхъ съ своимъ вице-мужемъ; въ саняхъ запряжена коза, на которой сидитъ верхомъ самъ Педрилло и играетъ на скрипкѣ. Вдали виденъ маякъ острова Гохланда; изъ окошка выглядываетъ Лакоста; онъ кричитъ Педриллѣ: «podi protsch (поди прочь) senza testa». Съ боку представлены двѣ палатки; въ одной изъ нихъ на постелѣ, подъ одѣяломъ, лежитъ жена Педрилло съ своимъ капитаномъ, а около нихъ положена капитанская шпага. Педрилло, украшенный огромными рогами и со свѣчкой въ рукахъ вылѣзаетъ изъ подъ кровати; сильно хотѣлось бы ему побезпокоить счастливыхъ любовниковъ, но капитанская шпага останавливаетъ его предпріятія. Педриллина любовница, бѣлая коза, тутъ-же свѣтитъ фонаремъ. Рядомъ, въ другой палаткѣ, стоитъ круглый столъ, за которымъ, на стульяхъ, сидятъ: справа Педрилло, играющій на скрипкѣ, а слѣва его коза съ блюдечкомъ въ ногѣ—она пьётъ кофе. За палаткой стоятъ на часахъ два оленя. Книга Тремера имѣла въ свое время множество изданій; въ моемъ собраніи ихъ имѣется шесть разныхъ (Jean Chretien Toucemont, des Deutsch Franços Schrifften.... Leipsigk bey dem Auteur und ock bey Johann Christian Troemer).

[231]) Даже у Екатерины II была дурка Матрена Данилова, которую всѣ боялись; самъ оберъ-полицеймейстеръ Рылѣевъ посылалъ ей къ

простые дворяне держали при себѣ цѣлыя стаи шутовъ, дураковъ и дуръ [232]).

Въ нашихъ народныхъ картинкахъ оффиціальные придворные шуты носятъ имена Гоноса и Фарноса—краснаго носа; впрочемъ эти господа, Гоносъ, Фарносъ и представляютъ уже переходъ отъ придворнаго шута (Hofnarr) къ шуту народному (Volksnarr) и заимствованы, вмѣстѣ съ своими нарядами, прямо изъ Итальянской пантомимы: Гоносъ, „верхомъ на палочномъ конькѣ, брада у него власами, аки лѣсъ, густая, а голова мозгомъ, что дупло пустая", а Фарносъ „верхомъ на виноходной свиньѣ",—

праздникамъ подарки, чтобы не наговаривала на него (Разсказы Мельникова, 144).

[232]) Покойный М. Окуловъ разсказывалъ, что богатый Серпуховскій помѣщикъ Нащокинъ, въ числѣ разныхъ забавъ, устроилъ въ имѣніи своемъ театръ и крѣпостной балетъ, и завёлъ цѣлую коллекцію дураковъ и дуръ, которыхъ онъ возилъ за собою цѣлыми партіями, въ фурахъ. Однажды, во время охоты, Нащокинъ увидалъ около лѣса какого-то полуодѣтаго человѣка, размахивавшаго руками по воздуху,—«это должно быть дуракъ», закричалъ онъ своимъ псарямъ, «поймать его». На неизвѣстнаго сдѣлали облаву и поймали; на самомъ дѣлѣ оказался дуракъ кубическій,—выгнанный изъ семинаріи поповичъ, который говорилъ безъ умолку, пересыпая рѣчи свои греческими и латинскими цитатами и текстами изъ св. Писанія. Нащокинъ очень полюбилъ его и всюду таскалъ за собою; узналъ какъ то объ этомъ дуракѣ императоръ Павелъ и приказалъ представить его къ себѣ; и здѣсь дуракъ заслужилъ одобреніе. Если вѣрить тому, что разсказывалъ Окуловъ, дуракъ этотъ помѣщался въ кабинетѣ императора, въ каминѣ (конечно нетопленномъ) и часто сопровождалъ его въ прогулкахъ по городу. Разъ какъ то, во время парада, дуракъ, подкравшись сзади къ царской лошади, началъ выбирать у нея изъ подъ копытъ щепки; лошадь взвилась на дыбы и Павелъ чуть было не свалился съ лошади: «сослать его въ Сибирь», закричалъ онъ въ припадкѣ гнѣва. «Зачѣмъ въ Сибирь», замѣтилъ ему дуракъ хладнокровно, — «мнѣ и здѣсь хорошо». Отвѣтъ этотъ разсмѣшилъ Павла и дуракъ остался при прежней милости. При вступленіи на престолъ Александра Павловича, дуракъ лишился своей должности; встрѣтивъ государя на улицѣ, онъ сказалъ ему какую то шутовскую дерзость и былъ за это высланъ къ прежнему своему благодѣтелю Нащокину.

оба въ дурацкихъ полосатыхъ кафтанахъ и колпакахъ съ бубенчиками (№№ 209 А и 209 Б) [233]).

По мнѣнію одного археолога, картинки Гоноса и Фарноса должны изображать шутовъ Лакосту и Педрилло; названіе послѣдняго Петрухой музыкантомъ и скрыпачемъ на картинкѣ № 209 до нѣкоторой степени подтверждаетъ это предположеніе [234]). Оба они наполнены „внутреннимъ порохомъ“, который „легко стрѣляетъ, а отъ пуль его никто раненъ небываетъ“, и имѣютъ назади дурацкій „символъ—ворону, отъ комаровъ оборону“, и т. д. (I. 412).

Фарносъ пользовался особенною любовью составителя народныхъ картинокъ; въ нихъ онъ то пляшетъ трепака (№ 102), то наигрываетъ на волынкѣ (№ 103), или на скрыпкѣ (№ 209), то подсматриваетъ за шаловливыми любовниками (№ 125), то вмѣстѣ съ женой своей Пигасьей, такой-же шутихой, какъ и онъ самъ, переговаривается съ цѣловальникомъ Ермакомъ (№ 112). Этотъ же самый Фарносъ съ незапамятныхъ временъ поступилъ и на кукольную сцену, подъ уменьшительнымъ именемъ Петрушки. Кромѣ Петрухи Фарноса, изъ иностранныхъ шутовъ перешли въ наши картинки дурацкія персоны: Карпа и Лари (№ 193 и 194), рейтара на пѣтухѣ и рейтарши на курицѣ (№№ 162 и 163); еще два дурака, подъ названіемъ: „трое насъ съ тобою“ (т. е. съ тѣмъ, кто смотритъ на картинку) — „блажныхъ, шальныхъ дураковъ“ (№ 197), воръ на яблонѣ (203), дурацкія персоны, скопированныя изъ Каллотовскихъ „Balli di Sfessania e di Curucu“, причемъ итальянка Riciulina преобразилась въ русскую даму Арину, а Пульчинель въ „галку Степку“ (№№ 101 и 175),

---

[233]) Шуты Гоносъ и Фарносъ одѣты въ шутовскіе придворные костюмы того времени.

[234]) Фарносовъ и Дурносовъ находятся и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ макароническихъ трагедіяхъ Баркова.

и наконецъ персона Тараса плѣшиваго, которому три молодыя жены предлагали рецептъ, „какъ выростить власы на плѣши", съ его остроумнымъ отвѣтомъ молодухамъ, который можно прочесть подъ № 187 (I. 425).

Старинныя скоморошныя персоны дошли до насъ въ двухъ типахъ: мужикъ Ерема — пакольникъ, который на масляной вылѣзаетъ на балаганный балконъ, вретъ всякую еремелицу впопадъ и невпопадъ, но только всегда въ риѳму, глотаетъ зажженую паклю, вытягиваетъ изъ горла безконечную ленту, и постоянно пререкается и дерется съ другимъ скоморошьимъ ублюдкомъ—шутомъ, выпачканнымъ въ мукѣ и прозваннымъ замазкой—это итальянскій Gian Farina, т. е. Иванъ мука (Callot, Balli di Sfessania, № 17). Въ послѣднее время эти типы почти совсѣмъ выродились.

Рядомъ съ шутами позаимствованными у образованной Европы, съ давняго времени появляются у насъ шуты и своего собственнаго изобрѣтенія; впереди всѣхъ, въ хронологическомъ порядкѣ, стоятъ Ѳома и Ерема, древнѣйшіе типы новѣйшаго русскаго Митрофана, этого аракчеевскаго всезнайки[235]), который, безъ всякой подготовки, готовъ на всѣ мѣста и должности. Станетъ такой молодецъ рѣчи говорить, ну кажется куда дѣлецъ,—совсѣмъ Максимъ, — и шапка съ нимъ; а какъ возмется за дѣло, — ну и выйдетъ Ерема, — да еще какой!

Бываетъ, да и часто бываетъ, впрочемъ, что такого молодца лихая тройка, съ авоськой въ корню, вывозитъ тоже на большую дорогу; но нашихъ Ѳому съ Еремой, „кресть-

---

[235]) «У меня уменъ и ученъ не тотъ, кто учится, а кому прикажу быть ученымъ» (Русск. Стар. 1877, II. 242), говаривала эта шутливая персона; въ наше время слова эти возбуждаютъ нѣкоторое веселіе,—точно такъ какъ и «пороховыя вирши» Фарноса въ его куцей курточкѣ и остромъ колпачкѣ съ бубенчиками; но каково было слушать рѣчи этого Фарноса его современникамъ?

янскую сволочь“, она только въ воду вывезла. За что они ни схватятся, всякое дѣло у нихъ изъ рукъ вываливается: собирались было они и зайцевъ травить, и рыбу ловить, — нѣтъ имъ удачи, — и кончили они тѣмъ, что оба на дно пошли; „оба упрямы“, заканчиваетъ повѣсть, „со дна нейдутъ; по Еремѣ блины, по Ѳомѣ пироги, а начинку выклевали воробьи“[236]). Впрочемъ и нашимъ героямъ надоѣло повидимому на днѣ сидѣть и вышли они на свѣтъ Божій въ новой картинкѣ, въ видѣ скомороховъ Ѳомушки музыканта и Еремы поплюханта (I 427).

Очень типично описаніе Ѳомы и Еремы по рукописной повѣсти XVII вѣка (IV, 295): у обоихъ у нихъ носы покляпы, бороды какъ бороны, а усы какъ кнуты; оба они брюхаты и пузаты и умомъ оба ровны; при этомъ Ерема былъ кривъ, а Ѳома шелудивъ; въ такомъ шутовскомъ видѣ они и представлены на картинкѣ № 189, съ надписью: „Ерема сидѣлъ-бы ты дома, строгалъ бы женѣ своей веретена, а жена бы нитки пряла, да въ плетюху клала“ (I. 427). На картинкѣ № 188, изображающей рядъ неудавшихся предпріятій нашихъ героевъ, кромѣ Ѳомы и Еремы представленъ лихой пономарь Парамошка, который подчуетъ ихъ пинками и топками. Этотъ Парамошка, обращикъ блаженной памяти семинариста, неудачно скитавшагося по дебрямъ богословія и элоквенціи и вынесшаго, благодаря атлетической натурѣ своей, несчетныя истязанія за свою тупость къ наукѣ и прожорливыя наклонности. Въ молодости это смѣлый кулачный боецъ, который дерется со старымъ знакомымъ своимъ Кадыкомъ Ермакомъ (№ 198). Въ старости мы уже видимъ его съ косичкой на затылкѣ и въ большихъ очкахъ на носу; въ этомъ уборѣ денно и нощно играетъ

---

[236]) Такіе пироги въ монастыряхъ зовутъ: «съ молитвой», а въ міру: «съ пустяками».

въ кабакѣ съ пьяницей Савоськой въ карты, въ носки и въ трынку (I. 329, 428). Въ молодости своей Ерема является еще въ двухъ мѣстахъ: на одной крайне нелѣпой, картинкѣ: „Мужикъ Пашка поѣлъ кашки, испилъ бражки“ и началъ, ни съ того ни съ сего, пороть ножемъ козла, а братъ его Ермошка помогаетъ ему въ этомъ, но не совсѣмъ удачно (I. 427); на другой: Еремушка шутитъ непригодныя шутки съ бабушкой, которая пришла полечить ему брюшко горшками (№ 213)[237]).

За Ѳомой и Еремой слѣдуютъ дурацкія персоны, изобрѣтенныя во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, и притомъ весьма неостроумной породы: Вавила да Данила (№ 184), Ѳока Андронычъ и Сысой Сазонычъ (№ 186), Софронка и Хавронья (№ 195), Прохоръ да Борисъ поссорились подрались, за носы взялись (№ 205); Ералашъ съ молодицей, которой онъ „сулитъ два гроши, чтобъ перебила у него въ бородѣ всѣ воши“ (№ 208) и наконецъ совсѣмъ безсвязная картинка: Захаръ, Пантюха и Филатъ, изъ которыхъ послѣднiй сидитъ въ крошнѣ, съ подписью: „Филатъ тому и радъ хотя въ крошнѣ спать, не хочетъ работать, охотникъ голубей гонять“ (№ 185).

Въ Москвѣ шутовство было еще въ полномъ ходу до послѣдняго времени въ лицѣ смышленаго дурака Ивана Савельича, всенародно бѣгавшаго на гуляньѣ въ Подновинскомъ, декольте, въ шитомъ красномъ мундирѣ, въ женской юбкѣ и въ женской шляпкѣ задомъ напередъ[238]), — и нѣсколькихъ другихъ, менѣе извѣстныхъ шутовъ.

---

[237]) Цѣловальники поголовно прозывались Ермаками (т. е. Еремками, I. 334); подъ этимъ названiемъ они участвуютъ въ котовомъ погребенiи: «мыши ермаки, надѣвши валены колпаки» (I. 395). Еремкой, въ словарѣ всешутѣйшаго Петровскаго собора, звалось распутство (Русск. Старина VIII 848).

[238]) Московскiй шутъ Иванъ Савельичъ—любимецъ старухи К. П. Толстой, которую онъ звалъ за́просто «Пер . . вной»,—и многихъ Москов-

Кромѣ шутовъ, при дворѣ и у зажиточныхъ дворянъ заведены были карлики и карлицы. По росписи 1710 г. ихъ числилось въ одномъ Санктпетербургѣ 72 человѣка; въ этомъ году Петръ устроилъ торжественное и смѣхотворное бракосочетанiе своего любимаго карлы Екима Волкова, которое и было выгравировано въ слѣдующемъ году на мѣдной доскѣ мастеромъ Оружейной Палаты Алексѣемъ Зубовымъ. Карловъ одѣвали въ франтовскiе шитые кафтаны, а карлицъ въ роброны съ фишбейнами и богатые уборы; во время обѣда они ходили по столу и разливали гостямъ вино, медъ и пиво. Веберъ разсказываетъ, что на одномъ ужинѣ у кн. Меншикова, подали Петру большой пастетъ, изъ котораго, когда сняли верхнюю корку, выскочили на столъ двѣ карлицы.

На нашихъ картинкахъ представлены разодѣтые карлы временъ Елизаветы Петровны и Екатерины II (№№ 228, 230 и 231); они ведутъ между собой амурные разговоры. На одной изъ нихъ карла пристаетъ къ карлицѣ: „слушай, душа моя, уже я подлѣ твоихъ воротъ трусь, а на дворъ идти хозяина твоего боюсь, а теперь станемъ мы съ тобою жартвовать и другъ друга цѣловать“; разряженная и облѣпленная мушками карлица отвѣчаетъ: „вижу, мой свѣтъ, что ты меня любишь и правду говоришь, а не шутишь“ (I. 455); внизу картинки сдѣлана на тарабарскiй манеръ подпись: „чего ты розиня смотришь?“—подпись, очевидно относящаяся къ тому, кто слишкомъ внимательно станетъ разсматривать картинку.

скихъ баръ и барынь 1820—40 годовъ; онъ занимался разноскою по домамъ чая, сахара, табаку и разныхъ мелочей и продажею ихъ въ тридорога; всякiй покупалъ у него охотно, за его прибаутки и присказки. Онъ отличался особеннымъ искуствомъ по части легкаго пороха и исполнялъ при его посредствѣ марши и цѣлыя пiесы. «Сына», разсказывалъ онъ, «хотѣлъ я пустить по своей дорогѣ, выгодно право; да нѣтъ, глупъ оказался, въ гражданскую пустилъ». О другихъ подобныхъ персонахъ см. книгу: Наши чудодѣи. СПБ. 1875.

Въ примѣчаніи къ № 228 помѣщены довольно подробныя свѣдѣнія о карлахъ и карлицахъ, ихъ житьѣ бытьѣ и смѣхотворныхъ сватьбахъ и похоронахъ этихъ „людишекъ".

XII.

Шутовскіе листы на иностранцевъ. Нѣмецъ, Нѣмка, Польскій Панъ Трыкъ и Херсоня.—Карикатуры на французовъ въ 1812 году. Изгнаніе изъ Москвы французскихъ торговокъ и артистовъ. Взятіе Москвы. Наполеонъ въ Кремлѣ. Московскіе пожары. Французская кухня. Грабежи. Бѣгство Наполеона изъ Москвы. Фигнеръ, Давыдовъ и Сеславинъ; Долбилы, Гвоздилы и Кузминичны. Вавила морозъ; холодъ и голодъ. Растопчинскіе листки и афиши. Конечное истребленіе великой арміи. Наполеонъ въ Парижѣ. Русскіе морозы. Похожденіе о носѣ и о сильномъ морозѣ.

За дурацкими персонами слѣдуютъ шутовскіе листы на иностранцевъ, впрочемъ лишенные всякаго остроумія: Молодая нѣмка кормитъ старика нѣмца соской (№№ 217, 218 и 219); Нѣмецъ и батракъ (№ 221); Нѣмка верхомъ на старикѣ — картинка съ политическимъ оттѣнкомъ (№ 220); Голландскій лекарь, помолаживающій старухъ (№ 211), и Обезьяны шарманщики (№ 267 и 268). Все это не болѣе, какъ безсвязная насмѣшка оскорбленныхъ школьниковъ надъ своимъ строгимъ гувернеромъ, какимъ является у насъ нѣмецъ за послѣднія двѣсти лѣтъ; какой либо серьезной, затаенной злобы въ нихъ и намека нѣтъ. Какъ клопъ въѣлся нѣмецъ въ русскую жизнь,—куда ни оглянись, вездѣ онъ, вверху и внизу, сидитъ и работаетъ; въ семью русскую, да не только боярскую, а и въ простую, вошелъ онъ, слился съ нею, въ иныхъ мѣстахъ больше иного русскаго русскимъ сдѣлался,... за что-же

станетъ его народъ корить? Нѣмца бить — значитъ себя по щекѣ ударить; ну а потрунить надъ Иванъ Иванычемъ нельзя не потрунить: „хитеръ дескать нѣмецъ, — обезьяну выдумалъ“.

Жида въ Москвѣ въ прежнее время вовсе не было, нѣтъ по этому на него и шутовскихъ картинокъ; а надъ полякомъ посмѣялся русскій человѣкъ только насчетъ его хвастовства: „Панъ Трыкъ полна пазуха лыкъ, три дня не ѣлъ, а въ зубахъ ковыряетъ“ (или по другой присказкѣ: „щеголь, хвостъ веретеномъ, дома щи безъ крупъ, а въ людяхъ шапка въ рубль“), да надъ гулливостію прекрасныхъ полекъ, въ лицѣ дамской персоны Херсони, которая по ночамъ не усыпаетъ къ услугѣ всѣмъ Трыкамъ: „и́демъ въ поле (говоритъ она) та буде намъ во́ле“ (№ 222 см. тоже №№ 223, 224, 225 и 233).

Что же касается до англичанъ, то эта образованная и свободолюбивая нація пользовалась у насъ изстари отмѣннымъ уваженіемъ, хотя въ народѣ и ходили на нее карикатуры иностраннаго производства. Петръ благоволилъ къ англичанамъ; англичанъ уважалъ даже никого неуважавшій генералъ-маіоръ Измайловъ, который безнаказанно заводилъ у себя гаремы, истязалъ крестьянъ и жегъ крестьянскія избы, но хорошо помнилъ, что нельзя съ такою же беззаконностію оскорбить самомалѣйшаго члена этой странной націи — какого нибудь директора завода и даже простаго мастера.

Француза русскій народъ издавна любилъ за его почти русскую безпечность и незлобіе; впрочемъ французикъ — веселая голова, — пользовался въ народѣ до 1812 года не слишкомъ большою извѣстностью; только въ этомъ году пошли на него карикатуры, которыя не смѣхъ, а скорѣе ужасъ возбуждаютъ.

1812 годъ также памятенъ для Россіи, какъ и годъ Мамаева нашествія, и всякое новое свѣдѣніе, всякій незначительный разсказъ очевидца о тогдашнемъ времени, несмотря на цѣлыя 69 лѣтъ которыя насъ отъ него отдѣляютъ, все еще читаются съ живымъ и кровнымъ интересомъ. Ни одно событіе не было такъ роскошно иллюстрировано въ народной галереѣ нашей, начиная отъ истинно художественныхъ карикатуръ талантливыхъ мастеровъ Теребенева и Иванова и кончая копеечными Долбилами и Гвоздилами Растопчинскаго измышленія; около 200 картинокъ представляютъ намъ, такъ сказать, лицевыя вѣдомости всего того, что происходило въ это достопамятное время, день за день; геройскіе подвиги русскихъ Курціевъ и Сцеволъ, Наполеоновы неудачи и бѣгство и конечное истребленіе его арміи.

При извѣстіи о нашествіи Наполеона, разсказываетъ А. Пушкинъ, Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина; народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли; дамы струхнули. Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный перевѣсъ, и гостиныя наполнились патріотами: кто вы́сыпалъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ; кто отказался отъ лафита, и принялся за кислыя щи. Всѣ закаялись говорить по французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ Саратовскія деревни (Соч. А. Пушкина. 1869 г., IV. 138). Первыя картинки, слѣдуя хронологическому порядку, представляютъ въ лицахъ вредъ французскаго воспитанія: гувернеръ надуваетъ мальчику въ голову безстыдство, эгоизмъ и вольнодумство (№ 419), усыпляетъ на розахъ госпожу, отравляетъ ея сердце и разрушаетъ обязанности супруги

(№ 240). Въ магазинѣ у француженки происходятъ ухаживанія за мастерицами и назначаются любовныя свиданія [239]). Далѣе идетъ высылка французовъ изъ Москвы по распоряженію Ростопчина: учителя и артисты французскіе, — поваръ, кучеръ, виноторговецъ и музыкантъ, — „оставляютъ Москву" (№ 425); бѣгутъ изъ Москвы толстыя модныя торговки—„ихъ нигдѣ по дорогамъ не задержали, а съ честью крестьянки провожали" (№ 424); за дрогами, наполненными всякимъ бутафорскимъ хламомъ, идутъ въ ногу три драматическія актрисы въ бѣлыхъ платьяхъ и цвѣточныхъ гирляндахъ. Затѣмъ слѣдуютъ картинки изъ пребыванія Наполеона въ Москвѣ, такъ живо описаннаго въ статьяхъ А. Н. Попова (въ Русск. Архивѣ за 1876 годъ). Наполеонъ увидѣлъ Москву въ первый разъ съ Поклонной горы 2-го сентября; было около двухъ часовъ по полудни; тысячами различныхъ цвѣтовъ блисталъ огромный городъ. При этомъ зрѣлищѣ, войсками овладѣла радость: „Москва! Москва!" закричали они и, прибавивъ шагу, двинулись впередъ; всѣ перенесенныя трудности были забыты въ эту минуту (C-te Ségur, Hist. de Nap., II. 33—35). Наполеонъ, подъѣхавъ къ Камеръ-колежскому валу у Дорогомиловской заставы, подозвалъ къ себѣ своего генералъ-адъютанта гр. Дюроне, далъ ему такое порученіе: „Поѣзжайте въ городъ, генералъ, устройте порядокъ службы и составьте депутацію, которая должна поднести ключи", — и затѣмъ сталъ покойно ходить взадъ и впередъ. Но ключей въ городѣ не оказалось [240]).

---

[239]) Это, по всей вѣроятности, модный магазинъ Auber Chalmé, которую, за дороговизну ея товаровъ, звали Оберъ Шельмой (IV. 431).

[240]) Въ Бабушкиныхъ разсказахъ (Русск. Вѣстн. т. 136, стр. 737) говорится о томъ, что Кремлевскіе ключи (?) были поднесены Наполеону какою то Загряжскою, за что ей было подарено Наполеономъ имѣніе Кузминки; но свѣдѣніе это нигдѣ болѣе не повторяется.

Нѣсколько французовъ, оставшихся въ Москвѣ, были приведены къ Наполеону, и объяснили ему, что Москва оставлена жителями. „Какое невѣроятное событіе!“ — вскричалъ Наполеонъ—„надо обдумать его; приведите мнѣ бояръ; здѣсь вѣрно не знаютъ какъ сдаваться“ (Поповъ, Р. А. 1876, II. 238). Извѣстіе, что Москва пуста, что въ ней нѣтъ ни арміи, ни жителей, привело въ уныніе войска и поразило самаго Наполеона, какъ громовымъ ударомъ. „Ровные и до того времени спокойные шаги его вдругъ становятся скоры и безпорядочны. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляетъ платье, останавливается, вздрагиваетъ, недоумѣваетъ, беретъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, вынимаетъ изъ кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и какъ-бы ошибкою кладетъ въ другой карманъ; потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ, опять снимаетъ перчатку и торопливо надѣваетъ её, и это повторяется нѣсколько разъ. Въ этомъ положеніи проходитъ битый часъ; окружающіе его генералы стоятъ — нешелохнутся“ (Поповъ, 248; Корбелецкій, Кратк. повѣсть, 27—28).

Нѣсколько успокоившись, Наполеонъ сѣлъ на лошадь; проѣхавъ Дорогомиловскую слободу, онъ снова слѣзъ и началъ ходить взадъ и впередъ по́ берегу; а ключей все не несутъ, бояръ тоже на лице не оказалось; „эфектъ торжественной минуты“, до котораго Наполеонъ былъ такой охотникъ, былъ потерянъ безвозвратно. А между тѣмъ съ другой стороны Москвы, по дорогамъ на Рязань и Владиміръ, выходили русскія войска, и за ними толпы Москвичей со своими пожитками. Мертвая тишина воцарилась съ выходомъ ихъ; только тамъ и здѣсь ходили буйныя толпы, разбивая кабаки, и тамъ-сямъ начинался грабежъ. Наполеонъ ночевалъ въ этотъ день, въ трактирѣ, что въ Дорогомиловской слободѣ; въ этотъ же день къ вечеру занялся пожаръ на Солянкѣ, а на другой день,

когда Наполеонъ торжественно въѣхалъ въ Кремль, — запылалъ городъ (по Петербургски гостинный дворъ) и балчугъ. Четыре ночи затѣмъ не зажигали свѣчей по ночамъ — такъ было свѣтло отъ полымя. Горѣло все Замоскворѣчье, видъ былъ великолѣпный, но только не для Наполеона, который былъ раздраженъ до не́льзя; положеніе становилось все болѣе и болѣе опаснымъ, и побѣдитель, пробираясь переулками сквозь сплошныя массы горящихъ строеній, едва-едва выбрался къ Дорогомиловскому мосту, и поселился съ небольшою свитою своей въ Петровскомъ загородномъ дворцѣ (Поповъ, I. 330).

На этотъ случай Теребеневымъ издана была картинка, представляющая Наполеона, окруженнаго Московскимъ пожарищемъ (№ 377), съ виршами внизу:

„Всѣ треснули теперь предположенны планы,
Всѣ угрожаютъ мнѣ, мной покоренны страны,
Все взяло ходъ иной, — все стало измѣнять;
Тиранитъ все меня; пропалъ я, — что начать?“

Озлобленный Наполеонъ приказалъ наказать зажигателей; изловили нѣсколько десятковъ русскихъ мужиковъ и мѣщанъ, обвинили ихъ въ поджогахъ и „для примѣра“ разстрѣляли; тѣмъ правосудіе и кончилось; а Москва все таки сгорѣла.

Вопросъ о томъ, кто сжегъ Москву, разрѣшенъ А. Поповымъ весьма просто и основательно: сожгли её сами Москвичи (Рус. Арх. 1876 г. Май). Первые пожары были произведены 2-го сентября, по приказанію Ростопчина, полицейскимъ чиновникомъ Вороненкой, для прикрытія выходившихъ изъ Москвы войскъ и жителей; купцы и мастеровые, еще до пожара, прямо говорили Ростопчину, что лучше сжечь Москву, чѣмъ отдать её въ руки непріятеля. Жители Московскіе и сами послѣ того хвалились,

что сожгли дома свои, — не доставайся только французу. Жгли Москву арестанты, выпущенные изъ острога гр. Ростопчинымъ, жгли её свои грабители, жгли и союзныя войска, которыхъ водили на грабежъ по очереди[241]). Занимался грабежемъ и самъ Наполеонъ: въ Успенскомъ соборѣ были устроены плавильные горны, а вмѣсто паникадилъ были повѣшены вѣсы, на которыхъ взвѣшивали серебро и золото, выплавленное изъ церковныхъ вещей; на иконостасѣ остались даже слѣды цифръ: „325 пудъ серебра и 18 пудъ золота" (Поповъ, Р. А. 1876, I. 445). На картинкѣ, представляющей это „истинное происшествіе", „Наполеонъ сидитъ за столомъ и взвѣшиваетъ награбленныя вещи; передъ нимъ лежитъ бюллетень, въ которомъ онъ извѣщаетъ своихъ подданныхъ, что участь Россіи кончена. Удино́, побѣжденный и раненый, стоитъ на деревяшкѣ передъ великимъ героемъ и, держа въ рукахъ женскую парчевую юбку, спрашиваетъ: „куда её дѣть?"—„Хороша для выжиги", отвѣчаетъ Наполеонъ. Мюратъ стоитъ у очага, и держитъ на огнѣ кастрюлю съ выжигою; Евгеній поддуваетъ мѣхомъ; Ней подкладываетъ уголья, а Даву изъ разбросанныхъ на полу церковной утвари и другихъ вещей выбираетъ лучшее для Наполеонова музеума" (№ 433).

Пожаръ Москвы возбудилъ противъ Наполеона непримиримую ненависть со стороны народа. „Уже слышенъ къ намъ гласъ всеавгустѣйшаго Монарха, который взываетъ: „потушите кровію непріятельской пожаръ Московскій" (Рус. Стар. 1877, II. 278), писалъ въ приказѣ дѣдушка Кутузовъ. „Огонь сей будетъ въ роды родовъ освѣщать лютость Наполеона и славу Россіи; дотолѣ

---

[241]) Въ Каретномъ ряду, напримѣръ, французскіе офицеры отобрали себѣ экипажи и замѣтили ихъ своими именами; тотчасъ же по уходѣ ихъ, хозяева зажгли свои лавки (Поповъ, 213).

не положу оружія моего, доколѣ не сотру съ лица земли Русской врага, дерзнувшаго войти въ ея предѣлы. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина! На начинающаго Богъ!"—говорилъ знаменитый манифестъ благословеннаго Александра.

О томъ, какъ отозвались на этотъ манифестъ Пожарскіе и Палицыны, можно читать въ исторіяхъ 1812 года; въ наши картинки они не попали; здѣсь дѣйствуютъ все лица, не положенныя въ приказѣ,—простота да голь: бабушка Кузминична, да бабушка Спиридоновна, старостиха Василиса съ дочерью, да тетушка Терентьевна, русскіе мужики Долбила, да Гвоздила, Сила Богатыревъ, Павелъ Прохоровъ да Карнюшка Чихиринъ,... и понялъ Наполеонъ, что взять тутъ значитъ нечего, приходится убираться домой несолоно хлебавши; и побѣжалъ онъ родимой безъ шапки и безъ оглядки: „прощай братъ! кланяйся своимъ, да не забывай и нашихъ!"—кричитъ ему вслѣдъ русскій ратникъ съ вилами (№ 437).

На другихъ картинкахъ Наполеонъ представленъ скачущимъ, то на санкахъ по шею въ боченкѣ (№ 438), то въ лубочномъ ящикѣ (№ 439), то въ одиночку на дровняхъ (№ 440 и 447), то въ одноконной польской кибиткѣ (№ 385). Особенно забавны карикатуры Теребенева: на одной, „Французскій вояжеръ 1812-го года", Наполеонъ въ огромныхъ валенкахъ и, скорчившись отъ холода, ѣдетъ, въ салазкахъ, на свиньѣ въ одиночку; волосы у него встали дыбомъ какъ у ежа; онъ говоритъ: „на Парижъ прохладно, на Москвѣ очень жарко"; свинья отвѣчаетъ ему: „уій, уій, уій Мосіе" (№ 386). На другой изображенъ: „обратный путь, или, дѣйствіе слабительнаго порошка": крестьянинъ напяливаетъ на Наполеона его треугольную шляпу, а казакъ подстегиваетъ его нагайкой, и оба приговариваютъ: казакъ—„ступай неси скорѣе

по старой дорогѣ домой, и скажи всѣмъ своимъ, что насилу могъ донести собранную съ Русскихъ контрибуцію", крестьянинъ — „а чего въ штанахъ не унесешь, такъ инъ въ шляпу покладешь"; Наполеонъ поправляетъ штаны, въ которые онъ сильно наложилъ русской контрибуціи (№ 334). Типичная фигура Наполеона передана на обѣихъ картинкахъ превосходно.

Очень хороши и забавны карикатуры Теребенева, представляющія угощенье Наполеона въ Россіи передъ его отъѣздомъ. На одной изъ нихъ Наполеонъ пляшетъ въ присядку, вдвоемъ съ маршаломъ, подъ музыку: „ахъ скучно мнѣ на чужой сторонѣ"; крестьянинъ подстегиваетъ его кнутомъ (№ 381 и 382). На другой представлена баня; Наполеонъ кричитъ: „этакова мученья я съ роду не терпѣлъ; меня скоблятъ и жарятъ, какъ въ аду"; ратникъ поддаетъ пару, солдатъ паритъ Наполеона вѣникомъ, а казакъ брѣетъ, схвативъ пальцами за носъ; всѣ съ приличными прибаутками (№ 380). На третьей представлено угощеніе Наполеону (№ 378): онъ провалился въ кадку съ Калужскимъ тѣстомъ; на головѣ его вѣнокъ изъ калачей, нанизанныхъ на веревочкѣ; солдатъ засовываетъ ему въ ротъ огромный Вяземскій пряникъ, а ратникъ наливаетъ въ стаканъ сбитень, вскипяченный на Московскомъ пожарищѣ; внизу вирши:

„Свое добро тебѣ пріѣлось,
Гостинцевъ русскихъ захотѣлось:
Вотъ сласти русскія! поѣшь, не подавись,
Вотъ съ перцемъ сбитень, попей не обожгись".

Вслѣдъ за Наполеономъ поскакали его маршалы (№№ 387 и 443), и плохо пришлось тѣмъ, кто не успѣлъ во́ время выбраться: образовались летучіе отряды партизановъ Фигнера, Давыдова и Сеславина; появились отдѣльныя казацкія шайки, истреблявшія мелкіе непрія-

тельскіе отряды; голодъ, плохая одежда и страшный Вавила морозъ ошеломляли самыхъ выносливыхъ; а кто оставался еще на ногахъ, того угомоняли Еремы, Гвоздилы, Долбилы, да старостиха Василиса съ бабушкой Спиридоновной.

Еще въ октябрѣ 1812 г. Кутузовъ писалъ: Москва очищена, непріятель гибнетъ тысячами отъ недостатка продовольствія. Да и въ Москвѣ, на кухнѣ главной квартиры, столъ готовился не очень сытный, судя по слѣдующему меню, который дошелъ до насъ на картинкѣ № 434: 1. Souppe aux Corbeaux, 2. Compotte d'Anguilles, 3. petits patés aux Grenouilles, 4. fricassé de Cheval aux pomes de terre, 5. Boef à la mode (comme on manque de Boef on se servira du Cheval), 6. un chat et une douzaine de Grenouilles roties, 7. Gigot de Cheval, 8. Dessert, du fromage avec des Grenouilles fumées, 9. des Gâteaux à la crême aux Souris". Стряпня на картинкѣ въ полномъ ходу: одинъ поваръ жаритъ на вертелѣ кошку, вертелъ вертитъ гвардеецъ; другой поваръ жаритъ лягушку; третій мѣситъ тѣсто съ крысами, воронами и лягушками; вверху приглашеніе всѣхъ добрыхъ гражданъ приносить на генеральную квартиру кошекъ и лягушекъ; за 100 лягушекъ назначена награда: крестъ почетнаго легіона.

Картинки свидѣтельствуютъ о-томъ, что французы за недостаткомъ провизіи ѣли кобылятину, которую называли „du caniac" (№№ 388, 456, 459); всѣхъ воронъ и галокъ въ Москвѣ перестрѣляли; жарили ихъ и варили въ супѣ (№№ 395, 460, примѣч. къ 395), на этотъ случай Крыловъ написалъ извѣстную свою басню: „Вороны", которая была тогда-же напечатана въ Сынѣ Отечества (1812 г. № VIII)[242]); ѣли французы и человѣ-

---

[242]) И самъ Наполеонъ находился не въ блестящемъ положеніи по части провизіи: я слышалъ, что существовала даже картинка, на кото-

чину, и ни сколько не скрывали этого, говоря тѣмъ которые ихъ въ томъ упрекали: „Mais, Monsieur, ça vaut mieux que de la charogne (падаль)", —очевидцы разказывали, что они вырѣзáли для этого лучшія части изъ павшихъ товарищей (см. примѣч. къ № 449).

Непріятель занялъ Москву въ сентябрѣ; въ этомъ мѣсяцѣ начинаются уже хорошіе утреники, которые достигаютъ иногда до 4 и 5 градусовъ мороза. Непривычному французику, который по народной присказкѣ „веселая голова, живетъ спустя рукава, шиломъ брѣется, дымомъ грѣется, сытъ крупицей, пьянъ водицей", да еще въ легкомъ костюмѣ его, — пришлось жутко. Форменная одежа обносилась, шинели истерлись, сапоги на ногахъ истлѣли, и стали они закутываться въ разное отребье, въ женскія юбки, рогожки, поповскія ризы; вмѣсто шапокъ, на головахъ ихъ были наверчены мундиры, ноги обмотаны сукномъ, старыми шляпами и кожею (примѣч. къ № 454); картинокъ на этотъ предметъ сдѣлано было множество (№№ 388, 391—395, 453—468, 478—491, 500—504). Но вотъ подоспѣлъ въ октябрѣ и настоящій русскій Вавила морозъ, и пошелъ мести широкой метлой своей по союзнымъ головамъ (№ 490).

„Морозъ-ли истребилъ французскую армію въ 1812 году?" — спрашиваетъ себя грозный партизанъ нашъ Денисъ Давыдовъ (Сочин. его, 4-е изд. М. 1820), и отвѣчаетъ, что ссылка Наполеона на морозъ несправедлива: морозы-де были не большіе, не свыше 12 и 17 градусовъ, и три четверти арміи было въ полномъ разстройствѣ еще до наступленія морозовъ (стр. 16). На это замѣчу, что 12 и 17 градусовъ мороза скрутятъ не только дымогрѣйнаго

рой было представлено, какъ Наполеонъ ловитъ курицу, — происшествіе истинное, бывшее въ Вильнѣ; за недостаткомъ провизіи побѣдитель міра самъ бѣгалъ по саду за курицей для своего супа.

француза, завернутаго въ поповскую рясу и безъ сапогъ, но и кореннаго русскаго солдата въ тёпломъ полушубкѣ. Не только 17-ти градусовъ, довольно четырехъ, пяти градусовъ — съ вѣтромъ, чтобы окоченѣть въ открытомъ полѣ; конечно при этомъ не малую роль игралъ и голодъ. Вчера было голодно, холодно, сегодня еще голоднѣе и холоднѣе, завтра морозъ, да вѣтеръ, да ѣсть нечего, — упадетъ духомъ и самый крѣпкій человѣкъ; заснуть не долго. „Въ концѣ Октября", писалъ Кутузовъ, — „начались морозы и вьюги. Непріятель сбитъ съ дороги и разсыпался по полю, гдѣ довольно одной холодной ночи и безъ преслѣдованія, для его гибели" (Поповъ, Русск. Стар. 1877, II. 296). Французы замерзали тысячами. Каждый привалъ ихъ походилъ на поле сраженія: цѣлыя массы замерзшихъ тѣлъ оставались у костровъ (№№ 455. 456); французы даже выкладывали изъ нихъ палатки для защиты себя отъ холода. Падала-ли лошадь, её тотчасъ-же „разрывали" на мясо; падалъ отъ изнеможенія солдатъ, — товарищи раздѣвали его, чтобъ прикрыться его отребьями отъ холода (II. 288). Больныхъ, отсталыхъ и мародеровъ не было числа; ихъ ждала таже участь: общее избіеніе.

По слову дѣдушки Кутузова: „потушите пожаръ Московской въ крови непріятельской", составились партизанскіе отряды и мелкія шайки истребителей. „Смерть врагамъ!" писалъ Ермоловъ партизану Фигнеру; „Я не стану обременять плѣнными", лаконически отвѣчалъ послѣдній (Соч. Давыдова, I. 76). „Цѣль партизанской партіи", говоритъ Денисъ Давыдовъ, „убить, да уйти" (I. 42); поэтому и дозволилъ онъ своимъ казакамъ „не брать плѣнныхъ, а катить головнею, по дорогѣ". „Скиѳы мои не требовали подтвержденія", замѣчаетъ онъ, „это было истребленіе безпорядочно отступавшей арміи, — рѣзня" (I. 69). „Въ другой разъ", разсказы-

ваетъ онъ, „приказалъ я сжечь сарай: исчадье Чингисхановъ сожгло сарай вмѣстѣ съ забившеюся въ него сотнею французовъ“ (I. 81). Еще рѣшительнѣе распоряжался другой партизанъ Фигнеръ [243]). Кромѣ партизанскихъ отрядовъ, разъѣзжали по деревнямъ мелкія шайки казаковъ, которыя били мародеровъ, грабили чужихъ и своихъ. Эти Давыдовскіе скиѳы были особенно ненавистны союзникамъ; одно появленіе ихъ наводило паническій страхъ на французовъ. Въ одной картинкѣ, которая очень раздражала французское самолюбіе, представлено „истинное происшествіе“, какъ пятеро французскихъ мародеровъ перепугались на смерть отъ словъ старухи. Они спрашивали её, кто кричитъ на дворѣ, — она отвѣтила имъ, что „коза“, а имъ со страху послышалось „казакъ“, — ну и давай Богъ ноги (№№ 391, 463 и 464). Казацкій страхъ зародился впрочемъ въ Европѣ еще гораздо раньше, и неустрашимый Фридрихъ Великій не столько боялся численности русскихъ войскъ, сколько толпы казаковъ и татаръ, которые выжигаютъ цѣлыя области, убиваютъ жителей или уводятъ ихъ въ плѣнъ и опустошаютъ страну, наводняемую ими (см. выше стр. 77). 1815-й годъ, однако, доказалъ, что и эти „потомки Чингисъ-Хана“, въ ежевыхъ рукавицахъ и при строгой дисциплинѣ, могутъ преобразиться въ благопорядочное европейское войско.

Крестьяне, защищая свое имущество, истребляли

---

[243]) Денисъ Давыдовъ говоритъ о немъ, какъ объ извергѣ, который ставилъ въ рядъ по 100 обезоруженныхъ плѣнныхъ и самъ, своей рукой, убивалъ ихъ изъ пистолета, одного за другимъ; неоднократно истреблялъ онъ по 300 и 400 плѣнныхъ и своеручно убивалъ плѣнныхъ офицеровъ. «Бывъ самъ партизаномъ, прибавляетъ Давыдовъ, я знаю, что можно находиться въ обстоятельствахъ, непозволяющихъ забирать въ плѣнъ; но тогда горестный сей подвигъ совершается во время битвы, а не хладнокровно и не послѣ уже того опаснаго обстоятельства, которое миновалось (Русск. Стар. 1877. Декабрь, 696).

мародеровъ въ одиночку и цѣлыми отрядами. Денисъ Давыдовъ лично давалъ имъ наставленія: „принимайте мародеровъ, опаивайте ихъ, а потомъ совершите, что Богъ повелѣваетъ совершать съ врагами Христовой церкви" (I. 22). Большинство картинокъ 1812 года представляютъ подвиги такого истребленія, описанные со словъ журнала Сынъ-Отечества.

Рядъ этихъ картинокъ, распускавшихся Ростопчинымъ (съумасшедшимъ Ѳедькой, какъ его звала Екатерина), вмѣстѣ съ его хвастливыми афишками, начинается ратникомъ Гвоздилой и милицейскимъ Долбилой, въ разныхъ видахъ (№№ 492—495), и Корнюшкой Чихиринымъ (№ 505). Этотъ послѣдній гаерскимъ языкомъ Петрушки приглашалъ французовъ въ Москву: „хоть на святки хоть на масляницу", обѣщая, что ихъ русскія дѣвки „жгутами такъ припопонятъ, что спина вздуется горой; отъ капусты-де ихъ раздуетъ, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а въ крещенскіе морозы перемерзнутъ".

За тѣмъ слѣдуютъ подвиги Владимірцевъ (№ 491), Сычевцевъ съ ихъ прославившимся старостою-Геркулесомъ (№№ 392, 504); нехитрые подвиги Кириловца (№ 503), Бронницкаго крестьянина Силы Богатырева (№ 500), ратника Храброва (№ 497), Павла Прохорова (№ 502) и Бронницкаго крестьянина Силы, который „тѣмъ себя прославилъ", что француза мародера въ рѣку столкнулъ (№ 501). Нисколько не уступаетъ этимъ героямъ и женскій полъ: „бабы бьютъ француских мародеровъ ухватами и кочергами" (№ 479); „русская героиня, дочь старостихи Василисы, колетъ вилами упавшаго француза" (№ 483); „такого-же безпардоннаго француза"—„Терентьевна доколачиваетъ башмакомъ" (№ 484); бабушка Кузминична угощаетъ французскихъ мародеровъ щами—горшкомъ въ голову (№ 486). Далѣе слѣдуютъ французскіе гвардейцы подъ конвоемъ бабушки Спиридоновны

(№ 485) и очень забавная картинка: „французы голодныя крысы, въ командѣ у старостихи Василисы“. Старостиха сидитъ верхомъ на клячѣ: въ одной рукѣ у нея коса, другою-же она грозитъ на трехъ мародеровъ, которыхъ привела къ ней, на веревочкѣ (въ отсутствіи старосты), другая пожилая баба. Передній изъ мародеровъ, полякъ въ конфедераткѣ, стоитъ на колѣнахъ, — фигура очень типичная; Василисина собака лаетъ на него изо всей мочи. Сзади Василисы ея свита: три дѣвки съ ухватами и парень съ косой, — онъ кажетъ французамъ лягушку. Внизу, справа, пѣтухъ клюетъ золотаго Наполеонова орла. Надпись вверху картинки:

„Знать вы въ Москвѣ-то не солоно похлебали
Что хуже прежняго и тоще стали
А кабы занесло васъ въ Питеръ
Онъ-бы вамъ всѣ бока повытеръ“.

Надъ мародерами: „Добрыхъ людей, да званыхъ гостей, съ честію у насъ встрѣчаютъ; а незваныхъ нахаловъ, грабителей бусурмановъ, съ безчестіемъ прогоняютъ и кулакомъ провожаютъ (Баба провожаетъ пинкомъ крайняго изъ мародеровъ. — № 480).

Съ такими героинями, — воззваніе залить Московскій пожаръ непріятельскою кровью, — было исполнено и скоро, и въ точности: въ одной Москвѣ и ея окрестностяхъ, въ продолженіе только шести недѣль, перебито около 30,000 французовъ (Отеч. Зап. 1826, XXVI. 72, 50); гусаръ Самусь съ компаніей перебилъ въ Смоленской губерніи болѣе 3000 человѣкъ; однихъ труповъ было сожжено тамъ до 70,000 (О. З. 1826, XXV. 71. 398; XXVI. 72. 86); въ губерніяхъ Московской, Витебской и Могилевской поднято 253,000 тѣлъ; въ городѣ Вильнѣ и его окрестностяхъ, всего на двѣ версты, насчитано ихъ 53,000 (Сынъ

Отеч. 1813, XI. 298). Какъ просто и добродушно дѣлались отдѣльныя избіенія, можно видѣть изъ разсказовъ объ этомъ очевидцевъ: приходятъ, напримѣръ, два оборванные и голодные француза въ деревню,—поѣсть просятъ. Староста повелъ ихъ къ себѣ въ избу и накормилъ. Покуда они у него были, собрались мужички и стали галдѣть: „убить ихъ, они-де другихъ на нашу деревню наведутъ“. Такъ и порѣшили: „сытыхъ французовъ прямо изъ избы да въ лѣсъ, да тамъ и покончили сердечныхъ“. Какъ начали ихъ потомъ осматривать, все тѣло у нихъ и ноги все платками разными обвязаны, а въ худенькихъ шинелькахъ, за каждой заплатой по червонцу зашито! Ну и поживились отъ нихъ добрые мужички (Сѣв. Арх. 1817. VI. 215).

Не менѣе типиченъ разсказъ другаго очевидца: „иду я“, говоритъ онъ, „раннимъ утромъ по Дѣвичьему полю: хотѣлъ тамъ поискать, не попадется ли какая провизія въ погребахъ. Противъ самаго дома, что теперь Мальцевъ, вышелъ человѣкъ изъ воротъ дома купца Барыкова, по платью должно быть мѣщанинъ; а полемъ идетъ французъ и зоветъ его: алё. Я поскорѣй спрятался за уголъ забора, чтобы онъ и меня не подозвалъ, да оттуда и выглядываю. Французъ кричитъ: алё, а нашъ ему: алё, и манитъ его руками, головой киваетъ и показываетъ, чтобы онъ за нимъ шелъ, а самъ къ воротамъ назадъ побѣжалъ. Французъ за нимъ. Какъ они вошли въ ворота, я подкрался и смотрю въ щель забора. Вижу нашъ побѣжалъ къ колодцу и машетъ руками и въ колодезь показываетъ. Какъ французъ нагнулся, нашъ-то уперся ему въ шею обѣими руками, да и сбросилъ его въ колодезь. Ну значитъ и дѣлу конецъ“. И такихъ примѣровъ можно изъ тогдашнихъ разсказовъ цѣлыя сотни понабрать.

Забавны картинки двѣнадцатаго года, особенно Теребеневскія, да почему и не посмѣяться надъ французскимъ

вояжеромъ (№ 386), который, ни съ того ни съ сего, какъ древній рыцарь, во имя военной славы [244]), заломился въ нашу благодатную степь, и самъ — деспотъ до мозга костей — вздумалъ предлагать намъ свободу и цивилизаціонныя услуги? Почему и не потрунить надъ заслуженною неудачею великаго побѣдителя? Но смѣхъ этотъ у добраго человѣка кончается вмѣстѣ съ бѣгствомъ великаго побѣдителя отъ своей арміи, которую онъ оставилъ на вѣрную гибель. Жутко и страшно становится смотрѣть на этихъ полуодѣтыхъ и перемороженныхъ солдатъ, подъ командой разныхъ Василисъ, когда подумаешь, что имъ нѣтъ другаго выхода, кромѣ смерти. Имъ даже нельзя повторить словъ Вологодскаго ратника: „сидѣлъ бы ты дома, такъ не доканалъ-бы тебя Ерема!" (№ 496); не сами шли они, — насильно велъ ихъ на бойню великій человѣкъ; ему честь и слава на вѣки вѣковъ! Ну, а нашимъ что-же было дѣлать? Жгутъ, грабятъ, дѣтей душатъ, женщинъ насилуютъ, въ церквахъ лошадей ставятъ, иконы, утварь переплавляютъ [245]), — смотрѣть что-ли на это, сложа руки? Пришлось съ честью принять незванныхъ гостей, стать за свое пепелище, за свою семью, за свое добро... въ такомъ дѣлѣ разбирать кто кого убилъ, и были ли соблюдены при этомъ гуманныя правила

---

[244]) И знаменитый нашъ Кургановъ остроумно замѣчаетъ, что подобная война тотъ же разбой и приводитъ анекдотъ, какъ одинъ пиратъ сказалъ Александру Македонскому: «я такой же разбойникъ, какъ и ты, только меньшаго размѣра; у тебя цѣлый флотъ, а у меня одинъ корабль».

[245]) Замѣчу здѣсь, мимоходомъ, про добраго союзника нашего англичанина: англійскій коммиссаръ, состоявшій за это время при нашей главной квартирѣ, собиралъ точныя справки о томъ, гдѣ именно, въ районѣ дѣйствій, расположены наши фабрики, и давалъ о томъ знать французскимъ мародерамъ! А вѣдь другомъ нашимъ въ то время назывался, и нашими руками себѣ жаръ загребалъ.

Брюссельской конференціи, — не приходится; хоть и не золъ нашъ народъ, а начнешь его бить, да жечь, — скажется; а какъ изъ себя выйдетъ, — каждый звѣремъ оборотится. Ну и не прогнѣвайтесь на насъ, господа, что много вашихъ костей на нашей землѣ осталось: вѣдь вы сами пришли, мы васъ въ гости не звали, потому и провизіи припасти про васъ не успѣли. Вѣрьте намъ, если и еще разъ кто вздумаетъ пожаловать непрошенымъ гостемъ въ Москву, — тоже хлѣбосольство найдетъ въ ней: все сожжемъ, до чиста выметемъ, а если Вавила Морозъ съ краснымъ пѣтухомъ не помогутъ, — кровью своею незваныхъ гостей затопимъ.

Талантливый Теребеневъ продолжалъ издавать карикатуры и послѣ 1812 года; изъ этихъ карикатуръ особенно забавны и типичны: „Носъ (съ огромными бородавками), который Наполеонъ привезъ изъ Россіи домой“ (№ 397), — докторъ совѣтуетъ отрѣзать его, но Бертье рѣшаетъ: носъ оставить на своемъ мѣстѣ, а народу объявить, что онъ выросъ отъ раннихъ морозовъ и гололедицы. Далѣе: „Наполеонъ, въ намѣреніи своемъ уничтожить Пруссію, силится съѣсть громадный грибъ“ (№ 402); Наполеонъ спускаетъ пузыри, на которыхъ поставлены надписи: „порабощеніе Англіи, взятіе Петербурга, завоеваніе всѣхъ четырехъ частей свѣта“, — послѣдній пузырь виситъ еще у него на соломенкѣ (№ 401); Наполеонъ спускаетъ змѣя (№ 403), продаетъ награбленые антики (№ 405), учитъ бѣгать сына по заячьи (№ 406), убаюкиваетъ Францію (№ 407), говоритъ рѣчь арміи, нарисованной на бумагѣ (№ 410), и показываетъ на масляницѣ народу разные фокусы. На этой послѣдней картинкѣ Наполеонъ, одѣтый арлекиномъ, зазываетъ народъ въ свой балаганъ; на стѣнѣ балагана вывѣшены двѣ картины: на одной изъ нихъ представленъ Наполеонъ, показывающій фокусы „съ французскими государственными финансами“, на другой

изображена гимнастическая група: Бертье держитъ на плечахъ Наполеона, который, въ свою очередь, держитъ на каждой рукѣ по два маршала, головами внизъ. Далѣе нѣсколько картинокъ представляющихъ: разрушеніе всемірной монархіи (№ 415); гибель Наполеоновой славы, у которой казакъ охлесталъ нагайкой всѣ лавровые вѣнцы, а Вавила Морозъ трубу заткнулъ снѣгомъ (№ 413), торжественные входы его въ храмъ славы (№№ 506, 507, 515), и торжественный въѣздъ его въ Парижъ (№ 396). Эта послѣдняя картинка очень замысловата: шествіе начинается съ русскаго мужика, верхомъ на клячѣ, которую ведетъ церемонимейстеръ; у мужика на плечѣ, на палкѣ, и въ рукѣ — Московскіе калачи; за нимъ два околѣченные офицера несутъ, на подушкахъ, двухъ кошекъ. Далѣе слѣдуетъ, посреди двухъ трубачей, камеръ фурьеръ, съ орломъ на палкѣ, на которой повѣшена: „La Culotte de Charles XII". Тамбуръ-мажоръ съ трубкой въ рукѣ. Два гусара съ бунчуками. Четыре околѣченные гренадера несутъ, на носилкахъ, замороженаго товарища своего; у покойнаго, на брюхѣ, треуголка, а на палкѣ билетъ, съ надписью: „Grenadier gélé parfaitement conservé". Кибитка парой. Два музыканта, флейтщикъ и барабанщикъ. Еще какой то экипажъ парой. Все это шествіе проходитъ сквозь тріумфальныя ворота, надъ которыми побѣда трубитъ въ двѣ трубы; на воротахъ надпись: „Arc de Triomphe erigé à la gr." Справа видна арка, увѣнчанная орломъ и побѣдой, съ надписью: „S. P. Q. G." (Senat. popul. que Gal.). Вдали видна третья арка, а справа большой трехъэтажный домъ, съ вывѣской: „Au Grand Conquerant". На улицѣ, по которой проходитъ процессія, — множество зѣвакъ; но устроенныя для зрителей мѣста, „bancs à louer" („10 s., 5 s., 2 s., и 1 s."), почти пусты, — на нихъ размѣщено нѣсколько оркестровъ музыки. На домахъ развѣшены вывѣски: „Cosmetiques—Aux Artistes reúnis—Jci on

decrotte à 5 sous—Nouveautés Varietés M. de M.—Peintre de Portraits (на самой крышкѣ) — Jci l'on fait des Vers (тоже) — Poéte (тамъ же) — Mr. Gigot apprend à Danser e à faire des sauts — Nouvelle Restor: Boudins. Pat. Cottelet. Boullion à (надпись вывѣски приходится надъ трофеемъ „La culotte de Charles XII"). Pomade Poudre à la Ganboje. Boudins frais de tout genre.—Artiste Oculiste Peruquier Dentiste". Внизу прибитъ неизмѣнный: „bulletin" (см. № 396, II. 161 и 162).

Кромѣ всѣхъ этихъ большихъ картинокъ, въ 1815 году, была издана азбука для дѣтей, въ 34-хъ картинкахъ, въ которыхъ Теребеневъ повторилъ, въ уменьшенномъ видѣ, прежнія карикатуры свои; эта азбука очень рѣдка, особенно въ полныхъ экземплярахъ [246]).

Прощаясь съ двѣнадтцаымъ годомъ, который послужилъ обновленіемъ для Россіи, хотя и не въ той степени какъ Севастопольскій погромъ, считаю умѣстнымъ сказать еще нѣсколько словъ о вѣрномъ союзникѣ нашемъ за это время, Вавилкѣ Морозѣ, „съ его дѣтьми и внучатками", въ удѣлъ которымъ отдана судьбою бѣдная сторона Русская.

По поводу русскихъ морозовъ, въ одномъ хронографѣ 1696 года (Поповъ, III. 509), записано: „имутъ же нѣкія страны (въ Россіи) и мразы великіе и нестерпимые, обаче человѣкомъ тѣ страны здравѣйши, и болѣзней имѣютъ мало, яко мразомъ изводящу отъ нихъ телесную мокроту".

---

[246]) Въ продолженіе всего этого времени (1812—1815) издавались во множествѣ лубочные портреты императора Александра, Кутузова, Платова, Витгенштейна, Багратіона, Тормасова, Милорадовича, гр. Орлова Денисова и другихъ героевъ. Въ 1839 году портреты эти были соединены въ одну коллекцію, въ числѣ 16-ти, съ прибавленіемъ къ нимъ нерусскихъ портретовъ: императора Франца, кн. Шварценберга и кн. Блюхера и изданы въ металлографіи Сергѣевой (№ 565). Особенною популярностію пользовались портреты Кутузова, Платова и партизана Дениса Давыдова.

О томъ же, какъ жестоки бываютъ эти морозы — ходить недалеко: въ недавнемъ 1868-мъ году ртуть опускалась въ Петербургѣ до 38.4° Цельзія, въ Кронштадтѣ и Москвѣ до 41.2°, въ Кеми ниже 53.7°, а въ Богословскѣ 56.2°!! Еще ближе, въ 1876 году, холодъ доходилъ въ Петербургѣ до 37.8° Ц. (30.2° Реом.), 39° въ Москвѣ и 44° въ Вологдѣ! Въ Либавѣ въ это-же время (8 декабря) былъ восточный вѣтеръ, обратившійся въ штормъ, при 20 градусахъ мороза!

Но это еще зимніе морозы; большаго вреда они не приносятъ. Бываютъ ранніе осенніе морозы и поздніе весенніе, которые убиваютъ деревья, овощь и хлѣбъ на корню. Бѣдствія, причиняемыя этими морозами, такъ велики, что даже заносились на вѣчную память въ лѣтописи (Веселовскій, О климатѣ Россіи, 124; см. прим. къ № 183). Много у насъ такихъ мѣстъ, и не на дальнемъ сѣверѣ, а въ Саратовской, напримѣръ, губерніи, гдѣ самый поздній весенній морозъ бываетъ 9-го іюня, а самый ранній осенній 24-го іюля. Даже въ средней полосѣ нашей заморозки и, такъ называемые, утренники случаются въ половинѣ августа; а съ сентября уже начинается безпрерывный рядъ разныхъ морозовъ, сперва сносныхъ, а потомъ, — поближе къ Спиридону Солоновороту, когда солнце, по народному календарю, поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ,—подходятъ Никола съ гвоздемъ, трескучіе морозы Рождественскіе, Крещенскіе, Аѳанасьевскіе, Срѣтенскіе, Власьевскіе и т. д. — Однихъ весеннихъ морозовъ, меньшей важности, насчитывается до пятнадцати. А тамъ, по тому-же народному календарю, съ Петра Аѳонскаго, т. е. съ 12 іюня, солнце опять начинаетъ поворачивать на зиму. При такомъ зубастомъ климатѣ поневолѣ составилась и такая пословица, что „до святаго Духа не снимай кожуха, — да и по святомъ Духѣ ходи въ кожухѣ“.

И терпитъ-же отъ мороза русскій человѣкъ: не вѣрьте его хвастовству, что де „русскому морозъ здоровъ, а только онъ нѣмцу да французу солонъ; на лету дескать птицу бьетъ, желѣзо рветъ, а нашему брату жару поддаетъ". Только отъ этого жара у нашего брата и носы, и щеки, и уши зимой почти сплошь отморожены. Задаетъ себя знать на долгое время этотъ русскій жаръ. На такое хвастовство и картинка № 183 составлена: хвалится табачный носъ красный, что о морозѣ-де „слухъ пропущенъ напрасный, и я-де отъ него никогда не хоронюся, и приди онъ, — еще съ нимъ побранюся. Морозъ на него прежде покосился: „смотри братъ, ежели самъ себя не пожалѣешь, — небось скоро побѣлѣешь". Однако-же — носъ и тутъ не струсилъ, „но скоро его морозъ укусилъ"; и пошелъ изъ носу табакъ, и бросился носъ въ кабакъ; но вышедъ оттуда отважился онъ опять сказать: „я еще себя хочу показать". Морозъ очень осердился, что носъ предъ нимъ возгордился, сдѣлалъ такое награжденіе, носу его прибавленіе: великая вдругъ на носу сдѣлалась шишка, какъ большая пышка; притомъ обратился носъ въ алый цвѣтъ, какихъ у индейскихъ пѣтуховъ нѣтъ; пересталъ носъ съ морозомъ драться: сталъ въ тепло убираться; отъ того и сдѣлался носъ гнилъ, а хозяину не милъ; отъ чего хозяинъ печаль получилъ, а носъ гусинымъ саломъ лечилъ (I. 421).

Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра: морозъ доставляетъ намъ возможность перевозить изъ далекихъ странъ и запасать на долгое время свѣжую и роскошную провизію, о которой объѣдалы западной Европы и во снѣ вздыхаютъ; а Вавила Морозъ сослужилъ отечеству своему въ двѣнадцатомъ году такую службу, которая и во вѣки въ народѣ не забудется (См. №№ 448—450).

XIII.

Народное Богомолье. Паломничество въ Іерусалимъ. Греческіе монахи и приносимыя ими святыни. Древніе паломники. Пріемъ странниковъ въ Іерусалимѣ и обираніе ихъ тамошними монахами. Пупъ земли, адова щель и еще другая щель; схожденіе св. огня. Святыя мѣста около Іерусалима. Апокрифическіе разсказы. Русскія святыя мѣста. Троицкая Сергіева лавра. Кіевскія святыни. Соловецкій монастырь. Виды монастырей и духовныя картинки, раздаваемыя въ монастыряхъ.

Въ обиходѣ русской жизни одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ странствованія по святымъ мѣстамъ. Въ древнія времена самымъ почтеннымъ и вмѣстѣ самымъ отважнымъ изъ такихъ странствованій считалось паломническое странствованіе въ Іерусалимъ[247]). Самыя раннія западныя извѣстія о такихъ странствованіяхъ встрѣчаются у писателей конца XI-го вѣка; въ то время путешествія эти были въ такомъ ходу, что св. Григорій Нисскій уже считалъ нужнымъ останавливать рвеніе паломниковъ и доказывать имъ, что спастись можно и безъ Іерусалима.

Похожденія въ Іерусалимѣ русскихъ паломниковъ начинаются со времени принятія Россіей христіанской вѣры. Уже въ XII вѣкѣ русскіе давали обѣщанія на паломничество въ святую землю и Новгородскій епископъ Нифонтъ († 1156) прямо говоритъ, что „та рота губитъ землю русскую"; современникъ его, іеромонахъ Кирикъ, осуждая паломниковъ, какъ бродягъ, говоритъ о себѣ: „въ Іерусалимъ не велю идти, сдѣ велю доброму ему быти". Съ другой стороны охоту къ паломничеству подогрѣвали своими чудесными разсказами греческіе монахи,

---

[247]) Паломникъ или палемникъ, т. е. пальмоносецъ, — странникъ, принесшій изъ Іерусалима пальмовую вѣтвь (Palmarius, pelmatus. — Евгеній, Слов. духов. писат., I. 111).

приходившіе въ Россію милостыни ради [248]) и приносившіе, въ замѣнъ получаемаго золота и серебра, разную Іерусалимскую святыню: кусочки отъ гроба и креста Господня; камни отъ горы Голгофы, отъ гроба Богородицы; кусочки отъ ризы Спасителя, Виѳліемскихъ младенцевъ и т. д. [249]). Первое описаніе Іерусалимскаго палом-

---

[248]) Такимъ образомъ въ 1371 году пріѣзжалъ изъ Іерусалима въ Москву «милостыни ради» митрополитъ Германъ; въ 1376 г. — архимандритъ Нифонтъ, который столько набралъ этой милостыни, что купилъ на нее себѣ Іерусалимское патріаршество; въ 1464 г. за тѣмъ же и тудаже отправились патріархъ Іоакимъ и братаничъ его Іосифъ «иже много собравъ милостыни иде, но не доиде своея земли». Въ 1518 г. съ Аѳонской горы приходили старцы и митрополитъ изъ Цареграда «о нищетѣ поможение милостины ради» (Никоновск. Лѣтоп.: П. С. Л. VI. 212). Около 1582 года приходила въ Москву, просить милостыни, женская греческая персона, игуменья Макрина. У С. Пономарева перечислены разнородные и богатые дары золотомъ и серебромъ, посылавшіеся нашими царями греческому и Іерусалимскому духовенству, а равно и ничего не стоящіе дары, присылавшіеся отъ сихъ послѣднихъ и заключавшіеся въ плохописныхъ образахъ и разной святынѣ (Зап. Академіи Наукъ, XXX). Особенно много шлялось этихъ проходимцевъ къ благочестивымъ царямъ нашимъ въ XVII вѣкѣ.

[249]) Іерусалимскіе монахи умудрились даже обмануть Екатерину I: въ отсутствіи Петра они продали ей за 1000 руб. несгараемый платокъ изъ аміанта, выдавая его за великую святыню. Петръ объяснилъ Екатеринѣ обманъ и разсказалъ при этомъ, какъ много онъ видѣлъ подобной святыни въ католическихъ монастыряхъ, въ томъ числѣ въ Ахенѣ: разные гвозди и куски отъ креста Спасителя (Анекдоты Нартова, Москвитянинъ 1842. кн. IV. 337, § 103). Петровскіе посланцы съ особенною подробностію отмѣчали все, что случалось имъ видѣть за границей по этой части. Въ Венеціи, напримѣръ, имъ были показаны слѣдующія святыни: кровь Христа, млеко и власы Богородицы; ножъ, которымъ апостолъ Петръ отрѣзалъ ухо Малху; часть животворящаго креста; часть стола, на которомъ мученъ Христосъ; камень, которымъ убитъ архидіаконъ Стефанъ; часть терноваго вѣнца; гвоздь желѣзный, которымъ былъ пригвожденъ ко кресту Христосъ, и нога св. Георгія. Въ Лоретто: сосуды, чашечка и блюдечко, изъ которыхъ сама Богородица и Спаситель питались; окно, гдѣ было благовѣщеніе, и кошель или труба, гдѣ Богородица огнь клала и варила яствія. Въ Римѣ, въ соборѣ Петра и Павла: копіе, которымъ прободенъ былъ Спаситель на крестѣ; нерукотворный образъ на платѣ,

ничества оставилъ намъ игуменъ Даніилъ, ходившій въ святую землю около 1115 года, когда Іерусалимомъ владѣли крестоносцы, подъ управленіемъ короля Балдуина, брата Готфрида Бульонскаго. Въ Іерусалимѣ Даніилъ засталъ Новгородцевъ и Кіевлянъ: Седеслава Иванковича, Городислава Михайловича, двухъ Кашкичей и другихъ многихъ русскихъ, которые пришли туда для поклоненія еще до него. За Даніиломъ слѣдуютъ паломники: Стефанъ Новгородецъ (1349 г.), кн. Ефросинія Полоцкая, іеродіаконъ Зосима (1420), московскій гость Василій (1466 г.), московскій купецъ Трифонъ Коробейниковъ (1582 г.), и рядъ паломниковъ въ XVII и XVIII вѣкахъ[250]).

поднесенномъ Спасителю св. Вероникою; въ другихъ церквахъ: части ризы Богородицы, ея головной платокъ; лѣстница, по которой вели Спасителя отъ Каіафы къ Пилату на осужденіе (scala sancta) и на которой видна была его кровь; образъ Христа, писанный евангелистомъ Лукою; ковчегъ съ мощами, въ числѣ коихъ находились и Виѳлеемскіе младенцы; одежда и ризы апостоловъ, части башмаковъ ихъ, части хлѣба и двѣнадцать чечевичныхъ зеренъ отъ тайной вечери; часть губки, которой напоенъ былъ Христосъ на крестѣ; доска на которой сидѣлъ Господь, умывая ученикамъ своимъ ноги; кровь св. Януарія кипѣла при нихъ въ сосудцѣ, во время литургіи. Въ Кельнѣ: кувшинъ, въ которомъ Христосъ претворялъ воду въ вино; жезлъ апостола Петра, деревянная колыбель Спасителя; столъ, на которомъ Христосъ сотворилъ тайную вечерю, жезлъ Аарона и жезлъ Моисея и пр. О святынѣ, находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ см. выше II. 291 и 293 (власы, кровь, риза Спасителя, древо, губа, трость, копье, вѣнецъ терновый и Виѳлеемскіе младенцы).

[250]) Извѣстія о русскихъ паломникахъ, ходившихъ въ Іерусалимъ, начинаются (подложнымъ) письмомъ медика вел. князя Владиміра, Іоанна Смеры, ѣздившаго въ Іерусалимъ для наблюденія вѣры и нравовъ (Пономаревъ, XI). Подробная библіографія всего, что было издано о святой землѣ, напечатана нѣмцемъ Тоблеромъ (Bibliographia geographica Palestinae, 1867); В. Н. Хитрово издалъ первый выпускъ библіографическихъ дополненій къ Тоблеру, въ которыхъ перечислилъ всѣ русскія книги, брошюры и журнальныя статьи по этому предмету (Зап. Акад. Наукъ. СПБ. 1876, VI. 153); такой же библіографическій списокъ напечатанъ въ 1877 г. С. Пономаревымъ (Зап. Акад. Наукъ, XXX).

Паломничество въ Іерусалимъ, въ виду длиннаго странствованія и соединенныхъ съ нимъ опасностей со стороны Турокъ, совершалось не въ одиночку, а цѣлыми дружинами. Въ этомъ отношеніи, наши паломники или калики представляютъ полное сходство съ западными пилигримами[251]). Точно такъ, какъ и на Западѣ, калики наши крутятся въ круту каличью человѣкъ въ сорокъ,

---

[251]) Самое имя каликъ произошло, очевидно отъ слова калиги, caligae, — сандаліи (обувь въ родѣ подвязныхъ восточныхъ fraumen), въ которыя обувались западные странники, отправлявшіеся въ Іерусалимъ (И. Срезневскій, Калики, 201), — о нихъ упоминаетъ и Даніилъ паломникъ (Ѳ. Буслаевъ, Христоматія, 251). Нынѣшніе калѣки перехожіе—искалеченные бѣдняки, нищіе, переходящіе отъ одного святаго мѣста въ другое, ради милостыни. Въ народѣ калекой называютъ преимущественно хромаго: въ этомъ смыслѣ, вѣроятно, слово это употреблено въ древнихъ документахъ: въ 1330 году, напримѣръ, Григорій калѣйка былъ избранъ въ Новгородскіе архіепископы; въ договорной грамотѣ кн. Михаила Тверскаго съ Новгородцами въ 1316 г. упоминается калѣка Юрій, начальникъ тальщиковъ; въ 1341 году Псковичи, подъ предводительствомъ калѣки Карпа Даниловича, побили нѣмцевъ; калѣка Іоаннъ былъ въ XIX вѣкѣ Константинопольскимъ патріархомъ (Псковская Лѣтопись 6849 г.; И. Срезневскій, Русскіе калики: Зап. Акад. Наукъ 1862, I. кн. II. 187). Но во всѣхъ этихъ документахъ говорится о калѣкахъ и калѣйкахъ, а не о каликахъ; названіе калики является въ первый разъ въ «Странникѣ» Даніила Паломника (въ 1114 г.), для обозначенія странниковъ-богомольцевъ; въ этомъ же смыслѣ калики упомянуты и у Стефана Новгородца (въ 1341 г.), а равно и въ нашихъ былинахъ, гдѣ каликами переряжаются наши богатыри: Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ и Потыкъ Михайловъ, — какъ для того, чтобы не быть узнаннымъ, такъ и потому, что каликѣ-страннику вездѣ открытъ доступъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Даніилова Странника калика называется паломникомъ, т. е. человѣкомъ, принесшимъ изъ Іерусалима пальму; паломники встрѣчаются и въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1283 годомъ (Полное собр. лѣтоп., I. 206), и въ церковномъ уставѣ св. Владиміра, гдѣ они причислены къ митрополичьимъ людямъ, наравнѣ съ каликами, слѣпыми и хромыми (Лѣтопись Переяславск. Сузд., изд. кн. Оболенскимъ, 34, — Востоковъ, Опис. Румянцев. Муз., 328). Уже въ вопросахъ Кирика говорится, что между паломниками къ святымъ мѣстамъ были и промышлявшіе бродяжествомъ (Памятн. Росс. Слов. XII в., 203. — Ѳ. Бу-

выбираютъ себѣ атамана и кладутъ заповѣдь, за своими руками, подчиняться ему во всемъ; „а кто дорогой украдетъ или солжетъ, али кто пустится на женскій блудъ, да не скажетъ про то атаману, — того казнить: закопать по плечи въ сыру землю“ (Кирша Даниловъ, 226). Одежда ихъ тоже напоминаетъ одежду западныхъ пилигримовъ [252]): тѣ-же клюки — посохи [253]), плащи — гуни [254]), шляпы колоколомъ земли греческой [255]), и сумочки.

Какъ и наши теперешніе странники, калики кормились дорогой святою милостынею; только выпрашивали они её самымъ наглымъ образомъ: завидѣли, напримѣръ, калики Касьяновой круты князя Владиміра и

„Становилися они во единый кругъ,
Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили,
Кричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля....

слаевъ, Очерки, I. 505); это обстоятельство послужило вѣроятно къ раннему смѣшенію названій увѣчнаго калѣки-нищаго съ названіемъ калики — странника.

[252]) Слово пилигриммъ (piligrim) встрѣчается у насъ неоднократно въ былинахъ и въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ (см. алфавит. указатель). У насъ оно сильно исковеркано: пилигримище, билогремлище, полугрюмъ и просто угрюмъ (И. Срезневскій, Калики, 216).

[253]) Клюка—посохъ съ загнутымъ концемъ. На клюку старуха упирается; клюкой задѣнетъ кого и за руку, если позвать нужно. Калики, воткнувъ клюки въ землю, вѣшали на закрючины ихъ свои сумочки.

[254]) Гуня—мѣховой плащъ, бурка,—отъ средне латинскаго Gunna, средне греческ. γουνα; въ Венгріи до сихъ поръ носятся гуни (И. Срезневскій, Калики, 200).

[255]) Такую шляпу или колпакъ носили наши князья и цари: в. кн. Василій Ивановичъ изображенъ въ такомъ колпакѣ у Герберштейна и у Іовіуса.

Подъ княземъ конь окорачился
А богатыри съ коней попадали“.
(Кирша Даниловъ, 228).

Это уже прямые разбойники, на подобіе тѣхъ, о которыхъ говоритъ Стоглавъ, что они „по дальнимъ странамъ ходятъ (скоморохи), совокупляясь ватагами, по шестидесяти, семидесяти и до ста человѣкъ, и по деревнямъ крестьянъ насиліемъ объѣдаютъ и опиваютъ, изъ клѣтей животы грабятъ, а по дорогамъ людей разбиваютъ“.

По стихамъ, составленнымъ нашими калѣками-слѣпцами, на основаніи Голубиной книги и бесѣды трехъ святителей, Іерусалимъ городъ — больше всѣхъ городовъ и прежде всѣхъ городовъ сотворенъ; всѣмъ городамъ онъ отецъ, потому что въ немъ находится пупъ земли; точно также и церковь Іерусалимская всѣмъ церквамъ мати, Ѳаворъ гора — всѣмъ горамъ мати, а Іорданъ рѣка всѣмъ рѣкамъ мати, и идутъ туда калики:

„Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Въ Ердань рѣкѣ искупатися.
Нетлѣнной ризой утеретися“.
(Кирша Даниловъ, 226) [256]).

---

[256]) Стихи на католическомъ западѣ слагались, точно также, какъ и у насъ, слѣпцами и каликами-перехожими. «Въ 1065 году (разсказывается въ жизнеописаніи блаженнаго Альтмана), когда многіе ждали втораго пришествія и потому отправлялись въ Іерусалимъ, ко гробу Господню, было много знатныхъ людей, которые оставляли жену, дѣтей и всѣ блага міра, чтобы идти во слѣдъ Христу. Таковъ былъ епископъ Бамбергскій Гюнтеръ; съ нимъ отправилось въ путь много духовныхъ и мірянъ; между ними былъ и Эццо Схоластикъ—человѣкъ, одаренный всякою мудростію и краснорѣчіемъ; онъ, во время пути, сочинилъ на народномъ языкѣ превосходную пѣснь о чудесахъ Христа» (Hoffmann von

Въ Іерусалимѣ принимали греческіе монахи нашихъ богомольцевъ съ большимъ торжествомъ и великолѣпіемъ, и затѣмъ обирали ихъ карманы до́ чиста. Такъ велось съ глубокой древности до половины нынѣшняго столѣтія, безъ всякихъ перемѣнъ. Вотъ какъ описываютъ пріемъ свой братья Вишняковы, посѣтившіе Іерусалимъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія: „Мы въѣхали въ Іерусалимъ 3-го февраля, въ 3 часа по полудни, великими воротами Давыдовыми, находящимися близь дома Давыдова, преобращеннаго за нѣсколько вѣковъ въ арсеналъ; внутри воротъ Давыдовыхъ стояло много караульныхъ Арабовъ, на стѣнахъ-же висѣло ихъ разное воинское оружіе. Проѣхавъ двѣ улицы между каменными домами, приблизились къ патріаршему съ правой стороны монастырю, ворота коего были отворены; во внутренности монастырскихъ оныхъ воротъ сидѣли многіе изъ магометанъ Арабы, одѣтые въ народное зеленое платье; ихъ называютъ „есакчи“, т. е. караульные, которые охраняютъ домъ патріаршій и содержатся на коштѣ и жалованьи патріарха Іерусалимскаго; сверхъ того онъ муфтію и муселиму, т. е. коменданту, даетъ за сохраненіе сумму не малую денегъ“.

„Въ монастырѣ встрѣтилъ насъ мерхаджи — монахъ, разумѣющій многіе языки, опредѣленный для встрѣчи путешественниковъ, поздравлялъ съ благополучнымъ прибытіемъ и краснорѣчиво привѣтствовалъ на разныхъ

Fallersleben, Geschichte des deutschen Kirchenbildes, I. 27). Георгъ († 1169) замѣчаетъ, что вся земля возноситъ хвалу Христу на народномъ языкѣ (per cantilenas linguae vulgaris), преимущественно у нѣмцевъ, языкъ которыхъ особенно способенъ къ пѣснямъ (ibid. 41). Слѣпцы на католическомъ западѣ были носителями народныхъ стиховъ и героическихъ сказаній (Тихонравовъ, 33-е присужд. Демид. нагр., 197). «Не хочу», говоритъ Hermann von Fritzlar (1393—49), «передавать чудеса святителя Николая: ими расписаны стѣны, и слѣпые поютъ о нихъ на улицахъ» (Grimm, Deutsche Heldensagen, 173).

языкахъ. Извощики наши, Арабы, отвязали отъ сѣделъ наше дорожное имущество, а послушники монастырскіе, забравъ оное, понесли въ палату, продолговатую, устланную коврами и подушками, раскладенными около стѣнъ, въ коей размѣстились мы для своего пребыванія; послѣ сего поднесли намъ по чаркѣ водки и разныхъ, на закуску, сушеныхъ плодовъ, потомъ кофе. По наступленіи въ скорости вечера и зажженіи свѣчъ, позвалъ насъ тотъ-же престарѣлый мерхаджи въ трапезу къ ужину. Здѣсь на столахъ мраморныхъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, и безъ скатертей, поставлено уже было довольно пищи, состоявшей большею частію изъ сарачинскаго пшена съ коровьимъ масломъ, яицъ, сыровъ и плодовъ; мяса же и рыбы не было. На руки всѣмъ подали полотенца; посуда вся изъ красной мѣди, кругомъ вся полуженная. Водку и старыя крѣпкія вина подносили серебряными ковшичками безпрестанно. Во время ужина входили въ трапезу также и архіереи и привѣтствовали: ористе хаджи, т. е. извольте, пожалуйте богомольцы, потчивали и угощали изобильно"[257]).

„По окончаніи ужина возвратились мы въ свое мѣсто и легли спать; сонъ нашъ не продолжался болѣе трехъ часовъ, потому что въ 1-мъ часу по полуночи начали бить въ доску; мерхаджи пришелъ, разбудилъ насъ и объявилъ, чтобы мы шли въ патріаршую церковь Царя Константина и матери его Елены, слушать утреню"....
„По окончаніи утрени и прикладыванія потомъ поклонниковъ къ св. иконамъ, роздали греческіе монахи всѣмъ намъ по немалой свѣчѣ изъ бѣлаго воска и водили насъ по другимъ церквамъ патріаршаго дома; наконецъ ввели въ пространную палату, въ которой разставлены многія

[257]) Конечно все дѣло дѣлалось въ виду тугонабитой мошны братьевъ Вишняковыхъ.

скамьи съ подушками и покрытыя зеленымъ сукномъ. Здѣсь всѣхъ мущинъ, женщинъ и малолѣтнихъ посадили; послѣ чего пришедшіе, епископъ и архіереи, возсѣли на особенныхъ диванахъ по старшинству епархій, въ присутствіи коихъ угощали насъ водкою и кофеемъ съ сухарями; по угощеніи и отведеніи потомъ женщинъ и малолѣтнихъ въ назначенную для пребыванія нашего палату, началось омовеніе ногъ путешествующихъ; около шести человѣкъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ принесли кувшины мѣдные съ теплою водою, тазъ, мыло и полотенце. Мы разулись; и они омывали и отирали ноги поклонникамъ, которымъ предлежало цѣловать ихъ головы, покрытыя камилавками. Таковое духовныхъ лицъ смиреніе произвело въ насъ умилительныя чувствованія“ [259]).

„По окончаніи сего церемоніальнаго обряда пошли деспоты или владыки въ особенный залъ, въ коемъ бываютъ ихъ засѣданія; послѣ сего позвали къ намъ и женщинъ, а потомъ призывали поклонниковъ по одному и по два къ засѣдавшимъ владыкамъ, гдѣ спрашивали объ ихъ именахъ и ихъ родителей, живыхъ и умершихъ, и записывали въ синодикъ. За каждое записанное имя должно было платить на искупленіе Божія гроба отъ магометанъ по 50 піастровъ, т. е. 30 рублей, или по крайней мѣрѣ по 30 піастровъ. Богатые, по соизволенію своему, записывали многія живыхъ и усопшихъ имена, и давали по 500, по 1000 и болѣе піастровъ. А поклонникъ, отзывавшійся неимѣющимъ денегъ, подвергался передъ симъ собраніемъ выговорамъ и упрекамъ, представляя, что патріаршій монастырь долженъ муфтію и прочимъ магометанамъ за него платить опредѣленную

---

[259]) Этого обряда, съ учрежденіемъ русскаго пріюта, болѣе не практикуется.

съ хаджей дань въ немаломъ количествѣ, поелику ни единая душа младенца не можетъ обойтиться безъ сего. Въ противномъ случаѣ, если епитропъ за кого нибудь откажется платить, таковаго тотчасъ выгоняютъ изъ Іерусалима; но патріархи Іерусалимскіе по человѣколюбію до сего поклонниковъ не допускаютъ; неимущихъ-же, по обыкновенію 30 піастровъ заплатить за квартиру и содержать себя пищею, помѣщаютъ особенно, или въ Іерусалимскихъ или въ окрестныхъ принадлежащихъ патріарху монастыряхъ, даютъ ему хлѣбъ, обыкновенно пшеничный, въ довольномъ числѣ, и манжу, родъ каши изъ пшеничныхъ крупъ, а иногда изъ сарачинскаго пшена, увареннную съ масломъ коровьимъ или деревяннымъ, и другою приправою, а въ воскресные дни сыръ и прочее, за что долженъ исправлять послушаніе".

„На другой день по прибытіи нашемъ, февраля 4-го числа, присланы были по-полудни отъ муфтія въ патріархію чиновные Арабы, которые брали съ каждаго поклонника мужескаго и женскаго пола по 23 піастра, а съ малолѣтнихъ половиною меньше, и давали тескере, т. е. билеты съ чернильными печатями, на маленькихъ лоскуткахъ бумаги, для пропуска въ храмъ Гроба Божія; мы показали имъ свой фирманъ: они прочитавъ его назадъ возвратили, и съ насъ ничего не требовали, но записали имена, для того, чтобъ взыскать съ монастыря деньги противъ прочихъ хаджей".

„На 5 число февраля, въ два часа по полуночи, Греческіе иноки начали бить въ деревянную доску, Армяне зазвучали мѣдными тарелками; а потомъ, какъ у сихъ, такъ и у Римлянъ, Коптовъ и Сиріянъ началась утренняя служба, и у всѣхъ на своихъ престолахъ. По утру рано, пришедшіе Арабы отперли и отворили великія ворота; тогда собралось къ литургіи множество народа разныхъ исповѣданій, по окончаніи коей позвали насъ въ патріар-

хію, гдѣ послѣ трапезы намъ объявили, чтобы мы избрали для себя квартиры въ другихъ монастыряхъ, принадлежащихъ Греческому патріарху, въ самомъ Іерусалимѣ, коихъ считается 11 мужскихъ и 2 женскихъ. Игумену монастыря долженъ каждый человѣкъ заплатить, какъ выше сказано, 30 піастровъ (18 руб. ассигн. по тогдашнему курсу), сколько бы впрочемъ онъ времени ни прожилъ. Между епитропомъ, муфтіемъ и муселимомъ постановлено, чтобы поклонникамъ не позволять жить нигдѣ, кромѣ однихъ монастырей, отдаваемыхъ отъ епитропа на откупъ тѣмъ изъ іеромонаховъ, кто больше обяжется вносить въ патріархію денегъ". „Послѣ сего разошлись поклонники для пріисканія для себя въ монастыряхъ жилища. Іерусалимскіе монастыри весьма пространны; по триста и болѣе человѣкъ съ женами и дѣтьми въ одномъ помѣщеніи".

Этимъ я закончу выписку изъ путешествія братьевъ Вешняковыхъ; всѣ остальныя мытарства съ поклонниками происходятъ и въ настоящее время точно такъ, какъ они происходили двѣсти и пятьсотъ лѣтъ тому назадъ. Хожденіе по святынямъ производится обыкновенно отдѣльными кучками, подъ предводительствомъ греческихъ монаховъ, знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, а также и разныхъ странниковъ и странницъ, долго жившихъ въ Іерусалимѣ. Главное любопытство вѣрующихъ при этомъ сосредоточивается на слѣдующихъ предметахъ, поименованныхъ и въ нашемъ описаніи Іерусалима (№ 645): пупъ земли (III. 333), адова щель, юдоль плачевная, изъ которой въ день страшнаго суда потечетъ рѣка огненная (III. 340), другая щель у главы Адамовой, священный огонь и гробъ Господень.

Пупъ земли древніе указывали то въ Вавилонѣ, то въ Аѳинахъ и Дельѳахъ (Буслаевъ, Очерки., IV. 596); въ средніе вѣка перевели его въ Іерусалимъ, гдѣ его тамъ

и видѣлъ въ XIII вѣкѣ нашъ Даніилъ Паломникъ[259]). Этотъ пупъ есть ничто иное, какъ каменный столбикъ аршина полтора вышиною, нѣсколько напоминающій своего соименника; поклонники прикладываются къ нему съ большимъ благоговѣніемъ, особенно же беременныя бабы, которыя ждутъ отъ того облегченія въ родахъ. Про адову щель дворянинъ Полозовъ, бывшій въ Іерусалимѣ въ концѣ XVII вѣка, разсказываетъ, что величиною она „какъ можно человѣку бокомъ пролѣзть" [260]); въ

---

[259]) Впрочемъ пупъ этотъ признается и признавался въ XVII вѣкѣ настоящимъ земнымъ пупомъ только греками, какъ это значится въ обстоятельномъ описаніи Іерусалима, съ подробными планами и фасадами зданій,—изданномъ отцемъ Бернардиномъ въ 1622 г., съ гравюрами знаменитаго Калло. На одной изъ этихъ гравюръ обозначено въ храмѣ мѣсто (№ 32): «dove dicono i Greci esser il mezzo della terra» (Trattato delle Piante et Immagini de sacri Edifizi di terra santa Disegnate in Jerusalemme secondo le regole della prospettiva et uera misura della lor grandezza Dal R. P. F. Bernardino Amico da Gallipoli dell'ord. di S. Francesco de minori osseruanti. Stampate in Roma e di nuovo ristampate dall istesso Autore in piu piccola forma agiuntovi la strade dolorosa et altre figure. In Firenza Appresso Pietro Cecconcelli Alle stelle Medicee con licenza de Superiori. 1620. 4⁰).

[260]) Дворянинъ Вас. Вас. Полозовъ, въ челобитной къ царю Ѳедору Алексѣевичу, описывая странствованіе свое въ Іерусалимъ, разсказываетъ, что, приложившись къ гробу Господню, ходилъ онъ: «смотрѣти пупа земнаго. А пупъ земной отъ гроба Господня три сажени. Тутъ-же и щель Адова; а величиною та щель, какъ человѣку можно бокомъ пролѣзть. А водилъ меня и указывалъ Армянинъ. А оттолѣ ходилъ смотрѣть темницу, гдѣ Господь Богъ сидѣлъ и гдѣ былъ привязанъ; и тутъ учиненъ камень, яко ступа, и гдѣ Господню ризу раздраша. А оттолѣ ходилъ на Галгоѳу. А Галгоѳа отъ гроба Господня семьдесять ступней. И видѣлъ гдѣ кровь Господня уканула на главу Адамову, и тутъ щель на полпяди. А въ великую субботу сходитъ огонь съ небеси ко гробу Господню всякими разными цвѣтами, за два часа до вечера. А которой камень наваленъ былъ на гробъ Господень, и у того камени сидятъ три патріарха: Греческой, Фряжской и Армянской». «А отъ того огня Греческій патріархъ засвѣтилъ свѣчу и по брадѣ своей повелъ, и огнь брады его не сжегъ. И то видя страшное чудо, Турской ихъ великой дьякъ сталъ христіаниномъ». — Такую же продѣлку дѣлалъ патріархъ и передъ Рязанскимъ купцемъ Василіемъ Гагарою, ходившимъ въ Іерусалимъ въ

1873 году. въ бытность мою въ Іерусалимѣ, щель эта была значительно позамазана; но монахи, по прежнему, прикладывали къ ней ухо вѣрующихъ и разсказывали имъ: „что изъ щели слышно де какъ грѣшныя души въ аду мучаются и взываютъ!“ Другая щель, подлѣ главы Адамовой, та самая, въ которую ушла потопная вода внутрь земли, — еще меньше.

Что касается до священнаго огня, который сходитъ въ великую субботу, то вопросъ о прекращеніи этой церемоніи, представляющей самый грубый обманъ и оканчивающейся постоянно кровавою дракой, — возбуждался неоднократно; не рѣшаются-же отмѣнить её собственно изъ боязни, чтобъ христіане-Арабы, особенно уважающіе эту церемонію, „не стали, послѣ такой отмѣны, отщепляться отъ греческой церкви“.

Схожденіе св. огня происходило въ 1873 году точно также, какъ описываетъ это дѣйствіе г. Благовѣщенскій въ превосходной и правдивой книгѣ своей „Среди богомольцевъ“. Храмъ былъ биткомъ набитъ народомъ, хоры, особо устроенные подмостки, всѣ карнизы, все это было облѣплено поклонниками: однихъ русскихъ стекалось на это торжество до 1000 человѣкъ, всей-же публики насчитывали до 10,000. „Въ храмѣ нѣтъ ни однвго огонька, но у каждаго богомольца въ рукахъ на готовѣ пукъ изъ 33-хъ восковыхъ свѣчей или фитилей, въ память 33-хъ лѣтней жизни Спасителя. Народъ шумитъ и толкается; стража бьетъ кнутами на право и на лѣво, и въ этой давкѣ вдругъ Арабы начинаютъ свои священныя пляски вокругъ часовни св. гроба, съ хоругвями и крестами. Не-

---

царствованіе царя Михаила Өедоровича. Патріархъ три раза палилъ свою бороду, и «не единъ волосъ не сгорѣлъ»; послѣ чего Гагара просилъ у патріарха прощенія, что прежде тому огню не вѣрилъ, думая, что составляютъ его Греки своимъ умышленіемъ (Русскій Архивъ 1865 г., примѣч. г. Шугурова, стр. 22).

истово хлещетъ ихъ стража, бьютъ ихъ сбитые съ ногъ богомольцы, но подъ градомъ ударовъ, съ дикими воплями, ломятся Арабы по головамъ толпы, опрокидывая встрѣчныхъ, и ничто не въ состояніи остановить этихъ плясокъ, безъ которыхъ, по словамъ Арабовъ, св. огонь не сойдетъ на землю. Измученные, избитые, съ пѣною у рта, они тогда только умолкаютъ, когда патріаршій намѣстникъ двинется съ процессіею къ часовнѣ. А на дверяхъ часовни лежитъ 7 печатей; подлѣ нея сильная мусульманская стража. Трижды обходитъ намѣстникъ часовню, потомъ приближается къ дверямъ, сламываетъ печати и входитъ внутрь, одинъ съ своимъ послушникомъ, который несетъ за нимъ незажженную лампаду и пукъ ваты. На минуту толпа стихаетъ; всѣ ждутъ.... И вотъ показывается огонь въ боковыхъ отверстіяхъ часовни, нарочно сдѣланныхъ для этой цѣли, и съ крикомъ привѣтствуетъ народъ огонь. Всѣ рвутся впередъ, чтобы зажечь свои свѣчи изъ первыхъ рукъ; въ тоже мгновеніе ударяютъ въ колокола и била чугунныя. Громъ раздается въ воздухѣ. Огонь быстро разливается по всему храму, на нитяхъ поднимается въ верхніе слои народа, зажигаются лампады, свѣчи и паникадила; въ нѣсколько минутъ весь храмъ превращается въ массу пламени, — и тутъ-то начинается невиданная картина: Арабы, съ неистовыми криками, снова начинаютъ свои пляски, махая пуками пылающихъ свѣчей. Всѣ приходятъ въ религіозный экстазъ: цѣлуютъ огонь, глотаютъ огонь, жгутъ себя этимъ огнемъ, вѣря, что онъ не жжется, а предохраняетъ отъ болѣзней. Я видѣлъ молодую Арабку: она медленно водила огнемъ по обнаженной груди, и изъ глазъ ея, поднятыхъ къ небу, текли слезы. Видѣлъ, какъ многіе жгли себѣ шею, руки, водили огнемъ вокругъ головы, пока не начинали дымиться волосы.... Всѣ обнимались, цѣловались въ плечи, — и потомъ опять пляска,

бѣшеная пляска съ факелами, съ криками, пѣснями, кривляньями".

„По народному повѣрью, св. огонь нельзя задувать или заливать, какъ обыкновенный, а надо тушить его объ свое тѣло. Этотъ обрядъ Арабы, и даже нѣкоторые поклонники, исполняютъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Они ударяютъ всей массой огня въ лобъ, въ щеку или въ грудь, и такимъ образомъ тушатъ его. Иные даже весь пукъ огня впихиваютъ въ ротъ и проглатываютъ огонь. Многіе выносятъ огонь съ собою по домамъ и зажигаютъ имъ свои лампады и очаги, а наши поклонницы стараются даже довезти его до Россіи" (Н. А. Благовѣщенскій, Среди богомольцевъ. С.-Петербургъ 1872, стр. 288).

Получить на церемонію св. огня безопасное мѣсто, если не имѣешь протекціи, стоитъ большихъ денегъ; да и каждый шагъ въ этой странѣ стоитъ денегъ и большихъ денегъ; и не смотря на это, зданія храма и всѣхъ святынь, благодаря постоянной усобицѣ между представителями христіанскихъ религій, находятся въ крайне безобразномъ, нечистомъ и вонючемъ видѣ; турки трунятъ, да пожалуй и справедливо, что, если съ богомольцами въ храмѣ не запирать вооруженную стражу, то къ утру отъ нихъ останутся одни зубы.

Что касается до посѣщеній гроба Господня и прочихъ святынь Іерусалимскихъ, то въ этомъ отношеніи особенною живописностію изъ нихъ отличается шествіе богомольцевъ на Іорданъ, въ громадномъ числѣ, превышающемъ иногда тысячу человѣкъ, и аамое крещеніе ихъ въ полночь, краснорѣчиво описанное г. Благовѣщенскимъ. Менѣе отдаленныя мѣста: Масличная гора, Виѳлеемъ и разные монастыри, — перечислены въ описаніи Іерусалима № 645. Болѣе состоятельные богомольцы ѣздятъ кромѣ того въ Марсабу, т. е. монастырь св. Саввы,

выстроенный въ дикой мѣстности, — въ Хевронъ, гдѣ находится библейскій Мамврійскій дубъ, и на Мертвое море, по берегу котораго они собираютъ камешки, исцѣляющіе отъ запоя [261]). Усердные богомольцы пробираются отсюда далѣе, черезъ Назаретъ на Ѳаворъ, Монкармель и Акру, — къ морю, а отсюда, на пароходѣ, въ Одессу.

Въ Іерусалимѣ еще особеннымъ вниманіемъ странниковъ пользуется монастырь св. Георгія, въ которомъ находится чудотворный образъ этого святаго [262]).

Лѣтъ двадцать тому назадъ для русскихъ богомольцевъ построенъ нашимъ правительствомъ обширный пріютъ, въ которомъ они получаютъ помѣщеніе безде-

---

[261]) Это путешествіе удобнѣе всего соединяется съ путешествіемъ на Іорданъ; мы сдѣлали его въ такомъ видѣ: въ 1-й день пріѣхали къ полдню въ Виѳлеемъ, а къ ночи въ Марсабу; на другой день утромъ были на Мертвомъ морѣ; отсюда, выкупавшись въ горько-соленой водѣ, въ которой человѣкъ плаваетъ какъ огурецъ въ разсолѣ, къ полудню прибыли на Іорданъ, гдѣ окунались въ святыя воды при ружейныхъ выстрѣлахъ; а къ ночи перебрались, усталые и измученные, въ Іерихонъ. Здѣсь мы смотрѣли на пляску голыхъ Бедуиновъ, которые вертѣли и махали своими острыми саблями и ножами у насъ надъ головами и передъ носомъ, и затѣмъ спали на голой землѣ, истязуемые знаменитыми Іерихонскими блохами. На 3-й день мы ѣздили на могилу Моисея, гдѣ въ это время, въ мечети, происходило необыкновенное празднество, при живописномъ стеченіи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ народа и несмѣтнаго числа мусульманскихъ монаховъ, факировъ и дальняго духовенства. Къ ночи мы добрались до Іерусалима.

[262]) Чудеса здѣсь дó нельзя наивны и расчитаны на африканскую простоту нашихъ богомольцевъ. Жертвуете вы, напримѣръ, образу св. великомуч. Георгія (въ монастырѣ его имени) монету; игуменъ беретъ её въ горсть, читаетъ надъ нею молитву и затѣмъ прикладываетъ къ образу; если монета пристанетъ къ образу, т. е. достаточно нагрѣта игуменскимъ дыханіемъ и прилипаетъ къ олифѣ, которою сильно намазанъ образъ, — то значитъ даръ вашъ угоденъ святому; въ противномъ случаѣ монета падаетъ внизъ, въ ящикъ (что происходитъ обыкновенно съ мѣдными деньгами, которымъ, по ихъ тяжести, трудно держаться на олифѣ), и вамъ приходится вынимать новую монету. Это чудо я видѣлъ въ монастырѣ св. Георгія лично, въ 1873 году.

нежно, и такимъ образомъ избавляются отъ безсовѣстныхъ поборовъ греческаго духовенства; самое путешествіе въ Іерусалимъ на пароходѣ изъ Одессы до Яффы производится и скоро (12 дней), и необыкновенно дешево (3 руб. съ богомольца 3-го класса). За то и собираются теперь русскіе богомольцы въ Іерусалимѣ цѣлыми тысячами [263]).

Что касается до свѣдѣній, которыя почерпаются нашими богомольцами въ святой землѣ, то, какъ замѣчаетъ Н. С. Тихонравовъ, въ мѣстахъ земной жизни Христа паломниковъ охватываетъ длинная цѣпь христіанскихъ преданій изъ апокрифическихъ евангелій, и преимущественно перваго евангелія Іакова Апостола. Изъ него почерпнуты почти всѣ легенды, внесенныя въ Странники Даніила и позднѣйшихъ паломниковъ русскихъ: Іеродіакона Зосимы, Іоны и Трифона Коробейникова. Эти-же апокрифы повторяются и въ стихахъ Каликъ перехожихъ [264]): хотя надо замѣтить, что нашими странниками, въ особенности-же странницами, овладѣваетъ въ Іерусалимѣ очень скоро полное разочарованіе: они слышали чудесные разсказы о томъ, какъ гробъ Господень виситъ на воздухѣ, а между тѣмъ гроба никакого нѣтъ, а есть одна каменная плита; ожидали видѣть обѣтованную привольную землю, — а видятъ одну голую, безплодную, каменистую пустыню; нигдѣ нѣтъ ни чудесъ, ни великолѣпія, ни братской любви, ни даже простаго обиходнаго порядка. Это не мѣшаетъ имъ однакоже, по

---

[263]) Ихъ обязываютъ брать къ путевому и обратный билетъ (всего въ оба конца за 6 руб.); это распоряженіе сдѣлано съ того времени, какъ въ Іерусалимѣ накопилось значительное количество Өеклушъ (народное названіе богомолокъ), которыхъ наше консульство не знало на какія средства выпроводить изъ Іерусалима; теперь возвратный билетъ есть, — а прокормится Өеклуша въ дорогѣ и милостыней.

[264]) 33-е присужд. Демид. наградъ.

возвращеніи въ отечество повторять разные апокрифическіе разсказы о чудесахъ и выдавать все слышанное за самолично видѣнное, дѣлая при этомъ совершенно безсмысленныя прибавки, которыя искажаютъ первоначальный смыслъ поэтическихъ апокрифовъ.

Выше говорено было о богатыхъ дарахъ и милостыняхъ, которые посылались въ Іерусалимъ нашими царями; Іерусалимская святыня и духовенство издавна пользовались особеннымъ ихъ вниманіемъ,—и если на Западѣ въ XII вѣкѣ вѣрующіе собирались въ крестовые походы для освобожденія Іерусалима, то и у насъ на Руси, почти черезъ пятьсотъ лѣтъ, у Лжедимитрія зарождалась мысль объ освобожденіи Іерусалима (Карамзинъ, Истор. Государ. Росс., XI. 139. 126. Пр. 113. 377); Петръ великій проэктировалъ вывезти оттуда плиту отъ гроба Господня, а Никонъ патріархъ устроилъ въ 46 верстахъ отъ Москвы, въ Воскресенскомъ монастырѣ, подобіе Іерусалимскаго храма, настолько вѣрное, что, послѣ паденія Іерусалимскаго купола и послѣдней перестройки его, воскресенская Ново-Іерусалимская церковь Никона болѣе напоминаетъ древній Іерусалимъ, чѣмъ обновленный оригиналъ его.

Путешествіе въ Іерусалимъ, совершаемое въ настоящее время по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, скоро и удобно, въ прежнее время сопряжено было съ большими опасностями: не всякій рѣшался перенесть ихъ, да и не у всякаго хватало средствъ на долгую и цѣнную дорогу и на утоленіе турецкой жадности греческихъ монаховъ; а странствовать народу необходимо, и при этомъ странствовать съ цѣлью; по этому съ давняго времени, кромѣ паломничества въ Іерусалимъ, ввелось въ обычай совершать болѣе легкія странствованія — въ свои святыя мѣста: въ Кіевъ къ пещерскимъ чудотворцамъ, подъ Мо-

скву, въ Троицкую Сергіеву Лавру, и въ знаменитые Соловки на Бѣлое море.

Первое мѣсто, по числу богомольцевъ, занимаетъ Троицко-Сергіевская Лавра, устроенная преподобнымъ Сергіемъ. Туда ходилъ на благословеніе кн. Дмитрій Ивановичъ Донской передъ битвой съ Мамаемъ, какъ это значится и на нашей картинкѣ № 303 (II. 23; IV.—); въ XVII вѣкѣ наши цари считали за долгъ дѣлать походъ къ Троицѣ почти ежегодно; даже наши царицы XVIII вѣка, и тѣ дѣлали неоднократно такіе походы, не рѣшаясь отступать отъ кореннаго обычая своихъ предковъ; вслѣдъ за ними двигались къ Троицѣ и громадныя массы богомольцевъ, приходившія поклониться преподобному Сергію, а также и многочисленнымъ Московскимъ святынямъ. Странствованіе къ Кіевскимъ святынямъ производилось тоже съ глубокой древности: народъ особенно уважаетъ Кіевскія пещерныя церкви, съ ихъ длинными коридорами, уставленными съ обѣихъ сторонъ страшно изуродованными нищими и слѣпыми калѣками, выпѣвающими лазаря, — а также и Кіевскія пещеры, съ ихъ схимниками и отшельниками и лабиринтомъ темныхъ и тѣсныхъ переходовъ, загроможденныхъ гробницами и наводящихъ на простаго человѣка чувство религіознаго страха[265]).

Что касается до Соловецкихъ богомольцевъ, то они составляютъ совершенно отдѣльный типъ отъ прочихъ богомольцевъ: это, по большей части, поморы, прибрежные жители Бѣлаго моря, изъ Олонецкой и Архангельской губерній. Каждый годъ, въ іюнѣ—іюлѣ мѣсяцахъ, совершаютъ они свое странствованіе черезъ дремучіе лѣса, озера и по-

[265]) Не разъ отвлекало правительство массы поклонниковъ въ Ростовъ, Воронежъ и Задонскъ; но новыя мѣста не могли замѣнить древней исторической святыни и измѣнить натоpенные народными воспоминаніями паломническіе пути.

рожистыя рѣчки, отъ Повѣнца на Сумы и Кемь, или же, другимъ путемъ, на Онегу. Изъ Онеги и Сумъ они переправляются въ Соловки по морю на поморскихъ судахъ; многіе дѣлаютъ этотъ переѣздъ и изъ Кеми, на простыхъ гребныхъ лодкахъ, управляемыхъ смѣлыми Кемлячками. Этотъ, не всегда безопасный путь, напоминающій до нѣкоторой степени древнее Іерусалимское паломничество, представляетъ еще до сихъ поръ много прелести для русскаго богомольца, хотя въ послѣднее время, съ устройствомъ прямаго пароходства изъ Архангельска въ Соловки, ватаги Сумскихъ и Онежскихъ богомольцевъ годъ отъ году уменьшаются и большинство богомольцевъ направляется въ Соловки прямо изъ Архангельска. Петербургскія святыни: Валаамскій монастырь и Коневецъ, въ послѣднее время стали тоже отвлекать не малое число богомольцевъ.

Въ народныхъ картинкахъ всѣ эти хожденія на святыя мѣста русскія оставили слѣды свои въ многочисленныхъ видахъ монастырей [266]) и мелкихъ картинокъ съ духовными сюжетами [267]), которыя продавались богомольцамъ вмѣстѣ съ образками, деревяннымъ масломъ изъ надгробныхъ лампадъ и другими святынями, служившими воспоминаніемъ о долгомъ странствованіи.

---

[266]) Къ числу такихъ картинокъ принадлежитъ цѣлая тетрадка съ Кіево-печерскими преподобными, описанная подъ № 1519; картинки, описанныя подъ № 1326 А, и мн. др.

[267]) Изъ числа такихъ видовъ особенно замѣчательны многочисленные планы Кіевскихъ пещеръ; два вида Троицко-Сергіевской Лавры, гравированные въ 1725 году (№№ 605 и 606); виды Москвы, Новгорода и Ярославля, съ монастырями (№№ 621—628); старинные виды монастырей: Угрѣшскаго, Воскресенскаго, Арзамасскаго, Кирилло-Бѣлозерскаго, Коневскаго, и видъ Московскихъ соборовъ (№ 602); изъ чужеземныхъ святыхъ мѣстъ любопытны: виды Болгарской Терновской обители (№ 635), Сербской Успенской Студеничской лавры (№ 636) и видъ общежительнаго монастыря Пива, въ Герцеговинѣ (№ 636 А).

Виды монастырей служили въ тоже время и рекламами для сбора на монастырское строеніе и посылались въ подарокъ отъ архимандрита или строителя тароватому купечеству, съ такими напримѣръ надписями: „не благоугодно ли что либо пожертвовать на украшеніе обители", — или: „Господи! Источи изъ очей моихъ неизсякаемый источникъ слезъ о моемъ окаянствѣ!.... да искуплю добромъ грѣхи моя! 5 рублефъ—грацкая голова и первоп... (затерто) перва гилди куп. Немирофъ" (находится въ моемъ собраніи) [268]).

XIV.

Картинки, изданныя по распоряженію правительства. Убійство Жуковыхъ въ 1754 году. Всенародное покаяніе Жуковыхъ.—Указъ о пыткѣ въ 1767 году и опасенія тогдашнихъ кнутофиловъ. Указъ о томъ же 1801 года. Кнутъ, плети и шпицрутены. Двѣнадцать тысячъ безъ медика. Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній.—Наши темницы и тюрьмы. Пугачевская клѣтка. Говардъ. Клоповники и Аскольдова Могила. Тюремное томленіе. Непрактичность тюрьмы въ лѣстницѣ русскихъ наказаній. — **Оспа.** Димсдаль, прививающій оспу Екатеринѣ II и Павлу Петровичу. Празднество по этому случаю и чрезмѣрныя награды Димсдалю. Инокуляторъ Димсдаль устраиваетъ на русскія деньги торговую контору. Коровья оспа. Указы по этой части нашего правительства и народныя картинки, выпущенныя по его распоряженію.

Правительство наше рѣдко пользовалось народной картинкой для объясненія народу своихъ дѣйствій и намѣреній или для подготовленія его къ какимъ либо

[268]) Многіе виды монастырей, дѣланные съ этою же цѣлію, помѣщены на изображеніяхъ разныхъ святыхъ, напримѣръ: видъ Александо-Невскаго монастыря — на изображеніи св. Александра Невскаго (№ 1348), Соловецкой обители—на иконѣ св. Зосима и Савватія (№№ 1460). Такія же изображенія монастырей помѣщены на иконахъ Θеодосія Тотемскаго (№ 1648), Нила Столбенскаго (№№ 1605 и 1606), Сергія Радонежскаго, св. Германа и Филиппа, Аθанасія Аθонскаго и т. д.

преобразованіямъ; объяснить такое странное обстоятельство можно развѣ тѣмъ крайнимъ презрѣніемъ, которое питало къ народу и къ обществу высшее чиновничество: „чего ихъ спрашивать, — прикажутъ, такъ и сдѣлаютъ, а не то и заставятъ сдѣлать; а то станешь заранѣе спрашивать, такъ пожалуй заберутъ себѣ въ голову, что безъ нихъ и дѣло не обойдется". „Вы чего себѣ притащились?" — кричалъ министръ полиціи Балашевъ на дворянскую депутацію, которая, въ годину народнаго бѣдствія, пріѣхала въ Петербургъ: „положить къ стопамъ Государя свои животы" и все прочее, по случаю нашествія Наполеона;—„кто это вамъ позволилъ, господа?"

Картинокъ, изданныхъ правительствомъ въ назиданіе народа, насчитывается всего одинадцать: первая изъ нихъ — „раскольникъ и цирульникъ" (№ 227), неудачно составленная въ посмѣяніе раскольниковъ, нехотѣвшихъ брить бороды, и „просьба монаховъ Калязинскаго монастыря" (№ 174), изданная для осмѣянія монашества, по приказанію Екатерины II, съ тѣмъ, чтобы подготовить народъ къ задуманному ею отобранію церковныхъ имуществъ,—отнесены къ разряду сатирическихъ листковъ и описаны въ XII главѣ; здѣсь остается упомянуть о девяти остальныхъ картинкахъ. Изъ числа ихъ, одна представляетъ обрядъ покаянія убійцъ Жуковыхъ (№ 332) и составлена по приказанію Екатерины II,—а восемь картинокъ, представляющихъ ужасы наносной оспы, были назначены для распространенія въ крестьянской средѣ въ царствованіе императора Александра Павловича (№№ 241 и 242).

Убійство Жуковыхъ, старухи матери и 14-ти лѣтней ея дочери, совершено въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1754 г. Главными дѣйствующими лицами въ этомъ преступленіи оказались: каптенармусъ Преображенскаго полка Алексѣй

Жуковъ, жена его Варвара и мать этой послѣдней, поручица Наталья Полтева. По ихъ подговору, дворовыя дѣвки старухи Жуковой, Катерина и Авдотья, впустили въ спальную своей барыни дворника, калмыка Александра, и крѣпостнаго лакея Полтевой, Михайлу Григорьева, которые и задушили Жукову и дочь ея, при чемъ дѣвки держали барыню за ноги, чтобы не билась. Затѣмъ преступники, набравъ себѣ разныхъ вещей, вынули изъ подъ кровати сундучекъ съ деньгами, главную цѣль убійства, и принесли его молодымъ Жуковымъ. Въ сундучкѣ оказалось 563 р. 20 коп.

Обѣ дѣвки были разысканы вскорѣ послѣ совершенія убійства, и на первомъ-же допросѣ во всемъ сознались; съ пытокъ повинились и прочіе виновные; всѣ они были приговорены къ смертной казни за исключеніемъ тѣхъ, которые померли вслѣдъ за пыткой. Докладъ по дѣлу былъ представленъ 25 октября 1754 года на утвержденіе императрицы, — но дѣло оставалось безъ движенія до 1766 года, и только въ этомъ году вышелъ многорѣчивый манифестъ Екатерины II, осуждавшій Жуковыхъ на двадцатилѣтнее заточеніе: Алексѣя въ Соловецкой монастырь, а жену его Варвару — въ Долматскій, съ преданіемъ ихъ прежде того всенародному покаянію.

Это-то всенародное покаяніе и изображено на нашей картинкѣ (№ 332). Преступники, мужъ и жена, одѣтые въ посконныя свиты, сопровождаемые стражею и народомъ, проходятъ мимо Ивана Великаго; они несутъ зажженныя восковыя свѣчи; босыя ноги ихъ закованы въ кандалы; лице Жуковой закрыто спущенными внизъ волосами; при каждомъ изъ нихъ по священнику. Въ текстѣ картинки пропечатано высочайшее повелѣніе, какимъ порядкомъ водить Жуковыхъ на всенародное покаяніе, по четыремъ церквамъ, и въ какіе (4) дни. Въ каждой изъ назначенныхъ церквей Жуковыхъ при-

водили на папертъ; потомъ читался манифестъ; преступники становились на колѣна, читали особо на этотъ случай сочиненную молитву, и обязаны были обращаться ко всѣмъ со словами покаянія (тоже по формѣ). Сочинена была тоже особая ектенія для дьякона и особая проповѣдь, которую говорилъ протопопъ Николы Гостунскаго Постниковъ (сочинялъ её митрополитъ Платонъ). По всему видно, что Екатерина съ особенною любовію занималась всѣми подробностями этого дѣла, тѣмъ болѣе, что оно доставило ей возможность высказать новые взгляды свои на преступленіе и наказаніе. Въ это время для нея была составлена справка съ подробнымъ описаніемъ обряда „како обвиняемый пытается“ [269]); а вскорѣ послѣ того, въ

---

[269]) Справка эта напечатана вполнѣ въ примѣчаніи къ № 332; изъ нея видно, что наша пытка далеко не отличалась изобрѣтательностію западныхъ сосѣдей нашихъ, хотя была цѣликомъ заимствована у нихъ. Обвиняемаго, прежде всего, пытали вискою на дыбѣ; для этаго процесса устроена была висѣлица съ перекинутою через нее веревкою; человѣку, подлежавшему пыткѣ, палачъ заворачивалъ руки назадъ, вкладывалъ ихъ въ хомутъ и посредствомъ перекинутой веревки подымалъ его кверху «на дыбы» такъ, чтобы онъ «на землѣ не стоялъ», причемъ руки его выворачивались назадъ,—другими словами, происходилъ полный вывихъ рукъ. Въ этомъ положеніи палачъ билъ подсудимаго кнутомъ, а въ промежуткахъ судьи расспрашивали о совершенныхъ имъ преступленіяхъ. Въ случаѣ запирательства употреблялись тиски изъ желѣзныхъ полосъ, которыя изображены и въ австрійскомъ кодексѣ Маріи Терезіи и въ которыя защемляли большіе пальцы у рукъ и ногъ обвиняемаго и сдавливали ихъ, посредствомъ винтовъ, до тѣхъ поръ, пока «не можно будетъ больше жать перстовъ и винтъ не будетъ дѣйствовать». Существовали и болѣе упрощенныя пытки, какъ напримѣръ: «наложа на голову веревку и просунувъ кляпъ, вѣртятъ такъ, что обвиняемый изумленнымъ бываетъ»; или же, какъ это практиковалось въ прежнія времена въ сумашедшихъ домахъ, простригали па головѣ «волосы до тѣла и на то мѣсто лили холодную воду, только что почти по каплѣ; отъ чего пытуемый также въ изумленіе приходилъ». Заправшагося въ своей винѣ пытали еще огнемъ: жгли спину зажженымн вѣниками, на что употреблялось «вѣника три и больше, смотря по обстоятельствамъ». Всѣ эти пытки повторяются и въ западныхъ кодексахъ, но тамъ онѣ приведены въ бо́льшую систему

1767 году, подписанъ секретный указъ губернаторамъ впредь подсудимыхъ по дѣламъ не пытать. Тогдашніе кнутофилы, разсказываетъ Сиверсъ, сенаторы и министры, были очень недовольны этимъ распоряженіемъ и громко жаловались: „что-де теперь никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ-ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ!"

Несмотря на этотъ указъ, пытки и такъ называемые допросы съ пристрастіемъ были все таки въ ходу въ нашей уголовной практикѣ и при самой Екатеринѣ, и при Павлѣ I, и при Александрѣ Благословенномъ, несмотря на его краснорѣчивый указъ 27 сентября 1801 года, которымъ повелѣвалось „дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной" [270]). Пытки продол-

---

и производились съ большою аккуратностію: жгли, напримѣръ, не простыми вѣниками, а цѣлыми пучками свѣчь, — и не спину, а бока обвиняемыхъ; зажимали ноги въ испанскіе сапоги; при вискѣ, къ ногамъ повѣшенаго привязывали каменныя гири и т. д. Въ примѣчаніи къ № 332 говорится съ большою подробностію, какъ обо всѣхъ этихъ предметахъ, такъ и объ изобрѣтенныхъ по этой части, во времена Петра I, медвѣжьемъ ящикѣ, медвѣжьей лапѣ и шапкѣ.

[270]) До такихъ трескучихъ фразъ, не всегда соотвѣтствовавшихъ дѣлу, была особенная любительница либеральная крѣпостница Екатерина; всѣмъ извѣстны слова ея: «лучше есть 10 винныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить». Замѣчательно, что въ первый разъ эта уголовная прибаутка была сказана Петромъ I (въ воинскомъ уставѣ 1716 года: Полн. Собр. Зак., № 3006; см. Заруднаго, Беккарія, СПБ. 1879, стр. 174. № 921), который никогда не задумывался запытать десять невинныхъ, если у него было малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что въ числѣ ихъ могъ находиться одинъ виновный. Въ наше гуманное время эти милостивыя слова, отъ частаго употребленія ихъ, значительно поистерлись, и не мѣшаютъ новѣйшимъ уголовнымъ судьямъ смотрѣть на преступника, даже на самаго обиходнаго, съ страннымъ ожесточеніемъ, забывая при этомъ, какъ легко, при необычайной щепетильности нашего уложенія, попасть въ разрядъ подсудимыхъ.

жались и послѣ Александра, въ крѣпостномъ мірѣ — помѣщиками, которые безнаказанно пытали людей своихъ и дѣвокъ, надѣвая имъ на шеи желѣзныя рогатки отъ 2-хъ до 15 фунтовъ и болѣе; заключали ихъ въ кандалы, приковывая тяжелыми желѣзными цѣпями къ стѣнѣ и колодамъ, и засѣкали ихъ плетьми и розгами [271]).

Кромѣ пытокъ, которымъ подвергались обвиняемые при слѣдствіи, у насъ, долгое время, существовали еще жестокія тѣлесныя наказанія въ видѣ кнута и шпицрутеновъ, которыя представляли не только добавочную пытку уже при исполненіи судебнаго приговора, но во многихъ случаяхъ имѣли значеніе такъ называемой квалифицированной смертной казни [272]). Еще кнутъ мало по малу сокращался въ числѣ ударовъ, а впослѣдствіи и вовсе размѣненъ на плети, которыя, въ свою очередь, сперва приведены въ систему, потомъ усовершенствованы и отре-

---

[271]) Кормленіе соленымъ сельдемъ «не въ видѣ пытки» составляло самый обыкновенный пріемъ нашихъ полицейскихъ слѣдователей; а въ пятидесятыхъ годахъ одинъ изъ Московскихъ частныхъ приставовъ даже судился за то, что, выворотивъ руки одному заподозрѣнному въ грабежѣ, связалъ ихъ бичевкою и вѣшалъ обвиняемаго на перекосякъ (таже виска), отчего этотъ послѣдній потерялъ руки. Такое долгое гражданство пытки въ дѣлѣ уголовнаго обвиненія составляло неминуемую принадлежность слѣдственнаго процеса, при которомъ «лучшимъ доказательствомъ въ мірѣ» считалось собственное сознаніе, и слѣдователю нечего было разыскивать уликъ и доказательствъ, а приходилось вести слѣдствія, сидя на мѣстѣ, въ застѣнкѣ, — пытать, подымать на дыбу, бить кнутомъ, жечь огнемъ и опять бить, до тѣхъ поръ, пока заподозрѣнный сознается въ томъ преступленіи, въ которомъ его обвиняютъ,—все равно: виноватъ онъ въ этомъ на самомъ дѣлѣ или нѣтъ.

[272]) Это точно такъ, какъ въ Китаѣ; въ Кантонѣ, напримѣръ, судья-мандаринъ съ двумя шариками съ торжественной улыбкой объявилъ мнѣ, что у нихъ давно уже никого не приговаривали къ смертной казни; да и къ чему было приговаривать къ ней, когда половину обвиняемыхъ запытывали на́ смерть во время суда, а другую сажали на три года въ такую тюрьму, въ которой въ теченіи двухъ лѣтъ непремѣнно слѣдовало потерять сперва здоровье, а потомъ и жизнь.

хвощены, и наконецъ со спины спущены на болѣе мягкія части; а шпицрутены, — это дьявольское изобрѣтеніе бездушнаго нѣмца, въ самомъ дѣлѣ „стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее",—шпицрутены не только оставались и послѣ человѣчнаго указа 1801 года, но еще прославились за это благословенное время изобрѣтеніемъ новой Аракчеевской манеры битья, названной по имени знаменитаго государственнаго дѣятеля того времени. Съ этой манерой „проводка сквозь строй, въ гарнизонѣ", свыше 500 ударовъ, часто равнялась смертному приговору; въ Москвѣ, напримѣръ, въ пятидесятыхъ годахъ „гарнизонные" гоняли сквозь строй мѣщанина Васильева, который былъ судимъ военнымъ судомъ (по особому повелѣнію); ему дали всего 400 ударовъ, и онъ померъ на третьи сутки. А что сказать о шпицрутенахъ „сквозь тысячу двѣнадцать разъ, безъ медика" — надо видѣть однажды эту ужасную пытку, чтобы никогда не забыть ея. Выстроивается тысяча бравыхъ русскихъ солдатъ въ двѣ шпалеры, лицемъ къ лицу; каждому дается въ руку хлыстъ — шпицрутенъ; живая „зеленая улица", только безъ листьевъ, весело движется и помахиваетъ въ воздухѣ. Выводятъ преступника, обнаженнаго до пояса и привязаннаго за руки къ двумъ ружейнымъ прикладамъ; впереди двое солдатъ, которые позволяютъ ему подвигаться впередъ только медленно, такъ чтобы каждый шпицрутенъ имѣлъ время оставить слѣдъ свой на „солдатской шкурѣ"; сзади вывозится на дровняхъ гробъ. Приговоръ прочтенъ; раздается зловѣщая трескотня барабановъ; разъ, два... и пошла хлестать зеленая улица, справа и слѣва. Въ нѣсколько минутъ солдатское тѣло покрывается, сзади и спереди, широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ; летятъ кровяныя брызги.... „Братцы, пощадите!"... прорывается сквозь глухую трескотню барабана; но вѣдь щадить значитъ самому тутъ-

же быть пороту, — и еще усерднѣе хлещетъ березовая улица. Скоро бока и спина представляютъ одну сплошную рану, мѣстами кожа сваливается клочьями, — и медленно движется на прикладахъ живой мертвецъ, обвѣшанный мясными лоскутьями, безумно выкативъ оловянные глаза свои.... вотъ онъ свалился, а бить еще осталось много, — живой трупъ кладутъ на дровни и снова возятъ, взадъ и впередъ, промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутеновъ, и рубятъ кровавую кашу. Смолкли стоны; слышно только какое-то шлепанье, точно кто по грязи палкой шалитъ, да трещатъ зловѣщіе барабаны [273]).

Съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить и о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ и нѣмецкихъ шпицрутенахъ: народу данъ судъ присяжныхъ, при которомъ слѣдователю не́зачѣмъ добиваться отъ обвиняемаго „чистосердечнаго признанія", — сознавайся не сознавайся, а если виноватъ передъ обществомъ, обвиненъ все́таки будешь, — а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, не

---

[273]) Послѣдствія наказанія шпицрутенами и другихъ тѣлесныхъ наказаній превосходно описаны Достоевскимъ въ его Мертвомъ домѣ. Но все это относится только до тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, а въ другихъ сферахъ розги дѣйствуютъ по прежнему; впрочемъ не далеко то время, когда, съ уничтоженіемъ личной подати съ татарской круговой порукой, перестанутъ дѣйствовать и административныя розги; а то куріозно смотрѣть, какъ на судѣ какой нибудь «аблакатъ» взъ кожи вонъ лѣзетъ, чтобы сбавить своему «кліенту» мѣсяцъ-другой ареста, а за стѣнами суда распорядительный становой тому же кліенту, за податную недоимку, ни по чемъ сотни три соленыхъ розогъ всыпитъ,—только не самъ, а «по приговору общества или волостныхъ судей», которые о такомъ приговорѣ только черезъ годъ узнаютъ. Такіе секуціи солеными розгами производились года полтора-два тому назадъ.

смотря на то что кнутофилы 1863 года точно также какъ и собраты ихъ въ 1767 году, вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню, — „что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ-ли встанетъ по утру, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ“, — и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится[274]); „всуе смятошася и вотще прорѣкоша!“ — Миръ и тишина остались и въ домѣ и въ постелѣ; спать даже стали больше и крѣпче прежняго[275]); дисциплина тоже не пострадала[276]). Кнутъ и шпицрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебнаго міра, а съ ними и замаскированная смертная казнь, въ самомъ гнусномъ ея

---

[274]) Одинъ маститый Московскій архипастырь сталъ грудью за сохраненіе тѣлеснаго наказанія, подкрѣпляя мнѣніе свое текстами изъ священнаго писанія на манеръ авторовъ Пчелы: «ты побіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти» (Притч. XXIII. 14); доказывалъ, что Моисей установилъ виновному наказаніе: «числомъ четыредесятъ ранъ», и даже привелъ невѣрную справку о томъ, что англійское правительство не рѣшилось отмѣнить тѣлесное наказаніе въ военномъ званіи: «ибо безъ сего трудно было бы сохранить дисциплину въ нижнихъ воинскихъ чинахъ» (Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ наказаній тѣлесныхъ, стр. 37).

[275]) Такіе консерваторы, порицавшіе всякое нововведеніе и похвалявшіе все старое изъ болѣзненнаго опасенія за нажитыя выгоды, извѣстны не только у насъ, но и у всѣхъ другихъ народовъ, чуть ли не съ сотворенія міра. «Всякому свой вѣкъ не нравенъ», говоритъ о нихъ св. Димитрій Ростовскій, повторяя впрочемъ слова Авзонія,—«мимошедшія лѣта ублажаемъ» (Сочинен. его. Москва 1805, I. 4).

[276]) Напротивъ того, въ послѣднюю восточную войну, по словамъ даже исконныхъ враговъ нашихъ, никогда еще ни одна изъ европейскихъ армій не вела себя лучше русской, — при занятіи ею Болгаріи она выказала такія качества, которыя не всегда встрѣчаются даже въ англійскомъ и французскомъ лагеряхъ. «О народѣ слѣдуетъ судить не по его генераламъ, а по солдатамъ,—и мы снова повторяемъ это (говоритъ англійскій корреспондентъ), что русскій солдатъ заслужилъ величайшихъ похвалъ за свои гражданскія добродѣтели» (Northern Echo 1879, 17 ноября).

видѣ, и самое названіе пытки, „стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее", на этотъ разъ, должно было, на самомъ дѣлѣ, навсегда изгладиться изъ русскаго обихода.

И не забудетъ народъ этого кровнаго дѣла и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти святое имя его Дѣлателя. Словно въ сказкѣ какой: изъ битаго царства вдругъ небитое стало!

Но возвратимся къ Жуковымъ; припомнимъ, что дѣло ихъ началось въ сентябрѣ 1754 года, а приговоръ объявили имъ въ 1766 году, т. е. чрезъ 12 лѣтъ. Все это время они содержались въ темницѣ.

Въ одной народной картинкѣ первой половины XVIII вѣка (№ 768) сохранилось изображеніе одной изъ такихъ темницъ. Представлена рубленая изба; въ ней сидятъ два колодника: у одного изъ нихъ руки въ колодкахъ, ноги прикованы цѣпью къ стулу; у другаго въ колодкѣ ноги, а на рукахъ наручники. На дворѣ темницы еще колодникъ, прикованный цѣпью за ноги къ стулу; два милостивца подаютъ милостыню, — первый узнику, сидящему на дворѣ „на руки", а второй тремъ другимъ, черезъ окно темницы. Къ такимъ точно стульямъ, или деревяннымъ колодамъ, пуда по полтора вѣсомъ, прикованы были и Жуковы, мужъ и жена, въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ; ключи отъ цѣпей находились въ рукахъ у караульнаго. Конечно, при деньгахъ, цѣпи часто снимались съ нихъ; жена Жукова даже разъ, перерядившись въ платье караульнаго солдата, ходила на свиданіе къ мужу, но была поймана.

Для предупрежденія отъ побѣговъ, противъ сидѣльцевъ принимались и другія мѣры: важныхъ преступниковъ, какъ напримѣръ Пугачева, приковывали цѣпью прямо къ стѣнѣ [277]). Впослѣдствіи, въ видѣ предупреди-

---

[277]) Для него-же сочинена была лисичка—толстый желѣзный прутъ, къ концамъ котораго прикрѣплялись ножныя и ручныя кандалы. Для

тельной мѣры, колодникамъ (мущинамъ) брили полъ головы, точно такъ какъ рекрутамъ брили лбы.

Удобствомъ наши темницы не отличались [278]): было въ нихъ и тѣсно и душно, точно также какъ тѣсно и душно въ курной избѣ бѣдняка крестьянина; но при каждой темницѣ былъ непремѣнно дворъ, окруженный частоколомъ; на этомъ дворѣ заключенные проводили бо́льшую часть дня. Знаменитый Говардъ, осмотрѣвшій тюрьмы чуть не всего свѣта, отзывался о московской тюрьмѣ очень сочувственно [279]): лица у арестантовъ, по его словамъ, были полныя и здоровыя, и не было и въ поминѣ признаковъ такъ называемой тюремной лихорадки, которая распространена въ западныхъ тюрьмахъ. Конечно Говарду не показывали чего не слѣдовало: не видалъ онъ, напримѣръ, такихъ тюремъ, которыя существовали еще въ пятидесятыхъ годахъ, какъ напримѣръ клоповники при городскомъ частномъ домѣ и знаменитыя могилы — семь совершенно темныхъ подваловъ, настоящихъ темницъ, подъ зданіемъ Басманнаго частнаго дома, куда Басманный приставъ сажалъ подсудимыхъ, несознававшихся въ своихъ преступленіяхъ [280]).

Вопросъ объ улучшеніи нашихъ темницъ, тюремъ (Thurm), былъ поднятъ впервые Екатериной II, которая

этаго же Пугачева сдѣлана была особая желѣзная клѣтка, въ которой его показывали народу, въ зданіи присутственныхъ мѣстъ (гдѣ помѣщался послѣ 2-й департаментъ московскаго уѣзднаго суда).

[278]) Темницы (отъ слова темно) устраивались встарину подземныя и просто въ ямахъ, по восточному. Указомъ Грознаго (1560 г.) такое подземное устройство ихъ было запрещено, по крайней мѣрѣ на словахъ.

[279]) Что́ за Калужской заставой; у него приложенъ и рисунокъ фасада этой тюрьмы, съ каменными кубышечными колонками у входа, стиля временъ Алексѣя Михайловича.

[280]) Одинъ изъ такихъ подсудимыхъ, почетный гражданинъ Соповъ, по выходѣ изъ одной изъ Басманныхъ могилъ (называвшейся у арестантовъ Аскольдовой) на свѣтъ Божій, совершенно ослѣпъ.

по этому предмету написала въ 1787 году энциклопедически-либеральный проэктъ и построила нѣсколько каменныхъ тюремныхъ зàмковъ. Но главное зло — полный произволъ при заключеніи въ тюрьму и необычайная медленность въ уголовномъ дѣлопроизводствѣ—осталось и при ней, и послѣ нея, безъ исправленія.

Изъ одного указа императрицы Анны Іоанновны видно, что въ 1737 г. было освобождено „по многомъ держаніи" болѣе 420 колодниковъ, которые забраны не за какіе либо проступки, но „ради взятокъ и безцѣльныхъ корыстей". Тоже дѣлалось и въ послѣдующее время. Во второй четверти нынѣшняго вѣка, въ виду чрезвычайнаго накопленія арестантовъ, производились періодическія очищенія тюремъ, назначеніемъ по 300 человѣкъ и болѣе въ солдаты и на другія наказанія, — безъ суда, сокращеннымъ порядкомъ [281]).

Не вправѣ-ли былъ народъ, при такомъ положеніи дѣла, считать колодниковъ (часто подслѣдственныхъ и безвинныхъ) несчастными, и щедро нести голоднымъ и холоднымъ братьямъ своимъ посильныя подаянія. Поймали Ѳому на воровствѣ, — стало быть Ѳома и виноватъ; ну и суди его и накажи; да за что-же сидитъ онъ сложа руки, по пустому годъ, другой, десятокъ лѣтъ пожалуй,— самъ не работаетъ, да еще мірской хлѣбъ проѣдаетъ. Да и самъ Ѳома просится: отошлите лучше де на поселеніе, и тамъ земля есть, и тамъ кормиться можно, только не держите пó пусту безъ дѣла. Подаянія мило-

---

[281]) При этомъ произошла однажды прекуріозная штука: въ роспись мущинъ ошибкою попала баба татарка съ мужскимъ именемъ, въ родѣ Гоголевской Елизаветъ Воробей, и ее закрестила всерѣшающая рука въ арестантскія роты. При исполненіи ошибка оказалась, но никто не смѣлъ доложить о ней кому слѣдуетъ; такъ Елизаветъ Воробей и высидѣла свой срокъ, въ видѣ мужской персоны, «только за неспособностію ея къ арестантскимъ ротамъ», въ рабочемъ домѣ.

стивцевъ ведутся и въ настоящее время, только они идутъ на улучшеніе арестанской пищи; въ прежнее-же время такимъ подаяніемъ только жили арестованные. Все равно, какъ въ Китаѣ въ наше время, у насъ встарину колодниковъ каждый день посылали на связкахъ, за карауломъ, собирать подаянія по улицамъ и площадямъ; при чемъ пытанные, для возбужденія состраданія, ходили въ рубашкахъ, испачканныхъ кровью, и показывали народу свои раны.

Съ новымъ судопроизводствомъ, дѣла пошли скорѣе и сроки тюремнаго сидѣнія стали короче. Кажется всѣ убѣдились, что тюрьма человѣка не правитъ, а портитъ, и что годится она только въ видѣ исправительно-устрашительной мѣры за мелкіе проступки. Важнаго преступника необходимо удалить изъ того общества, гдѣ онъ потерялъ довѣріе и гдѣ его всѣ боятся; ну возмете-ли вы къ себѣ въ услуженіе человѣка съ волчьимъ паспортомъ? Только одно выселеніе въ новую среду можетъ поставить его на ноги; но не бросайте его тамъ на произволъ судьбы: дайте ему возможность трудиться на новомъ мѣстѣ, стать снова человѣкомъ и завестись семьей, безъ которой нельзя привязаться къ мѣсту; онъ сторицею заплатитъ вамъ за ваше добро. Въ проступкахъ средней важности лучшая исправительная школа — военная служба; такъ по крайней мѣрѣ говоритъ народъ. Помѣщеніе провинившагося собрата, на особыхъ конечно условіяхъ, въ среду общесословнаго воинства нисколько не уронитъ чести и достоинства сего послѣдняго,—спросите объ этомъ бравыхъ солдатъ нашихъ,—ни одинъ изъ нихъ не рѣшится бросить въ наказаннаго фарисейскій камень: вѣдь только человѣкъ испорченный до мозга костей видитъ въ каждомъ провинившемся опаснаго преступника и придумываетъ для него такія исправительныя мѣры, которыя нелучше смертной

казни. А сколько пушечнаго мяса, столь дорогаго въ наше время, прибавится въ арміи; сколько здороваго, сильнаго и разудалаго матеріала, пропадающаго даромъ, пойдетъ въ дѣло. За битаго двухъ небитыхъ даютъ, говоритъ пословица. „У насъ штрафные лучшій народъ во флотѣ", слыхалъ я отъ дѣльнаго и очень хорошаго русскаго моряка капитана. Дайте-же провинившемуся собрату настоящую возможность исправиться, поставьте его въ новую среду, дайте ему трудомъ загладить прошедшее, а не стройте для него ваши грозныя тюрьмы, въ которыхъ, какъ сами вы увѣрены въ этомъ, никто еще не исправился, и которыя лягутъ новымъ тяжелымъ гнетомъ на бѣдный народъ и въ денежномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Да еще въ иной тюрьмѣ, выстроенной съ новыми усовершенствованіями, говорятъ, 27 и 30 процентовъ въ годъ непривыкшаго къ этимъ усовершенствованіямъ народа умираетъ. Много сдѣлано хорошаго въ судебномъ дѣлѣ; но много еще остается сдѣлать, чтобы народъ не вправѣ былъ смотрѣть на заключеннаго, какъ на несчастнаго.

Этимъ закончимъ мы нашу замѣтку о пыткахъ, кнутѣ и колодникахъ; она заняла у насъ болѣе 8-ми страницъ; но всѣ эти предметы такъ тѣсно и кровно связаны съ жизнью простаго народа въ XVII—XIX столѣтіяхъ и составляютъ такую обиходную иллюстрацію этой жизни, что право нельзя было не остановиться на нихъ безъ особеннаго вниманія.

Перейдемъ къ оспѣ. Прививаніе предохранительной оспы, для избавленія дѣтей отъ оспы наносной,—болѣзни опасной и смертельной, наводившей появленіемъ своимъ ужасъ на европейское народонаселеніе, — извѣстно въ глубокой древности. Въ Россіи оно практиковалось тоже давно, — покрайней мѣрѣ путешественники Гмелинъ,

Санхецъ и Бахерахтъ упоминаютъ о прививкѣ оспы въ Воронежской, Казанской и другихъ губерніяхъ.

Первые опыты правительственнаго оспопрививанія были дѣлаемы въ царствованіе Елизаветы Петровны; затѣмъ Екатерина II, списавшись предварительно по этому предмету съ Вольтеромъ и Кондаминомъ, выписала въ 1768 году въ Петербургъ извѣстнаго англійскаго инокулятора Димсдаля, которому и было поручено привить человѣчью оспу самой императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу. Димсдаль подробно описываетъ всю эту исторію въ своихъ: „Tracts on inoculation“ (Lond. 1781). За поѣздку и за работу свою онъ получилъ наслѣдственный титулъ русскаго барона, званіе лейбъ-медика, пожизненную пенсію въ 500 фунтовъ, 10000 ф. единовременнаго награжденія, 2000 ф. на дорогу и множество дорогихъ подарковъ [282]); мальчикъ, съ котораго была позаимствована оспенная матерія для высочайшей прививки, получилъ дворянскую грамоту и фамилію Оспеннаго (документы его хранятся въ Публичной библіотекѣ).

По поводу этой экцентричной инокуляціи Сенатъ приподнесъ Екатеринѣ высокоторжественное поздравленіе, въ которомъ объявлялось всенародно, что „не прошло еще семи лѣтъ, какъ Всевышній промыселъ, благословляя Россію, благоволилъ скипетръ ея правленія вручить великой Екатеринѣ, а уже отечество наше на такой степени блаженства возведено, какого и во многіе годы ожидать намъ едва было возможно.... что она, не смотря на зрѣлость своихъ лѣтъ, предпріяла, изъ любви къ отечеству, и для примѣра своимъ подданнымъ, не токмо собственную особу опыту новоизобрѣтеннаго прививанія оспы мужественно вдать, но симъ своимъ ве-

---

[282]) Тогда-же былъ выгравированъ и большой портретъ Димсдаля съ его новымъ титуломъ (см. Словарь русск. портретовъ. СПБ. 1872, стр. 34. № 1).

ликодушнымъ примѣромъ возбудить и ободрить соизволила и вселюбезнѣйшаго своего сына". Взаключеніе всего Сенатъ проситъ установить, чтобы выздоровленіе отъ оспы Ея Величества ежегодно праздновалось повсемѣстно 21-го ноября. На это послѣдовалъ въ тоже время согласительный отвѣтъ, въ которомъ, въ томъ-же стилѣ, объяснялось: „что сдѣлано было то дѣло для примѣра, чтобы спасти отъ смерти многочисленныхъ подданныхъ, ибо, по слову Евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы"... и т. д. [283]).

Новоиспеченный оспенный баронъ Димсдаль, на обратномъ пути своемъ, былъ въ Потсдамѣ у короля Фридриха, который принялъ его радушно, но оспы себѣ не привилъ и другими подарками англійскаго инокулатора не снабдилъ. Въ 1781 году Димсдаль былъ вызываемъ въ Россію вторично, для привитія оспы великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ, и послѣ этихъ двухъ удачныхъ поѣздокъ, устроилъ себѣ въ Корнхиллѣ банкирскую контору. Съ 1768 года начали учреждаться оспопрививательныя заведенія, сперва въ Петербургѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ Россіи; но въ 1797 году англичанинъ Дженнеръ, послѣдователь Джозефа Адамса (1785), открылъ предохранительное прививаніе посредствомъ коровьей оспы или вакцинаціи [284]),

[283]) Подлинное поздравленіе, отвѣтъ на оное, и указъ о праздновaніи впредь дня 21 ноября помѣщены въ примѣчаніи къ № 241 (т. IV). У И. Е. Забѣлина можно найти подробное описаніе праздниковъ и торжествъ, дававшихся по этому случаю во всѣхъ городахъ Россійской имперіи. Впрочемъ Екатерининское время, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ-же высокоуважаемый авторъ, отличалось особеннымъ камеръ-фурьернымъ стремленіемъ всякое событіе, даже совсѣмъ заурядное, въ родѣ царскихъ каждогодныхъ дней, украшать веселыми и роскошными празднествами и пирами (Опыты изученія. М. 1873, стр. 192).

[284]) За это онъ получилъ при жизни награду въ 30,000 фунтовъ, по смерти же ему былъ воздвигнутъ памятникъ.

которое быстро распространилось по всей Европѣ. Въ Россіи первые опыты привитія коровьей оспы были произведены въ 1801 году, въ Московскомъ воспитательномъ домѣ профессоромъ Мухинымъ, надъ мальчикомъ Антономъ Петровымъ, который вслѣдствіе этого событія переименованъ въ Антона Вакцинова.

Съ 1802 года начинается рядъ указовъ о повсемѣстномъ прививаніи коровьей оспы; въ апрѣлѣ 1802 года отправился путешествовать съ этою цѣлью по Россіи нѣмецкій докторъ Буттацъ; въ октябрѣ 1802 года разосланъ указъ по духовному вѣдомству, о томъ, чтобы священники объясняли прихожанамъ своимъ пользу оспопрививанія; а въ 1810 г. напечатана болтливая записка о томъ же предметѣ министра полиціи; устроены оспенные комитеты, заведены нескончаемыя вѣдомости съ отмѣтками, гдѣ и кому привита оспа и какимъ лекаремъ, и съ разными подробными, такъ называемыми статистическими, въ сущности же ни къ чему не ведущими, свѣдѣніями.

Народъ отнесся къ новому изобрѣтенію не совсѣмъ довѣрчиво; привитіе оспы считали грѣхомъ и наложеніемъ печати антихриста; у народа составилось даже повѣрье, что кто умретъ отъ оспы, тотъ будетъ на томъ свѣтѣ ходить въ золотыхъ ризахъ (Буслаевъ, Очерки, I. 217)[285]).

Наши картинки, описанныя подъ №№ 241 и 242, относятся ко времени послѣднихъ правительственныхъ мѣропріятій по поводу коровьей оспы и вѣроятно сдѣ-

---

[285]) Въ Воронежской губерніи, напримѣръ, крестьяне огульно отказались подчиниться этой мѣрѣ; въ остальной Россіи въ 1807 и 1808 годахъ привита оспа всего одному изъ пятнадцати вновь родившихся младенцевъ. Слава Богу, что еще министръ полиціи въ оспенномъ рвеніи своемъ ограничился вѣдомостями и комитетами и не предложилъ прибѣгнуть къ принудительнымъ мѣрамъ въ родѣ тѣхъ, которыя привели черезъ полсотни лѣтъ къ картофельнымъ возмущеніямъ.

ланы по заказу господина министра полиціи. На одной изъ нихъ парень балагуритъ съ красивой дѣвкой, а дѣвка дразнитъ его, посылая къ своей подругѣ Улитѣ, у которой „отъ наносной оспы и носъ къ губамъ приросъ и глаза коробомъ свело"; парень конечно отнѣкивается и читаетъ нравоученіе про Улиту:

„Когда-бы ея отецъ и мать умнѣе были,
Да воспу ей привить коровью допустили,
Такъ и она-бъ была
Какъ ты бѣла, румяна и мила".

На другой картинкѣ представлены: съ одной стороны, — здоровая семья оспенныхъ, съ другой — „рябой отецъ и мать и бабушка грызунья, рябая какъ она старинныхъ бредней врунья"; несутъ они на кладбище истыканнаго оспою ребенка; вирши тоже заканчиваются наставленіемъ:

„Возмитеся за умъ, не бойтеся коровъ:
Кто воспу ихъ привьетъ, тотъ живъ, цѣлъ и здоровъ"[286]).

Далѣе слѣдуютъ назидательные разговоры между рябою дѣвкой Акулиной и пригожей дѣвкой Степанидой,—

---

[286]) Въ моемъ собраніи есть картинка такого-же содержанія, изданная, въ видѣ наставленія о прививаніи оспы, отъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго дома; на ней также наглядно представленъ вредъ оспы, какъ и на картинкѣ № 242; затѣмъ представлены и «спасительныя дѣйствія прививной оспы: красота, здоровье, долголѣтіе, жизнь», олицетворенныя въ видѣ дѣтскаго хоровода и парня съ дѣвкой, откалывающихъ трепака (см. № 242 А; т. IV). Во французской карикатурѣ насмѣшки сыпались наоборотъ на тѣхъ, кто прививалъ себѣ оспу. На одной изъ картинокъ, вышедшихъ въ 1800 году, представлена пожилая толстая гражданка декольте; уступая желанію избавиться безобразія и рябинъ, она рѣшилась привить себѣ оспу; справа чопорный докторъ извлекаетъ оспенную матерію изъ руки молодаго мальчика. Если бы на картинкѣ не стоялъ 1800 годъ, то её смѣло можно-бы счесть за карикатуру на Димсдалевскую прививку 1768 года (Jaime, Musée de caricature, I. 85. i).

рябою Ѳеклой и пригожей Гурьевной; такой же разговоръ двухъ отцевъ съ ребятишками; картинка, представляющая чистыхъ мальчишекъ, бѣгущихъ опрометью отъ двухъ рябыхъ товарищей, отъ которыхъ, какъ сказано въ текстѣ картинки:

„Всѣ дѣвки убѣгаютъ,
Въ хороводы не пускаютъ“.

Умильное заигрыванiе рябаго Филатки съ пригожими дѣвками, которыя обхаиваютъ его оспенными виршами и наконецъ хвастливый парень, который ругается передъ рябымъ дѣтиной:

„Куда хорошъ дѣтина
Горбатъ и кривоносъ и косъ!
Отъ ногъ до головы весь пѣгой!
Недаромъ дѣвки всѣ зовутъ прочь бѣгай.
А я, благодаря разумнымъ лѣкарямъ,
Да батькѣ съ матерью, сговорнымъ старикамъ,
Какъ видишь чистъ лицемъ, кровь съ молокомъ, здоровъ;
Мнѣ воспа привита безвредная съ коровъ“.

Заканчивая XIV главу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое „заключенiе“,—считаю необходимымъ еще разъ обратить вниманiе читателей на оговорку, сдѣланную мною въ I-й книгѣ (на VII страницѣ) относительно компилятивнаго характера какъ замѣчанiй, помѣщенныхъ въ IV-й книгѣ, такъ и самаго заключенiя. Я старался занести въ нихъ все то, что случалось мнѣ найти по этой части въ просмотрѣнныхъ мною книгахъ и рукописяхъ, — а также и то, что́ было извѣстно мнѣ изъ устныхъ преданiй многихъ Московскихъ старожиловъ; держаться

строгой системы при такой работѣ было почти невозможно: объ одномъ предметѣ свѣдѣній набиралось много, о другомъ гораздо меньше; поэтому и самыя примѣчанія въ нѣкоторыхъ статьяхъ вышли очень краткія, въ другихъ. напротивъ того, особенно подробныя. Прошу гг. читателей обратить особенное вниманіе на эти послѣднія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ замѣчанія эти представляютъ кровный интересъ для народнаго обихода и не введены цѣликомъ въ заключеніе единственно съ тою цѣлію, чтобъ не увеличить его объема и избѣжать длинныхъ повтореній.

Представляю перечень такихъ примѣчаній: Сводъ свѣдѣній о трехъ русскихъ богатыряхъ, Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ, по сказкамъ; былинамъ, сагамъ и лѣтописямъ (IV. 1—113), — и небольшое изслѣдованіе о происхожденіи и составѣ русскихъ былинъ и сдѣланныхъ въ нихъ позаимствованіяхъ изъ книжной литературы (113—133), замѣтки о Шемякиномъ судѣ (166—176). Пространное изслѣдованіе о картинкѣ Мыши Кота погребаютъ (256—269). Космографія (465—473). Статья о календаряхъ (502—512). Приданыя росписи (244—251). О розгѣ (335—338). — Пьянство (224—235). Кулачные бои въ Москвѣ (302—338). О русскомъ крѣпкословіи и легкомъ порохѣ (316—319; 270 — 271). О сложеніи перстовъ (577 — 581). Объясненія апокрифическихъ картинокъ изъ Палеи и Страстей Христовыхъ (591—600; 612—623). Перечень Богородичныхъ иконъ (673—705). Печать Царя Соломона (581—586). Дѣло объ убійствѣ Жуковыхъ съ подробными замѣтками о пыткѣ и разнаго рода казняхъ (393—498). Систематическій перечень гравированныхъ антиминсовъ (625—633).

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

О разныхъ способахъ гравированія и печатанія народныхъ картинокъ.

При гравированіи на *деревянной* или *оловянной доскѣ*, прежде всего переводится на доску рисунокъ; затѣмъ граверъ вырѣзываетъ и выкалываетъ *бѣлыя* мѣста доски разными ножечками и долотцами [287]), оставляя нетронутымъ одинъ рисунокъ, который по окончаніи работы и представляется въ обронномъ видѣ (рельефномъ), на манеръ литой типографской буквы или заставки, и также какъ онѣ печатается на типографскомъ станкѣ. При гравированіи *по голой мѣди*, граверъ рѣжетъ штрихи свои рѣзцомъ, или чертитъ по мѣди острой иголкой, или выбиваетъ на ней точки (пунктиръ) пунсономъ; для всѣхъ этихъ производствъ съ давняго времени изобрѣтено множество разнообразныхъ инструментовъ. Затѣмъ штрихи, вырѣзанные на доскѣ, прочищаются гладильникомъ (ébarboir), и доска поступаетъ къ печатальщику. При гравированіи *крѣпкой водкой*, доска покрывается тонкимъ слоемъ лака; граверъ чертитъ по этому лаку свой рисунокъ и тѣни раз-

---

[287]) Изъ дѣлъ Московскаго печатнаго двора видно, что при рѣзьбѣ гравюръ на деревѣ употреблялись: «долотцы, клепики, долотцы кривыя, щетки, маленькіе рѣзцы стальные нѣмецкіе, долотцы круглыя» (Румянцевъ, въ моей книгѣ: Русскіе граверы, стр. 363).

ными иголками, и затѣмъ наливаетъ на доску крѣпкую водку. Водка проѣдаетъ на мѣди всѣ мѣста, въ которыхъ лакъ прочеркнутъ и соскобленъ иголкой, и оставляетъ нетронутыми мѣста, защищенныя лакомъ. Вытравленная такимъ способомъ доска, по бо́льшей части, подправляется (по смытіи съ нея лака) рѣзцомъ или иголкой, по голой мѣди, причемъ граверъ углубляетъ этими инструментами вытравленныя линіи [288]). Гравюры, рѣзанныя вглубь, печатаются на бумагѣ, пергаментѣ и разныхъ матеріяхъ—на особыхъ станкахъ. Наши граверы часто дѣлали «подносные отпечатки» на тафтѣ и атласѣ (см. Тарасевичъ, Щирскій, Зубовъ).

При печатаніи, типографская краска втирается во всѣ награвированные на доскѣ штрихи, посредствомъ натирки (tampon) изъ фланели или льняныхъ оческовъ; затѣмъ гладкія мѣста доски (фонъ) вытираются на́чисто, вымоченными въ соленой водѣ полотняными тряпками; на доску накладывается сыроватая бумага, которая и пропускается вмѣстѣ съ нею сквозь граверный станокъ, т. е. сквозь прессъ изъ двухъ цилиндровъ. Такое печатаніе называется печатаніемъ «холоднымъ способомъ».

При печатаніи хорошихъ и тонко гравированныхъ вещей, доска нагрѣвается съ тою цѣлію, чтобы краска вмазывалась въ нее жиже и съ бо́льшею равномѣрностію; это называется печатаніемъ «горячимъ способомъ».

Понятно, что разные сложные способы употреблялись при печатаніи картинокъ граверовъ серебрениковъ; простыя-же на-

---

[288]) Граверы серебреники подписывали доски своей работы: «*рѣзалъ* Аѳанасій Трухменскій», «*рѣзалъ* Василій Андреевъ» и т. д.,—если доски были гравированы рѣзцемъ; Симонъ Ушаковъ на листѣ, съ изображеніемъ семи смертныхъ грѣховъ, гравированномъ крѣпкой водкой, подписалъ: «*начерталъ* Симонъ Ушаковъ 1663 г.».—Съ пріѣздомъ голландскихъ мастеровъ Шхонебека и Пикара, гравировавшихъ преимущественно крѣпкой водкой, граверы подписываются: «*градировалъ*» (отъ нѣмецкихъ: *radieren* и *Grat*). Граверы черной манерой подписывались: «*тушевалъ*» (*getuscht*). Съ пріѣздомъ знаменитаго Шмидта граверы стали подписываться: «*гравировалъ*» (отъ французкаго: graver), а также: «*штыховалъ*» (отъ stechen, gestochen) и «*куперштыховалъ*» (отъ Kupferstich). См. замѣтку о нѣкоторыхъ техническихъ терминахъ русскаго языка академика Я. К. Грота, Филологическія разысканія. СПБ. 1876. I. 261.

родныя картинки печатались холоднымъ способомъ, причемъ доска натиралась кожаною мацой, а краска дѣлалась изъ жженаго сѣна, стертаго на олифѣ. Глубоко вырѣзанная и вытравленная доска можетъ дать при этомъ отъ трехъ до четырехъ тысячь хорошихъ отпечатковъ. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ производителей народныхъ картинокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣми уважаемый археологъ-изслѣдователь, И. В. Голышевъ прежній способъ печатанія мѣдныхъ досокъ: «Печатаніе шло медленно, такъ что печатникъ одинъ могъ выставлять простовику съ большимъ трудомъ и самое большое стопу въ сутки,—480 картинъ; полагалось за отпечатанное сдѣльно отъ 40 до 50 коп. со стопы. Фигурные станки были слѣдующаго устройства: они въ себѣ не заключали какого-либо металлическаго устройства или винтовъ, просто двѣ высокія, не очень широкія, толстыя стойки, въ нихъ утверждены два толстыхъ же деревянныхъ вала, между коихъ деревянная доска, а къ нижнему валу прикрѣплено большое о четырехъ ручкахъ колесо, называемое *крыжъ;* когда работникъ печатаетъ, набивши доску краской кладетъ къ самому верхнему валу, накладываетъ сырой моченой листъ бумаги, накрываетъ не очень толстымъ войлокомъ, беретъ одной рукой за колесо *крыжъ*, а на другую ручку колеса становится ногой и такимъ образомъ повертываетъ валъ; доска прошедшая сквозь валы дѣлаетъ оттискъ и картинка готова; прессъ дѣлался очень просто: надъ верхнимъ валомъ находилось въ стойкахъ прорѣзанное въ деревѣ мѣсто, въ которое, если понадобится прессъ сильнѣе, вкладывались деревянныя дощечки, политура и бумага, вотъ и все устройство печатнаго фигурнаго станка, кои въ то время также имѣли названіе *машинъ*» (Лубочныя старинныя народныя картинки. Владиміръ 1870. стр. 14). О другихъ способахъ гравированія, которые только изрѣдка встрѣчаются въ народныхъ картинкахъ, см. подробнѣе въ моей книгѣ: Русскіе граверы и ихъ произведенія, на стр. 106—108).

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Указы, уставы и распоряженія по части цензурованія народныхъ картинокъ.

Въ сборникѣ Флорищевой пустыни (№№ 53 и 112) сохранился слѣдующій указъ патріарха Іоакима (послѣ 1674 года), запрещавшій печатать изображенія Спасителя, Богородицы и святыхъ, и покупать таковыя изображенія нѣмецкой работы: «Вѣдомо великому господину святѣйшему Іоакиму Патріарху учинилося, что многіе торговые люди, *рѣзавъ на доскахъ*, печатаютъ на бумагѣ листы иконъ святыхъ изображенія, иніи же велми неискусніе и неумѣющіе иконнаго мастерства дѣлаютъ *рѣзи* странно, и *печатаютъ на листахъ бумажныхъ* развращенно образъ Спасителя нашего Іисуса Христа, и пресвятыя Богородицы, и небесныхъ силъ, святыхъ угодниковъ Божіихъ, которые *ни малаго подобія первообразныхъ лицъ являютъ*, токмо укоръ и безчестіе наносятъ церкви Божіей, и иконному почитанію, и изображеннымъ лицамъ святымъ, тѣмъ неискусствомъ своимъ; и тѣ печатные листы образовъ святыхъ покупаютъ люди и украшаютъ тѣми храмины, избы, клѣти и сѣни, пренебрежно, не для почитанія образовъ святыхъ, но для пригожества, и дерутъ тыя и мещутъ въ попраніе безчестно и безъ страха Божія; еще же торговые люди покупаютъ листы на бумагѣ-жъ нѣмецкіе печатные, и продаютъ, которые листы печатаютъ нѣмцы еретики Лютеры и Кальвины, по своему ихъ проклятому мнѣнію, неистово и неправо; на подобіе лицъ своея страны и во одеждахъ своестранныхъ нѣмецкихъ, а не съ древнихъ подлинниковъ, которые обрѣтаются у православныхъ; а они еретики святыхъ иконъ не почитаютъ, и ругаяся развращенно печатаютъ въ посмѣхъ христіанамъ и таковыми листами иконы святыя на доскахъ пренебрежны чинятся и ради бумажныхъ листовъ иконное почитаніе презирается, а церковію святою и отеческимъ преданіемъ иконное по-

клоненіе и почитаніе издревле заповѣдано и утверждено, и писати на доскахъ, а не на листахъ велѣно. И того ради велѣти бы о томъ кликати биричу, чтобъ на бумажныхъ листахъ иконъ святыхъ не печатали и нѣмецкихъ еретическихъ не покупали, и въ рядахъ по крестцамъ не продавали; а если сему кто учинится преслушенъ, и начнетъ, ради корысти своей, такими листами впредь торговать и развращенно неправо печатать, тому быти отъ Великихъ Государей въ жестокомъ наказанія, и тѣ продажные листы вземше безцѣнно истребятся, а сверхъ того на томъ доправятъ большую пеню».

Сенатскій указъ 20 марта 1721 года.—Полн. Собр. Зак. № 3765. О запрещеніи продавать церковныя книги и изображенія, неразсмотрѣнныя Синодомъ.—«Продаваемые въ Москвѣ на Спасскомъ мосту и въ другихъ мѣстахъ листы разныхъ изображеній, и службы, и каноны, и молитвы, которыя сочинены и сочиняются разныхъ чиновъ людьми, самовольно, письменныя и печатаются, кромѣ типографіи, не опредѣленными къ тому указомъ, но своевольно дерзающими безъ свидѣтельства и позволенія; въ чемъ отъ противныхъ церкви святой есть и не безъ порицанія, описавъ всѣ, обрать въ приказъ церковныхъ дѣлъ и, запечатавъ, держать до указа, и тѣхъ людей, которые продаютъ, взявъ, и отъ кого оные къ продажѣ получаютъ и кѣмъ сочинены и писаны и печатаны, сыскавъ, о такой дерзости ихъ и по какому указу то они чинятъ, допросить съ очисткою и съ довольнымъ всѣхъ обстоятельствъ показаніемъ, и изслѣдовать о томъ достовѣрно, и то свидѣтельство съ допросными рѣчьми и вышеозначенною описью, да изъ тѣхъ вышеобъявленныхъ листовъ и каноновъ и прочаго, въ помянутый приказъ взятаго, по одному отъ каждаго сочиненія прислать въ Правительствующій духовный Синодъ неотложно, пріобща обыкновенный тому реэстръ, а вышепомянутымъ людямъ, которые сочинять и печатать, и письменные и печатанные продавать оные не дерзали [298]), сказать Его Великаго Государя указъ

[289]) Въ 1722 году кромѣ того запрещено было имѣть рѣзныя и литыя иконы, за исключеніемъ распятія и панагій (№ 4079).

съ запискою и съ рукоприложенiемъ, дабы они впредь въ такiя непозволенныя имъ дѣйства самовольствомъ весьма не вступали, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованiя [290]).

Сенатскiй указъ 6 ноября 1760 г. 11140. О запрещенiи продавать печатные листы съ изображенiемъ Святыхъ угодниковъ.— «Правительствующiй Сенатъ, по вѣдѣнiю Святѣйшаго Правительствующаго Синода, коимъ объявлялъ что не безъизвѣстно Святѣйшему Правительствующему Синоду есть, какъ въ Москвѣ на Спасскомъ мосту и въ прочихъ мѣстахъ, такъ и въ Санкпетербургѣ, безъ всякой опробацiи и позволенiя, продаются печатные деревянными досками новоявленнаго Чудотворца Дмитрiя Митрополита Ростовскаго съ его чудесами (которые Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодамъ еще не опробованы) и прочихъ Святыхъ угодниковъ листы, весьма неискусной работы, каковыхъ де листовъ печатать и продавать, безъ позволенiя духовной команды не надлежало; и требовалъ, дабы благоволено было, означенные нынѣ продаваемые въ Москвѣ и Санкпетербургѣ печатные листы и доски, коими таковые печатаются, у всѣхъ продав-

---

[280]) Въ 1744 году Синодомъ возбужденъ вопросъ о содержанiи поселянамъ въ домахъ ихъ святыхъ иконъ въ чистотѣ. Святѣйшiй Правительствующiй Синодъ, разсуждая: «что въ селахъ и деревняхъ въ крестьянскихъ избахъ на полкахъ святыя иконы стоятъ безъ всякаго о чистотѣ оныхъ наблюдательства, и такъ отъ дыму закоптѣли, что и ликовъ невидно; а понеже *многiе иностранные люди по дорогамъ ѣздятъ и становятся* для обнощеванiя въ крестьянскихъ избахъ, отъ чего *имѣетъ быть посмѣянiе;* того ради приказали: отнынѣ поселянамъ черезъ ихъ сельскихъ священниковъ приказать, и впредь тѣмъ священникамъ и посылаемымъ изъ домовъ архiерейскихъ для смотрѣнiя церковнаго благочинiя смотрѣть, дабы поселяне святыя иконы въ избахъ своихъ имѣли во всякой чистотѣ, и почасту-бъ ихъ обмывали и пыль обметали, а иконы закоптѣлыя велѣть по надлежащему возобновлять; а на которыхъ изображенiя весьма незнать, таковыя отобрать приходскимъ священникомъ, учинить оныхъ по правиламъ Святыхъ Отецъ, токмо тѣмъ, какъ сельскимъ священникамъ, такъ и посылаемымъ изъ домовъ архiерейскихъ ради смотрѣнiя благочинiя наикрѣпчайше указами подтвердить, чтобы они при осмотрѣ вышепоказанныхъ иконъ поселянамъ никакихъ обидъ и озлобленiй отнюдь не причиняли, и никакихъ-же взятковъ брать съ нихъ не домогались, подъ опасенiемъ совершеннаго безъ всякой пощады лишенiя священства и тяжкаго въ свѣтскомъ судѣ истязанiя» (мая 10 1744 г.: Полн. Собр. Зак. № 8935).

цевъ, въ силу 1744 и 1745 годовъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода и Правительствующаго Сената указовъ, отобрать и отослать къ Епархіальнымъ Архіереямъ, и впредь такой печати листовъ въ продажу производить вездѣ накрѣпко запретить, и о томъ отъ Правительствующаго Сената въ Главный Магистратъ и куда надлежитъ подтвердить наикрѣпчайшими указами; также и для народнаго о томъ извѣстія и надлежащаго исполненія, въ Москвѣ и въ Санктпетербургѣ, чрезъ полицію публиковать указами. Приказали: о непремѣнномъ по тому Святѣйшаго Синода вѣдѣнію исполненіи, въ Главный Магистратъ, въ губерніи и провинціи изъ Сената, а изъ оныхъ въ приписные къ нимъ города наикрѣпчайше подтвердить указами, а здѣсь въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ для таковожъ исполненія, чрезъ полицію публиковать; а ежели кто пожелаетъ печатать, то бъ съ апробаціи Святѣйшаго Синода».

Въ 1744 году (Полн. Собр. Зак., № 9049) запрещено было печатать эстампы съ неискусно сдѣланными изображеніями святыхъ; въ 1745 году такіе листы дозволено печатать, неинаге какъ по разсмотрѣніи епархіальнымъ архіереемъ гравированныхъ досокъ (№ 9157); въ 1750 г. запрещено ввозить въ Россію фарфоровыя произведенія съ изображеніемъ страстей Господнихъ и угодниковъ (№ 9803).

На основаніи указа объ устройствѣ училищъ, 26 января 1803 года (Полн. Собр. Зак. 20,597), § 30: «цензура всѣхъ печатаемыхъ въ губерніи книгъ имѣетъ принадлежать единственно университетамъ, коль скоро они въ округахъ учреждены будутъ». Но вскорѣ послѣ того изданъ цензурный уставъ 9 іюля 1804 года, въ которомъ постановлено, что: «§ 3. Ни одна книга или сочиненіе не должно быть напечатано въ Имперіи Россійской ни пущено въ продажу, не бывъ прежде разсмотрено цензурою. § 25... запрещаются эстампы или изображенія, клонящіяся къ явному соблазну и оскорбленію какого-либо лица. § 27. Книги-же и эстампы, выписываемые книгопродавцами изъ чужихъ краевъ, не разсматриваются цензурою; но каждый цензурный комитетъ, тор-

гующихъ въ округѣ, университету подвѣдомомъ, иностранными книгами, обязываетъ подписками, дабы они не продавали книгъ и эстамповъ, противныхъ предписаніямъ цензурнаго устава... и въ извѣстныя времена года доставляли каталоги продающимся у нихъ книгамъ и эстампамъ».

Въ цензурномъ уставѣ 10-го іюня 1826 года, относительно картинокъ, содержатся слѣдующія наставленія: § 183. «При разсматриваніи всякаго рода изображеній, представляемыхъ къ одобрѣнію для гравированія или литографированія, наблюдается: 1) Чтобы оныя имѣли нравственную, полѣзную, или по крайней мѣрѣ, безвредную цѣль; 2) чтобы небыли оскорбительны Правительству, народной части, какому-либо сословію вообще, или лицу въ особенности; 3) чтобы портреты лицъ Августѣйшей Фамиліи имѣли художественное достоинство, приличествующее изображенію особъ Высочайшаго Дома, и желательное въ сихъ случаяхъ сходство [291]). § 184. Для отвращенія всякаго могущаго послѣдовать по сему недоумѣнія, предоставляется главному цензурному комитету, въ нужныхъ случаяхъ, обращаться къ Академіи художествъ и просить о сообщеніи ея мнѣнія. § 185. Каррикатурныя изображенія, представляющія въ смѣшномъ видѣ пороки людей, если онѣ только не касаются личности, не подлежатъ никакому запрещенію».

На основаніи этаго устава вѣдѣнію цензуры подлежали: . . . прописи, рисунки, чертежи, картины, портреты. Въ 106 § сказано, что преднолагаемыя къ гравированію или литографированію изображенія святыхъ угодниковъ и вообще священныхъ предметовъ подлежатъ разсмотрѣнію духовной цензуры. Кромѣ цензурнаго одобренія, Высочайшимъ Повелѣніемъ, объявленнымъ въ мартѣ 1831 г., вмѣнено въ обязанность цензурнымъ комитетамъ:

---

[291]) Это впрочемъ относилось только до доморощенныхъ произведеній; заграничныя же произведенія дозволено было пропускать: «хотя бы онѣ и неимѣли совершеннаго сходства и изящества въ отдѣлкѣ» (Высочайш. пов., объявленное въ отношеніи Министра Двора къ Министру народнаго просвѣщенія отъ 13 сентября 1856 года).

«когда бы представлены были кѣмъ на разсмотрѣніе цензуры книга или художественное произведеніе, клонящееся къ *распространенію безбожія,* или обнаруживающее въ сочинителѣ или художникѣ нарушителя обязанностей вѣрноподданнаго, и показывающее *духъ неблагонамѣреннаго*, сообщать о семъ не гласнымъ образомъ, въ III-е отдѣленіе, съ тѣмъ, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, какъ писалъ Гр. Орловъ, оно или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ наблюденіе. Объ этомъ повелѣніи было подтверждено Министромъ народнаго просвѣщенія въ 1848 г.» (А. Забѣлинъ, Сборникъ, 227).

2 апрѣля 1848 года былъ составленъ камитетъ, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина (Члена Госуд. Совѣта), изъ членовъ: Кн. Меньшикова, Анненкова и Барона Корфа; этому комитету предписывалось: разсмотрѣть все то, что уже пропущено цензурою. Комитетъ этотъ былъ направленъ противъ Гр. Уварова. Здѣсь Бутурлинъ возбудилъ въ первый разъ вопросъ о лубочныхъ картинкахъ и о произведеніяхъ печати, идущихъ въ народъ, — вслѣдствіе чего была учреждена по этому предмету особая комиссія, окончившаяся слѣдующимъ представленіемъ Министра народнаго просвѣщенія, и мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, которыя выписываются здѣсь вполнѣ, какъ относящіяся прямо до однѣхъ народныхъ картинокъ и послужившія къ совершенному уничтоженію этой отрасли древняго народнаго балагурства.

«*Представленіе бывшаго министра народнаго просвѣщенія князя Ширинскаго-Шихматова, 23-го мая 1850 года за № 866, о цензурѣ лубочныхъ картинъ.* Листки, извѣстные въ нашей промышленности подъ названіемъ *лубочныхъ картинъ,* являются обыкновенно безъ соблюденія цензурныхъ правилъ, установленныхъ для произведеній искусствъ, какъ то: эстамповъ, рисунковъ и проч. Доселѣ нѣтъ никакихъ постановленій о цензурованіи собственно этихъ низшихъ произведеній художества и литературы; почему они и поступаютъ въ продажу безъ всякаго просмотра и надзора. — Въ тѣхъ же самыхъ видахъ, для которыхъ

вообще установлена цензура, необходимо подвергать содержаніе лубочныхъ картинъ предварительному разсмотрѣнію, которое могло бы быть возложено на мѣстныя полицейскія начальства, по примѣру афишъ и мелкихъ объявленій.

«Сіи соображенія были представлены покойнымъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Бутурлинымъ Его Императорскому Величеству, и, вслѣдствіе Высочайшей резолюціи, онъ увѣдомилъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Уварова, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ предоставить министру народнаго просвѣщенія снестись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и потомъ войти съ подробнѣйшимъ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ.

«На сдѣланное къ министру внутреннихъ дѣлъ отношеніе онъ отвѣчалъ, что, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ о необходимости подвергать лубочныя картины предварительному просмотру, онъ находитъ, что такой просмотръ безъ неудобства можетъ быть возложенъ на мѣстныя полицейскія начальства, по примѣру афишъ и мелкихъ объявленій.—Для того графъ Перовскій предполагалъ существующія правила цензированія афишъ и мелкихъ объявленій распространить и на лубочныя картины; но къ сему присовокупилъ, что, по содержанію своему, онѣ нерѣдко касаются предметовъ духовныхъ, подлежащихъ, на основаніи свод. зак. т. XIV уст. о пред. и пресѣч. преступл. ст. 147 и 176, особой духовной цензурѣ.

«Посему въ проектѣ измѣненнаго устава о цензурѣ, внесенномъ въ Государственный Совѣтъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, послѣ пункта *м*, § 23 устава о цензурѣ (свод. зак. тома XIV уст. о пред. и пресѣч. преступленій, прил. къ ст. 147), въ которомъ узаконено: «разсмотрѣніе всякаго рода «афишъ и мелкихъ объявленій возлагается на мѣстные полицей-«скія начальства, подъ главнымъ надзоромъ министерства внут-«реннихъ дѣлъ», предполагалось постановить слѣдующее:

«Сему же правилу подлежатъ всѣ вообще лубочныя картины, «съ такимъ притомъ ограниченіемъ, что если онѣ касаются пред-

«метовъ духовныхъ, въ такомъ случаѣ мѣстныя полицейскія на-«чальства передаютъ ихъ на разсмотрѣніе духовной цензуры или «епархіальныхъ вѣдомствъ и руководствуются ихъ заключеніемъ».

«Такъ какъ Государственный Совѣтъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ своимъ призналъ изданіе измѣненнаго устава о цензурѣ ненужнымъ: то, въ исполненіе объявленнаго покойнымъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Бутурлинымъ Высочайшаго повелѣнія, имѣю честь представить Совѣту о постановленіи выше изложеннаго правила на счетъ цензуры лубочныхъ картинъ».

«*Списокъ съ заключенія изъ журнала департамента законовъ 25-го мая 1850 года, по представленію о цензурѣ лубочныхъ картинъ.* Департаментъ законовъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, находитъ, что въ немъ предполагается изданіе закона совершенно новаго и требующаго внимательнаго соображенія о средствахъ и порядкѣ его исполненія. Повсемѣстное употребленіе, такъ назывемыхъ, лубочныхъ картинъ, коихъ продажа по городамъ и деревнямъ составляетъ особый родъ промышленности, глубоко вкоренилось въ нравы русскаго народа; значительная часть сихъ картинъ, касаясь предметовъ духовнаго содержанія, заключаетъ въ себѣ разныя толкованія, которыя, если картины писаны людьми, принадлежащими къ раскольническимъ сектамъ, могутъ имѣть иногда и вредное вліяніе, въ особенности на необразованныхъ сельскихъ обывателей. При установленіи цензурнаго надзора за лубочными картинами, нужно опредѣлить съ точностію не только обязанности полицейскихъ мѣстъ, но и степень участія, какое должно быть предоставлено духовному начальству безъ излишняго затрудненія онаго въ разсмотрѣніи означенныхъ картинъ. Можетъ быть, представится полезнымъ издать по сему предмету и особыя правила, которыя, по мнѣнію департамента, могли бы съ большею удобностію быть составлены во II-мъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами. Посему департаментъ законовъ *полагаетъ*: испросить Высочайшее соизволеніе

на передачу настоящаго дѣла главно-управляющему II-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, для внесенія онаго, съ его заключеніемъ, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, въ установленномъ порядкѣ».

«Записка главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи графа Блудова, 2 января 1851 г. № 5, о цензурѣ лубочныхъ картинъ.

1-е. — Предметъ и ходъ дѣла. По всеподданнѣйшему докладу дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина о необходимости подвергать содержаніе такъ называемыхъ лубочныхъ картинъ, выходившихъ доселѣ, по мнѣнію его, безъ всякаго присмотра и надзора, предварительному цензурному разсмотрѣнію, по тѣмъ же видамъ, по коимъ вообще установлена цензура и о порученіи оной мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ, по примѣру афишъ и мелкихъ объявленій, — Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить министру народнаго просвѣщенія, по предварительномъ сношеніи о томъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, войти съ подробнымъ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ, соглашаясь съ мнѣніемъ о необходимости просмотра лубочныхъ картинъ и находя, что такой просмотръ можетъ безъ неудобства быть возложенъ на мѣстныя полицейскія начальства, замѣтилъ однакожъ, что сіи картины касаются не рѣдко предметовъ духовныхъ, подлежащихъ, на основаніи ст. 176 прилож. къ ст. 147 т. XIV уст. о пред. и пресѣч. прест., особой духовной цензурѣ.

«Вслѣдствіе сего въ проектѣ измѣненнаго устава о цензурѣ, который былъ внесенъ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Уваровымъ въ Государственный Совѣтъ, послѣ пункта *м*, § 23-го устава о цензурѣ, предоставляющаго разсмотрѣніе всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій мѣстнымъ полицейскимъ начальствомъ подъ главнымъ надзоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ, полагалось постановить: «что сему «же правилу подлежать всѣ такъ называемыя лубочныя картины

«вообще, съ такимъ, однакожъ, ограниченіемъ, что если онѣ ка-«саются предметовъ духовныхъ, то мѣстныя полицейскія началь-«ства передаютъ ихъ на разсмотрѣніе духовной цензуры или «епархіальныхъ вѣдомствъ и руководствуются ихъ заключеніемъ», но какъ изданіе измѣненнаго устава о цензурѣ признано ненужнымъ, то министръ народнаго просвѣщенія представилъ Государственному Совѣту о постановленіи вышеизложеннаго правила отдѣльно.

«Государственный Совѣтъ, по уваженію особаго свойства и обстоятельствъ сего дѣла и полагая, что можетъ быть представится полезнымъ издать по сему предмету и особыя правила, которыя могли бы быть съ большею удобностью составлены въ II-мъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, по соглашеніи съ подлежащими вѣдомствами, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія заключеніемъ, положилъ: передать настоящее дѣло статсъ-секретарю графу Блудову, для внесенія онаго съ его заключеніемъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта въ установленномъ порядкѣ.

2-е.—Свѣдѣнія о происхожденіи, содержаніи и производствѣ такъ называемыхъ лубочныхъ картинъ. Названіе лубочныхъ картинъ объясняется различно. Оно производится отъ *луба*, на которомъ писывали и вырѣзывали выпукло, отъ *лубковъ*, на которыхъ онѣ разносятся, и отъ улицы *Лубянки*, въ Москвѣ, близь коей находится мѣсто именуемое *Печатники*, гдѣ нѣкогда рѣзались на лубахъ и отпечатывались картины, жившими тамъ печатниками съ казеннаго двора. Сіи картинки называются также и *Суздальскими* по разносчикамъ ихъ, бóльшею частію Суздальцамъ, и по самому образу ихъ начертанія; въ Сибири ихъ знаютъ подъ именемъ *панковъ*; въ Осташковѣ подъ названіемъ *богатырей*.

«Содержаніе ихъ есть иногда религіозное, иногда нравоучительное, иногда историческое и наконецъ нерѣдко аллегорическое или иносказательное. Попадались между ними картинки и листы,

которые уже подвергались запрещенію, въ маломъ однакожъ числѣ [292]), съ другой стороны иногда и довольно часто правительство употребляло ихъ какъ способъ для обнародованія полезныхъ свѣдѣній и мнѣній, даже для внушенія мужества къ защитѣ отечества [293]).

«Нынѣ тожъ названіе картинокъ лубочныхъ придается всѣмъ грубой работы эстампамъ, хотя они гравируются уже, по крайней мѣрѣ большею частію, на латунной мѣди.

«Средоточіемъ производства и продажи сихъ простонародныхъ листковъ и тетрадокъ, была всегда Москва и ея окрестности. Въ 1845 году въ ней находились фабрики лубочныхъ картинокъ: Логинова, Стрѣльцова, Щурова, Чижова, Флорова, для которыхъ гравировали и раскрашивали сіи листки почти всегда серебрянники въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ [294]).

«Лубочныя картинки дѣлаются также и въ Новѣгородѣ, и въ Владимірской губерніи, верстъ за сто отъ Владиміра, наконецъ и въ Кіевѣ» [295]).

3-е.—Постановленія правительства. Нельзя сказать, чтобы сія отросль народной художественной, хотя и весьма грубой, дѣятельности оставалась донынѣ безъ всякаго надзора. Въ особенности лубочныя картинки, относящіяся къ предметамъ религіознымъ, давно уже обращали на себя надлежащее вниманіе и наблюденіе. Еще въ 1681 году въ Соборномъ постановленіи по

---

292) См. въ указѣ 1760 г., ноября 6 (11140) предписаніе объ отобраніи «печатныхъ листовъ и досокъ, коими печатаются изображенія новоявленнаго «Чудотворца Дмитрія Митрополита Ростовскаго съ его чудесами... и прочихъ «святыхъ угодниковъ листы, весьма неискусной работы».

293) Къ числу такихъ принадлежатъ картинки, изображающія споры рябыхъ съ привившими себѣ оспу, и многія, изданныя во время отечественной войны 1812 года.

294) Сіи свѣдѣнія собраны статсъ-секретаремъ графомъ Блудовымъ отъ разныхъ занимающихся нашими народными древностями и вообще стариною русскою лицъ; иныя заимствованы изъ статьи профессора московскаго университета Снегирева о лубочныхъ картинкахъ русскаго народа, напечатанной въ Историческомъ и статистическомъ сборникѣ, который изданъ въ Москвѣ въ 1845 году.

295) Ихъ дѣлали также и въ губерніи Черниговской.

предложеніямъ Царя объ учрежденіи новыхъ эпархій . . . . о воспрещеніи . . . . продавать разныя выписки изъ книгъ Божественнаго Писанія и пр. между прочимъ въ предложеніи 14-мъ сказано: что «въ Москвѣ всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетра-«дѣхъ и на листахъ и въ столбцахъ выписки, именуя изъ книгъ «Божественнаго Писанія, и продаютъ у Спаскихъ воротъ, и въ «иныхъ мѣстахъ, и въ тѣхъ письмахъ на преданныя святѣй «церкви книги является многая ложь; а простолюдины, не вѣдая «истиннаго писанія, пріемлютъ себѣ за истину и въ томъ согрѣ-«шаютъ, паче же выростаетъ изъ того на святую церковь про-«тивленіе: и чтобы Святѣйшій Іоакимъ, Патріархъ Московскій и «всея Россіи изволилъ того приказать остерегать и свидѣтель-«ствовать съ печатнаго Двора». А въ отвѣтѣ на сіе предложеніе объяснено: «По сему предложенію указалъ бы Великій Государь «приставить особаго человѣка, а онъ Святѣйшій Патріархъ осо-«баго человѣка изъ духовныхъ изберетъ же, чтобъ они вкупѣ «того постерегали: и которые объявятся съ такими лживыми «писмами и тѣхъ имая приводить въ его Патріаршъ Приказъ и «чинити смиреніе, смотря по винѣ, и имати пени по разсмотрѣнію; «а для вспоможенія тѣмъ выборнымъ людемъ давать съ карау-«ловъ стрѣльцовъ, когда понадобится, на непослушниковъ» [296]); а потомъ въ 1721 году въ синодскомъ указѣ отъ 20 марта (3765) изъяснено, что: «Продаваемые въ Москвѣ на спасскомъ «мосту и въ другихъ мѣстахъ листы разныхъ изображеній, и «службы, и каноны, и молитвы, которыя сочинены и сочиняются «разныхъ чиновъ людьми, самовольно письменныя и печатаются, «кромѣ типографіи, неопредѣленными къ тому указомъ, но свое-«вольно дерзающими безъ свидѣтельства и позволенія; въ чемъ «отъ противныхъ церкви святой есть и не безъ порицанія, описавъ «всѣ, обрать въ приказъ церковныхъ дѣлъ и, запечатавъ, дер-«жать до указа, и тѣхъ людей, которые продаютъ, взявъ, и отъ «кого иные къ продажѣ получаютъ и кѣмъ сочинены и писаны и

---

296) См. Акты историческіе, изданные Археографическою коммисіею, Т. V.

«печатаны сыскавъ, о такой ихъ дерзости, и по какому указу то «они чинятъ, допросить съ очисткою и съ довольнымъ всѣхъ об«стоятельствъ показаніемъ, и изслѣдовать о томъ достовѣрно, и «то свидѣтельство съ допросными рѣчьми и съ вышеозначенною «описью, да изъ тѣхъ вышеобъявленныхъ листовъ и канововъ и «прочаго, въ помянутый приказъ взятаго, по одному отъ каждаго «сочиненія прислать въ правительствующій духовный синодъ не«отложно, пріобща обыкновенный тому реестръ, а выше упомя«нутымъ людямъ, которые сочинять и печатать, и письменные и «печатные продавать оные не дерзали, сказать Его Великаго «Государя указъ съ запискою, и съ рукоприложеніемъ, дабы они «впредь въ такія непозволительныя имъ дѣйства самовольствомъ «весьма не вступали, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и без«пощаднаго штрафованія». Указами же 1744 года октября 18 (9049) и 1761 г. ноября 6 (11140) повелѣно было доски печатаемыхъ въ Москвѣ изображеній Христа Спасителя, Богоматери и Святыхъ Угодниковъ представлять на апробацію епархіальнымъ архіереямъ.

«Обозрѣніе позднѣйшихъ, дѣйствующихъ нынѣ, законовъ доказываетъ также, что лубочныя картинки не могутъ почитаться изъятыми ни отъ духовной, ни отъ общей гражданской цензуры.

«Въ ст. 125-й устава пред. прест. положительно опредѣлено:

экземпляры эстамповъ неискусной работы, изображающіе Святыхъ и изданные безъ дозволенія установленныхъ мѣстъ духовной цензуры, и доски, коими они печатаны, отбирать чрезъ полицію и отсылать по принадлежности.

«Тамъ же въ ст. 139-й (прилож. къ ст. 147-й) постановлено:

что граверы могутъ предавать тисненію только одобренныя цензурою произведенія.

«По уложенію о наказаніяхъ по ст. 189:

кто будетъ съ умысломъ поколебать уваженіе къ святынѣ, гравировать или продавать гравированныя или рѣзныя въ соблазнительномъ видѣ иконы и другія изображенія предметовъ, относящихся къ вѣрѣ и богослуженію, под-

вергается наказанію какъ за богохуленіе, но если сіе учинено по неразумію или невѣжеству, то приговаривается къ заключенію въ тюрьмѣ или къ кратковременному аресту.

«А по статьѣ 1310:

за напечатаніе эстамповъ и рисунковъ безъ дозволенія цензуры, хотя бы сіи эстампы и рисунки и не заключали въ себѣ ничего противнаго законамъ, виновные въ томъ содержатели заведеній подвергаются денежному взысканію и закрытію заведенія.

4-е.—Соображенія и предположенія. Всѣ сіи постановленія очевидно относятся и къ лубочнымъ картинкамъ, хотя въ нихъ сіе названіе не встрѣчается. Трудно предполагать, чтобы занимающіеся нынѣ производствомъ ихъ рѣшились заказывать или гравировать доски безъ предварительнаго одобренія цензуры, и потому ежели встрѣчаются картинки безъ цензорской надписи, какъ сіе можно заключить изъ всеподданнѣйшаго доклада покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, то онѣ вѣроятно или принадлежатъ къ разряду старыхъ, до 1828 года, т. е. до обнародованія цензурнаго устава, или же выдѣланы гдѣ нибудь тайно, или хотя и не тайно, но, такъ сказать, домашнимъ трудомъ, по незнанію законнаго запрещенія. Въ подтвержденіе тому можно привести, что разносимыя здѣсь въ Петербургѣ и выставляемыя на продажу по улицамъ лубочныя картинки, въ самой большей части, имѣютъ цензорскія надписи и на нихъ выставлены имена издателей или гравировщиковъ; не имѣющія же такихъ надписей отличаются всегда сѣрою толстою бумагою и грубостію рисунка, которыя свидѣтельствуютъ, что онѣ печатаны давно или съ прежнихъ досокъ.

«Сіи свѣдѣнія, при недостаткѣ другихъ, доказывающихъ тому противное, кажется достаточно убѣждаютъ, что нѣтъ надобности издавать особый новый законъ о цензированіи лубочныхъ картинокъ и тѣмъ тревожитъ людей, промышляющихъ сими, безъ сомненія, весьма неискусными, но безвредными и, такъ сказать сроднившимися съ бытомъ простаго парода, произведеніями ис-

кусства, которое впрочемъ и безъ того уже подчиняется изданнымъ вообще о художественныхъ произведеніяхъ правиламъ. Средоточіе производства лубочныхъ картинъ, какъ сказано выше, есть Москва; представленіе рисунковъ въ тамошній комитетъ цензурный не можетъ быть затруднительно ни для фабрикантовъ, ни для частныхъ граверовъ. Столь же легко могутъ быть представляемы туда рисунки изъ села Измайлова и даже изъ Владимірской губерніи, а въ С.-Петербургскій цензурый комитетъ изъ Новгорода, въ Кіевскій изъ Кіева, что по всей вѣроятности уже исполняется на дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ возлагать сей разборъ на городскія полиціи на томъ же основаніи какъ афиши и мелкія объявленія неудобно, какъ потому, что разсмотрѣніе сихъ послѣднихъ предоставлено полиціи единственно для ускоренія выхода нужныхъ публикѣ свѣдѣній, а сіе не можетъ относиться къ лубочнымъ картинкамъ, такъ и потому, что искусство и въ лубочныхъ картинкахъ не остается неподвижнымъ, и нельзя означить предѣловъ, за которыми эстампъ входитъ или выходитъ изъ разряда лубочныхъ, наконецъ и потому, что полиція, болѣе чѣмъ цензурные комитеты или отдѣльные цензоры, будетъ встрѣчать затрудненіе, какъ различать изображенія или рѣчи подлежащія разсмотрѣнію духовной власти.

«Засимъ представляется еще вопросъ о лубочныхъ картинахъ, перепечатываемыхъ по старымъ подлинникамъ. На основаніи приведенныхъ выше законовъ сіи картины безъ сомненія должны бы также подлежать цензурѣ и по тѣмъ же правиламъ, какъ и печатаемыя по новымъ образцамъ, но съ другой стороны нельзя не принять въ соображеніе, что тѣ изъ нихъ, которыя, по содержанію своему, подлежали цензурѣ духовной, по долговременному ихъ обращенію, не могли не быть ей извѣстными и вѣроятно по безвредности ихъ ею терпимы, и обращеніе другихъ не духовнаго содержанія картинъ равнамѣрно, сколько извѣстно, не производило никакого вреднаго вліянія на народъ, и потому кажется безъ всякаго опасенія можно оставить въ настоящемъ положеніи печатаніе лубочныхъ картинъ съ старинныхъ образ-

цовъ, донынѣ обращавшихся безпрепятственно въ народѣ, подтвердивъ только кому слѣдуетъ, чтобы въ случаѣ появленія картинъ, хотя и старинныхъ, но явно къ всеобщему обращенію непозволительныхъ, было представляемо о уничтоженіи оныхъ, чрезъ начальниковъ губерній, министерству внутреннихъ дѣлъ.

«Потому статсъ-секретарь графъ Блудовъ полагалъ:

что вновь гравируемыя картинки, прежде выпуска ихъ въ свѣтъ, должны быть разсматриваемы въ цензурныхъ комитетахъ и чрезъ отдѣльныхъ цензоровъ на общемъ основаніи;

и что, не издавая новыхъ о семъ предметѣ правилъ, слѣдуетъ предписать только: что если между обращающимися уже въ народѣ лубочными картинками встрѣтятся, по содержанію своему, принадлежащія къ числу тѣхъ, о коихъ упоминается въ ст. 1311 уложенія о наказаніяхъ, то полиціи обязаны представить о томъ, чрезъ начальниковъ губерній, министерству внутреннихъ дѣлъ для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію».

«*Списокъ съ заключеній изъ журналовъ: департамента законовъ 15 января и общаго собранія 12 февраля 1851 года.* Департаментъ законовъ, соглашаясь съ заключеніемъ главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, *полагаетъ:* объяснить, что вновь гравируемыя картинки, прежде выпуска ихъ въ свѣтъ, должны быть разсматриваемы въ цензурныхъ комитетахъ и чрезъ отдѣльныхъ цензоровъ на общемъ основаніи, но не издавая новыхъ о семъ предметѣ правилъ, предписать сверхъ того, подлежащимъ начальствамъ, что если между обращающимися уже въ народѣ лубочными картинками встрѣтятся, по содержанію своему, принадлежащія къ числу тѣхъ, о которыхъ упоминается въ ст. 1311 улож. о наказ., то полиціи обязаны представить о томъ, чрезъ начальниковъ губерній, министерству внутреннихъ дѣлъ, для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію. Государственный Совѣтъ, въ

общемъ собраніи *положилъ:* заключеніе департамента законовъ утвердить».

Мнѣніе это было Высочайше утверждено 12 марта 1851 года, и указы къ исполненію его разосланы 12 апрѣля 1851 года [297]); въ Москвѣ оно было приведено въ исполненіе весьма оригинальнымъ и *сокращеннымъ* порядкомъ: по приказанію бывшаго въ то время Московскаго военнаго генералъ губернатора Графа Закревскаго, всѣ старинныя мѣдныя доски были отъ заводчи-

---

[297]) Около этого-же времени министромъ народнаго просвѣщенія (21 апрѣля 1850 года) было распубликовано подобное же распоряженіе: «Относительно цензурованія книгъ назначенныхъ для чтенія простаго народа, должны быть приняты въ руководство слѣдующія правила: 1) Разсматривая книги, назначаемыя для чтенія простого народа, цензоръ наблюдаетъ съ особенною строгостію, чтобы въ нихъ небыло не только никакого неблагопріятнаго, но даже и неосторожнаго прикосновенія къ православной церкви и установленіямъ ея, къ правительству и ко всѣмъ постановленнымъ отъ него властямъ и законамъ. Онъ не дозволяетъ также соблазнительныхъ разсказовъ и неблагопристойныхъ выраженій, допуская впрочемъ соотвѣтствующія обычаямъ и образу жизни читателей, хотя и грубыя, но невинныя шутки. 2) Цензоръ не долженъ дозволять описанія особенныхъ бѣдствій или нуждъ того состоянія, къ которому принадлежитъ многочисленный классъ читателей и, примѣняясь къ его понятіямъ, опредѣлять, какое впечатлѣніе будетъ на него сдѣлано не только господствующимъ въ сочиненіи мнѣніемъ или чувствомъ, но и каждою отдѣльною мыслію и, такъ сказать, каждымъ словомъ. 3) Охраняя семейственное согласіе, какъ залогъ общественнаго благополучія, цензоръ, ни подъ какимъ видомъ, не пропускаетъ ничего, чтобы могло ослабить въ мнѣніи простолюдиновъ уваженіе къ святости браковъ и повиновеніе къ власти родительской. 4) Сочиненія, въ которыхъ является сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ, или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простого народа». При такихъ неопредѣленныхъ требованіяхъ можно было конечно запретить всякое литературное и ученое произведеніе; такимъ образомъ о совершенно невинной статьѣ К. Аксакова: «Богатыри великаго князя Владиміра по русскимъ пѣснямъ» Л. В. Дубельтъ въ 1855 году далъ слѣдующій странный и *рѣшительный* отзывъ: «Рукопись безполезная, отчасти безсмысленная, а между тѣмъ общее ея направленіе состоитъ въ томъ, чтобъ выказать прелесть бывшей вольности». Мнѣніе о запрещеніи этой статьи поддерживали Муссинъ-Пушкинъ, Скрипицынъ, Митусовъ и Сербиновичъ; но противное имъ мнѣніе тогдашняго товарища министра народнаго просвѣщенія кн. П. А. Вяземскаго одержало верхъ и статья Аксакова было напечатана (Сухомлиновъ: Историческій вѣстникъ 1880, февраль, 248).

ковъ вытребованы, изрублены въ куски и возвращены имъ въ видѣ мѣднаго лома.

Въ заключеніе прилагаю: «Отношеніе Министра Внутр. Дѣлъ къ Московскому Генералъ-Губернатору отъ 5-го Іюля 1868 г. за № 1602, о цензированіи лубочныхъ картинъ», изъ котораго видно, какія возникли въ этой промышленности недоразумѣнія при исполненіи новыхъ цензурныхъ правилъ: «Въ 1865 г. Вашимъ Сіятельствомъ былъ возбужденъ вопросъ о порядкѣ выдачи цензурнаго дозволенія на печатаніе разнаго рода картинъ и въ особенности лубочныхъ, причемъ Вами были изложены соображенія, по которымъ подчиненіе означенныхъ изданій дѣйствію ст. 65-й Уст. Ценз., вы признавали крайне неудобнымъ и стѣснительнымъ для литографовъ, а потому полагали полезнымъ увеличить срокъ для дѣйствительнаго цензурнаго дозволенія картинъ до 5 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы втеченіи этого срока дозволено было печатать картины не въ опредѣленномъ въ выпускномъ билетѣ числѣ экземпляровъ, а по мѣрѣ заказовъ. Но бывшій Министръ Внутр. Дѣлъ, въ виду только что введенныхъ въ то время новыхъ правилъ о типографіяхъ и т. п. заведеніяхъ, не призналъ возможнымъ сдѣлать въ нихъ по настоящему предмету какія либо измѣненія. За тѣмъ старшій инспекторъ для надзора за типографіями и т. п. заведеніями въ Москвѣ, въ отчетѣ своемъ за 1866 г., подробно изложивъ производство примѣненія къ картинамъ годоваго срока для дѣйствительности цензурнаго дозволенія, вновь ходатайствовалъ о продолженіи этого срока. Вслѣдствіе сего, Управлявшій Министерствомъ Внутр. Дѣлъ, въ отношеніи къ Вашему Сіятельству, отъ 7-го Окт. 1867 г. за № 2728, между прочимъ, сообщилъ, что онъ, съ своей стороны, признавалъ бы возможнымъ предложить инспекторамъ для надзора за типографіями, литографіями и т. п. заведеніями въ Москвѣ, по совѣщанію съ содержателями литографій, составить соображенія о тѣхъ мѣрахъ, которыя, безъ нарушенія существующаго закона, могли бы быть допущены при разрѣшеніи къ печатанію дешевыхъ картинъ. На этомъ

основаніи старшій инспекторъ для надзора за типографіями и т. п. заведеніями въ Москвѣ, въ отчетѣ своемъ за 1867 г., объяснилъ, что содержатели Московскихъ типографій, кромѣ распространенія силы цензурнаго дозволенія для дешевыхъ картинъ на болѣе продолжительный срокъ, не видятъ никакихъ возможныхъ облегченій, а потому ходатайствуютъ, если уже нельзя продолжить годичный срокъ цензурнаго дозволенія, о разрѣшеніи: 1) въ случаѣ требованія на картину, срокъ одобренія которой уже истекъ, дозволить продолжать печатаніе по прежнему цензурному оригиналу, съ обязательствомъ отправлять въ тоже время картину въ комитетъ для новаго одобренія; 2) получая ежегодно новое одобрѣніе, выпускать картину по старому выпускному билету, не представляя ежегодно въ комитетъ узаконеннаго числа экземпляровъ одной и той-же картины, если при прежнемъ изданіи она не была отпечатана въ полномъ количествѣ экземпляровъ, обозначенномъ въ билетѣ, и 3) выставлять на картинѣ, вновь одобренной, послѣднее предшествующее цензурное дозволеніе, которое такимъ образомъ будетъ мѣняться чрезъ каждые два года.

«Сверхъ того въ главное управленіе по дѣламъ печати поступило нѣсколько прошеній потому же предмету отъ Московскихъ и Владимірскихъ литографовъ, занимающихся производствомъ лубочныхъ картинъ.

«Вслѣдствіе сего Совѣтъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, разсмотрѣвъ настоящее дѣло и имѣя въ виду, что лубочныя картины есть исконное историческое достояніе народа и потому не должны внушать опасеній, одинаковыхъ съ прочими произведеніями тисненія, пришелъ къ убѣжденію, что затруднять и цензурное управленіе и издателей примѣненіемъ къ этимъ картинамъ всѣхъ тѣхъ формальностей, которыя установлены закономъ относительно произведеній печати вообще, т. е. возобновлять цензурное дозволеніе при каждомъ новомъ тиражѣ вѣками уже печатающихся, напр. изображеній святыхъ, лицъ сказочныхъ и т. п., не представляется никакой необходимости. До

1865 г. Московскій цензурный комитетъ смотрѣлъ на дешевыя картины какъ на предметъ, имѣющій свое, ему одному присущее, значеніе и изъ такого къ сему предмету цензурнаго отношенія. сколько извѣстно, ни противузаконнаго, ни вреднаго, ни практически неудобнаго ничего не происходило. Настоящее же разъясненіе закона Московскимъ комитетомъ, въ смыслѣ примѣненія лубочнымъ картинамъ ст. 65 Уст. Ценз., поставившее ихъ въ условія одинаковыя съ книгами, при вновь учрежденномъ правильномъ надзорѣ за производствомъ тисненія, прямо вызвало заявленіе издателей этихъ картинъ, что при такихъ порядкахъ имъ приходится прекратить свое производство, потерпѣвъ конечное разореніе и лишивъ народъ сподручнаго ему матеріала въ области искуства. Сама Московская инспекція заведеній для печати отнеслась къ установленному въ Москвѣ порядку, для изданія народныхъ картинъ, какъ къ напрасному стѣсненію, настоятельно ходатайствуя объ облегченіи этого порядка.

«Въ виду вышеизложенныхъ соображеній, признавая необходимымъ допустить облегченіе въ порядкѣ цензированія лубочныхъ картинъ, посредствомъ установленія продолжительнѣйшаго срока дѣйствія цензурнаго для оныхъ дозволенія, и принимая во вниманіе, что въ законѣ уже существуетъ трехгодичный срокъ, установленный для изданій трехтомныхъ, и что хотя означенныя картины не соотвѣтствуютъ трехтомнымъ книгамъ, но также не могутъ быть сравнены, безъ крайняго стѣсненія для народнаго промысла, при особыхъ условіяхъ своего изданія и распространенія, — съ книгами однотомными, Совѣтъ главнаго управленія по дѣламъ печати полагалъ: примѣнить къ цензурному разрѣшенію изданія лубочныхъ картинъ въ трехгодичный срокъ, безъ разсмотрѣнія сего вопроса въ законодательномъ порядкѣ».

Затѣмъ, въ изданіи 1876 года, 118 статья Устава предупрежденія и пресѣченія преступленій изложена была въ слѣдующей редакціи: «Если между обращающимися уже въ народѣ лубочными картинками встрѣтятся, по содержанію своему, при-

надлежащія къ числу тѣхъ, о коихъ упоминается въ статьѣ 1026 Уложенія о Наказаніяхъ, то полиціи обязаны представить о томъ чрезъ Губернаторовъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію»: 1811. Іюня 25 § 84; 1828. Апр. 22 (1979) §§ 23, п. 12; 96; 1851. Марта 12 (25,023); 1858. Марта 17 (32,885).

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ.

Д. РОВИНСКАГО.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ *).

*) Римскія цифры означаютъ книги, арабскія же — страницы въ настоящемъ изданіи.

витъ ангеламъ, имена которыхъ встрѣчаются въ пяти книгахъ этого сочиненія (подробности о нихъ смотри въ Алфавитѣ подъ ихъ именами): Аза, Азаель, Азкеель, Азраилъ, Акибеель, Акразіель, Анане, Анастосимъ, Аразеаль, Армерсъ, Батраалъ, Вавилонъ, Варахіилъ, Воестамъ, Гавріилъ, Гадраніель, Допель, Егудіилъ, Ертаель, Ефінмъ, Жоміель, Заребе, Зингіель, Іоилъ, Кемуель, Макарій, Михаилъ, Петръ, Полутосъ, Потопилъ, Рамуель, Рафаилъ, Самаель, Самангелофъ, Саміаза, Самсареель, Сапсенной, Саракуяль, Селафіилъ, Сенной, Таміель, Турель, Уракабарамеель и Уріилъ.— Ангелами написаны иконы: Флорентійскаго Благовѣщенія: IV. 702; Спаса, въ Римѣ: IV. 708 (на заготовленной ев. Лукою доскѣ), и нѣсколько иконъ для препод. Алимпія: IV. 665; V. 192.

Ангисхатскій соборъ въ Грузіи, упом.: IV. 664.

Англичане; ихъ уважалъ даже генералъ Измайловъ: V. 276.

Англійская компанія комедіантовъ въ 1765 г.: II. 72; IV. 392. **Англійская** редакція Reali di Francia: IV. 143. — **Англійскіе** бродячіе актеры, упом.: IV. 315. **Англійскіе** повѣренные указывали въ 1812 г. французамъ русскія фабрики (жечь): V. 291. — **Англійскій** корреспондентъ хвалитъ русскую армію: V. 325. **Англійскій** мясникъ Бернаръ; его изобр.: II. 73; IV. 393. **Англійскій** парламентъ; въ немъ было предложено клеймить новобранцевъ: V. 159.— **Англійское** королевство въ Космографіи: IV. 466, 467; V. 65. См. Аглинское.

Англія въ сказкѣ о Бовѣ: IV. 143. Кулачные бои въ Англіи: IV. 305, 306; V. 222, 223.

Ангусей (переврано изъ Agostino), имя Бовы: I. 94, 96.

Андалузія, упомин.: V. 103.

Андреевская улица въ Кіевѣ: IV. 79.

Андреевскій монастырь на Аѳонѣ, упомин.: IV. 702.

Андреевскій монастырь въ Москвѣ; видъ его: II. 289.

Андреевъ, Алексѣй, мастеръ грыдоровальнаго художества, въ Московской Синодальной типографіи въ 1781 г.: IV. 632; его работы Донская Богородица: III. 498.

Андреевъ, Василій, граверъ-серебреникъ Московъ. Оружейной Палаты, ученикъ Аѳанасія Трухменскаго: I. г; IV. 502; V. 6, 338. Его работы: Листъ сошнаго письма: II. 356; Христосъ стоящій съ крестомъ: III. 438; Преизбранная Марія Дѣва: III. 447; Богоматерь съ Христомъ, играющимъ на гусляхъ: III. 448; Успеніе, погребеніе и взятіе на небо Богоматери: III. 470; Зерцало грѣшнаго: III. 120; Рамки для вписыванія молитвъ: III. 424, 425; еще 14 такихъ же рамокъ: III. 423; IV. 516; Ангелъ хранитель и Адамова голова, для синодика 1702 г.: III. 203; Распятіе съ чудесами: III. 361; Николай Чудотворецъ: IV. 767; Знаменіе Богоматери съ молитвой: III. 502. — Рисунокъ въ Московскомъ Музеѣ съ подписью Андреева: IV. 568, 754.

Андреевы, Ивашка и Макарка, придворные шуты XVII вѣка: V. 258.

Андрей Георгіевичъ Боголюбскій, князь; посланіе къ нему патріарха Филоѳея: IV. 648. Андрей уноситъ изъ Кіева во Владиміръ икону Владимірской Богородицы: IV. 706, 707; V. 193. Упом.: III. 490.

Андрей Каппадокійскій; его толкованіе на апокалипсисъ, упомин.: IV. 601.

Андрей Критскій, упом.: IV. 162.

Андрей Муромскій, князь, на Мамаевомъ побоищѣ: II. 33.

Андрей, Недопулъ Александра Ма-

Г.

Е.

Ж.

x) французский

З.

205,—о пьяницѣ, пропившемся на кружалѣ (I. 338); не поминай имени дьявола (III. 38; IV. 522); о томъ, какъ дьяволъ обличилъ священника: (III. 39; IV. 525); о грѣшной матери (III. 42; IV 526); о дѣвицѣ, умершей безъ покаянія (III. 43; IV. 527); о воинѣ, простившемъ убійцу своего брата (III. 46; IV. 627); о женѣ нѣмецкаго краля (III. 47; IV. 527); о покаяніи нѣкоего князя (III. 48; IV. 528); о двухъ юношахъ (III. 53; IV. 528), — оттуда же о запрещеніи пляски, музыки и игръ: IV. 218; о повѣсти объ упрямой женѣ: IV. 253; объ отрубленной рукѣ Римскаго папы: IV. 725.

Зерцало грѣшнаго: III. 112, 116, 117, 120, 190; IV. 522, 553; V. 18, 175, 176. Отдѣльный листъ въ синодикѣ подъ этимъ же названіемъ: III. 216.

Зерцало житейскаго обхожденія: I. 354. Зерцало истиннаго христіанина: III. 122.

Зерцало у царя греческаго Михаила, которое обвиняло виновныхъ: IV. 230.

Зефиръ, упомин. въ сказкѣ объ Адольфѣ Лапландійскомъ: I. 159: V. 126, 127.

Зеѳеоусъ, бѣсъ, упомин.: IV. 543; V. 206.

Зигейскій король, въ сказкѣ о Бабѣ Ягѣ: IV. 157.

Зизаніи, Стефанъ и Лаврентій, богословы: IV. 515.

Зимарово, село, гдѣ находится икона Боголюбской Богородицы: IV. 677.

Зимній дворецъ въ СПБ., гдѣ наход. въ церкви икона Филермской Богородицы: IV. 702.

Зимнія квартиры Наполеоновы, картинка 1812 года: II. 189; IV. 437.

Зимнянская Богородица, наход. въ Зимнянскомъ монастырѣ: IV. 383.

Зимцерла (заря), въ сказкѣ о Добрыни Никитичѣ: IV. 65.

Зина, прикащикъ, въ житіи Езопа: I. 280.

Зингіель, ангелъ: IV. 557.

Зинона, дама въ реестѣ невѣстъ: I. 365.

Зинонъ схимникъ, Кіево-печерскій преподобный: IV. 763.

Зипунъ, по турецки Ziboun (Рейфъ),—камзолъ, исподняя короткая одежда (Строевъ, Выходы; алфав., 29).

Златая цѣпь, о розгѣ: IV. 337, 338.

Златогривый конь, въ сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ: I. 138.

Златоструй, упом.: IV. 241, 252.

Златоустникъ, книга, упоминается: IV. 629.

Златоустъ, св.; см. Іоаннъ Златоустъ.

Злая жена, картинка: III. 165 (Далила съ Самсономъ).

Зло за зло братіе; картинка: III. 46.

Злыя жены; слово о нихъ св. Іоанна Златоустаго: III. 169, 170.

Змѣи живутъ въ царствѣ Вавилонскомъ: IV. 265.—Змѣй Горыничъ, сказка: IV. 160. Змѣй бьется съ Ильей Муромцемъ: IV. 5; съ Добрынею IV. 79· Змѣище Горынчище, любовникъ Маринки; притугаленикъ: IV. 80—онъ же Гришка Отрепьевъ.—Змѣй Казанскій, изгнанный оттуда волхвомъ: V. 70. — Змѣй о трехъ главахъ бьется съ Еруспаномъ: I. 66; даетъ ему камень со дна морскаго; такой же змѣй — любовникъ царевны мѣднаго царства: I. 184.—Змѣй шестиглавый: I. 10; любовникъ королевны Труды: I. 152; онъ же любовникъ царевны серебрянаго государства: I. 185.—Змѣй семиглавый, въ апокалипсисѣ: III. 258.—Змѣй восьмиглавый, съ которымъ Добрыня бьется изъ за Запавы Пу-

части свѣта: II. 285; Терновская Болгарская Митрополія: 314; Видъ Соловецкаго монастыря (грав. вмѣстѣ съ Ив. Зубовымъ): IV. 491; Притча о десяти дѣвахъ: III. 4; Шесть картинокъ — пѣсни пѣсней Соломона: III. 307; IV. 60; Распятіе: III. 350; еще распятіе: 352, и еще распятіе 391; Спаситель, умершій на колѣнахъ Богородицы: 372; Святцы: 379; Преображеніе 382; Сошествіе во адъ: 389; Символъ вѣры 412; Троица 429; Сошествіе св. Духа: IV. 379; Богородица Купятицкая: III. 513; Св. муч. Антипій, 1733 г.: III. 551; Димитрій Царевичъ: III. 594; Муч. Евстафій Плакида: III. 600; S. Ioannes Baptista, Marcus, Paulus Thibeicus, S. Hilarion: III. 620; Препод. Маронъ чудотв., съ другими святыми (1733 г.): III. 640; Прокопій Устюжскій, посвящ. Докучаеву: III.691; Христосъ съ агнцемъ на раменахъ, 1741 года, посвящ. Слотвинскому: III. 698; подносный листъ ему же: III. 699; Константинъ и Елена, поднес. Е. П. Строгановой въ 1740 г.: III. 702 и 635; Марія Магдалина—М. Н. Строгановой (1740 г.): III. 702; Великомученица Варвара — баронишѣ В. Ив. Строгановой (1739): III. 704 и 566; Алексѣй Митрополитъ (1738 г.), посвящ. А. М. Черкасскому: III. 706; Анна Пророчица, посвящ. А. Я. Шереметьевой: III. 706.—Упом. его гравюры: сватьба карлы Волкова: IV. 332; V. 274, и подносный портретъ Екатерины I (отъ Синода): V. 30. — Въ его манерѣ гравированы: Ангелъ останавливаетъ Валаама: III. 313; Тайная Вечеря: III. 340; смерть Авессалома: III. 386; Ангелъ хранитель: III. 544, и Праведный Іоакимъ: III. 613.— Зубовъ печатаетъ подносные листы на шелковыхъ матеріяхъ: V. 338.

Зубовъ, Иванъ (I Z), граверъ на мѣди, ученикъ Адріана Шхонебека: IV. 451, 749; V. 8—12, 17, 20, 30. Его работы—Петръ II: II. 230; Петръ I и Екатерина I, копіи съ Хубракена: V. 10, 158, 159; Два вида Троицкой Лавры (Московской): II. 295; видъ села Измайлова: IV. 484; видъ Соловецкаго монастыря (вмѣстѣ съ А. Зубовымъ): IV. 491; Синодикъ: III. 213; Воскресеніе, со страстями: III. 337; Распятіе: III. 351; Воскресеніе Христово: III. 390; Святитель Варсоноѳій, посвящен. Варсоноѳію, намѣстнику Печерской обители: III. 689; Іоаннъ Златоустъ, 1709 г.: III. 617; Препод. Левъ Катанскій: IV. 778; Препод. Ѳеофилактъ, посвящ. Ѳеофилакту Лопатинскому: III. 705.—Въ его манерѣ гравиров.: Іоаннъ Златоустъ: III. 692, и Благовѣщеніе: III. 708. Зубовы; въ ихъ манерѣ гравированы еще слѣдующіе листы: Гурій, Самонъ и Авивъ: III. 575; Іоаннъ Предтеча: 617; Апостолъ Матѳей: 689; Петръ Апостолъ: 692; Пятница Прасковея, посвящ. П. И. Строгановой: 703; Андрей Стратилатъ: 707; Воскресеніе Христово: 709.

Зубовъ, Ѳедоръ Евтихѣевъ, царскій иконописецъ Оружейной палаты, отецъ Алексѣя Зубова: IV. 379.

Зубржицкій, Никодимъ, граверъ на мѣди начала XVIII вѣка; его работы: планы Кіевскихъ пещеръ: IV. 486; Осада Почаевской Лавры: IV. 722.

Зурна или сурна, упомин.: V. 245, 246.

Зыгрѣя, одна изъ 7-ми лихорадокъ: IV. 657.

Зюзя, богатырь, въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ: IV. 57.

И.

Иванище, калика, упом.: IV. 39, 40.

Ивановскій, Алексѣй, карликъ: IV. 331.

Ивановскій монастырь въ Москвѣ, упом.: IV. 286; въ немъ была заклю-

К.

Л.

Ламехъ, братъ Каина, убиваетъ его: III. 254; IV. 599, 600.

Лангъ, Георгъ, граверъ изъ Нюренберга, издалъ картинку—судъ надъ Христомъ: IV. 616.

Ланде, французскій балетмейстеръ, восхищавшійся менуэтомъ Двора Елисаветы Петровны: IV. 220.

Ландрея, бѣднякъ, на Шемякиномъ судѣ: IV. 170.

Ландыотъ, рыцарь, побѣжденный Петромъ златые ключи: I. 117; V. 113.

Ланкре, французскій живописецъ; русскія копіи съ его сочиненій: V. 29.

Лаота, дочь Китайскаго царя, въ сказкѣ о Булатѣ молодцѣ: I. 166; V. 129, 130.

Лапинъ, Василій, граверъ на мѣди нынѣшняго столѣтія; его работы карикатуры 1812 года: № 429 Наполеонъ послѣ сраженія подъ Краснымъ, № 483 Терентьевна. Въ его же манерѣ гравированы: №№ 486 Кузминична, 501 Крестьянинъ Сила, 502 Павелъ Прохоровъ, 515 Торжественное шествіе Наполеона (хотя и не обозначены его подписью).

Лапландія упом. въ сказкѣ объ Адольфѣ Лапландійскомъ; I. 157; оттуда были вызваны астрологи для Ивана Грознаго: IV. 388. Лапландская земля: IV. 44.

Лапти. Лапти и бояре Лапотскіе при Иванѣ Грозномъ: V. 258. Указы Петра I о плетеніи лаптей: IV. 262—264. Петръ плелъ лапти; IV. 265, (хотя самъ носилъ сапоги: I. 395). Въ погребеніи кота лапти упоминаются много разъ: IV. 262—264; V. 158.

Ларецъ хрустальный, см. Святогоръ; ларцы китайскіе, нѣмецкіе, прорѣзные, серебряные, холмогорскіе упомин. въ росписи приданаго: IV. 244—247.

Ларивоновъ, записавшій въ Шепкурскѣ сказаніе о Куликовской битвѣ, упом.: IV. 382.

Лармессенъ, французскій граверъ, гравировалъ для Петра I. его баталіи: V. 10.

Ларя и Карпъ, дурацкія персоны: I. 429, 430; IV. 302.

Ласковая Богородица, икона: IV. 687.

Лассота (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Halle 1866), о Кіевскихъ угодникахъ и объ Ильѣ Муромцѣ: IV. 60, 126.

Ластинье = дрань.

Латеранская базилика упомин.: IV. 531.

Латинскіе голи, угощающіе Илью Муромца виномъ въ кабакѣ: IV. 34; латинскій конь у Ильи Муромца: IV. 30; латинскій король: IV. 34.

Латыгора, народъ: IV. 52.

Латыгорка или **Латымирка**, баба: IV. 51.

Латырь камень и **Латырь море**, упомин. въ былинахъ: IV. 26, 52.

Лаумедонтъ, царь Рима, поставленный Александромъ Македонскимъ: IV. 368.

Лафонтенъ; его басни упомин.: IV. 192.

Лахернская Богородица: IV. 687.

Лаче, озеро; см. Даніилъ заточникъ: IV. 569.

Лебедевъ, Филиппъ, граверъ черной манерой; его работы портретъ Дмитрія Ростовскаго: III. 715; IV. 779; V. 24.

Лебедь, птица, въ былинахъ: IV. 100 (см. Марья).

Лебедь, чарка всепьянѣйшаго собора: IV. 235.

Левенгауптъ; разговоръ его съ Краснощековымъ: IV. 47.

Левикъ, собака Петра I: IV. 290.

Левій, патріархъ, упомин.: IV. 607.

Левкасъ—составъ изъ мѣла и клею, которымъ намазывается деревянная доска (по тряпкѣ), приготовляемая

О.

П.

Р.

С.

Т.

Ф.

Х.

Ц.

Позорскій: 260; Проповѣдь къ ростовщику: III. 176; Повѣсть о дворянинѣ и мужикѣ: IV. 176, 177; О шутѣ и трактирщикѣ: IV. 188; Семь бабъ (въ его манерѣ): IV. 239; Медвѣдь и баба (№ 202 А): IV. 291; Коза съ медвѣдемъ (въ его манерѣ): IV. 308; Компанія нюхающихъ табакъ (№ 227 А): IV. 329; Компанія курящихъ (№ 227 Б): IV. 329; Одиннадцать листовъ разныхъ ѣздоковъ: IV. 334; Три картинки фокусниковъ: IV. 335; Два кружечка: IV. 352; Кавалеръ приготовляющійся танцовать: IV. 352; Разговоръ книжника съ мальчикомъ: IV. 353; Охота на кабана: IV. 361; Іоаннъ Власатый: IV. 788 (съ дѣяньемъ).

Чудеса, см. Богородица, Святые: Димитрій Ростовскій и т. д.

Чудинскій, Е. А.; его: Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки, М. 1864. 8°, 144 стр., упом.: IV. 192, 534.

Чудище могло произойти и отъ Чуди, народа враждебнаго Россіи (см. 14-е Присуж. Демид. нагр., стр. 82).

Чудовище водяное, любовникъ царевны Звѣзды: I. 129.

Чудовъ монастырь въ Москвѣ; на паперти его былъ написанъ Михаилъ Архангелъ, перенесенный въ народную картинку: III. 644; V. 15, 16, 212. Упом.: IV. 517. Тамъ же картина — мученіе апостоловъ: V. 17. Въ Чудовомъ монастырѣ погребенъ юродивый Архипычъ: V. 144.

Чудо морское и Чудо лѣсное, картинка 1739 г.: II. 56.

Чудо о совершеніи литургіи на китѣ (изъ Синодика): III. 215; IV. 587, 589.

Чудо чудное, диво дивное; сказка: I. 229.

Чудь и Чукчи, народы, враждебные Россіи: IV. 26, 52, 90.

Чулковъ; его: Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся чрезъ пересказыванія въ памяти приключенія. Москва 1780—1783. 16°. 10 частей; второе изданіе, М. 1820, 6 частей (въ немъ сказки иначе расположены и не всѣ напечатаны); упом.: IV. 50, 65, 71, 101, 157. Сказка о Добрынѣ Никитичѣ: IV. 107.

Чумака посвященіе въ цѣловальники, картинка: I. 330, 341; IV. 233—235.

Чурилка Сарначъ (или Зурначъ), мышь музыкантша, въ котовомъ погребеніи: IV. 261.

Чурило Пленковичъ, бабій потаскунъ и соблазнитель; исторія его съ Катериной прекрасной; на него зарится сама Апраксѣевна: IV. 55, 87, 97, 101, 131, 603; V. 41. Чурило по Сербски значитъ дѣтородный удъ: IV. 97. Родственныя ему имена въ былинахъ: Хотенъ Блудовичъ, Чесовая вдова, Чурилья Игуменья и самъ богатырь Потыкъ.

Чурилья игуменья, Чуриловской породы: IV. 98, 127; V. 266.

Чуркинъ, Яковъ, дворцовый поваръ: IV. 321, 322.

Чухлома, озеро: IV. 680.

Чухломская Богородица (Галицкая): IV. 703.

Чухломской рукосуй: V. 144.

Чухонка, вдова Маланья, въ котовомъ погребеніи: I. 397, 400; это Екатерина I: IV. 260; V. 156. Она же одѣтая Бабой Ягой: №№ 38—40.

Чухонскіе дровни, на которыхъ везутъ кота: I. 396.

Чухонскіе лапти, упоминаются въ котовомъ погребеніи.

Чѣмъ онъ побѣдилъ врага; картинка 1812 года: II. 159; Чѣмъ побѣдилъ его (тоже): II. 196; Чѣмъ побѣдилъ онъ врага (тоже): II. 196; IV. 424.

Чюрилка, въ котовомъ погребеніи; см. Чурилка.

Ш.

Ю.

Я.

Ѳ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

Заключеніе.

Алфавитный указатель именъ и предметовъ

